

У нас, что у других народов обратилось в привычку, в инстинкт, то **нам приходится вбивать в головы ударами молотка**. Наши воспоминания не идут далее вчерашнего дня; мы, так сказать, чужды сами себе... **У нас совершенно нет внутреннего развития, естественного прогресса**; каждая новая идея **бесследно вытесняет старые**, потому что она **не вытекает из них**, а является к нам бог весть откуда.

Чаадаев П.Я.

Правовой статус определяется подлежащими применению нормами действующего законодательства и фактическим положением, а не дискреционным решением.

Отсутствие доказательств реализации права является доказательством нарушенного права.

Усманов Р.Р.

В Конституционный Суд Российской Федерации
190000, г. Санкт-Петербург, Сенатская площадь, д. 1.

от жертвы организованного преступного сообщества
Усманова Рафаэля Раисовича
15.03.56 г. рождения, правозащитника,
зарегистрированного, но изгнанного с адреса:
603038, г. Н. Новгород, ул. Парашютистов, д. 124.
E-mail: usmanov.rafael.2015@mail.ru
Тел. 962 516 94 73

**Представитель лица, личный адвокат и личный представитель
обращающегося с жалобой:** Иванова Ирина Александровна
6, pl du Clauzel, app 3, 43000 Le Puy en Velay, France.
Тел + 33 4 71 09 61 77
E-mail: irina.merrypoppins444@gmail.com

**Органы, издавшие
обжалуемые акты:** Государственная Дума Федерального Собрания
Российской Федерации
103265, г. Москва, ул. Охотный ряд, д. 1.

Совет Федерации Федерального Собрания Российской
Федерации
103426, г. Москва, ул. Б. Дмитровка, д. 26

Президент Российской Федерации
Москва, Кремль.

**Обжалуемые норма-
тивные акты:** Уголовно-процессуальный кодекс РФ, Закон № 174-ФЗ
принят ГД 22.11.01 г., одобрен СФ 05.12.01 г. и подписан
Путиным В.В. 18.12.01 г., Москва, Кремль. Федеральные законы
№ 92-ФЗ принят ГД 21.06.03 г., одобрен СФ 26.06.03 г., подписан
Путиным В.В. 04.07.03 г. там же; № 87-ФЗ принят ГД 11.05.07 г.,
одобрен СФ 25.05.07 г., подписан Путиным В.В. 05.06.07 г. там
же; № 90-ФЗ принят ГД 18.05.07 г., одобрен СФ 25.05.07 г.,
подписан Путиным В.В. 06.06.07 г. там же; № 214-ФЗ принят ГД

06.07.07 г., одобрен СФ 11.07.07 г., подписан Путиным В.В. 24.07.07 г. там же; № 172-ФЗ принят ГД 07.07.10 г., одобрен СФ 14.07.10 г., подписан Медведевым Д.А. 23.07.10 г. там же; № 323-ФЗ принят ГД 17.11.10 г., одобрен СФ 24.11.10 г., подписан Медведевым Д.А. 29.11.10 г. там же; № 214-ФЗ принят ГД 19.02.13 г., одобрен СФ 20.02.13 г., подписан Путиным В.В. 04.03.13 г. там же; № 317-ФЗ принят ГД 15.11.13 г., одобрен СФ 20.11.13 г., подписан Путиным В.В. 25.11.13 г. там же, № 423-ФЗ принят ГД 17.12.13 г., одобрен СФ 25.12.13 г., подписан Путиным В.В. 28.12.13 г. там же.

Федеральные законы № 174-ФЗ, № 92-ФЗ, № 87-ФЗ, № 90-ФЗ, № 214-ФЗ, № 172-ФЗ, № 323-ФЗ, № 23-ФЗ, № 317-ФЗ, № 423-ФЗ опубликованы в «Российской газете» Федеральные выпуски № 2861 от 22.12.01 г.; № 3249 от 10.07.03 г., № 4385 от 08.06.07 г., № 4386 от 09.06.07 г., № 4428 от 01.08.07 г., № 5243 от 27.07.10 г., № 5353 от 03.12.10 г., № 6024 от 06.03.13 г., № 6243 от 27.11.13 г., № 6271 от 30.12.13 г. соответственно.

Федеральный закон № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» принят ГД 05.04.01 г., одобрен СФ 16.05.01 г. и подписан Путиным В.В. 31.05.01 г., Москва, Кремль. Федеральный закон № 317-ФЗ принят ГД 13.11.13 г., одобрен СФ 20.11.13 г., подписан Путиным В.В. 25.11.13 там же.

Федеральные законы № 73-ФЗ, № 317-ФЗ опубликованы в «РГ» – Федеральные выпуски № 2718 05.06.2001 г., № 6243 27.11.13 г. соответственно.

Обращаюсь в Конституционный Суд на основании ч. 4 ст. 125 Конституции РФ, ст. ст. 96, 97 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ».

Жалоба № 2890-3.

ОПРЕДЕЛЕНИЯ.

Всеобщая декларация прав человека – далее Всеобщая декларация.

Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью – далее Декларация.

Основные принципы и руководящие положения, касающиеся права на правовую защиту и возмещение ущерба для жертв грубых нарушений международных норм в области прав человека и серьезных нарушений международного гуманитарного права – далее Принципы о компенсации.

Международный пакт о гражданских и политических правах – далее Пакт.

Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах – Пакт об экономических правах.

Декларация о праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы – далее Декларация о праве.

Принципы защиты психически больных лиц и улучшение психиатрической помощи - далее Принципы.

Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению **в какой бы то ни было форме** – далее Свод Принципов.

Основные принципы, касающиеся роли юристов, принятые ООН – далее Принципы Юристов.

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод – далее Конвенция.

Рекомендации Rec(2004)10 Совета Европы относительно защиты прав человека и достоинства лиц с психическими расстройствами, принятой 22.09.04 г. – далее Рекомендации.

Хартия Европейского Союза об **основных правах** — далее Хартия.

А. В соответствии со статьями 3, 36, 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" Конституционный Суд Российской Федерации принимает к рассмотрению жалобы граждан и объединений граждан на нарушение конституционных прав и свобод законом, примененным в конкретном деле, рассмотрение которого завершено в суде, **если** придет к выводу, что **оспариваемые законоположения затрагивают конституционные права и свободы граждан** и что имеется неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли они Конституции Российской Федерации; Конституционный Суд Российской Федерации принимает постановление только по предмету, указанному в жалобе, и лишь в отношении той части оспариваемых законоположений, которые были применены в деле заявителя, оценивая как буквальный смысл рассматриваемых законоположений, так и смысл, **придаваемый им официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой**, а также **исходя из их места в системе правовых норм** (абзац 1 п. 1.4 мот. части Постановления КС № 25-П от 21.10.14 г.).

Но так как конституционный якобы суд выступает **пособником нарушения** конституционных прав Жертв, поэтому он в упор и не видит их нарушений, что доказывают 99,99999... % его решений, поскольку он **регулярно** приходит к выводу о том, что оспариваемые законоположения **не могут** нарушать конституционные права и свободы граждан, так как смысл их такой-то. И **для достижения преступной цели** нарушения конституционных прав и свобод граждан конституционный якобы суд, злоупотребляя правом (ч. 4 ст. 1, ч. 1 ст. 10 ГК РФ) и должностными полномочиями (ч. 3 ст. 285 УК РФ) **упорно не понимает**, что оспариваемые законоположения **в том смысле**, который **раскрывает он сам**, «правоприменителями» **не** применен и конституционные права и свободы Жертв – нарушены. То есть криминальный конституционный суд РФ, как правило, не рассматривает оспариваемые законоположения исходя из смысла, придаваемого им **официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой**, а также **исходя из их места в системе правовых норм**.

А.1 Также следует напомнить, что «в случае, если акт, конституционность которого оспаривается, был отменен или утратил силу к началу или в период рассмотрения дела, начатое Конституционным Судом РФ производство может быть прекращено, **за исключением случаев, когда действием этого акта были нарушены конституционные права и свободы**» (абзац 1 п. 1.3 мот. части Постановления КС № 8-П от 25.03.14 г.).

Это утверждение конституционный якобы суд также **забыл** в связи с принятием КАС РФ и по-прежнему рассказывает сказки о том, **как должно быть, но чего нет на самом деле**. То есть конституционный якобы суд РФ **искажает и извращает реальность** путем паралогического её истолкования и **регулярно** приходит к паранойальному выводу о том, что обращающимся к нему Жертвам в этом суде делать нечего, то есть регулярно лишает Жертв **фундаментального** права на обращение в суд, созданный на основании закона (п. 1 ст. 14 Пакта, п. 1 ст. 6 Конвенции, ч. 1 ст. 47 Конституции РФ), нагло **оскорбляя** Жертв **смыслом** своего **Бреда**.

А.1.1 В § 26 Постановления от 02.02.16 г. по делу «Венгерская ассоциация провайдеров интернет-контента и компания Index.hu Zr против Венгрии» ЕСПЧ привел ч. 2 ст. 78 Закона IV от 1959 года "О гражданском кодексе" в редакции, действовавшей в рассматриваемое время, которая предусматривает: «**Диффамацией признается, в**

частности, оглашение или распространение порочащих или недостоверных сведений о другом лице, а равно искажение последствий, вытекающих из достоверных сведений о другом лице...». Конституционный якобы суд РФ систематически искажает **смысл** последствий для Жертв, обратившихся в этот Вертеп. Он не говорит Жертвам, что они Тупые, он им это **регулярно вдальбливает** в голову **паранойальным смыслом** своих утверждений и показывает **всем как надо публично клеветать**. А это значит, что в конституционном якобы суде нет ни одного судьи, который бы не совершил преступления. То есть **в конституционном якобы суде РФ сидят Одни Уголовники**.

А.2 Основанием моего обращения в Конституционный Суд является **полная** неопределенность в решении вопросов о правоспособности Жертв, в отношении которых и по отношению к которым осуществляются экспертизы и освидетельствования, составляются акты и заключения, которые затем **должны** исследоваться и оцениваться в суде, но там они не исследуются и не оцениваются, поскольку **не отвечают требованиям ст. 25** Закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ». Неопределенность выражается в том, что для криминальной российской власти **не существует** таких понятий, как «должен» и «обязан» и представители **этой** власти творят всё, что придет в их **больные** головы, в связи с чем законы превращены в декларации, реализации которых **невозможно** добиться на практике. А поскольку во власть набирают лиц по принципу преданности в осуществлении криминальной мотивации, а не наличию образования, позволяющего **эффективно** решать имеющиеся вопросы и при этом **Уголовников полностью освобождают от ответственности за совершаемые преступления** посредством и конституционного якобы суда, который рассказывает сказки о том, как должно быть, а не есть на самом деле, поэтому Россия живет в иллюзиях о том, как быть должно, но что на практике нереализуемо. То есть существует две реальности, никак не пересекающиеся, поскольку якобы судьи конституционного якобы суда настолько **коррупционированы**, что в упор **не видят и не понимают**, что творится на практике, призывают поступать правильно и при этом плевать хотели на то, как будут исполняться их же решения, в связи с чем решения Конституционного Суда в России не действуют и не исполняются, Россия погрузилась в Хаос и Беззаконие. Именно за Хаос и Беззаконие криминальный режим якобы судьям конституционного якобы суда за счет **обворованных** Жертв обеспечил **щедрое и роскошное житье**, чтоб они в свою очередь выполняли функцию Сирен, рассказываемыми сказками усыпляли Жертв и штамповали практически никому не нужный и абсолютно бесполезный Хлам. То есть миллиарды рублей из бюджета тратятся на то, чтоб Паразиты из конституционного якобы суда сытно ели и сладко спали и **уничтожали законность**, создавая условия для безответственности путем необязательности исполнения их решений. Так как добиться на практике исполнения даже очень хороших решений и доводов Конституционного Суда РФ – невозможно, поэтому **с якобы судей этого якобы суда должны быть взысканы все те средства, которые на этих якобы судей и этот якобы суд были затрачены**, так как **за причиняемый вред платить никому не должны**.

Полной определенностью является **только** то, что Палачи и Изверги из конституционного и еще из верховного якобы судов **реально сделали** из России территорию, где делом являются разговоры о деле и справедливости, но нет ни положительных дел, ни справедливости, так как Палачи и Изверги в мантиях испытывают ненависть и к законности, и к правопорядку, согласно которых их **первыми** и необходимо отправить на нары за насильственный захват власти и насильственное удержание её (ст. 278 УК РФ), диверсии (ст. 281 УК РФ), возбуждение ненависти и вражды с унижением человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ) в составе организованного преступного сообщества (ч. 3 ст. 33, ч.ч. 3, 4 ст. 210 УК РФ). А в преступлениях против государственной власти, интересов государственной службы и службы местного самоуправления (глава 30 УК РФ) и в преступлениях против правосудия (глава 31 УК РФ) якобы судьи конституционного и верховного якобы судов принимают участие если и не прямо (ч. 2 ст. 25 УК РФ), то косвенно (ч. 3 ст. 25 УК РФ) – это точно!

А.3 Важным является и то, как конституционный якобы суд сам истребует документы, когда имеется возможность растоптать Жертву. Когда же этой возможности нет, то он отказывает в рассмотрении обращения по основаниям непредоставления чего-либо. Когда же Жертва предоставляет все необходимое, то, по шизофреническому мнению конституционного якобы суда, он не вправе давать оценку документам,

поскольку эту оценку должны давать вышестоящие суды. То есть Изверги из конституционного якобы суда напридумывали себе столько стандартов, что амбивалентность и шизофрения здесь отдыхают.

Так, в абзаце 2 п. 7 мот. части Определения № 145-О от 20.04.01 г. Конституционный Суд РФ разъяснил: **«Кроме того, согласно сложившейся правоприменительной практике отсутствие у лица, обратившегося в Конституционный Суд Российской Федерации, возможности - в силу не зависящих от него причин - представить указанные в статьях 38 и 96 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" копии документов само по себе не является препятствием к рассмотрению его обращения в Конституционном Суде Российской Федерации. При условии соблюдения заявителем иных требований, установленных законом, недостающие документы могут быть истребованы самим Конституционным Судом Российской Федерации и его Секретариатом».**

Согласно абзаца 2 п. 2 мот. части Определения № 917-О от 12.05.16 г.: «Как видно из **дополнительно полученных Конституционным Судом Российской Федерации материалов**, кассационная жалоба Л.В.Гайдуковой ... была рассмотрена судьей Верховного Суда Российской Федерации».

Определений, в которых Жертвам отказывалось в рассмотрении их обращений по причине, что они не представили необходимых, по мнению конституционного якобы суда, документов, более чем достаточно.

А.4 В § 49 Постановления от 02.02.16 г. по делу «Венгерская ассоциация провайдеров интернет-контента и компания Index.hu Zr против Венгрии» ЕСПЧ разъяснил: «Обязанности по толкованию и применению внутригосударственного законодательства лежат прежде всего на национальных органах, в особенности на судах (...)... **Задача** Европейского Суда **сводится к определению соответствия выбранных методов и последствий их применения положениям Конвенции**». Точно также **обязан** оценивать обстоятельства дела и Конституционный Суд РФ: **соответствие** выбранных правоприменителем методов к **конкретным правоотношениям и последствия** их применения положениям Конституции для заявителя, то есть Жертвы. Конституционный якобы суд **регулярно** демонстрирует Паранойю и параноидную Шизофрению, нагло **вынося КОРРУПЦИОННЫЕ РЕШЕНИЯ в интересах абсолютно криминальных Кривоприменителей, показывая всему миру, как надо на практике заниматься Коррупцией.**

А.5 **Вывод.** Примерно с 2002 г. конституционный якобы суд превратился в один из активных органов коррупционного режима, целью которого было исполнение заказов мафиозного режима. На сегодняшний день это абсолютно криминальный орган, решения которого, содержащие коррупциогенные признаки, фактически уничтожили законность в России, поскольку позволяют «правоприменителям» одни и те же обстоятельства истолковывать не с целью защиты прав и свобод Жертв, как им это гарантировано ст.ст. 2, 18 Конституции РФ», а с целью достижения ведомственных интересов, которые зачастую не имеют вообще никакого отношения к законности, но имеют прямое отношение к махровой Коррупции. То есть на сегодняшний день конституционный якобы суд является одним из основных источников Коррупции в России, нарушения прав и свобод граждан, а также Беззакония и Произвола. По крайней мере право на получение правовой помощи конституционный и верховный якобы суды истребили полностью, как и право на рассмотрение дел судами, созданными на основании закона, которое Жертвам гарантировано п. 1 ст. 14 Пакта, п. 1 ст. 6 Конвенции, ч. 1 ст. 47 Конституции РФ, что мной будет объяснено в конце. То есть на десерт!))))))

Б. Мы никогда не поймем фактические обстоятельства дела, если не вернемся к положению ad ovo – «от яйца», то есть с самого начала, с того, что было в самом начале. То Безумие, которое будет описано ниже вообще ничем не отличалось от того Безумия, которое началось в 2000 г., когда **меня вообще лишили права на доступ к Правосудию**, в результате чего я **должен** был избрать в качестве **способа правовой защиты** некорректные слова и выражения **с целью** добиться **возбуждения в отношении себя уголовных дел**, в рамках которых можно было бы разобраться с теми вопросами, которые **иными способами разрешить было невозможно.**

Б.1 Когда Особо Опасный Преступник Путин В.В. в 2000 г. посредством обмана избирателей (п. «а» ч. 2 ст. 141 УК РФ), с использованием своего служебного положения (п. «б» ч. 2 ст. 141 УК РФ) и организованной им преступной группы (п. «в» ч. 2 ст. 141 УК РФ), то есть в составе созданного им организованного преступного сообщества (ч. 3 ст. 210 УК РФ), узурпировал власть в России, то единственным, кто этой Банде **активно** противостоял – это был я. Но так как магаданский Криминальный Авторитет, действовавший под видом губернатора Магаданской области Цветков Валентин Иванович, купил Путина В.В. и его подельника Устинова В.В. с потрохами, что впоследствии было установлено постановлением Магаданского горсуда от 03.04.02 г., поэтому Путин В.В. разрешил Цветкову В.В. делать всё, что бы ни пришло в его большую голову.

Б.1.1 Здесь следует сказать о том, что одними из первых шагов Путина В.В. и Устинова В.В. были **незаконные** прекращения за **Взятки** уголовных дела № 90557 и № 73686 в отношении Басанского А.А. и Кобеца В.И. **Теперь Басанский А.А. по поручению Путина В.В. занимается хищениями тонн золота и серебра**, как это и было условлено с Цветковым В.В., **доверенным лицом которого по хищениям золота был Басанский А.А.** Что касается Устинова В.В., то он уничтожил **ТОМ** МОИХ документов, которые были переданы следственной бригаде генпрокуратуры, когда пристрелили Цветкова В.И. и **МАЛАЯ ЧАСТЬ** из которых представлена здесь: <https://cloud.mail.ru/public/6zjS/EuMVGAKF2> и здесь: <https://cloud.mail.ru/public/Doqf/URKkSSHTF>. Также Устиновым В.В. были **уничтожены** документы по хищениям Цветковым В.И. золота, которые я **ЛИЧНО в присутствии многочисленных свидетелей** в октябре 2000 г. передал Пуликовскому К. Путиным В.В., Устиновым В.В., Патрушевым Н.П. и Грефом Г.О. были уничтожены и копии аудиозаписи, на которой запечатлено, как Цветков В.И., занимаясь вымогательством, требовал от Лошкарева В.И. передачи 50 % уставного капитала ООО «Норд Ойл», **которые я им разослал**. То есть Путин В.В. со своими подельниками с 2000 г. создавал условия для тотальной **Коррупции как способа**, позволяющего **заниматься хищениями** миллиардов долларов.

Следует напомнить и о том, что **ЛИЧНО** Лебедев В.М. за **ВЗЯТКИ** незаконно освободил от **адекватной** уголовной ответственности Тихачеву В. **И ОСТАВИЛ ЕЙ ВЕСЬ ПОХИЩЕННЫЙ на БЮДЖЕТНЫЕ СРЕДСТВА** флот «Магаданрыбпрома».

Б.2 Испытывая ненависть к законности и правопорядку и подмяв все виды государственной власти, Путин В.В. и Цветков В.И. дали своим подельникам команду: «Фас!» - и они стали **незаконно** в отношении меня возбуждать уголовные дела. Так, откровенно преступными способами в отношении меня были возбуждены уголовные дела № 3878, № 3945, № 4075, № 3957, № 14168, № 14173, по которым потерпевшими были признаны: 1. Цветков В.И.; 2. действующие под видом прокурора Магаданской области Кукушкин П.П. и его заместитель Взяточник и **реальный** Убийца Носиков Николай Николаевич, что мной было **доказано неоднократно**; 3. действующие под видом председателя Магаданского областного суда Матвеева Алла Владимировна и её заместитель Чижова Вера Константиновна, которая в состоянии алкогольного опьянения занималась сексом под забором в п. Нагаево с двумя проходимцами и которая посредством мошенничества получила квартиру в г. Магадане, что мной было **доказано** в рамках уголовного дела № 14173: <https://cloud.mail.ru/public/6hmv/Egg28NnV7> (в этой компании был еще кто-то третий, кого я не помню); 4. действующие под видом заместителей прокурора г. Магадана Олейник С.А. и Тимашев Ю.А. и иная мелочь из числа **«судей»** (<https://cloud.mail.ru/public/AziK/HprpRHP93>, <https://cloud.mail.ru/public/BCKM/vv7CH3vsq>). Но поскольку я в Магадане **создал практику предъявления исков «судьям» и «прокурорам»** (Определение КС № 181-О от 25.10.99 г., Определения Верховного Суда от 04.02.2000 г. по делу № 93В00пр-2, от 04.04.2000 г. по делу № 93В00пр-7), поэтому ответчиков было больше, чем «потерпевших». То есть практически вся юридическая «элита» Магаданской области была либо «потерпевшими», либо ответчиками. При этом, поскольку я по одному предмету меньше трех учебников не читал, поэтому для общения со мной у этих «юристов» банально не было юридического образования, то есть совокупности знаний,

позволяющих **правильно** разрешать подлежащие установлению правоотношения и **всем было понятно, что выиграть у меня суд в установленном законом порядке, вещь практически не реальная.**

Б.2.1 Меня **всегда** обвиняли в одном и том же: клевете и оскорблениях представителей органов государственной власти и **всегда все** обвинения строились по одному и тому же сценарию: **мои доводы вырывались из контекста** и им «филологи» придавался оскорбительный смысл. ВСЕ! То есть **все обвинения** в совершении мной «преступлений», предусмотренных ч. 3 ст. 129, ч. 2 ст. 297, ч. 3 ст. 298, ст. 319 УК РФ доказывали **не** юристы, а «филологи-эксперты», которым я не имел права давать объяснения и задавать вопросы и которые в обязательном порядке не рассматривали вопросы исполнения должностными лицами своих обязанностей, хотя это имело существенное значение для правильного вывода. То, что такая практика не имеет никакого отношения к законности было установлено, например, КПЧ ООН в п. 7.5 Соображений от 24.07.14 г. по делу «Павел Козлов против Республики Беларусь», где объяснено, что «автор был оштрафован за написание письма Министру финансов, в котором он назвал г-жу Т. "пустоголовой, не способной к предпринимательской деятельности и в целом развитой на общем уровне ученика восьмого класса со знаниями страхового агента". В целях определения того, являлось ли наложение штрафа за использование таких выражений обоснованным ограничением для цели защиты прав и репутации г-жи Т. Комитет принимает во внимание **форму и содержание** данного выражения, а также средства его распространения (...) и напоминает, что **публичные интересы в случае критических высказываний являются тем фактором, который следует учитывать при рассмотрении утверждений о диффамации** (...). Комитет напоминает в... связи [с этим], что использованные автором выражения **являлись частью письма**, в котором внимание Министра финансов обращалось на предположительно **безответственное руководство** государственной страховой компании, и имели своей целью привлечь внимание государственного должностного лица к "нецелевому" расходованию выплат клиентов агентами страхового общества и к ущемлению прав лиц, попавших в дорожно-транспортные происшествия. В своем письме автор высказывал критические замечания не только в адрес г-жи Т., но и в отношении ряда других лиц. В... связи [с этим] **те выражения, которые использовал автор и которые, хоть и являлись обидными и оскорбительными, следует рассматривать как элемент контекста, в котором критика компании, заместителем директора которой являлась г-жа Т., была основной целью.** Поскольку компания принадлежит государству-участнику, **критика предполагаемой безответственности и отсутствия контроля за компанией является вопросом, представляющим публичный интерес...** для обоснования необходимости любого ограничения права на свободу выражения мнений, которое имеет своей целью защиту репутации других лиц, **оно должно быть уместным для достижения своей защитной цели;** должны иметься другие наименее ограничительные инструменты среди тех, которые могут выполнить защитную функцию и **они должны быть соразмерны тому интересу, который подлежит защите** (...). Принимая во внимание характер меры наказания автора в данном деле и учитывая последствия и **контекст высказываний**, которые были сочтены оскорбительными, **равно как и публичный интерес затронутых автором вопросов**, не было продемонстрировано, что ограничение его права на свободу выражения мнений является соразмерной мерой для защиты чести и репутации других лиц (...).

Б.2.2 В п. 47 Замечаний общего порядка № 34 КПЧ ООН при разъяснении права на свободу выражения мнения, гарантированного ст. 19 Пакта государствам-участникам предписал: **«Необходимо тщательно подходить к разработке законов**, касающихся клеветы, обеспечивать их соответствие положениям пункта 3, а также не допускать, чтобы они на практике использовались для ограничения права на свободное выражение мнений. Во все такие законы, в частности уголовные законы, касающиеся клеветы, **следует включить такие формы защиты, которые отвечают интересам правдивости**, и они не должны применяться по отношению к таким формам выражения мнений, которые по своей природе не могут быть проверены. По крайней мере, в отношении комментариев, затрагивающих интересы общественных деятелей, следует стремиться не допускать установления наказаний за высказывания, которые стали достоянием общественности по ошибке и без злого умысла, или их перевода в разряд незаконных. **В любом случае наличие общественного интереса к объекту**

критики следует рассматривать в качестве элемента защиты. Государствам–участникам следует принимать меры во избежание чрезмерных мер наказания и штрафов. Там, где это необходимо, государствам–участникам следует вводить умеренные ограничения на требование, в соответствии с которым защита обязана возместить расходы стороны, выигравшей дело. Государствам–участникам следует рассмотреть возможность исключения клеветы из разряда преступлений, но **в любом случае уголовное законодательство должно применяться лишь в связи с наиболее серьезными случаями, а лишение свободы ни при каких условиях не должно считаться адекватной мерой наказания.** Государство–участник не должно допускать ситуаций, когда после предъявления лицу обвинения в клевете судебное разбирательство в отношении этого лица не проводится скорейшим образом, поскольку такая практика оказывает сковывающее воздействие, неправомерно ограничивающее осуществление таким лицом или другими лицами права на свободное выражение мнения».

Меня Путин В.В. со свое Шайкой за «клевету» и «оскорбления» продержал в своих казематах 10 лет 7 месяцев и 26 дней, и теперь он рехнулся окончательно и решил, что Безумие его и членов его Шайки должно перевесить не только все законы мира, но и элементарный здравый смысл.

Б.2.3 Незаконность и необъективность рассматриваемой практики было установлено и ЕСПЧ в §§ 74 - 77 Постановления от 02.02.16 г. по делу «Венгерская ассоциация провайдеров интернет-контента и компания Index.hu Zrt против Венгрии»: «... комментарии были в неразумной мере оскорбительными, порочащими и унижающими достоинство (§ 74)... в настоящем деле речь идет не о клеветнических высказываниях относительно фактов, а об оценочных суждениях и мнениях, и внутригосударственные суды согласились с этим. **Авторы комментариев осуждали определенную деловую практику и отчасти находились под влиянием собственного разочарования в связи с обманом их компанией-истцом.** Действительно, рассматриваемые замечания могут быть признаны необдуманной реакцией (...). Они были размещены **в контексте** спора о бизнес-стратегии компании-истца, которая, вероятно, **причиняла вред некоторым клиентам** (§ 75). Кроме того, выражения, использованные в комментариях, имели оскорбительный характер, и одно из них было явно вульгарным. Как ранее признавал Европейский Суд, на совершенное правонарушение может не распространяться защита, предоставляемая правом на свободу выражения мнения, **если речь идет о необоснованных нападках, например, когда единственной целью соответствующего высказывания является оскорбление (...), но использование вульгарных выражений само по себе не имеет решающего значения при оценке оскорбительного высказывания.** По мнению Европейского Суда, манера изложения является неотъемлемой частью общения, представляя собой **форму выражения**, и в этом качестве защищается **наравне с содержанием сообщения** (...) (§ 76). Не упуская из виду последствия диффамации в Интернете, особенно принимая во внимание легкость, масштабы и скорость распространения информации в Интернете (...), Европейский Суд считает, что необходимо учитывать также особенности стиля общения, сложившегося на конкретных интернет-порталах. По мнению Европейского Суда, выражения, использованные в комментариях, хотя и относятся к неформальному стилю общения, распространены на многих интернет-порталах, что влечет за собой уменьшение влияния, которое могут оказывать эти выражения (§ 76)».

Также в рассматриваемом контексте необходимо учитывать и доводы ЕСПЧ, выраженные в §§ 49 - 51: «... **от лиц, осуществляющих профессиональную деятельность и привыкших действовать с предельной степенью осторожности при занятии своей деятельностью, в этой связи можно ожидать особого внимания к оценке рисков, которые может повлечь за собой эта деятельность** (...) (§ 49)... компании-заявительницы не являлись посредниками по смыслу данного положения, хотя они выдвигали предположение о том, что в случае **правильного** применения законодательства Европейского союза, принимая во внимание обстоятельства дела, они были бы освобождены от ответственности (§ 50)... положения Гражданского кодекса позволяли издательству средства массовой информации, в коммерческих целях поддерживающему крупный новостной интернет-портал, и саморегулируемой организации, объединяющей провайдеров интернет-контента, **предвидеть**, что в принципе они могут быть привлечены к ответственности за **неправомерные** комментарии третьих лиц в соответствии с внутригосударственным

законодательством. Таким образом, Европейский Суд считает, что компании-заявительницы **были в состоянии оценить риски, вытекающие из их деятельности**, а также что они **должны** были в разумной мере предвидеть последствия, к которым может привести эта деятельность. Соответственно, Европейский Суд полагает, что рассматриваемое вмешательство было "предусмотрено законом" по смыслу пункта 2 статьи 10 Конвенции (...) (§ 51).

Б.2.4 Поскольку в основном у меня Потерпевшими были «судьи» и «прокуроры», поэтому необходимо объяснить, что их деятельность **должна** иметь транспарентный характер и **находиться под контролем общества** в связи с тем, что их деятельность имеет **особый общественный интерес**. Это предусмотрено и Принципом 1 Рекомендации № R (2003) 13 Комитета министров СЕ «О порядке предоставления информации о разбирательствах по уголовным делам через средства массовой информации» от 10.07.03 г.: «Общество **должно** быть в состоянии **получать информацию о деятельности судебных властей** и полиции через средства массовой информации. Следовательно, журналисты **должны** быть в состоянии свободно рассказывать и **комментировать деятельность правовой системы, подчиняясь только ограничениям, установленным настоящими Принципами**». И это должно применяться с учетом требований, выраженных в преамбуле: «подчеркивая важность средств массовой информации в **информировании общества** о разбирательствах по уголовным делам, в реализации **устрашающей функции уголовного закона**, а также в **обеспечении общественного наблюдения за функционированием системы правосудия** по уголовным делам».

Поэтому напоминаю о своих доводах, выраженных в п.п. 9.13 – 9.13.7 частной жалобе № 2386 от 09.07.14 г., которая имеет прямое отношение к данному обращению и рассмотрению которой в криминальном Кирове препятствуют до сих пор:

9.13 Также, демонстрируя ярко выраженные признаки ригидности, перечисленные «судьи» с упорством Маньяков стали видеть в моих обращениях то, чего в них нет: оскорбительные высказывания без объяснения признаков оскорблений. В результате получается, что я сам за «судей» в своих обращениях должен найти и устранить то, что никто ИЗ НИХ не может объяснить. То есть, объяснить значение совершаемых действий не могут они и поэтому у них с головой не в порядке, а проблемы возникают у меня. Абсолютно тоже самое касается и «прокуроров». Впрочем, «судьи» от «прокуроров» вообще ничем не отличаются, поскольку как Тупые одни, так Тупые и другие. Мне очень сложно понять, где в моих обращениях Невменяемые увидели оскорбительные высказывания, так как оскорбительные высказывания ВСЕГДА могут унизить честь и достоинство кого-либо. Порядочный человек свои честь и достоинство будет уважать и защищать, а всякие Мрази, Твари и Ублюдки честь и достоинство защищать не будут и поэтому у нас нет ни объекта посягательства, ни оскорблений. Я всего лишь отражаю реальность в истинном свете и мои доводы соответствуют своему предмету. Судебная власть вообще перестала выполнять свои функции только потому, что суд в Кирове возглавляет не лицо, имеющее юридическое образование и высокие моральные качества, а лицо, являющееся образцом ярко выраженного Коррупционера, при этом еще и Тупого. То, что российские «судьи» неспособны обосновывать оскорбительный характер примененных выражений было установлено в апелляционном определении Верховного Суда Республики Карелия 12.03.13 г. по делу № 33-604/2013, где, в частности, сказано: «В письменных возражениях на апелляционную жалобу ответчик ООО "Редакция" указывает на несогласие с доводами жалобы, ссылаясь на то, что именно истец должен обосновать, почему те или иные сведения, изложенные в статье, являются порочащими. Между тем, сторона истца не пожелала уточнить требования относительно того, какие именно фразы, фрагменты статьи носят порочащий истца характер». Все, на что способны представители российской «власти» - это надувать губки и брызгать слюной у себя в кабинетах. Это там они смелые. Как только эти Недоумки появляются на публике, с них сразу слетает их спесь, так как это сборище состоит из одних Трусов, способных только на одно: оставляем ваше обращение без ответа, так как оно содержит оскорбительные выражения.

9.13.1 Также надо иметь в виду, что утверждая, что в моих обращениях содержатся оскорбительные высказывания и используя это как основание для отказа в рассмотрении моих обращений, фактически нарушается моё право на выражение своего мнения, **гарантированное** мне п.п. 1, 2 ст. 19 Пакта, п. 1 ст. 10 Конвенции, ч.ч. 1, 3 ст. 29 Конституции РФ. В § 39 Постановления Европейского Суда от 16.12.10 г. по делу «Алексей Овчинников против Российской Федерации» разъяснено: «В соответствии с установившейся прецедентной практикой Европейского Суда свобода выражения мнения составляет одну из основ демократического общества и **одно из главных условий для его прогресса**. С учетом положений пункта 2 статьи 10 Конвенции она распространяется не только на "информацию" или "идеи", которые благосклонно принимаются или считаются безвредными или нейтральными, но также на оскорбляющие,

шокирующие или причиняющие беспокойство. Таковы требования плюрализма, терпимости и широты взглядов, без которых невозможно "демократическое общество" (...). В § 43 читаем: «Хотя нельзя сказать, что государственные служащие заведомо ставят себя в положение, допускающее пристальный контроль каждого их слова и поступка, в равной степени с политическими деятелями, государственные служащие, находящиеся при исполнении обязанностей, подобно политикам, подпадают под более широкие пределы допустимой критики, чем частные лица (...). Кроме того, что касается критики, направленной на судей, Европейский Суд постановил, что работа судов, которые выступают **ГАРАНТАМИ СПРАВЕДЛИВОСТИ** и **ИГРАЮТ ОСНОВОПОЛАГАЮЩУЮ** роль в государстве, основанном на верховенстве права, должна пользоваться общественным доверием. Таким образом, она должна быть защищена от необоснованных нападок. Суды вместе с тем не закрыты для критики и контроля. Важно проводить четкое разграничение между критикой и оскорблением. Если единственной целью какой-либо формы выражения является оскорбление суда или его членов, соответствующее наказание в принципе не будет являться нарушением пункта 2 статьи 10 Конвенции (...).».

9.13.2 Из приведенного мы должны сделать вывод о том, что п. 1 ст. 10 Конвенции допускает использование оскорбительных и шокирующих общественность выражений. Важно только, чтоб эти СРЕДСТВА не преследовали противоправные цели. Если применяемые слова и выражения соответствуют своему предмету и направлены на то, чтоб само общество обратило внимание на это, то это не только не противоречит ЦЕЛЯМ демократического общества, но играет очищающее, оздоравливающее само общество значение. Этот вывод следует из смысла разъяснений в другом Постановлении Европейского Суда от 08.04.10 г. по делу «Безымянный против Российской Федерации», где доводы о правоотношениях между гражданами и судьями еще более конкретны:

34. Европейский Суд находит бесспорным, что гражданское дело о защите чести, достоинства и деловой репутации против заявителя составляло вмешательство в его право на свободу выражения мнения и что данное вмешательство соответствовало закону и преследовало законную цель защиты репутации истца. Остается определить, было ли вмешательство "необходимо в демократическом обществе".

35. В соответствии с установившейся прецедентной практикой Европейского Суда свобода выражения мнения составляет одну из существенных основ демократического общества и **одно из главных условий для его прогресса** и самореализации каждого гражданина. С учетом пункта 2 статьи 10 Конвенции она распространяется не только на "информацию" или "идеи", которые благосклонно принимаются или считаются безвредными или нейтральными, но также на оскорбляющие, шокирующие или причиняющие беспокойство. Таковы требования плюрализма, терпимости и широты взглядов, без которых невозможно "демократическое общество". Как указано в статье 10 Конвенции, данная свобода связана с рядом исключений, которые, однако, **подлежат строгому толкованию**, и необходимость применения каких бы то ни было ограничений должна быть установлена вне всякого сомнения.

36. Тест на "необходимость в демократическом обществе" требует от Европейского Суда установить, отвечало ли "вмешательство" "настоятельной общественной необходимости", было ли оно соразмерно преследуемой законной цели, **и были ли доводы, приведенные национальными властями в его обоснование, относимыми и достаточными** (...). При оценке того, имела ли такая "необходимость", и какие меры следовало принять в связи с ней, национальные власти обладают определенной свободой усмотрения. Данная свобода усмотрения, однако, не является неограниченной, а сопровождается европейским надзором, осуществляемым Европейским Судом, чья задача - вынесение окончательного решения относительно того, совместимо ли примененное ограничение права со свободой выражения мнения, гарантированной статьей 10 Конвенции. При осуществлении надзорной функции задача Европейского Суда не подмена национальных властей, а, скорее, проверка на основании статьи 10 Конвенции в свете всех обстоятельств дела, решений, принимаемых ими в рамках их свободы усмотрения (...).

37. Европейский Суд отмечает, что в настоящем деле, в отличие от подавляющего большинства дел, рассмотренных Европейским Судом, иск о защите чести, достоинства и деловой репутации был основан на требовании заявителя о возбуждении уголовного дела в отношении судьи Б., а не на публикации в средствах массовой информации (...). При написании писем от 23 марта и 12 мая 2000 г. заявитель действовал в своем личном качестве как частное лицо, а не как журналист.

38. Что касается личной ситуации судьи Б., Европейский Суд напоминает, что может быть необходимо защищать государственных служащих от оскорбительных, недобросовестных и диффамационных нападок, рассчитанных на воспрепятствование исполнению их обязанностей и нарушению общественного доверия в их отношении и в отношении занимаемой ими должности (...). Это приобретает особое значение, когда речь идет о судьях, поскольку **утверждения о незаконных действиях, содержащие обвинения в нарушении закона или пренебрежении профессиональными обязанностями, могут не только умалить репутацию таких судей, но также подорвать веру общества в честность судебной власти в целом** (...).

39. В то же время Европейский Суд отмечает, что заявитель не распространял сведения, ставящие под сомнение честность судьи Б., через средства массовой информации. Он лишь сообщил о действиях, которые, по его убеждению, были незаконными, органу, уполномоченному возбуждать уголовные дела, **ИСПОЛЬЗУЯ ВЫРАЖЕНИЯ**, которые **НЕ БЫЛИ НЕДОБРОСОВЕСТНЫМИ** или **ОСКОРБИТЕЛЬНЫМИ**. По мнению

Европейского Суда, поступая таким образом, заявитель действовал в порядке, предусмотренном законом для обращения с жалобами (...).

40. Европейский Суд напоминает в этой связи, что **одной из составляющих верховенства права является возможность граждан сообщать компетентным государственным органам о действиях государственных служащих, которые представляются им неправильными или незаконными** (...). Важная роль, которую играет судебная власть в демократическом обществе, сама по себе не может предоставить судьям иммунитет от жалоб граждан.

41. Поскольку заявитель изложил свои жалобы в корреспонденции, направленной им в личном качестве, **требования защиты на основании статьи 10 Конвенции должны оцениваться** не в связи с интересами свободы прессы или открытой дискуссии по вопросам, представляющим всеобщий интерес, но **в связи с ПРАВОМ заявителя сообщать о нарушениях в деятельности должностного лица в орган, компетентный рассматривать такие жалобы** (...).

42. Действительно, нельзя сказать, что судья Б., подобно политическим деятелям, была открыта для общественной критики, и она, соответственно, нуждалась в общественном доверии в условиях, свободных от ненадлежащего беспокойства при исполнении обязанностей (...). Однако необходимость обеспечения общественного доверия к гражданским служащим в таких условиях может оправдать вмешательство в право на свободу выражения мнения лишь при наличии реальной угрозы в этом отношении (...). Письма заявителя явно не представляли такой угрозы. Кроме того, их содержание не было доведено до сведения широкой публики; соответственно, отсутствовали освещение в прессе или иная форма огласки (...). Негативное воздействие высказываний заявителя на репутацию судьи Б., **если таковое имелося**, было, таким образом, ограниченным.

43. Наконец, Европейский Суд должен рассмотреть вопрос о том, была ли примененная к заявителю санкция приемлемой при обстоятельствах дела. По его мнению, компенсация морального вреда в размере 20 000 рублей, которая была взыскана за подачу заявления о возбуждении уголовного дела против судьи, представляется несоразмерно суровой.

44. С учетом вышеизложенных соображений, оценивая текст письма в целом **и контекст**, в котором оно было написано, Европейский Суд находит, что разбирательство по делу о защите чести, достоинства и деловой репутации привело к возложению на заявителя чрезмерного и непропорционального бремени. Таким образом, **имело место нарушение статьи 10 Конвенции**.

9.13.3 **Комментарий.** Мы видим, что умственно Неполноценная «судья» Б. не пожелала чтоб в отношении её жертвы было возбуждено уголовное дело за заведомо ложный донос, а побежала в гражданское судопроизводство, ЗАВЕДОМО зная, что её подельники растопчут ВСЕ принципы доказывания и расправятся с теми, кто посмел о них сказать Правду. В этом вопросе я удивляюсь и позиции Европейского Суда, который не дал оценку заявлению на предмет достоверности сообщения о преступной деятельности судьи Б., правда, Недоделанной. По приведенным доводам мы видим, что Европейский Суд дал оценку доводам Жертвы только на наличие в них признаков каких-либо некорректных выражений и не дал оценку на предмет наличия в доводах признаков преступления в действиях Недоделанной. Ведь понятно, что в случае, если сообщается о преступлении, то в доводах ВСЕГДА имеются признаки преступления: либо в действиях заявляемого, либо в действиях заявителя. Тот факт, что Европейский Суд уклонился от обсуждения этого вопроса свидетельствует о том, что у «судьи» Б. рыльце явно в пушку. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что российские «судьи», это не только сборище Недоумков, но и, прежде всего, сборище Уголовников. Я могу смело заявлять это по той простой причине, что в России не найдется НИ ОДНОГО судьи, который бы рискнул В УСТАНОВЛЕННОМ ЗАКОНОМ ПОРЯДКЕ рассмотреть хоть ОДНО моё дело. Также Мы должны понимать ясно и то, что **ПРИМЕНЯЕМЫЕ СЛОВА И ВЫРАЖЕНИЯ ДОЛЖНЫ ОЦЕНВАТЬСЯ В КОНТЕКСТЕ ОБРАЩЕНИЯ**.

9.13.4 В § 52 Постановления Европейского Суда по делу «Фрессоз и Руан против Франции» разъяснено: «ЛЮБОЙ, кто, включая журналистов, осуществляет свободу выражения, берет на себя ОБЯЗАННОСТИ и ОТВЕТСТВЕННОСТЬ, объем которых зависит от его положения и используемого ТЕХНИЧЕСКОГО СПОСОБА. (Постановление Европейского Суда от 7 декабря 1976 г. по делу «Хэндисайд против Соединенного Королевства», § 49). Полностью признавая существенную роль прессы в демократическом обществе, Суд подчеркивает, что журналисты не должны быть, в принципе, освобождены защитой, которую им предоставляет статья 10, ОТ ОБЯЗАННОСТИ соблюдать уголовные законы общего права».

Кто этим Тварям разрешил незаконно освобождать меня от ответственности за их «оскорбления» И ОТВЕЧАТЬ в установленном ст.ст. 39, 297, 319 УК РФ порядке? Я имею ПРАВО и ХОЧУ нести ОБЯЗАННОСТЬ и ОТВЕТСТВЕННОСТЬ за свои действия.

9.13.5 В § 62 Постановления Большой Палаты по делу «Бладет Тромсе и Стенсос против Норвегии» Европейский Суд разъяснил: «При соблюдении требований статьи 10 свобода слова охватывает не только «информацию» или «идеи», которые встречаются благоприятно или рассматриваются как безобидные или нейтральные, но также и такие, которые оскорбляют, шокируют и внушают беспокойство Государству **или определенной группе населения**. Кроме того, хотя средства массовой информации не должны

преступать определенные пределы, в частности, когда речь идет о репутации частных лиц, **необходимо распространять информацию и идеи О ЛЮБЫХ вопросах, представляющих общественный интерес**. К функции, которая состоит в распространении информации, добавляется право общества получать информацию. Следовательно, чтобы определить, основывалось ли вмешательство на достаточных основаниях, которые делали его необходимым, **нужно учитывать аспект ОБЩЕГО интереса, который приобрело дело**.

Таким образом, общественный интерес имеет преваляющее значение перед частным. И уж никак недопустимо, чтоб всякие Твари, в каком бы обличье они ни выступали, наделялись правом под видом оскорбленных уходить от ответственности за свои ПРЕСТУПЛЕНИЯ. У меня нет НИ МАЛЕЙШЕГО НАМЕРЕНИЯ кого-либо оскорбить. У меня есть одно намерение: ВСЕХ ИХ ОПРЕДЕЛИТЬ НА НАРЫ.

9.13.6 В настоящее время умственно неполноценные «судьи» всё чаще стали ссылаться на ст. 35 Конвенции и утверждать, что она позволяет оставлять без рассмотрения обращения, которые содержат оскорбительные выражения. Но мы видим, что п. 1 ст. 10 Конвенции предоставляет право допускать оскорбительные выражения, **если того требует общественный интерес**. В § 136 Постановления от 19.10.12 г. по делу «Катан и другие против Молдавии и Российской Федерации» Европейский Суд сформулировал общие принципы применения Конвенции: «... Конвенция должна восприниматься как единое целое и толковаться таким образом, чтобы обеспечивать внутреннюю согласованность и гармонию различных ее положений (...)... При толковании и применении этого положения следует учитывать любые относимые нормы и принципы международного права, применимые к отношениям Договаривающихся Сторон, и Конвенция должна, насколько это возможно, толковаться в гармонии с иными нормами международного права, частью которого она является (...). Следовательно, положения, относящиеся к праву на образование, Всеобщей декларации прав человека, Конвенции о борьбе с дискриминацией в области образования, Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации и Конвенции о правах ребенка, являлись относимыми (...). Наконец, Европейский Суд подчеркивает, что объект и цель Конвенции как инструмента защиты прав лиц требуют, чтобы ее положения толковались и применялись таким образом, чтобы сделать ее гарантии практическими и эффективными (...)».

То есть, положения Конвенции должны толковаться в нормативном единстве с тем, чтоб применяемые нормы и толкования не были противоречивыми. При этом Конвенция, являясь частью международного права, должна применяться и толковаться с учетом иных норм международного права И ГАРАНТИРОВАТЬ защиту нарушенных конвенционных прав.

9.13.7 **Вывод.** Из всего сказанного мы должны сделать естественный вывод о том, что применение российскими «правоприменителями» ст. 35 Конвенции в значении, позволяющем оставлять без рассмотрения обращения, содержащие даже оскорбительные выражения без учета ТРЕБОВАНИЙ п. 1 ст. 10 Конвенции в том смысле, который раскрыт выше, является НЕДОПУСТИМЫМ, искажает и извращает сам смысл Конвенции и свидетельствует об отсутствии юридического образования у «правоприменителей», позволяющего ПРАВИЛЬНО применять те нормы, которые применению подлежат. Мало того, так как речь идет о лишении права на доступ к суду, гарантированный п. 1 ст. 6 Конвенции, который ПРЯМО предусматривает рассмотрение вопроса об ответственности за свои действия, то отказ рассматривать вопрос об ответственности за свои действия никак нельзя признать «необходимым в демократическом обществе», где вопрос об ответственности является ОСНОВОПОЛАГАЮЩИМ и прямо предусмотренным п. 1 ст. 19 Всеобщей декларации: «КАЖДЫЙ человек имеет ОБЯЗАННОСТИ перед обществом, в котором только и возможно свободное и полное развитие его личности». Пункт 2 ст. 19 Всеобщей декларации предписывает: «При осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО С ЦЕЛЬЮ обеспечения ДОЛЖНОГО признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения СПРАВЕДЛИВЫХ требований морали, ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА и ОБЩЕГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ в демократическом обществе». Разъяснение судом участникам процесса ответственности прямо предусмотрено ч. 1 ст. 11, п. 9 ч. 3 ст. 259 УПК РФ. Это следует и из смысла ч. 2 ст. 12 ГПК РФ, обязывающую суд предупреждать участников процесса «о последствиях совершения или несовершения процессуальных действий». НЕЗАКОННОЕ освобождение от ответственности является гораздо большим преступлением, так как порождает чувство безнаказанности и новые противоправные действия, что противоречит задачам гражданского судопроизводства, предусмотренным ст. 2 ГПК РФ. В данном случае речь идет как о провокациях «судьями» и «прокурорами» на совершение преступлений с моей стороны, так и использование провокаций ими как способ уйти от ответственности за совершенные преступления. Но так как ВСЕ понимают, что провокация преступлений не может породить ответственность (см., например, Постановление от 02.10.12 г. по делу «Веселов и другие против Российской Федерации»), поэтому все набрали в рот воды. А это значит, что российские «правоприменители» лишний раз доказывают, что они таковыми не являются, а являются сборищем Уголовников и Отщепенцев, то есть Сбродом. А так как весь этот Сброд

возглавляет один человек, поэтому мы и имеем право утверждать, что Россия захвачена Бандой Уголовника, какого не знала история человечества, то есть Путина Владимира Владимировича.

Повторим еще раз: **ПРИМЕНЯЕМЫЕ СЛОВА И ВЫРАЖЕНИЯ ДОЛЖНЫ ОЦЕНИВАТЬСЯ В КОНТЕКСТЕ ОБРАЩЕНИЯ.**

Б.2.5

Я не люблю, когда мне лгут и не краснеют,
Лишь потому, что верю в те слова!
Я притворяться не умею,
Хоть эта тема, не нова!

Во лжи, всегда сгорает совесть
И пропадает часто честь!
Узнав обман, могу я сквернословить,
Ведь ложь, любому раздражитель есть!

(Николай Бобрешов. 05 октября 2013 г.)

Б.3 К 14.12.01 г. я понял, что не могу реализовать свои права не потому, что они как-то неправильно сформулированы, а потому, что никто не разъясняет механизм их реализации. И когда я потребовал разъяснить мне механизм реализации прав, то «юристы» были в реальном шоке (<https://cloud.mail.ru/public/2bej/wtzzGexTH>) в связи с чем для достижения преступной цели привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности (ч. 1 ст. 299 УК РФ) они мои права **и порядок их осуществления** объявили государственной Тайной на всех вертикалях и горизонталях, **что делают до сих пор**. При этом мы **должны** ясно и четко понимать: что это значит с юридической точки зрения? В зависимости от **объекта преступного посягательства**, это, как минимум, преступления, предусмотренные ст.ст. 140, 285 УК РФ. Злоупотребление должностными полномочиями в рассматриваемом случае выражается в **злостном неисполнении** процессуальных норм, которые предусматривают не только **обязанность** разъяснять права **и порядок их осуществления**, но и предупреждать о последствиях совершения или несовершения процессуальных действий (ч. 2 ст. 12 ГПК РФ, ч. 2 ст. 14 КАС РФ) с учетом **запрета** различного обращения с лицами, находящимися в одинаковых или сходных ситуациях (абзац 3 п. 3.3 мот. части Постановления КС № 5-П от 01.03.12 г.), а отказ в предоставлении информации, то есть нарушение фундаментального права, предусмотренного п. 2 ст. 19 Пакта, п. 1 ст. 10 Конвенции, ч. 4 ст. 29 Конституции РФ, является преступлением, предусмотренным ст. 140 УК РФ. При этом мы должны ясно понимать, что нарушение прав и невозможность адекватной, то есть своевременной их защиты, **автоматически** ведет к нарушению права на эффективные средства правовой защиты и злостному неисполнению п. 3 ст. 2 Пакта, ст. 13 Конвенции, что опять-таки является злоупотреблением должностными полномочиями. Но так как мозгов у «правоприменителей» не было для того, чтоб **грамотно** предъявить обвинение и они в ноябре 2001 г. **уже конспектировали учебники**, поскольку **я всем объяснил**, что им придется опровергать не какого-то там Усманова Р.Р., а признанных Ученых, поэтому чтоб довести липовые дела до конца, они решили объявить меня невменяемым (<https://cloud.mail.ru/public/DL1D/TKFc66BVp>).

Б.4 По результатам проведенной **откровенно преступными способами** 22.12.01 г. в Магаданском областном психоневрологическом диспансере (МОПНД) судебно-психиатрической якобы экспертизы было изготовлено три **варианта** акта № 540, три **варианта** акта № 546 и, возможно, только один вариант акта № 547, **которые ни по форме, ни по содержанию не имели никакого отношения ни к праву, ни к психиатрии** и не соответствовали ст. 25 Закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ». То есть эти акты были основаны на несуществующем, то есть Галлюцинаторном законодательстве. В них даже вопросов не было! То есть «психиатры» **отвечали на то, что сами себе сформулировали!** Для достижения

преступной цели незаконного помещения в психиатрический стационар (ч. 2 ст. 128 УК РФ), привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности (ч. 1 ст. 299 УК РФ), незаконного освобождения от уголовной ответственности **реальных** Преступников (ст. 300 УК РФ) в составе организованного преступного сообщества с использованием своего служебного положения (ч. 3 ст. 210 УК РФ) **мне было выставлено пять диагнозов:** «паранойяльное развитие личности», «параноидное развитие личности», «паранойяльное расстройство личности», «параноидальное расстройство личности» и «параноидное расстройство личности», **чего не может быть.** При этом диагноз «параноидное расстройство личности» появился не 22.12.01 г., а в марте 2002 г. Что же касается второго или третьего варианта акта № 540, **копию которого я неофициально получил спустя только ВОСЕМЬ лет и на основании которого мне и были откровенно преступными способами назначены пытки и Истязания** под видом принудительного лечения, то он в нарушение п. 1 ст. 25 Закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» не был подписан «психиатром» Бридковским В.В. и не был заверен печатью МОПНД (<https://cloud.mail.ru/public/Gj3Q/eAKKuGJrR>). То есть пытки и Истязания мне были назначены на основании Филькиной грамоты, не имеющей юридической силы, что мог бы понять **любой** здравомыслящий человек.

Естественно, что меня лишили права знакомиться с актами и приносить на них возражения, как это было предусмотрено п. 1 ст. 14 Пакта, п. 1 ст. 6 Конвенции, ст. 193 УПК РСФСР.

Б.4.1 То, что **члены комиссии** Яценко А.В., Суднис И.И. и Бридковский В.В. 22.12.01 г. вообще не вели речи о диагнозе «параноидное расстройство личности», которым длительное время размахивали «психиатры», **доказывали они сами.** Так, при незаконном помещении меня в МОПНД 27.12.01 г. Яценко А.В. **в суде** утверждал, что у меня «параноидное **развитие** личности». Согласно постановлений Магаданского горсуда от 25.03.02 г. и 03.04.02 г. Яценко А.В. свою точку зрения поменял и выставил мне диагноз: «**параноидальное** расстройство личности». При решении вопроса о незаконном прекращении уголовных дел № 3878 и № 3945 Бридковский В.В. 29.12.01 г. утверждал, что у меня «паранойяльное **расстройство** личности». А Суднис И.И. **в суде** 29.01.02 г. и 06.02.02 г. утверждал, что у меня «паранойяльное **развитие** личности». Этого же мнения был и и.о. главврача МОПНД Федоров В.А., который выступил инициатором моего незаконного помещения в МОПНД 27.12.01 г. и 11.03.02 г. и который 19.03.02 г. всем разъяснил, что моя история болезни – сгорела. Таким образом, **судебными решениями было установлено,** то есть доказано, что у меня были: «параноидное развитие личности», «паранойяльное развитие личности», «параноидальное расстройство личности» и «паранойяльное расстройство личности».

Б.4.2 Существенным является то, что при объявлении меня невменяемым 22.12.01 г. **в основу** были положены **фантазии** «психолога» Суздальцевой Н.А., однако она в актах не указана и их не подписывала. При этом **самым важным** является то, что в этих актах утверждается о **сочетании симптомов и синдромов, которые в Психиатрии не встречались никогда и никогда не встретятся,** поскольку у них совершенно **разные** темп, стройность, целенаправленность, в связи с чем они могут образовывать **разные по качеству** суждения и умозаключения, что мной объяснено в НАИВНЫХ Комментариях № 1630-2 (<https://cloud.mail.ru/public/Fdz/m37svwCR5>).

Б.4.3 По уголовным делам № 3878, 3945 и № 14173 **процессуальное решение** о назначении стационарной судебно-психиатрической экспертизы **вообще не выносились** и уголовные дела, **согласно документов,** «психиатрам» **вообще не предоставлялись,** а поэтому на чем основаны акты № 546 и № 547 – непонятно. Необходимо учитывать и то, что «психиатры» показывают один из последующих вариантов акта № 546, где указан диагноз: «параноидное расстройство личности», однако в первоначальном акте был диагноз «паранойяльное развитие личности», что и послужило основанием для незаконного прекращения уголовных дел № 3878 и № 3945 (<https://cloud.mail.ru/public/NFui/3v8wEbadB>). И здесь возникает вопрос: «Каким образом

диагноз «паранойяльное развитие личности» в акте № 546 на 29.12.01 г. превратился в диагноз «параноидное расстройство личности» в последующих актах под этим же номером, а диагноз «параноидальное расстройство личности» в первоначальном акте № 540 превратился в диагноз «параноидное расстройство личности» в последующих вариантах актов под этим же номером?»

Б.5 Затем в рамках сфальсифицированного уголовного дела № 22283 специалист по пивным и кабакам Колотилин Г.Ф., действовавший под видом доктора медицинских наук, **но ничего не понимающий в Психиатрии**, якобы 05.09.02 г. нарисовал акт № 1506 (<https://cloud.mail.ru/public/K54C/ZGS8cADek>), правда, **забыл его подписать**, поскольку, наверно, притомился подписывать Ахинею в актах № 540, № 546 и № 547. Однако, не подписав акт № 1506, Колотилин Г.В. сделал этот акт юридически ничтожным в силу ч. 2 ст. 50 Конституции РФ, ч. 1 ст. 25 Закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ», ч. 1 ст. 75 УПК РФ в их нормативном единстве. Между тем это **не могли понять** магаданские «юристы», особенно, в суде первой инстанции Потерпевшая Сытникова Е.Ю. (<https://cloud.mail.ru/public/BCKM/vv7CH3vsq>) и председательствующая в кассации Ответчик Уфимцева А.З. Затем это уже не понимали «юристы» Санкт-Петербургские, Кировские, а теперь и Нижегородские. С актом № 1506 меня в нарушение ст. 206 УПК РФ также никто не знакомил. Это мной всё объяснено в письме от 17.10.05 г. – 03.06.12 г.: <https://cloud.mail.ru/public/HhMd/MSKVRzaHs>.

Все документы по рассматриваемым вопросам собраны здесь: <https://cloud.mail.ru/public/MGM7/iPwS9yTEY>.

Б.6 Не имеет вообще никакого значения о каком нарушении мышления идет речь. Я традиционно сошлюсь на Н.М. Жарикова и Ю.Г. Тюльпина: «Речь – главный способ выражения мышления, поэтому, чтобы обнаружить расстройства мышления, врач **должен анализировать** именно речь больного (**возможно, написанный им текст**). Если по каким-либо причинам (расстройство сознания, двигательные расстройства, мутизм) больной не говорит и не может изложить свои мысли на бумаге, врач **не может** сделать заключение **о способе и содержании** мышления. Попытки «догадаться», что имеет в виду пациент, каковы его действительно мотивы и мысли, **ОБЯЗАТЕЛЬНО ПРИВЕДУТ К ОШИБКАМ**, заключающимся в том, что **врач приписывает** больному **свои собственные мысли**». («Психиатрия», Москва, Медицина, 2002 г., стр. 96: <https://cloud.mail.ru/public/BGkK/tqfhuizDh>). Таким образом, говоря о расстройстве мышления, **должны** быть: 1. текст речи жертвы и 2. анализ этой речи. ВСЕ!!! Разбираться здесь больше не в чем!!! Тексты речи, на основании которых мне были выставлены указанные диагнозы, а также анализ этих речей **всеми** объявлены **ничем не прошибаемой** государственной Тайной. То есть моя речь, на основании которой мне выставлялись указанные диагнозы, **всё время фальсифицировалась**, а поэтому **все** судебные решения о назначении и продлении мне пыток и истязаний, осуществляемых под видом принудительного лечения, преюдициального значения не имеют, что разъяснено не только в Определении Верховного Суда РФ от 11.01.06 г. по делу № 66-005-123: «Законность и обоснованность этих решений в полной мере зависит от достоверности положенных в их основу доказательств. Поэтому **не может оставаться в силе решение, вынесенное на фальсифицированных фактических данных**» - но и в Постановлении КС № 30-П от 21.12.11 г.

Необходимо иметь в виду и то, что согласно ч. 1 ст. 68, ч. 3 ст. 79 ГПК РФ, ч. 5 ст. 77 КАС РФ, если сторона, у которой находятся доказательства уклоняется от их представления и совершения **обязательных действий, то правоприменитель **обязан** принять решение на основании доводов другой стороны.** Это же следует и из доводов Комитета по правам человека ООН, выраженных в Сообщениях от 01.04.15 г. по делу «Юбой Кумари Катвал против Непала», от 01.04.15 г. по делу «Сапардурда Хаджиев против Туркменистана», от 01.04.15 г. по делу «Василий Юзепчук против Республики Беларусь», Решении от 15.05.15 г. по делу «Хильда Мариолин Эрнандес Кольменарес и Франсиско Артуро Герреро Санчес против Боливарианской Республики Венесуэла» и др., а также доводов ЕСПЧ, выраженных, например, в § 126 Постановления

от 27.05.10 г. по делу «Артемьев против Российской Федерации», где Европейский Суд напомнил, «что конвенционное производство, такое, как по настоящему делу, не во всех случаях характеризуется строгим применением принципа *affirmanti incumbit probatio* (доказывание возлагается на утверждающего), так как в некоторых случаях только государство-ответчик имеет доступ к информации, подтверждающей или опровергающей жалобы со стороны заявителя. **Непредставление государством-ответчиком такой информации без убедительного объяснения причин может привести к выводу об обоснованности утверждений заявителя».**

Повторим еще раз: **все без исключения** акты и заключения «психиатров» и судебные решения не имеют под собой материальной основы: моей речи и её анализа, а поэтому в нарушение ч. 2 ст. 8 Закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» достоверность приведенных в них фантазий проверить на основании документов, представляемых «психиатрами» - невозможно, в связи с чем они **все без исключения** недопустимы как доказательства в силу п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ, поскольку **в них отсутствуют указания на источник осведомленности: речи и её анализе.** При этом всегда необходимо помнить о том, что поскольку проверить достоверность выставленного диагноза в заключении можно **только** при **наличии** речи и её анализа, которые в силу ч. 3 ст. 204 УПК РФ **должны** быть **составной частью** заключения, поэтому при их отсутствии заключения **не имеют вообще никакого значения**, опять-таки в силу ч. 2 ст. 8, ч. 3 ст. 25 Закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ». **Но так как сторона обвинения уклоняется от представления обязательных для исследования доказательства, поэтому факт отсутствия у меня какой-либо и когда-либо психической патологии следует считать - установленным.**

Б.6.1 Также необходимо иметь ввиду и то, что после того, как я в конце марта 2002 г. прочитал «Справочник по психиатрии» под редакцией академика Снежневского А.В. (<https://cloud.mail.ru/public/Kzri/L5s2TZ3YX>), начале апреля «Психиатрия» Жарикова Н.М. и Тюльпина Ю.Г., а также «Глазами психиатра» Александровского Ю.А. (<https://cloud.mail.ru/public/3kPG/sy817E9wW>), то со мной «психиатры» о психиатрии вообще перестали говорить и кроме обвинений: «Вы нас хотите втянуть в академические дебри» - **ничего** мне не говорили. Когда же я с 16.04.2002 г. стал просить записывать наше общение с психиатрами на аудио- и видеоносители и проводить свои магические действия в присутствии моих представителей, то «психиатры» и «юристы» почему-то утратили способность что-либо понимать, то есть они стали **реальными** Невменяемыми.

Таким образом, неопровержимо доказано, что с 16.04.2002 г. документально оформлять мое общение с «психиатрами» не хотел НИКТО. А это значит, что с 16.04.2002 г. у меня никто и не устанавливал какой-либо психической патологии.

Б.6.2 Напоминаю еще и о том, что в феврале 2013 г. мной были разосланы Вопросы № 1736 (<https://cloud.mail.ru/public/6seZ/YFyWK2srE>) **всем**, кто были причастны к выставлению мне **бездокладных** диагнозов и назначению и продлению ПММХ. Однако получить ответы на вопросы я не могу ни от кого до сих пор, как на эти вопросы отказываются давать ответы на последующих экспертизах и освидетельствованиях.

Таким образом, неопровержимо доказано, что с февраля 2013 г. меня ОФИЦИАЛЬНО лишили права задавать вопросы «психиатрам», лишили права на информацию и нагло совершают преступления, предусмотренные ст. 140, ч. 3 ст. 210, ч. 3 ст. 285, ст. 315 УК РФ.

Б.7 В Магаданском горсуде уголовные дела № 4075 и № 14168, по которым «потерпевшим» проходил Цветков В.А., «рассматривал» «судья» Аверков Ю.В. Сторону обвинения представляли сотрудники прокуратуры г. Магадана Шумков Вячеслав Михайлович и Калашник Наталья Викторовна, которые **в упор не видели** не только абсурдность, но и недопустимость акта № 540, который они положили в основу своих утверждений о необходимости назначения мне ПММХ. Естественно, что все были за отказ в приобщении к материалам дела моих комментариев на обвинительные заключения и первый вариант акта № 540, с которым я ознакомился при незаконном помещении меня в

МОПНД 27.12.01 г. То, как со мной расправлялись объяснено в Замечаниях № 1750 на протокол судебного заседания от 11.02.02-04.04.02 гг., копию которого я получил только 05.03.13 г.: <https://cloud.mail.ru/public/CZLz/hZmoVWVjo>. Более полный анализ шизофренического постановления о назначении мне ПММХ от 03.04.02 г. мной дан в письме от 25.04.05 г. – 03.06.12 г.: <https://cloud.mail.ru/public/Mc6ji/1HXSTvRT7>.

Б.7.1 **Фактом** является то, что согласно отписки специализирующейся на занятии сексом под забором Чижовой В.К. от 29.05.02 г., постановление Аверкова Ю.В. от 03.04.02 г. никто и никогда не отменит. И действительно, добиться рассмотрения законности, обоснованности и мотивированности этого постановления практически невозможно, так как действующие под видом президента РФ Путин В.В., председателя Верховного Суда РФ Лебедев В.М. и генпрокурора РФ Чайка Ю.Я. **в нарушение** Постановления ЕСПЧ от 03.02.11 г. по делу «Игорь Кабанов против РФ», ч. 2 ст. 8 Закона «О порядке рассмотрения обращений граждан РФ» всё **незаконно** пересылают в Магадан, то есть моим Потерпевшим и Ответчикам, которые прикидываются Невменяемыми и **пишут всякий Бред Сумасшедших, которые никуда обжаловать невозможно**, поскольку **все знают**, что Жертвы в России отданы своим Палачам и только они будут решать, что им делать с Жертвами и самими собой. Разве в нормальной стране может быть законным, чтоб **ОФИЦИАЛЬНО** признанная **Потерпевшей** Чижова В.К. (уголовное дело № 14173) поручала **ОФИЦИАЛЬНО** признанному **Потерпевшему** Кривошее М.Д. (уголовное дело № 73229) и **Ответчице** Уфимцевой А.З. рассматривать в кассации 05.07.02 г. законность постановления Аверкова Ю.В., а потом в кассации 16.07.02 г. **Ответчик** Уфимцева А.З., **Потерпевший** Кривошея М.Д. и **Истец-Ответчик** Смирнов В.В. давали бы оценку **своим же** преступным действиям 05.06.02 г.?!!!!!!!!!!!!.....

Мою судьбу в кассации 05.12.01 г. решали **Потерпевший** Кривошея М.Д. вместе с **Потерпевшим** Степановым А.Ф. (уголовное дело № 3878), а также Кривошея М.Д. вместе с **Истцом-Ответчиком** Смирновым В.В. 11.12.01 г. (<https://cloud.mail.ru/public/GQix/nYpA7LsrJ>) и это всё было организовано специализирующейся на занятии сексом под забором **Потерпевшей** Чижовой В.К., а также выжившей из Ума **Потерпевшей** Матвеевой А.В. (уголовное дело № 14173), но добиться оценки всего этого в России - невозможно!

Б.7.2 За совершенные в отношении меня преступления не имеющих юридического образования Шумкова В.М. назначили прокурором г. Магадана, а Калашник Н.В. – его заместителем. Не имеющую юридического образования Чижову В.К., как специалиста по обслуживанию импотентов и Мошенницу, назначили председателем Магаданского облсуда, а потом **незаконно** и **безосновательно** еще присвоили звание «Заслуженный юрист РФ».

Б.8 При этом необходимо помнить о том, что совершенных преступлений в отношении меня Цветкову В.И., Чижовой В.К., Носикову Н.Н., Волкову В.А., Федорову В.А. показалось мало, поэтому они в апреле 2002 г. в администрации Магаданской области обсуждали вопрос о моем убийстве в условиях психиатрического стационара, что мной было **обосновано** в заявлении в Генпрокуратуру РФ 15.07.02 г., копия которого находится в материалах уголовного дела № 1-84/03 (№ 22283), хранящееся в архиве Магаданского горсуда и проверка по которому не проведена до сих пор, **несмотря на мои многочисленные обращения**, что является безусловным основанием для искового производства **за нарушение разумного срока** уголовного судопроизводства с учетом доводов Конституционного Суда, выраженных в Постановлении № 28-П от 11.11.14 г. Невозможность добиться проведения проверки по заявлению о покушении на моё убийство, то есть наличие доказательств ярко выраженной Коррупции, свидетельствует о том, что **Путин В.В., Устинов В.В. и Чайка Ю.Я. имеют прямое отношение к покушению на моё убийство.**

То есть мы получили неопровержимые доказательства того, что в России карьерный рост и награждения возможны только за совершение преступлений. То есть бюджет РФ предназначен для финансирования Особо Опасных Преступников.

Однако, так как Путин В.В. и его подельники уклоняются от проведения проверки по моему заявлению о покушении на моё убийство, поэтому факт покушения Путиным В.В. и его подельниками на моё убийство следует считать – установленным.

Б.8.1 Здесь следует иметь ввиду и **предписания** ЕСПЧ, выраженные в §§ 122-125 Постановления от 03.07.14 г. по делу «Грузия против РФ (1)»: «... административная практика охватывает два элемента: "повторяемость действий" и "официальную терпимость" (...) (§ 122). Что касается "повторяемости действий", Европейский Суд описывает ее как "совокупность одинаковых или аналогичных нарушений, которые достаточно многочисленны и взаимосвязаны для того, чтобы составлять не изолированные случаи или исключения, но модель или систему" (...) (§ 123). "Официальная терпимость" означает, что "начальники тех, кто несет непосредственную ответственность, знают о таких **незаконных** действиях, но не принимают каких-либо мер, чтобы наказать за них или не допустить их повторения, или что **вышестоящий орган проявляет безразличие, отказываясь провести надлежащее расследование в целях определения достоверности или недостоверности факта нарушения, или что в судебном разбирательстве отсутствует справедливое рассмотрение соответствующих жалоб**". К этому последнему элементу Комиссия по правам человека добавила, что "**любое действие, совершенное вышестоящим органом, должно иметь масштаб, достаточный для пресечения повторяемости действий или прерывания модели или системы**" (...). В этой связи Европейский Суд находил "немыслимым, чтобы вышестоящие органы не знали или, по крайней мере, не имели возможности знать о существовании такой практики. Кроме того, **согласно Конвенции, эти органы несут объективную ответственность за поведение своих подчиненных и обязаны диктовать свою волю подчиненным и не могут ссылаться на свою неспособность обеспечить подчинение**" (...) (§ 124). Что касается правила исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты, Европейский Суд напоминает, что, согласно его прецедентной практике в межгосударственных делах, правило в принципе не применяется, если государство-заявитель "жалуется на практику как таковую с целью пресечения ее продолжения или возобновления, но не требует... от Европейского Суда выносить решение по каждому из случаев, выдвинутых в качестве доказательства или иллюстрации такой практики" (...). В любом случае оно не применяется, "если доказано существование административной практики, а именно повторяемости действий, несовместимых с Конвенцией, и официальной терпимости со стороны государства, природа которых делает разбирательство бесполезным или неэффективным" (...) (§ 125). Однако вопрос эффективности и доступности внутригосударственных средств правовой защиты может рассматриваться как дополнительное доказательство существования такой практики (...) (§ 126).

Б.8.2 В любом случае я в 2000 г. создал в Магадане практику предъявления исков «судьям» и «прокурорам», за совершаемые ими преступления, которую Путин В.В. похоронил вместе со мной на 15 лет. А ведь я тогда писал то, что теперь разъяснено КПП ООН, например, в п. 9.7 Решения от 05.11.13 г. по делу «Олег Евлоев против Казахстана»: «... статья 14 Конвенции признает не только право на справедливую и адекватную компенсацию, но и налагает на государства-участников **обязательство обеспечивать**, чтобы жертва пыток получала соответствующее возмещение. Возмещение **должно** охватывать всю совокупность причиненного жертве ущерба и включать среди прочих мер реституцию, компенсацию и реабилитацию жертвы, а также меры, способные гарантировать невозможность повторения нарушений, - с **обязательным учетом обстоятельств** каждого дела. Комитет считает, что, несмотря на преимущества, которые предоставляет уголовное расследование для жертвы с точки зрения доказывания, **гражданское разбирательство и требование жертвы о возмещении не должны зависеть от исхода уголовного разбирательства**. Он считает, что **выплату компенсации не следует откладывать до установления уголовной ответственности**. **Гражданское разбирательство должно быть доступным**

независимо от уголовного разбирательства, и для такого гражданского судопроизводства следует предусмотреть необходимое законодательство и институты. Если в соответствии с внутренним законодательством требуется провести уголовное разбирательство до обращения за гражданской компенсацией, то **непроведение уголовного разбирательства или его неоправданная задержка представляют собой невыполнение государством-участником своих обязательств по Конвенции**. Комитет подчеркивает, что **дисциплинарные или административные средства защиты без доступа к эффективному судебному пересмотру не могут считаться адекватной формой возмещения в контексте статьи 14»**.

С 1999 г. я объяснял, что непроведение проверок по заявлениям о преступлениях «судей» и «прокуроров» приводит к **бесчеловечному обращению и именно это Путин В.В. превратил в систему**, когда к Преступнику невозможно подать иск в порядке гражданского судопроизводства, а добиться проверки по заявлению о преступлении невозможно в порядке уголовного судопроизводства, поскольку проверки не проводится и **Жертва оказывается в порочном кругу неопределенности, где нет вообще ни одной нормы закона, на которую бы ссылались «правоприменители»**, что посчитал недопустимым КПП ООН в п. 9.5 Решения от 05.11.13 г. по делу «Олег Евлоев против Казахстана»: «...отказ в возбуждении уголовного дела лишил заявителя возможности предъявить гражданский иск с требованием компенсации, поскольку в соответствии с внутренним законодательством право на компенсацию ... возникает только после вынесения судом обвинительного приговора виновным должностным лицам по уголовному делу».

Б.9 Честно говоря, члены Банды Путина В.В. незаконное привлечение к уголовной ответственности противников его режима сделали системой, когда за якобы клевету объявляли невменяемыми и незаконно помещали в психиатрические стационары, как например, постановлением мирового судьи Советского райсуда г. Брянска от 26.06.09 г. в отношении Абламского С.Г. (Постановление президиума Верховного Суда от 09.12.09 г. по делу № 87-П09). Тот же смысл был и в деле Ларисы Арап. А если в психиатрические стационары и не помещали за клевету, то незаконно осуждали, что следует из Постановлений Европейского Суда от 05.10.06 г. по делу «Захаров против Российской Федерации», от 22.02.07 г. по делу «Красуля против Российской Федерации», от 08.10.08 г. по делу «Порубова против Российской Федерации» и т.д.

Б.9.1 Для обеспечения возможности фальсификации уголовных дел (ч. 3 ст. 303 УК РФ) и создания самого Коррупцированного режима в мире, Путин В.В. дал негласное распоряжение **систематически** совершать преступления, предусмотренные ч. 3 ст. 210, ч. 3 ст. 285, ст. 315 УК РФ и в нарушение п. 3 ППВС СССР № 9 от 18.04.86 г. «О применении судами законодательства об ответственности должностных лиц за нарушение порядка рассмотрения предложений, заявлений, жалоб граждан и преследование за критику» **незаконно** направлять жалобы Жертв лицам и органам, чьи преступные действия обжаловались. Контроль за **преступным** распоряжением Путин В.В. возложил на якобы генпрокурора Устинова В.В., якобы председателя ФСБ Патрушева Н.П., якобы председателя верховного суда Лебедева В.М., и ставшего впоследствии якобы председателем конституционного суда Зорькина В.Д., который 23.01.01 г. в срочном порядке организовал вынесение **заведомо неправосудного**, то есть **откровенно преступного** Определения № 20-О (ч. 2 ст. 305 УК РФ) по моей жалобе, в результате чего мои ходатайства в установленном ст.ст. 131, 223, 276 УПК РСФСР (ч. 4 ст. 7, ст.ст. 120-122, ч. 2 ст. 159, ч.ч. 1-3 ст. 271 УПК РФ) порядке не рассматривались и конституционно-правовой смысл п. 3 ч. 1 ст. 59 УПК РСФСР, ч. 2 ст. 61 УПК РФ не разъяснялся. В результате с 2000 г. оказалось **невозможным** применение сначала п. 3 ч. 1 ст. 59 УПК РСФСР, а затем аналогичной ей ч. 2 ст. 61 УПК РФ. Контроль за злостным неисполнением п. 3 мот. части Определения № 20-О от 23.01.01 г., то есть за обеспечением возможности совершения преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 210, ст. 315 УК РФ и не разъяснением конституционно-правового смысла понятия «иные обстоятельства» в п. 3 ч. 1 ст. 59 УПК РСФСР, ч. 2 ст. 61 УПК РФ, дающие основание полагать, что правоприменитель лично, прямо или косвенно заинтересован в исходе

дела, то есть за лишением меня права на отвод по данным основаниям, возложили на Лебедева В.М. и Зорькина В.Д., с чем они успешно справляется до настоящего времени, поскольку в **преступную** деятельность вовлечены еще действующие под видом генпрокурора Чайка Ю.Я., председателя СК РФ Бастрыкин А.И. и министра юстиции Коновалов А.В., которые занимаются незаконным освобождением от уголовной ответственности (ч. 3 ст. 210, ст. 300 УК РФ) «судей» и «прокуроров», совершающих выше указанные преступления.

Б.10 После того, как меня откровенно преступными способами отправили в СПбБСТИН, то там не знали, как от меня избавиться, что подтверждают аудиозаписи освидетельствований, расшифровки которых приведены в Возражениях № 1631 на акты «освидетельствований»: <https://cloud.mail.ru/public/7k8z/Z1tnGKCjk>. **Преступную** деятельность **организатора** совершаемых преступлений я объяснил в P.S. Объяснений status quo от 21.03.08 г.: «Не может такого быть чтоб «ошибались» все. Не может такого быть, чтоб без причины **все** «судьи» и «прокуроры» отказались исследовать мою письменную продукцию. Факт того, что **все** отказываются исследовать мою письменную продукцию говорит о том, что главный «потерпевший» сидит не в Магадане и не в Санкт-Петербурге, и он дергает веревочки марионеток с человеческими лицами, которые являются одним из видов животного под названием человек, «неспособных» отличить истинное от ложного и очень хорошо понимающих, что **«особую методическую важность»** приобретает анализ письменных материалов, являющихся реакцией на какое-либо событие или действия, поскольку в этом случае можно предположить полную нереактивность атрибуирования (Хекхаузен, ст. 649)» (<https://cloud.mail.ru/public/Mg5S/pn3R4WU7x>).

В этом плане значимым являются признания самого Путина В.В. о том, что он со своими подельниками может менять не только законы, но и Конституцию РФ и поэтому просто смешно говорить о какой-то законности в таких условиях: <https://www.youtube.com/watch?v=hGw336RA1Zs>.

Б.10.1 Не менее интересно и «освидетельствование» от 10.11.09 г., где главврач СПбБСТИН говорил:

Стяжкин: Рафаэль Раисович, Вы же знаете, что я еще знаю в рамках УПК, что если Вы не согласны с тем, что происходит здесь на комиссии, Вы имеете право обратиться к главному психиатру города, в котором находится данная больница... Вы можете потребовать независимую комиссию, Вы можете потребовать в суде повторную экспертизу. С нами зачем бороться? **Зачем нас заставлять говорить, нас, нас заставлять говорить на белое – черное?** У Вас тысячи шагов, тысяча вариантов. Мы уже так решили. Апеллировать надо, а не заставлять нас, выворачивать нам руки, одевать наручники, напишите, что я здоров и хочу домой. **Мы не можем этого сделать.** Ведь мы к Вам, кстати, так и относимся...

Усманов: Так – это как?

Стяжкин: Вот так. Вот Вы все силы Ваших помощников, заступников, защитников – надавили на нас, выворачиваете нам руки, требуете, напишите, что Усманов здоров и может быть дома. Да обратитесь Вы в другие инстанции. Пусть они решат. Они имеют наше заключение, они имеют историю болезни, суд определил: вот этому эксперту поручить – они смотрят и говорят: правильно, Усманов прав, эти дураки сидят, ничего не понимают, Усманов прав - суд решает, отправляем домой. Все! Какая проблема?

Усманов: Виктор Дмитриевич, я могу Вам показать **не один документ**, который свидетельствует о том, что я с февраля 2002 г., даже раньше, не могу добиться того, чтоб меня направили в институт имени Сербского. **Не-мо-гу!** Судьи вообще не желают рассматривать мои ходатайства по этому вопросу.

Стяжкин: А Вы набросились на нас. А мы-то при чем? Ведь я Вас готов отправить в институт Сербского – сегодня скажут, завтра за наличные деньги, если не будет в кассе денег – куплю билет, направлю на экспертизу. Что? На самом деле, честно!

Б.11 Описание того, как меня вышвырнули из СПбБСТИН в Киров, займет увесистый том.

Б.12 В Кирове, правда, пошли несколько по другому пути. Сначала, с 27.07.12 г. меня лишили доступа к Правосудию и с этого времени я не мог попасть сначала в кассацию, а потом в апелляцию (<https://cloud.mail.ru/public/2Akk/BFKGeGieT>, <https://cloud.mail.ru/public/FPTx/iu41daJyU>). Это было в г. Котельнич Кировской области, что мной объяснено в п.п. 1.2.1 – 1.2.4 апелляционной жалобы № 2690 (<https://cloud.mail.ru/public/7Lc7/sbVuaKwA9>). Затем началась эпопея в Арбажском районе, где Издевательства по лишению меня права на доступ к Правосудию привели к тому, что все стали считать, что моё **объяснение**, что действующая под видом председателя Яранского райсуда Назарова Ирина Евгеньевна является Наитупейшим Безмозглым Животным соответствует деловому стилю общения (<https://cloud.mail.ru/public/GAWa/3xeCeSw1C>), а затем **всех** забавляло то, что Назарова И.Е. перешла на качественно иной уровень и обрела свойства специалиста у дороги: <https://cloud.mail.ru/public/8DRc/xQRmy2pdo>. Более полно эта эпопея описана мной в п.п. 1.3 – 1.6.9, 2 – 2.8 жалобы № 2690. Но когда речь дошла до того, что меня можно было обворовать, то разоблачению этого воспротивились уже все. То есть откровенно **преступные действия** «правоприменителей» и **невозможность решения вопросов, связанных с этими действиями**, стали формой провокации, созданием самого конфликта интересов и его усугублением, за что «правоприменителей» **должны** были увольнять с занимаемых должностей. То есть систематическое и системное создание «правоприменителями» конфликта интересов стало абсолютной нормой общения в Кирове. Это привело к тому, что в Кирове, а потом и Н. Новгороде «потерпевшими» были объявлены только «судьи» районных судов и заместитель председателя Нижегородского облсуда Толмачев Андрей Анатольевич (<https://cloud.mail.ru/public/Kei3/zMKQXn5at>). Однако **результат был всегда один и тот же**: сначала в отношении меня **незаконно** возбуждали уголовные дела по относительно невинным некорректным словам и выражениям, а потом считали, что откровенная площадная брань – это та форма общения, которая не подлежит никакому осуждению. Но так как уголовные дела были возбуждены, то для их завершения **всегда** привлекали «психиатров», которые меня объявляли Невменяемым, после чего меня вышвыривали из процессов и **созданные организованные преступные группы** в лице «судей», «прокуроров» и **навязанных** мне «защитников» довершали **уничтожение** меня в моё отсутствие.

Б.12.1 В § 34 Постановления от 04.11.10 г. по делу «Банников против Российской Федерации» ЕСПЧ установил: «Учитывая специфику следственных мероприятий, проводимых с целью борьбы с незаконным оборотом наркотиков и коррупцией, давно сформировавшейся позицией Европейского Суда является то, что **государственные интересы не могут обосновывать использование доказательств, полученных в результате полицейской провокации**, поскольку применение таких доказательств подвергнет обвиняемого риску окончательно лишиться справедливого судебного разбирательства с самого начала (...)».

Б.12.2 Определение провокации Европейский Суд сформулировал в § 55 Постановления от 05.02.08 г. по делу "Раманаускас против Литвы", который работал прокурором. Там, в частности, разъяснено: "Полицейская провокация случается тогда, когда задействованные должностные лица, являющиеся или сотрудниками органов безопасности, или лицами, действующими по их указанию, не ограничивают свои действия только расследованием уголовного дела по существу неявным способом, а воздействуют на субъект с целью спровоцировать его на совершение преступления, которое в противном случае не было бы совершено, с тем чтобы сделать возможным выявление преступления, то есть получить доказательства и возбудить уголовное дело ...".

Б.12.3 Тот факт, что никто не реагировал на мои обращения, которые могли быть восприняты как оскорбительные, в том числе и на **аналогичные обращения**, свидетельствует о том, что меня **систематически** провоцировали на написание того, что **должно** было быть предметом исследования и оценки. Мало того, в п.п. 31.3-31.5 Замечаний № 2318 от **28.04.2014 г.** (<https://cloud.mail.ru/public/M1Jj/gCxFTM5ks>) я **всех** в Кирове **официально уведомил** о том, что если только в отношении меня и **далее** будут **совершаться преступления**, то я на эти **преступления** буду реагировать именно таким образом. Совершение в отношении меня преступлений и

непроведение проверок по моим заявлениям о совершаемых в отношении меня преступлениях, делало мои действия правомерными, так как я находился в состоянии крайней необходимости от преступных посягательств (ст. 39 УК РФ), что исключало преступность и наказуемость совершаемых мной деяний (п. 5 ч. 1 ст. 73 УК РФ).

С 2000 г. я со стороны Путина В.В. и членов его Банды в нарушение ст. 18 Конвенции подвергаюсь преследованию **только** потому, что считаю, что Вор **должен** сидеть в тюрьме и без **реальной** эффективной экономики развитие **ни одного государства – невозможно**. Я еще в **1977 ЗНАЛ**, что политэкономия социализма **по своей природе – это рыночная экономика**. И ведь это я **МОГУ ДОКАЗАТЬ**: я имею ввиду мои доводы именно 1977 года, поскольку **это есть в документах ТОГО ВРЕМЕНИ**. Если бы я в 2000 г. стал губернатором Магаданской области, то **Путин В.В. забыл бы, что может навязывать свои криминальные условия**, так как я создал бы **реальный эффективный** сектор экономики, **что на самом деле совершенно не сложно**.

Б.13 Повторим еще раз: с 2002 г. **уничтожение** меня осуществлялось **по одному и тому же сценарию**: 1. для объявления меня Невменяемым мою речь, на основании которой мне выставляли диагнозы, объявляли государственной Тайной, в результате чего никто не проверял достоверность выставляемых мне диагнозов, поскольку на основании представляемых актов и заключений это сделать было уже невозможно; 2. меня лишила права знакомиться с актами и заключениями и комментировать их, а также заявлять ходатайства о производстве повторной экспертизы, то есть нарушение п. 1 ст. 14 Пакта, п. 1 ст. 6 Конвенции в процессуальном аспекте, гарантирующего право знакомиться со всеми материалами дела и возможности комментировать их – объективный факт, **что подтверждает любое решение в отношении меня**; 3. так как меня вышвыривали из судебных процессов, а **навязанные** мне «защитники» мои интересы не представляли и **участвовали вместе с обвинением в фальсификации доказательств**, поэтому нарушение принципа состязательности и равноправия сторон по признаку нарушения права на защиту стало жизненной **необходимостью всех**, поскольку **только** это обеспечивало **возможность** уйти от наказания и ответственности за совершаемые преступления. То есть в выносимых решениях **по предметам, подлежащим доказыванию** моего голоса слышно не было и для **организованных преступных групп** в лице «судей», «прокуроров» и навязанных мне «защитников» он был не нужен, поскольку мои доводы надо же было опровергать, а с опровержением моих доводов были **огромнейшие проблемы**.

Итак:

1. 20.05.14 г. **организованная преступная группа** (ч. 3 ст. 35 УК РФ) в составе профессиональной Мошеницы Шевченко Галины Павловны, проживающей по адресу: 612194, с. Кормино, Арбажского района, Кировской области, ул. Юбилейная, д. 5, кв. 2, которой я выдал доверенность на продажу квартиры, Крюковой Тамары Алексеевны и её родной сестрой Овсянниковой Натальи Алексеевны, проживающих по адресу: 685000, г. Магадан, ул. К. Маркса, д. 11 «а», кв. 15, E-mail: jekaplotnik@rambler.ru, тел.: 914 866 56 29 посредством мошенничества (ч. 4 ст. 159 УК РФ) и обмана (ч. 2 ст. 179 ГК РФ), а также злоупотребления правом (ч. 4 ст. 1, ч. 1 ст. 11 ГК РФ) завладели принадлежащей мне на праве личной собственности квартирой № 85 в доме 62 «а» г. Магадана на ул. К. Маркса.

1.1 Результатом продажи **преступными** способами моей квартиры, что не отрицает и сама Шевченко Г.П. (<https://youtu.be/uKRL3R899SQ>), у меня было похищено 1 240 000 рублей. Эта возможность ОПГ Шувченко Г.П. была обеспечена специализирующимся на Хищениях и Убийствах, действовавшего под видом прокурора Кировской области Бережицким Сергеем Петровичем (<https://cloud.mail.ru/public/ZJLS/kTwyAR9je>), а также **руководством** Магаданской области (<https://cloud.mail.ru/public/KLzM/G1eq84krF>, <https://cloud.mail.ru/public/7Ebj/Mns5cA8Ku>). Но Бережицкий С.П., которого теперь отправили грабить Оренбургскую область (<https://lenta.ru/news/2016/05/20/orenburjye/>), совершал свои преступления при пособничестве действующего под видом председателя Кировского облсуда Бармина Юрия Васильевича, поскольку именно они являются организаторами преступного сообщества в Кировской области, преступная деятельность которого, естественно, всячески поддерживается Путиным В.В. и его ближайшими подельниками Чайкой Юрием Яковлевичем, Зорькиным Валерием Дмитриевичем,

Лебедевым Вячеславом Михайловичем, Бастрыкиным Александром Ивановичем и Бортниковым Александром Васильевичем.

1.1.1 В Постановлении от 29.01.15 г. по делу «Столярова против РФ» ЕСПЧ разъяснил: «Стремление соблюдать справедливое равновесие между интересами общества и правами собственника нашло отражение в структуре статьи 1 [Протокола N 1 к Конвенции] в целом, которую **следует толковать** с учетом общего принципа, сформулированного в ее первом предложении. В частности, **должен** существовать разумный баланс между используемыми средствами и целью, которую преследует мера, лишаящая человека имущества или вводящая контроль за его использованием. Условия выплаты компенсации, предусмотренные соответствующими правовыми актами, имеют значение для определения того, соблюдается ли необходимое справедливое равновесие при принятии оспариваемых мер, и, в частности, не возлагают ли они на заявителя несоразмерное бремя (§ 41). В связи с этим изъятие имущества без выплаты суммы, **разумно соответствующей его стоимости, в обычных обстоятельствах** представляет собой несоразмерное вмешательство, которое не может быть оправдано с точки зрения статьи 1 Протокола N 1 к Конвенции. Однако эта статья не гарантирует права на получение полной компенсации при любых обстоятельствах, поскольку **законные** требования **соблюдения "общественных интересов"** могут требовать выплатить заявителю сумму, не покрывающую полной рыночной стоимости имущества (§ 42). Несмотря на то, что статья 1 Протокола N 1 к Конвенции не содержит явно выраженных процессуальных требований, в рамках соответствующего разбирательства лицу **должна** быть предоставлена **разумная возможность** представить свое дело на рассмотрение ответственных органов власти для **эффективного обжалования** мер, представляющих собой вмешательство в осуществление прав, гарантированных данной статьей Конвенции. При проверке соблюдения этого требования необходимо произвести исчерпывающий анализ соответствующих процессуальных возможностей (§ 43)... Европейский Суд указывает, что **право собственности заявительницы было аннулировано ввиду мошенничества в процессе обмена жилыми помещениями** и последующей приватизации квартиры третьей стороной. В связи с этим Европейский Суд отмечает, что государство имеет исключительное право определять условия и порядок отчуждения **своего** имущества в пользу лиц, которые, как оно считает, удовлетворяют установленным им требованиям, **и следить за соблюдением этих условий**. Кроме того, государство имеет исключительное право узаконивать переход права собственности на квартиру посредством регистрации, направленной именно на обеспечение дополнительной безопасности субъекта этого права. **Учитывая такое количество контролирующих органов, которые подтвердили законность приобретения [гражданином] С. права собственности на квартиру, заявительница** или любое другое купившее квартиру третье лицо **не должны были предвидеть опасности лишения права собственности из-за ошибок, которые нужно было устранить в процессе специально для этого предназначенных процедур. Следовательно, упущение властей не может служить оправданием последующего наказания заявительницы** (§ 48). Европейский Суд отмечает, что лишение заявительницы права собственности на квартиру не сопровождалось выплатой компенсации или предоставлением государством другого жилого помещения взамен этой квартиры. Европейский Суд напоминает, что **ошибки или оплошности государственных органов должны улучшать положение лиц, которых они касаются, особенно тогда, когда речь не идет ни о каком другом противоположном частном интересе**. Иными словами, риск **ошибки государственного органа должно нести государство, и эти упущения нельзя исправлять за счет лиц, чьи интересы они затрагивают** (§ 49)».

Из приведенного понятна главная мысль: п. 1 ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции не гарантирует права на получение полной компенсации при любых обстоятельствах, поскольку **законные** требования **соблюдения "общественных интересов"** могут требовать выплатить заявителю сумму, не покрывающую полной рыночной стоимости имущества, то есть при условии нарушения частным интересом интереса общественного, то есть при условии, когда речь идет о распоряжении все-таки собственностью самого общества.

1.2 При этом основополагающим является то, что Шевченко Г.П. для цели уйти от наказания и ответственности за совершенные **преступления** дала взятку действующей под видом председателя Яранского райсуда Назаровой Ирине Евгеньевне,

которая при пособничестве Особо Опасных Преступников, действующих под видом председателя Кировского облсуда Бармина Ю.В. и его заместителей, то есть подельников Леденских Игоря Владимировича и Лукьянова Эдуарда Владимировича откровенно преступными способами лишили меня права на доступ к Правосудию в Яранском райсуде. А действовавший под видом прокурора Арбажского района Шевнин Сергей Владимирович и его подельник Мотовилов Сергей Вениаминович за взятку от Шевченко Г.П. меня лишили права на доступ к уголовному судопроизводству. Затем эстафету у Шевнина С.А. незаконного освобождения Шевченко Г.П. от ответственности и наказания за совершаемые преступления (ст. 300 УК РФ) принял Особо Опасный Преступник Корюков Дмитрий Анатольевич, которого в декабре 2014 г. назначили прокурором Арбажского района вместо Шевнина С.В. и который гораздо хуже специализирующегося на Взятках и Хищениях Шевнина С.В. **Тип личности** Корюкова Д.А. **очень точно объяснен** Фаиной Раневской: «**Лучше** быть **хорошим** человеком, «**ругающимся матом**», чем **тихой, воспитанной тварью**». (<http://www.adme.ru/vdohnovenie-919705/citaty-nesravnennoj-fainy-ranevskoj-468105/>). Корюков Д.А. будет **очень конструктивно беседовать**, но как только Жертва выйдет за дверь, то **действия будут совершенно противоположными**, в чем можно убедиться по многим моим роликам с его участием.

1.3 После того, как 09.06.14 г. Шевченко Г.П. уведомила меня о том, что **квартиру она продала на условиях, на которых мы не договаривались**, двести тысяч рублей за свои «услуги» она присвоила себя в качестве вознаграждения, а 1 миллион рублей **перевела себе на счет**, то есть совершила в отношении меня **очевидное** преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 160 УК РФ, я, как законопослушный гражданин, 24.06.14 г. обратился в Яранский райсуд с исковым заявлением № 2371 (<https://cloud.mail.ru/public/FAnX/LMT5KXZKo>). 26.06.14 г. (61218071315980) я получил свое исковое заявление обратно с **очередным** заведомо неправосудным определением (ч. 2 ст. 305 УК РФ) действующей под видом судьи Яранского райсуда, не имеющей юридического образования, то есть совокупности знаний, позволяющих **правильно** разрешать подлежащие установлению правоотношения, Сырчиной Татьяны Юрьевны, которым она **традиционно** незаконно оставила мой иск № 2371 без движения по надуманным ею основаниям, не имеющим **никакого** отношения к законности, обоснованной и мотивированности, которые ей **предписывали** п. 2 ППВС РФ № 23 от 19.12.03 г. «О судебном решении» и п. 2 мот. части Определения КС № 439-О от 08.11.05 г. Находясь в состоянии крайней необходимости (ст. 39 УК РФ, абзац 7 ст. 12, ст.ст. 14, 1067 ГК РФ), то есть в установленном законом порядке, на полученном мной уведомлении я выразил свое отношение к Сырчиной Т.Ю., как к «судье», то есть как к Преступнику, а также к её подельникам, поскольку «заявителю не может ставиться в вину то, что, защищая свои интересы, он **в полном объеме извлекал выгоду из средств**, предусмотренных национальным законодательством» (Постановления ЕСПЧ от 04.03.10 г. по делу «Баранцева против РФ», § 57, от 11.02.10 г. по делу «Каянкин против РФ», § 122). В рассматриваемом контексте необходимо иметь ввиду и доводы представителя от России доктора юридических наук в Санкт-Петербургском университете Андрея Бушева, то есть **официальную позицию самой России**, выраженную в п. 2.8 особого мнения к Постановлению ЕСПЧ от 20.09.11 г. по делу «ОАО» «Нефтяная компания ЮКОС» против Российской Федерации»: «... Если заявитель вел себя незаконно и недобросовестно, Европейский Суд допускает намного больший размер ущерба, и в компенсации может быть отказано вообще... Указанный подход частично подтверждается понятием допустимой обороны, признаваемым большинством правовых систем. В качестве **общего правила** вред, причиненный нарушителю, может быть немного большим, чем предотвращенный ущерб. Однако при определенных исключительных обстоятельствах с учетом положений гражданского и уголовного права причинение вреда (ущерба) нарушителю может быть признано законным, даже если размер причиненного ущерба значительно превосходил реальный ущерб, который мог быть причинен, если бы

нарушитель совершил свои действия. Иными словами, **в случае незаконного поведения нарушитель принимает на себя риск возможного причинения ущерба (вреда)**».

1.4 Что касается самого определения Сырчиной Т.Ю. о незаконном оставлении моего искового заявления № 2371 без движения, то на него я принес частную жалобу № 2386 (<https://cloud.mail.ru/public/M5ri/hQjJKs8y2>). Однако **добиться направления дела в апелляционную инстанцию я не могу до сих пор**, так как этому **традиционно** препятствуют кировские криминальные авторитеты Бармин Ю.В., Леденских И.В., Лукьянов Э.В. и Назарова И.Е., а также представляющие исключительную опасность для общества Вор, Взятчик и Убийца Бережицкий С.П. с его ближайшей сподручной Тулуповой Еленой Борисовной. Теперь на место Бережицкого С.В., которого направили в качестве прокурора области Грабитель Оренбургскую область, доступу к правосудию в Кирове препятствует действующий под видом прокурора области Журков Николай Васильевич.

1.5 Но поскольку 26.06.14 г. я «совершил» в отношении Сырчиной Т.Ю. и её подельников «преступления», предусмотренные ст. 39, ч. 2 ст. 297, ст. 319 УК РФ, поэтому 27.06.14 г. я пришел на прием к Шевнину С.В., чтоб сделать заявление о явке с повинной. Однако он в нарушение п. 2 ч. 1 ст. 140, ст. 142 УПК РФ незаконно отказался принимать у меня устное заявление о «совершенных» мной «преступлениях».

1.6 Отказ Шевнина С.В. в принятии у меня явки с повинной я 03.07.14 г. обжаловал в Яранский райсуд. Специализирующаяся на Взятках и Коррупции Назарова И.Е. незаконно поручила рассмотреть мою жалобу № 2379 (<https://cloud.mail.ru/public/9RnA/ivreMaqCb>) не имеющей юридического образования, чести и достоинства ... Потерпевшей Сырчиной Т.Ю., которая к тому же страдает тяжелым психическим расстройством в форме параноидной Шизофрении, что мной было **установлено**, то есть доказано 02.09.13 г. (<https://cloud.mail.ru/public/D7Fs/GJLXSCM2B>, <https://cloud.mail.ru/public/5Gf8/ogzMwoZV1>, <https://cloud.mail.ru/public/Gv1c/GYURDhsa4>, <https://cloud.mail.ru/public/9HpU/M3xBpVgEc>). Страдающая параноидной Шизофренией Потерпевшая Сырчина Т.Ю. (<https://cloud.mail.ru/public/Fn78/jy8w4Mncj>), по моей жалобе № 2379 04.07.14 г. вынесла **очередное** откровенно **преступное** постановление, которое я получил 10.07.14 г. (61219471005563). В этом постановлении Потерпевшая Сырчина Т.Ю. пришла к **бредовому** выводу о том, что «заявление подлежит возвращению заявителю в связи с отсутствием предмета обжалования». То есть, по шизофреническому мнению тяжело психически Больной Сырчиной Т.Ю., в ст. 144 УПК РФ нет ч. 5, а в п. 2 ППВС РФ № 1 от 10.02.09 г. «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» нет разъяснения: «К затрудняющим доступ граждан к правосудию следует относить... **отказ в приеме сообщения о преступлении** либо бездействие при проверке этих сообщений...». На это постановление мной 12.07.14 г. была принесена апелляционная жалоба № 2393 (<https://cloud.mail.ru/public/G8eQ/5n5cwTF6C>), что мной объяснено в п.п. 3 – 3.2 апелляционной жалобы № 2690 (<https://cloud.mail.ru/public/7Lc7/sbVuaKwA9>).

1.7 После того, как 04.07.14 г. страдающая параноидной Шизофренией Потерпевшая Сырчина Т.Ю. вынесла свое **очередное бредовое** постановление о незаконном возврате мне моей жалобы № 2379 и совершила, как минимум, преступления, предусмотренные ч. 3 ст. 210, ч. 2 ст. 305, ст. 315 УК РФ, потом она написала на имя представляющего исключительную опасность для общества и следственных органов, действующего под видом начальника Яранского МСО СУ СК РФ по Кировской области Особо Опасному Преступнику Бакулеву Алексею Александровичу заведомо ложный донос с искусственным созданием доказательств обвинения (ч. 3 ст. 306 УК РФ) о том, что я допустил в отношении неё оскорбительные высказывания **при отправлении ею правосудия**, чем совершил преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 297 УК РФ. Но так как у Сырчиной Т.Ю. нет и никогда не было юридического образования, поэтому она как не могла объяснить, в чем выражалось отправление ею правосудия в отношении меня при написании своего заведомо ложного доноса, так она не смогла сослаться на доказательства, которые бы подтверждали её бредовые измышления в дальнейшем

(<https://cloud.mail.ru/public/8Hq6/RLL7JgiTx>). По абсурдному мнению следствия и прокуратуры, отправление Сырчиной Т.Ю. правосудия выразалось в том, что имелся Указ Президента РФ о назначении её на должность судьи. Это **ВСЕ** доказательства, которые «доказывали» отправление правосудия Сырчиной Т.Ю. Однако, так как Сырчина Т.Ю. написала реальный Бред, поэтому стала его индуктором. Остальные же члены Банды Бармина-Бережицкого Бред поддержали и стали носителями индуцированного Бреда, что мной было **объяснено в разных** Комментариях на постановление о назначении ПММХ, которые Корюков Д.А. со своими поделчиками к делу **не** приобщили, поскольку они **доказывали** его фальсификацию и преступления, предусмотренные ч. 3 ст. 210, ч. 3 ст. 303, ст. 315 УК РФ: <https://cloud.mail.ru/public/JeTx/1Pa2h9J9x>.

1.8 На основании заведомо ложного доноса Сырчиной Т.Ю. **без надлежащей проверки** по указанию руководителей организованного преступного сообщества Кировской области не имеющих юридического образования кировских криминальных авторитетов Бармина Ю.В., Леденских И.В., Лукьянова Э.В., Ембасинова И.В., Бережицкого С.П., Тулуповой Е.Б., Назаровой И.Е., Шевнина С.В., Особо Опасных Преступников, действующего под видом руководителя СУ СК РФ по Кировской области Житенева Григория Яковлевича и Бакулева А.А., действующих под видом начальника УМВД по Кировской области Солодовникова Сергея Александровича и прикидывающегося иногда Врио начальника ПП «Арбажский» Кальсина Сергея Николаевича, а также действующей под видом президента адвокатской палаты Кировской области не имеющей юридического образования Копыриной Марины Николаевны, действующая под видом следователя Яранского МСО СУ СК РФ по Кировской области, не имеющая юридического образования «следователь» МСО Новикова Юлия Владимировна якобы 08.08.14 г. откровенно преступными способами возбудила уголовное дело № 77408/14 по ч. 2 ст. 297 УК РФ, то есть за оскорбление судьи Сырчиной Т.Ю. **при отправлении ею правосудия**. Указанные Фигуранты посчитали, что ранее совершенные в отношении меня Сырчиной Т.Ю. множественные преступления и лишение меня права на доступ к Правосудию и являются отправлением Сырчиной Т.Ю. правосудия. Однако у Фигурантов не было и нет доказательств, свидетельствующих о том, что в моих действиях был **состав** преступления, предусмотренный ч. 2 ст. 297 УК РФ, так как у них не было и **не будет** доказательств, свидетельствующих о том, что Сырчина Т.Ю. когда-либо отправляла правосудие в отношении меня, поскольку она **исключительно преступными** способами **систематически** лишала меня права на него и она по указанию перечисленных кировских криминальных авторитетов до настоящего времени не направляет в апелляционную инстанцию мою частную жалобу № 2386, в которой дана оценка тем преступлениям, которые Сырчина Т.Ю. в отношении меня совершила **в интересах профессиональной Мошеницы Шевченко Г.П.** То есть один из признаков ч. 2 ст. 297 УК РФ отсутствовал в моих действиях, а поэтому в силу ст. 8 УК РФ, п. 2 ч. 2 ст. 24, ч. 2 ст. 140, ч. 1 ст. 148 УПК РФ уголовное дело не могло быть и возбуждено. Именно это и **доказывает**, что у перечисленных Фигурантов нет юридического образования, то есть совокупности знаний, позволяющих им **правильно** квалифицировать уголовно наказуемые деяния, а их фантазии относительно того, что Сырчина Т.Ю. когда-либо в отношении меня отправляла Правосудие - шизофренические. Отсутствие же в деле моей апелляционной жалобы № 2386 и воспрепятствование в её рассмотрении **неопровержимо доказывают его фальсификацию** и преступления, предусмотренные ч. 3 ст. 210, ч. 3 ст. 303 УК РФ.

1.9 Все это обусловлено тем, что Бармин Ю.В., Леденских И.В., Лукьянов Э.В., Ембасинов И.В., Назарова И.Е., Бережицкий С.П., Тулупова Е.Б., Шевнин С.В., Житенев Г.Я., Бакулев А.А., Солодовников С.А., Кальсин С.Н., Копырина М.Н. и их поделчики вообще неспособны дать **ни одного** законного, обоснованного и мотивированного ответа, так как они **неспособны** давать оценку подлежащим исследованию доказательствам на предмет их относимости, допустимости, достоверности и достаточности, то есть они

неспособны выполнять требования ч.ч. 3, 4 ст. 7, ст.ст. 17, 85, 87, 88 УПК РФ, как неспособна эти же требования выполнять и Сырчина Т.Ю. Также указанные Фигуранты и их подельники в силу отсутствия юридического образования **неспособны** выполнять **императивные требования** ч. 1 ст. 11, ч. 2 ст. 16, ч. 2 ст. 243, п. 9 ч. 3 ст. 259 УПК РФ в их нормативном единстве и **разъяснять** участникам уголовного судопроизводства их права, обязанность, **порядок их осуществления**, а также ответственность за их нарушения, как это им еще **предписано** и ч. 3 ст. 1 УПК РФ, п. «а» ст. 6 Декларации о праве, в связи с чем они, естественно, неспособны их обеспечивать.

1.9.1 Но поскольку в России не существует психически здоровых правоприменителей, способных с **первого** раза понять доводы заявителя, поэтому я вновь повторяю доводы ЕСПЧ о том, что «даже если предположить, что у заявителя есть возможность прибегнуть к юридической помощи, председательствующий **судья, будучи основным гарантом справедливости разбирательства**, не может быть освобожден от **обязанности** разъяснить обвиняемому его процессуальные права и обязанности и обеспечить их **эффективное осуществление**» (§ 32 Постановления ЕСПЧ от 28.11.13 г. по делу «Александр Дементьев против Российской Федерации»). При этом разъяснения **должны** быть даны в четких и понятных указаниях о совершении надлежащих действий, чтоб с этими указаниями заявитель мог сообразовать свое поведение (§ 33 Постановления ЕСПЧ от 28.11.13 г. по делу «Александр Дементьев против Российской Федерации»). Это следует и из смысла ст. 19 Конституции РФ, ч. 2 ст. 243 УПК РФ, ч. 2 ст. 12 ГПК РФ, ч. 2 ст. 14 КАС РФ в их нормативном единстве.

1.9.2 То есть указанные Фигуранты и их подельники не имеют **достаточного** юридического образования, позволяющего им элементарно **устанавливать сами правоотношения**, которые и **определяют те нормы материального права, которые подлежат применению и которые разрешают сами правоотношения** (п. 2 ст. 148, ч. 1 ст. 196 ГПК РФ, п. 9 ППВС РФ № 25 от 23.06.15 г.). Тот факт, что указанные Фигуранты **неспособны доказать**, что Сырчина Т.Ю. отправляла правосудие в отношении меня, когда ей **надлежало** рассматривать мои обращения, свидетельствует о том, что они абсолютно неспособны устанавливать предмет доказывания. А поскольку они неспособны сформулировать тезис, поэтому совершенно смешно говорить о какой-либо системе доказательств.

1.10 Для достижения преступной цели привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности и совершения, как минимум, преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 299 УК РФ, Новикова Ю.В. по указанию перечисленных кировских криминальных авторитетов при получении от меня 15.07.14 г. объяснений (заяв.№2400: <https://cloud.mail.ru/public/B7zL/xTvrVhVPA>, аудио: <https://cloud.mail.ru/public/7aeY/HRJ5NjW3B>), в нарушение ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ не разъяснила мне мои права и порядок их осуществления, что доказывает и отсутствие защитника, который **должен** был участвовать в деле в силу п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ. При этом, злоупотребляя должностными полномочиями (ч. 3 ст. 285 УК РФ), она препятствовала мне в даче объяснений по делу и заявлении ходатайств, что подтверждает аудиозапись, которую я вел. Понимая, что доказать мою вину по делу **невозможно**, Фигуранты откровенно преступными способами решили объявить меня Невменяемым и для достижения преступной цели вступили в сговор с не имеющими медицинского образования руководителем Департамента здравоохранения по Кировской области не отдающей отчета своим действиям Утемовой Еленой Дмитриевной, а также главврачом Кировской областной психиатрической больницы им. Бехтерева В.М. (далее КОГКУЗКОКПБ им. Бехтерева В.М.) Петуховым Юрием Леонидовичем (<https://youtu.be/cu8Z-gC4UE>), у которых в **подчинении** находились «психиатры» из психиатрической больницы г. Советска Кировской области.

1.10.1 Здесь необходимо отметить одно из самых важных обстоятельств: Взяточник Шевнин С.В. **не имел права** осуществлять надзор за расследованием уголовного дела № 77408/14, поскольку, во-первых, находился в служебной зависимости с Сырчиной Т.Ю. как судьей, так как почти каждый день участвовал в судебных процессах под её председательством, а, во-вторых, он должен был поддерживать обвинение как прокурор. То есть он в своем лице осуществлял сразу две функции: и обвинителя, и осуществляющего надзор за законностью расследования дела, что ЕСПЧ в § 105

Постановления от 03.05.12 г. по делу «Салихов против Российской Федерации» было признано **недопустимым**: «Наконец, Европейский Суд отмечает, что независимость органа, проводившего проверку, Уйской районной прокуратуры, находилась под сомнением. Указанным был тот же орган, который выдвинул обвинение по поводу оскорбления заявителем сотрудников милиции и проводил следствие по данному делу. Это не только создало КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ, но и своими действиями прокуратура четко указала на свое предпочтение версии событий сотрудников милиции и не могла, таким образом, соответствовать требованиям независимости и беспристрастности в отношении проверки жалобы заявителя на жестокое обращение». То есть прокуратура Арбажского района подлежала безусловному самоотводу и отводу по основаниям прямой заинтересованности и объективного критерия, которые предусмотрены не только п. 1 ст. 14 Пакта, п. 1 ст. 6 Конвенции; ч. 1 ст. 6 ГК РФ, ч. 2 ст. 3 Закона «О статусе судей в РФ», но и ч. 2 ст. 61, ст. 62 УПК РФ.

1.11 18.07.14 г. Новикова Ю.В. в нарушение установленного ч. 2 ст. 16, ч. 3 ст. 51, п. 4 ч. 3 ст. 49, ст.ст. 437, 438 УПК РФ порядка вынесла постановление о назначении амбулаторной психиатрической экспертизы, в котором указала: «Для установления психического состояния Усманова Р.Р. на момент совершения преступления в настоящее время возникла необходимость проведения амбулаторной психиатрической судебной экспертизы» (л.д. 138-139 тома 2: <https://cloud.mail.ru/public/3Uph/LT85P4EJp>). Из смысла приведенного ясно, что Новикова Ю.В., во-первых, уже установила, что я преступление совершил, а во-вторых, для назначения экспертизы «возникла необходимость». Но если Новикова Ю.В. со своими подельниками установили, что я преступление совершил, то я **должен** был быть привлечен к делу не в качестве даже подозреваемого, а обвиняемого. Однако я не был признан даже подозреваемым, хотя сама **используемая** Фигурантами **терминология** их к этому **обязывала**, что разъяснено в Решении ЕСПЧ от 27.02.80 г. по делу «Девеер против Бельгии»:

42...Понятие "уголовное обвинение" носит автономный характер в том смысле, что его следует понимать в соответствии с настоящей Конвенцией (см., в частности, Решение по делу Кенига от 28 июня 1978 г. Серия А, т. 27, с. 29, п. 88), в особенности с учетом того, что в английском тексте статьи 6 п. 1, как и статьи 5 п. 2, соответствующий термин является гораздо более емким.

В сфере уголовного права "разумный срок" согласно статье 6 п. 1 "по необходимости начинается в тот день, когда лицу предъявлено обвинение" (...). "Разумный срок" может при определенных обстоятельствах начать течь и ранее передачи дела для рассмотрения в компетентный суд (...). В Судебных решениях по делам Вемхофа и Неймастера от 27 июня 1968 г., а затем в Судебном решении по делу Рингейзена от 16 июля 1971 г. точкой отсчета соответственно были день ареста, дата, когда лицо было официально уведомлено, что уголовное преследование ВОЗМОЖНО, а также день открытия предварительного следствия (...).

44. **Однако с учетом важного места, которое занимает в демократическом обществе право на справедливое судебное разбирательство (...), Суд должен склоняться к выбору в пользу "содержательного", а не "формального" понятия "обвинения" в тексте статьи 6 п. 1. Суд призван видеть, что скрывается за внешней стороной дела, и исследовать реалии рассматриваемой процедуры.**

45... **Свидетельством тому является терминология.** Так, в § 1 - 2 статьи 11, положенных в основу оспариваемых решений королевского прокурора, ИСПОЛЬЗУЮТСЯ ТАКИЕ ТЕРМИНЫ, как "правонарушитель" и "преступление".

46. Таким образом, сочетание ряда факторов с несомненностью показывает, что в свете Конвенции данное дело носит уголовный характер. "Обвинение" можно было бы в целях статьи 6 п. 1 определить как официальное уведомление лица компетентным органом государственной власти О НАЛИЧИИИ ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ о том, что ЭТИМ ЛИЦОМ СОВЕРШЕНО УГОЛОВНО НАКАЗУЕМОЕ ПРАВОНАРУШЕНИЕ. Во многих случаях Комиссия использовала формулу, которая, как представляется, весьма тесно связана с вышесказанным, а именно, "сказалось ли это существенным образом на положении [подозреваемого]" (...). **В подобных обстоятельствах Суд полагает, что начиная с 30 сентября 1974 г. заявителю было предъявлено "уголовное обвинение".**

53...Кроме того, **в области прав человека тот, кому положено больше, не должен принуждаться получить меньше».**

1.11.1 Приведенные положения были конкретизированы в § 63 Постановления ЕСПЧ от 11.06.15 г. по делу «Тычко против РФ», где разъяснено, что **«период, который должен быть принят во внимание при определении длительности уголовного разбирательства, начинается со дня, когда лицу предъявлено "обвинение" в самостоятельном и материальном значении этого понятия. Он заканчивается в тот день, когда обвинение было окончательно разрешено или когда уголовное разбирательство прекращено. "Обвинение" для целей пункта 1 статьи 6 Конвенции может быть определено как "официальное уведомление лица компетентным органом о предположении, что указанное лицо совершило преступление"»,** это определение также соответствует критерию, заключающемуся в определении того, **«было ли на положение [подозреваемого] оказано существенное воздействие»** (см. Постановление Европейского Суда по делу "Бахмутский против Российской Федерации" от 25.06.2009 г., § 153).

То есть, как только гражданина начинают опрашивать о совершении им каких-либо противоправных действий, то этому гражданину **фактически** предъявляется обвинение в совершение именно этих действий в материально-правовом значении уголовной нормы, что также следует из смысла Постановления КС № 11-П от 27.06.2000 г.

1.11.2 Что же касается «возникшей необходимости», то на чем эта необходимость была основана? Эта «возникшая необходимость» определялась коротким выражением: «Я так хочу». Это **вся** необходимость, которая была у Новиковой Ю.В. и её подельников, так как после моих объяснений Шевнину С.В. и самой Сырчиной Т.Ю. 27.06.14 г. (<https://cloud.mail.ru/public/Ko9x/qt9C76KTr>), им стало понятно, что **законных** оснований для их действий у них не было, поскольку **все** их действия в отношении меня с 21.05.13 г. были откровенно преступны. И именно поэтому «возникшая необходимость» не подтверждалась **ни одним** достоверным доказательством. **Все** доказательства, которыми располагали Фигуранты, были получены с нарушением закона и **всех** моих прав и поэтому юридической силу как не имели, так и не будут иметь. И чтоб уйти от наказания и ответственности за совершенные в отношении меня преступления и было принято решение преступную группу расширить за счет «психиатров», которые бы меня объявили невменяемым, а затем бы они лишили меня права давать показания по делу и участвовать в судебных заседаниях, **как это было в Магадане**. Но в любом случае есть определение Сырчиной Т.Ю. от 24.06.14 г., которое послужило основанием к моим действиям и есть частная жалоба № 2386, в которой дана оценка этому определению. И поскольку до сих пор моя частная жалоба № 2386 не направлена в апелляцию и не рассмотрена, то можно утверждать, что уголовное дело сфальсифицировано сто процентов, поскольку напротив определения Сырчиной Т.Ю. **всегда должна** быть моя частная жалоба, что прямо предусмотрено принципом справедливого разбирательства дела на основе состязательности и равноправия сторон, гарантированного п. 1 ст. 10 Всеобщей декларации, п. 1 ст. 14 Пакта, п. 1 ст. 6 Конвенции, ч. 3 ст. 123 Конституции РФ, ч.ч. 1, 4 ст. 15 УПК РФ и что разъяснено в абзаце 3 п. 2 мот. части Постановления КС № 10-П от 21.04.10 г.: **«... каждый имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым, беспристрастным и компетентным судом, созданным на основании закона, при соблюдении принципа равенства всех перед судом».** Именно эта частная жалоба **доказывает**, что Сырчина Т.Ю. 24.06.14 г. в отношении меня правосудие не отправляла, а у меня были **основания** для моих действий. А поскольку об описанном Беззаконии я **регулярно** сообщал Вору, Взяточнику и Убийце Бережицкому С.П., а мои обращения в нарушение ч. 6 ст. 8 Закона «О порядке рассмотрения обращений граждан РФ», ч. 5 ст. 10 Закона «О прокуратуре РФ», ППВС СССР № 9 от 18.04.86 г. «О применении судами законодательства об ответственности должностных лиц за нарушение порядка рассмотрения предложений, заявлений, жалоб граждан и преследование за критику» **регулярно незаконно** пересылались Взяточнику и Коррупционеру Шевнину С.В., который **должен** был осуществлять надзор за действиями Новиковой Ю.В. **и своими же**, поэтому можно утверждать, что доказательства фальсифицировались (ч. 3 ст. 303 УК РФ) именно по указанию Бережицкого С.П. и я был **незаконно** привлечен к уголовной ответственности как заведомо невиновный (ч. 1 ст. 299 УК РФ) по личному указанию именно Бережицкого С.П. и подконтрольного ему Коррупционера Житенева Г.Я., преступные действия которых **лично** покрывал кировский криминальный авторитет Бармин Ю.В. со своими подельниками, когда **преступными способами** лишал меня права на доступ к правосудию.

1.11.3 Но без частной жалобы № 2386 не могла быть назначена и проведена судебно-психиатрическая экспертиза, поскольку, во-первых, **в этой частной жалобе было выражено мое отношение к обстоятельствам, которые были предметом установления**, то есть доказывания, а, во-вторых, **эта частная жалоба сама по себе несла реальное содержание моего психического состояния**. Мало того, когда 03.08.14 г. Новикова Ю.В. объявила мне, что назначена экспертиза, мной было написано заявление (л.д. 140 тома 2: <https://cloud.mail.ru/public/3Uph/LT85P4EJp>) следующего содержания: «Я согласен на проведение амбулаторной судебно-психиатрической экспертизы в отношении меня и требую разъяснить мне все мои права и обязанности и обеспечить их осуществление. Так как Новикова Ю.В. мне разъяснила, что объем представленных ею доказательств определили САМИ эксперты, то есть они определили как надо сфальсифицировать доказательства для изготовления ими заведомо ложного заключения, поэтому ТРЕБУЮ возбудить в отношении их уголовное дело по ч. 3 ст. 210, ч. 3 ст. 303, ч. 1 ст. 307 УК РФ. К заявлению прилагаю вопросы № 1736 и DVD диск с моими доказательствами, который подписан маркерами синего и черного цвета. В данный диск добавлена папка «Шевченко», где имеются копии актов и заключений иных «психиатров». Такой же диск был передан Особо опасному Преступнику Взятчику Шевнину С.В., который осуществляет «надзор» за данными «экспертами», а поэтому в данной больнице экспертизу не имеют права проводить. В связи с чем ходатайствую о проведении экспертизы в институте им. Сербского несмотря на то, что в 1999 г. я помог двум «врачам» этого заведения устроиться на нарах за выставление диагнозов за взятки».

1.11.4 Таким образом, перед «экспертами» были поставлены вопросы (л.д. 141-145), а также им были представлены мои доказательства, в том числе и научная литература. Согласно материалов дела (л.д. 146), Новикова Ю.В. 03.08.14 г. вынесла откровенно преступное постановление, которым незаконно отказала мне в удовлетворении ходатайства, поскольку, по её бредовому мнению, «данные вопросы не входят в компетенцию врачей-психиатров» и: «В настоящий момент, расследования уголовного дела № 77408 в производстве следственно-процессуальных действий, о которых ходатайствует Усманов Р.Р., необходимости не усматривает». Копия постановления мне, естественно, вручена не была, так как **на основании этого постановления можно было доказать, что уголовное дело было возбуждено не 08.08.14 г., а не позднее 03.08.14 г.** То есть можно было совершенно свободно установить факт фальсификации доказательств.

1.11.5 Показательным является рассмотрение моих ходатайств Бандой Бармина Ю.В., Назаровой И.Е., Бережицкого С.П., Тулупова Е.Б., Шевнина С.В., Житенева Г.Я., Бакулева А.А., Солодовникова С.А., Кальсина С.Н. и Копыриной М.Н. Так, на л.д. 228 т. 2 имеется постановление Новиковой Ю.В. от 25.09.14 г. об отказе в удовлетворении ходатайства № 2402 (<https://cloud.mail.ru/public/Me67/zDmbwjE2u>), хотя даже по материалам дела, это ходатайство № 2402¹ от 19.07.14 г. (л.д. 223-227 т. 2: <https://cloud.mail.ru/public/3Uph/LT85P4EJp>) у адресата оказалось 23.07.14 г., в чем можно убедиться по штрих-коду: 4406/14/49000 23.07.2014. Внизу штрих-кода цифры: 12170250/4900 (<https://cloud.mail.ru/public/Eier/j4WJ95MiB>). В постановлении Новиковой Ю.В. читаем: «22.08.2014 следователю Яранского МРСО СУ СК РФ по Кировской области поступило ходатайство № 2402 подозреваемого Усманова Р.Р. В ходе рассмотрения данное ходатайство подлежит отказу удовлетворения по следующим основаниям. В силу положения ст. 38 УПК РФ следователь уполномочен самостоятельно направлять ход расследования, принимать решения о производстве следственных и иных процессуальных действий, за исключением случаев, когда требуется получение судебного решения или согласия руководителя следственного органа. В настоящий момент расследования уголовного дела № 77408 в производстве следственно-процессуальных действий, о которых ходатайствует Усманов Р.Р., необходимости не усматривает». Согласно л.д. 222 (<https://cloud.mail.ru/public/2pDY/TjrchoCYk>), ходатайство № 2402¹ (<https://cloud.mail.ru/public/Eokb/LJmwfPED>) поступило из Управления службы судебных приставов по Магаданской области, которое в адрес МСО СУ СК РФ по Кировской области и прокуратуру Арбажского района было направлено 05.08.14 г. То есть в УФССП ходатайство оказалось раньше этой даты. На уведомлении имеются надписи с датами их внесения. Согласно этих надписей, Бакулев А.А. 22.08.14 г. поручил своему заместителю Бурдиной Н.А. решить вопрос с поступившим ходатайством. Бурдина Н.А. 22.09.14 г., то есть **через месяц** поручила Новиковой Ю.В. ходатайство

«приобщить к материалам уголовного дела № 77408/14, разрешить в порядке ст. 122 УПК РФ». 25.09.14 г. Новикова Ю.В. выносит своё Бредовое постановление. Однако в сопроводительном письме от якобы 25.08.14 г. (л.д. 229: <https://cloud.mail.ru/public/FboX/TK7Hgjk86>) Новикова Ю.В. меня якобы уведомила о том, что моё «ходатайство № 2402 от 19.07.2014 поступившее в Яранский межрайонный следственный отдел СУ СК России по Кировской области 22.08.2014 рассмотрено...» То есть Новикова Ю.В. 25 августа 2014 г. мне отправила постановление, которое вынесла 25 сентября 2014 г. Доказательств того, что Новикова Ю.В. реально отправила мне своё постановление в деле нет никаких, поскольку она мне постановление не направляла и я его не получал.

Но на этом **странности** не заканчиваются. В отписке Шевнина С.В. от 25.08.14 г., которую я **реально получил** 29.08.14 г. (61218076305085) читаем: «При этом сообщаю Вам, что прокуратурой района получено Ваше письменное обращение, изложенное в виде «Ходатайства № 2402.1», первоначально направленное в УФССП России по Магаданской области. На основании п.3 ст.11 Федерального закона от 02.05.2006 года № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» и п.2.12 Инструкции о порядке рассмотрения и приема граждан в органах прокуратуры Российской Федерации, утвержденной приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 30.01.2013 года № 45, указанное обращение оставлено без рассмотрения по существу поставленных в нем вопросов, поскольку в нем содержатся нецензурные и оскорбительные выражения...».

Соль всей этой коллизии заключается в том, что ходатайство № 2402¹ я направил Новиковой Ю.В. и Шевнину С.В. на бумажном носителе посредством почты России, а в электронной форме я ходатайство разослал по интернету 20.07.14 г. в **сотни** адресов, в том числе Бармину Ю.В., Назаровой И.Е., Бережицкому С.П., Житеневу Г.Я., Солодовникову С.А. и Копыриной М.Н. Получив мое ходатайство № 2402¹ посредством писем, Новикова Ю.В. и Шевнин С.В. их уничтожили, поскольку я ставил вопрос о производстве комплексной экспертизы моих текстов для установления и моего психического состояния. Бармин Ю.В., Назарова И.Е., Бережицкий С.П., Житенев Г.Я., Солодовников С.А. и Копырина М.Н. организовали уничтожение ходатайства № 2402¹, поступившего им посредством электронного взаимодействия. Но так как ходатайство им пришло официально из Магадана, поэтому они **вынуждены** были принять по нему какие-то меры. И мы видим, что Шевнин С.В. отказался ходатайство рассматривать по причине наличия в нем якобы нецензурных и оскорбительных выражений; Бакулев Н.А. 22.08.14 г. расписал ходатайство Бурдиной Н.А., **с которой сидел в одном кабинете**, а Бурдина Н.А. через месяц ходатайство передала Новиковой Ю.В., которая уложила в три дня и пришла к Шизофреническому выводу о том, что так как она назначила судебно-психиатрическую экспертизу, поэтому в её проведении нет необходимости. Однако, так как ходатайство было подана 20.07.14 г., поэтому, согласно смысла постановления Новиковой Ю.В., **не было оснований** для проведения амбулаторной экспертизы в КОГКУЗСПБ 05.08.14 г. Но в том-то и заключался весь фокус: необходимо было получить заведомо ложное заключение о невозможности моего участия в следственных действиях и в суде, а если бы было рассмотрено ходатайство № 2402¹, то это сделать было бы практически невозможно, поскольку те доказательства, которые я предоставлял, исключали возможности для фальсификации: «4.1 Также прошу принять у меня в электронной форме учебники по уголовному праву, уголовному и гражданскому процессам, теории государства и права, Комментарии к УК РФ и УПК РФ, логике, философии, филологии, психологии, психиатрии, а также научную литературу по проведению лингвистических экспертиз, психологических, психиатрических, правовых, экономических, финансовых и т.д. Я полагаю, что в книг 500 я уложусь. Если этого покажется мало, то я удвою их количество. Могу даже сразу предоставить свежую версию КонсультатПлюс весом всего в 68.8 Гбайт. Я думаю, что к пенсионному возрасту её освоите не только вы, но и Сырчина Т.Ю., и Шевнин С.В., который скоро окажется на пенсии, а также иные российские «юристы». То есть я представил всю научную базу и

необходимые доказательства для возможности осуществления **достоверного** вывода. Достоверный вывод никому был не нужен.

1.11.6 И здесь необходимо сделать маленькое отступление и рассмотреть вопрос о том, как **власти** Российской Федерации **пытаются делать** Идиотами не только российских Жертв, но и судей ЕСПЧ. В §§ 21-23 Постановления от 29.10.15 г. по делу «Измутдин Исаев против РФ» разъяснено: «Европейский Суд установил, что стороны не пришли к согласию относительно размера камер, в которых содержался заявитель, и количества содержащихся в них заключенных. Что касается доказательств властей Российской Федерации, Европейский Суд **установил**, что справки начальника следственного изолятора и показания надзирателей были составлены в июне 2012 года, то есть спустя более чем четыре года после того, как заявитель был освобожден из-под стражи. Европейский Суд неоднократно отказывался принимать аналогичные справки и утверждения, на том основании, что **они не могут быть признаны достаточно достоверными, учитывая сроки составления и отсутствие каких-либо подтверждающих документов** (...). Таким образом, **они обладают незначительной доказательной силой** для Европейского Суда (§ 21 **там же**). Что касается копий журнала регистрации, то Европейский Суд **установил**, что на многих страницах **имеются видимые исправления данных** о количестве заключенных, содержащихся в одной камере с заявителем, **первоначальные цифры стерты** и вместо них указаны цифры, во всех случаях совпадающие с количеством спальных мест в камерах. **Примечательно, что на каждой странице исправлены лишь данные о камерах, где содержался заявитель, остальные цифры остались нетронутыми.** Кроме того, на страницах с исправлениями **сложение цифр** о количестве заключенных в каждой камере **дает в итоге сумму меньше** общего количества заключенных в следственном изоляторе. **Власти Российской Федерации не представили каких-либо объяснений такому несоответствию.** Европейский Суд напоминает, что **исправления** в журналах регистрации заключенных **без объяснения их происхождения, оснований и времени внесения ставят под сомнение достоверность содержащейся в них информации** (...). При таких обстоятельствах Европейский Суд полагает, что **информация, содержащаяся в копиях журнала регистрации следственного изолятора, представленных властями Российской Федерации, не является достоверной и не может быть использована для установления фактов** (§ 22 **там же**). При отсутствии достоверной информации от властей Российской Федерации Европейский Суд принимает утверждение заявителя о том, что в период с 20 мая по 17 июля 2008 г. он содержался в камерах, где не имел спального места, которое он мог бы назвать своим, и где ему было предоставлено менее 3 кв. м личного пространства (...). Европейский Суд нередко признавал нарушение статьи 3 Конвенции в связи с недостаточностью личного пространства, которое имеют заключенные (...). Принимая во внимание свою судебную практику, Европейский Суд приходит к тем же выводам в настоящем деле (§ 23 **там же**)».

То есть фальсификация сведений представителями криминального режима **на самом верху** является вещью обыденной.

1.12 Чем руководствовались Бармин Ю.В., Назарова И.Е., Бережицкий С.П., Тулупова Е.Б., Шевнин С.В., Житенев Г.Я., Бакулев А.А., Новикова Ю.В., Солодовников С.А., Кальсин С.Н., Утемова Е.Д., Петухов Ю.Л., Копырина М.Н. и их подельники, когда выносили постановление от 18.07.14 г. о назначении мне амбулаторной судебно-психиатрической якобы экспертизы? Они якобы руководствовались ст. 195 УПК РФ. Однако часть 3 ст. 195 УПК РФ предусматривает разъяснение прав, предусмотренных ст. 198 УПК РФ, что **должно** было быть отражено в соответствующем протоколе. Права, предусмотренные ст. 198 УПК РФ, мне никто не разъяснял и, естественно, не обеспечивал, а это значит, что Особо Опасные Преступники Бармин Ю.В., Назарова И.Е., Бережицкий С.П., Тулупова Е.Б., Шевнин С.В., Житенев Г.Я., Бакулев А.А., Новикова Ю.В., Солодовников С.А., Кальсин С.Н., Копырина М.Н. и их подельники ст. 195 УПК РФ не руководствовались. **Отсутствие протокола о назначении амбулаторной судебно-**

психиатрической экспертизы и разъяснении прав, предусмотренных ч. 1 ст. 198 УПК РФ, является объективным фактом, достаточным для признания всех последующих за этим действий недопустимыми и не имеющими юридической силы, как то прямо предусмотрено ч. 2 ст. 50 Конституции РФ, ч. 1 ст. 75 УПК РФ. Также назначение экспертизы было осуществлено с циничным нарушением требований п. 4 ч. 3 ст. 49, ст.ст. 437, 438 УПК РФ, которые **обязывали** Фигурантов привлечь к участию в деле защитника и законного представителя. При этом они **должны** были знать, что в силу ч. 3 ст. 51 УПК РФ защитник может быть назначен **только** после получения мнения Жертвы и его представителя. Однако ничего этого сделано не было, что порождало правовые последствия в виде получения заключения как доказательства недопустимого, что разъяснено в абзаце 3 п. 17 ППВС РФ № 8 от 31.10.95 г. «О некоторых вопросах применения судами Конституции РФ при осуществлении правосудия» (в ред. ППВС РФ от 06.02.2007 N 5, от 16.04.2013 N 9): «В соответствии с ч. 2 ст. 48 Конституции и на основании п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ каждое лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ, имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) **с момента** начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы этого лица. Согласно п. 3 ч. 4 ст. 46, пп. 2 - 5 ч. 3 ст. 49 УПК РФ каждый подозреваемый имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) **с момента** объявления ему постановления о назначении судебно-психиатрической экспертизы, а также **с момента** начала осуществления иных мер процессуального принуждения или иных процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, подозреваемого в совершении преступления ... При нарушении этого конституционного права **все** объяснения лица, в отношении которого проводилась проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ, а также показания подозреваемого, обвиняемого и результаты следственных и иных процессуальных действий, произведенных с их участием, **должны** рассматриваться судами как доказательства, **ПОЛУЧЕННЫЕ С НАРУШЕНИЕМ ЗАКОНА**».

1.12.1 Итак, Особо Опасные Преступники Бармин Ю.В., Назарова И.Е., Бережицкий С.П., Тулупова Е.Б., Шевнин С.В., Житенев Г.Я., Бакулев А.А., Новикова В.Ю., Солодовников С.А., Кальсин С.Н., Утемова Е.Д., Петухов Ю.Л., Копырина М.Н. и их подельники откровенно преступными способами **без достаточных на то оснований** и на основании сфальсифицированных ими материалов, назначили амбулаторную судебно-психиатрическую экспертизу в КОГБУЗСПБ, лишив меня **всех** моих прав, которые мне были гарантированы не только УПК РФ, но и законодательством о психиатрии, поскольку **с момента** принятия решения о моей встрече с психиатрами, **я становился субъектом специальных правоотношений**, со всеми вытекающими из этого правовыми последствиями: мне **должны** были обеспечить право на помощь защитника в лице законного, личного представителя и **личного** адвоката. При этом **по смыслу** Определений Принципов и Рекомендаций, в качестве личных адвокатов **должны** допускаться не только адвокаты, которые являются участниками адвокатских сообществ, но и другие квалифицированные представители, **которые наилучшим образом могут представлять интересы пациента и готовы это сделать** (п. 2 Принципа 12). Согласно Определений Рекомендаций:

- "личный адвокат" означает лицо, призванное защищать интересы субъекта с психическим расстройством, и способное оказать моральную поддержку этому субъекту в ситуации, когда субъект ощущает себя уязвимым;

- "представитель" означает лицо, предусмотренное законодательством для представления интересов определенного субъекта и готовое принимать решения от имени субъекта, не способного давать согласие;

В силу п. 3 Принципа 12, ч. 1 ст. 7 Закона «О психиатрической помощи...» дееспособные Жертвы имеют право назначить в качестве своего представителя **любое** лицо **по своему выбору**. Привлечение по своему выбору защитника прямо предусмотрено и п.п. 3 «b», «d» ст. 14 Пакта, п.п. 1, 5 Принципов Юристов, п. 3 «с» ст. 6 Конвенции, которые имеют в силу ст. 53 Венской конвенции о международных договорах, императивный характер, исключающий дискреционные полномочия правоприменителя и **отступление от которых недопустимо**.

Таким образом, как только ставится вопрос о наличии у Жертвы психической патологии, то она тут же обретает права, предусмотренные законодательством о психиатрии и эти права **обязаны** разъяснить **в письменной форме** и обеспечить **те, кто поставил под сомнение психическое здоровье человека**, поскольку в этом

случае начинается не только ограничение прав и свобод, но и угроза их нарушения. Однако, как только появляется угроза нарушения прав и свобод человека, то органы власти **обязаны** принять меры для адекватной их защиты, что следует из смысла, например, § 44 Постановления ЕСПЧ от 22.02.07 г. по делу «*Krasulya v. Russia*»: «**При оценке соразмерности вмешательства характер и суровость санкций, примененных к заявителю, также являются факторами, которые должны быть приняты во внимание** (...). В связи с этим Европейский Суд отмечает, что заявитель был признан виновным и ему было назначено наказание в виде одного года лишения свободы в рамках уголовного судопроизводства. Несмотря на то, что наказание было условным, **заявитель столкнулся с угрозой лишения свободы**. Наказание считалось условным **при выполнении заявителем** в течение шести месяцев обязательства **не совершать каких-либо иных преступлений при исполнении им обязанностей редактора. Это условие имело устрашающее влияние на заявителя, ограничивая его журналистскую свободу и снижая его способность распространять информацию и идеи по вопросам, представляющим общественный интерес** (...). Европейский Суд полагает, что такое наказание было несоразмерно суровым».

Krasulya

Таким образом, сама угроза помещения в психиатрический стационар является устрашающим методом воздействия на поведение человека. А так как Жертвы могут поставить на всякие там учеты, в результате которых она должна регулярно отчитываться за свое поведение и мысли, то одно это является ограничением её свободы.

1.12.2 Но какой вывод мы должны сделать из сказанного? А вывод очень простой: **общие** нормы УПК РФ при назначении и проведении экспертиз **не учитывают специальные** нормы, которые **расширяют** правоспособность и правосубъектность лиц, в отношении которых эти экспертизы должны проводиться. Однако при наличии коллизий законов большую юридическую силу имеют законы, регулирующие **специальные** правоотношения, что разъяснено в абзаце 3 п. 2 мот. части Определения КС № 439-О от 08.11.05 г.: «... приоритет Уголовно-процессуального **кодекса** РФ перед другими федеральными законами **не является безусловным: он может быть ограничен** как установленной **Конституцией** РФ (статья 76, часть 3) **иерархией** федеральных конституционных законов и обычных федеральных законов (к их числу относится и Уголовно-процессуальный **кодекс** РФ), так и правилами о том, что в случае коллизии между различными законами равной юридической силы **приоритетными** признаются последующий закон и закон, который **специально** предназначен для регулирования **соответствующих отношений**».

Так как Закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» по отношению к УПК РФ является специальным законом, поэтому нормы **этого** закона имеют большую юридическую силу при проведении экспертиз, чем нормы УПК РФ. При этом коллизии в рамках самого Закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» **должны** устраняться нормами, которые определяют как **особый правовой статус** лиц, так и правилом о том, что «разрешение в процессе правоприменения коллизии между различными правовыми актами должно осуществляться исходя из того, какой из этих актов предусматривает больший объем прав и свобод граждан и устанавливает более широкие их гарантии», о чем еще будет сказано ниже. Фактом является то, что «судьи», «прокуроры», «следователи» и «адвокаты» не знают и **не понимают** норм Закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ», а «психиатры» не имеют вообще никакого представления ни о Законе «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ», ни об УПК РФ, ни о законодательстве о ... психиатрии.

1.12.3 То есть **правильно** руководствоваться подлежащими применению нормами действующего законодательства не имеющие юридического образования Особо Опасные Преступники Бармин Ю.В., Назарова И.Е., Бережицкий С.П., Тулупова Е.Б., Шевнин С.В., Житенев Г.Я., Бакулев А.А., Новикова Ю.В., Солодовников С.А., Кальсин С.Н., Утемова Е.Д., Петухов Ю.Л., Копырина М.Н. и их подельники как не могли, так и не могут. А то, что они неспособны сформулировать квалифицирующие признаки ч. 2 ст. 297 УК РФ лишний раз **доказывает** правомерность моих утверждений. Но поскольку они злобно не исполняли приведенные требования ЕСПЧ и Верховного Суда РФ, поэтому в отношении них надлежит возбудить, как минимум, уголовное дело по ч. 3 ст. 210, ст. 315 УК РФ, то есть за злобное неисполнение решений высших судов в составе организованного преступного сообщества с использованием своего служебного положения.

1.12.4 Повторим еще раз **самый важный** момент: **С МОМЕНТА**, когда поставлено под сомнение психическое здоровье человека, **этот человек становится субъектом специальных правоотношений**, регулируемых законодательством о психиатрической помощи и на правоприменителей возлагается **обязанность разъяснить все права и порядок их осуществления** (п. 1 Принципа 12, п. «а» ст. 6 Декларации о праве) и **обеспечить** этому человеку **возможность осуществления, то есть реализацию** прав, например, представить на рассмотрение частную жалобу № 2386, в которой **было выражено мое отношение к обстоятельствам, которые были предметом установления** и которая **сама по себе несла реальное содержание моего психического состояния**.

2. 05.08.14 г. ко мне приехали неизменные **подельники** Шевнина С.В., Назаровой И.Е., Кальсина С.Н., Новиковой Ю.В. и **Шевченко Г.П.** «полицейские» Шустов Николай Васильевич и Кардакова Вера Юрьевна, преступная деятельность которых достаточно хорошо объяснена в заявлении № 2457 (<https://cloud.mail.ru/public/H5Q1/rvJ4K181R>). С нарушением моих прав на защиту, гарантированных ч. 2 ст. 48 Конституции РФ, информацию о моих правах и порядке их осуществления (ст. 140 УК РФ), гарантированных п. «а» ст. 6 Декларации о праве, ч. 4 ст. 29 Конституции РФ, а также эффективные средства правовой защиты, гарантированные п. 3 ст. 2 Пакта, п. 1 ст. 9, п.п. 1, 3 ст. 12 Декларации о праве, ст. 13 Конвенции, ч. 2 ст. 45 Конституции РФ, Шустов Н.В. и Кардакова В.Ю. подвергли меня **незаконному** задержанию (ч. 1 ст. 301 УК РФ) и незаконно отвезли в КОГБУЗСПБ. Когда «психиатры» Бакланова Г.В., Каркина Н.Г. и Милютин С.В. увидели меня с аудио- и видеозаписывающей аппаратурой, специальной литературой по психологическому тестированию и психиатрии, а также моим законным представителем Усмановой А.Р., то они **отказались** проводить экспертизу, что подтверждают произведенные мной аудиозаписи: <https://cloud.mail.ru/public/ArgB/B9dke2L5a> и что объяснено в п.п. 3.6 – 3.6.7 жалобы № 2690 (<https://cloud.mail.ru/public/7Lc7/sbVuaKwA9>). Затем Бакланова Г.В., Каркина Н.Г. и Милютин С.В. изготовили **заведомо ложное заключение** № 818, в котором **совершенно бездоказательно** указали о наличии у меня психической патологии и пришли к паранойальному выводу о том, что требуется проведение комплексной стационарной психолого-психиатрической экспертизы в КОГБУЗКОКПБ им. Бехтерева В.М., то есть пришли к выводу о том, что преступную группу необходимо расширить до организованного преступного сообщества, где вовлекаемые все новые и новые «прокуроры» не будут осуществлять надлежащего надзора, хотя им это предписано ч. 3 ст. 45 Закона «О психиатрической помощи...» и законную деятельность которых мог нейтрализовать **только** Вор, Взятчик и Убийца Бережицкий С.П. с его сподручной Тулуповой Е.Б. Согласно аудиозаписей, совершенно очевидно, что судебно-психиатрические якобы экспертизы в КОГБУЗСПБ проводятся в нарушение установленного Законом «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ», Законом «О психиатрической помощи...», УПК РФ и т.п. порядка, а свои Бредовые заключения «эксперты» так и не научились составлять в установленном ст. 204 УПК РФ порядке, то есть **с приложением тех доказательств, на основании которых они приходили к своим выводам и которые в силу ч. 3 ст. 204 УПК РФ должны были быть составной частью заключения**. Но мы же всегда **должны** понимать **правовые последствия** объявления человека невменяемым. Правовыми последствиями объявления человека невменяемым является помещение его в психиатрический стационар и применение нейролептиков как одного из самых страшных видов Оружия. А поэтому следует говорить не об организованном преступном сообществе Особо Опасных Преступников Бармина Ю.В., Назаровой И.Е., Бережицкого С.П., Тулуповой Е.Б., Шевнина С.В., Житенева Г.Я., Бакулева А.А., Солодовникова С.А., Кальсина С.Н., Невменемой Утемовой Е.Д., Петухова Ю.Л., Копыриной М.Н. и их подельников, а о их Банде.

2.1 Несмотря на то, что в силу п. 2 ст. 24 Закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» я имею право задавать вопросы экспертам и давать объяснения по делу, а также представлять доказательства **в обоснование своих доводов**, однако по указанию Бармина Ю.В., Бережицкого С.П., Тулуповой Е.Б., Житенева Г.Я., Бакулева А.А., Солодовникова С.А., Кальсина С.Н., Утемовой Е.Д., Петухова Ю.Л. и Копыриной М.Н. меня **незаконно** лишили моих прав, поскольку нигде в официальных документах нет ни моих вопросов, ни ответов на них, как **нет и каких-либо моих объяснений**, хотя эти объяснения **должны** были быть зафиксированы в протоколе, как это прямо предусмотрено не только в силу Принципа 26 Свода Принципов,

но и Приказом Минздравсоцразвития № 502н от 05.05.12 г. А так как нет протокола моего общения с «психиатрами», поэтому невозможно проверить и достоверность их фантазий. Но, как известно с древности и **что мне надоело уже повторять Невменяемым в России: quod non est in actis, non est in mundo** – чего нет в документах, то не существует; *vox audita latet, littera scripta manet* – сказанное слово исчезает, написанная буква остается. Также я умственно Неполноценным российским «правоприменителям» устал объяснять, что **отсутствие доказательств реализации права – есть доказательство нарушенного права**. А ответов по диагностике на мои вопросы я не могу получить с ... 28.02.13 г.: <https://cloud.mail.ru/public/6seZ/YFyWK2srE>. Однако, так как в частной жалобе № 2386 **было выражено мое отношение к обстоятельствам, которые были предметом установления** и которая **сама по себе несла реальное содержание моего психического состояния на момент обстоятельств, подлежащих установлению**, поэтому в заключении **должен** был быть **анализ** моих доводов **в этой** частной жалобе, как того **требует** сама Психиатрия.

2.1.1 Не желают перечисленные Преступники понимать и то, что когда речь заходит о юридической квалификации действий, то доводы о квалификации действий **должны** обосновывать юристы, но никак не Жертвы. Так как при назначении экспертизы следствие в постановлении излагает своё видение обстоятельств дела и дает юридическую квалификацию действиям Жертвы, поэтому доводы следствия **должен опровергать защитник**. Жертва может высказать свое мнение относительно того, совершала ли она какие-либо действия или не совершала, но **квалификацию этих действий** должен **обосновывать** защитник, то есть равнозначный **по своим возможностям и квалификации** субъект **соответствующих** правоотношений. Конечно, должен действовать принцип презумпции невиновности. Однако он в России действует только в теории, но не на практике. На практике при производстве судебно-психиатрических экспертиз **во всех без исключения** заключениях «психиатры» **в утвердительной форме** говорят о совершенном подэкспертным **преступлении**. Объявляют ли «психиатры» Жертву вменяемой или невменяемой – это значения не имеет. Имеет значение **только** то, что **мнение следствия о совершенном преступлении Жертвой является доминирующим** и оно «психиатрами» **не подвергается никакому сомнению**. Впрочем, психиатры это делать не только не могут, поскольку некомпетентны, но и не вправе. Однако, так как в заключениях они ведут речь об отношении Жертвы к совершенному, по их мнению, именно преступлению, поэтому о совершенном именно преступлении и должен говорить защитник, то есть **специалист в области права**.

2.1.2 Необходимо учитывать еще и то, что во время предварительного следствия Жертва и её защитник, как правило, незнакомы с материалами дела и поэтому они находятся в полном неведении относительно тех доказательств, которыми следствие располагает, а поэтому они не имеют **реальной** возможности **адекватно** противостоять следствию, о чем я еще скажу ниже.

2.2 Так как экспертизы и освидетельствования **по своей природе** ничем не отличаются, поэтому во время их проведения должны вестись аудио- и видеозаписи, как это предусмотрено ч. 5 ст. 179 УПК РФ и опять-таки протокол, как это предусмотрено ст. 180 УПК РФ. То, что не должно быть различного обращения с лицами, находящимися в одинаковых по своей **юридической природе** отношениях разъяснено и в абзаце 3 п. 3.3 мот. части Постановления КС № 5-П от 01.03.12 г.: «... из принципа юридического равенства применительно к реализации конституционного права на судебную защиту вытекает **требование**, в силу которого **однородные по своей юридической природе отношения должны регулироваться одинаковым образом**; соблюдение конституционного принципа равенства, гарантирующего защиту от всех форм дискриминации при осуществлении прав и свобод, означает, помимо прочего, запрет вводить такие ограничения в правах лиц, **принадлежащих к одной категории**, которые не имеют объективного и разумного оправдания (**запрет различного обращения с лицами, находящимися в одинаковых или сходных ситуациях**); любая дифференциация, приводящая к различиям в правах граждан в той или иной сфере правового регулирования, **должна** отвечать **требованиям Конституции**

Российской Федерации, в соответствии с которыми такие различия допустимы, **если** они объективно оправданы, **обоснованны** и преследуют конституционно значимые цели, а для достижения этих целей используются **соразмерные правовые** средства; по смыслу статьи 118 (часть 2) Конституции Российской Федерации, согласно которой судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства, во взаимосвязи с ее статьями 126 и 127, гражданское судопроизводство, посредством которого осуществляют судебную власть **суды общей юрисдикции и арбитражные суды, в своих принципах и основных чертах должно быть сходным для этих судов (...)**».

То есть мы видим, что когда осуществляется дифференциация в правоспособности граждан, то это **должно** быть **обосновано** теми, кто это различие устанавливает. Если этого обоснования нет, то и **само требование не подлежит исполнению**, поскольку **Жертва ставится в условия не только неопределенности, но и Произвола**.

2.2.1 Как во время экспертиз, так и во время освидетельствований участниками **правоотношений** являются одни и те же субъекты: врачи-психиатры и обследуемый и предметом установления является одно и то же: психическое состояние обследуемого и **его отношение к инкриминированному преступлению**. Поэтому их общение **должно** оформляться документально исходя не только из здравого смысла, чего в России днем с огнем не сыскать, но и в силу прямо предусмотренных ст.ст. 179, 180 УПК РФ. Также здесь следует иметь в виду и ст. 290 УПК РФ, предусматривающую проведение освидетельствования в суде, как и ст. 283 УПК РФ, которая предусматривает проведение в суде экспертизы, что **должно оформляться** протоколом. Но поскольку экспертизы в силу п. 6 ст. 9 Закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» - это не просто процессуальные действия (п. 32 ст. 5 УПК РФ), но с учетом ст. 2 Закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» **это действие следственное**, поэтому ведение протокола прямо предусмотрено ст. 166 УПК РФ.

2.3 Необходимо иметь в виду и то, что каждый человек имеет право собирать информацию любыми средствами (ст. 19 Всеобщей декларации) и способами по своему выбору (п. 2 ст. 19 Пакта). А поскольку деятельность публичной власти **должна** основываться на принципах признания, обеспечения и защиты **основных** прав и свобод человека и гражданина (п. 1 ст. 3 Закона «О противодействии коррупции»); законности (п. 2); **публичности и открытости** (п. 3) и **неотвратимости ответственности за совершение коррупционных правонарушений** (п. 4), поэтому воспрепятствование в ведении аудио- и видеозаписи общения с представителями абсолютно любой власти свидетельствует о прямой заинтересованности этих представителей в исходе дела и создание ими конфликта интересов, что является безусловным основанием для их самоотвода и отвода (ч. 1 ст. 6 ГК РФ, ч. 2 ст. 3 Закона «О статусе судей в РФ»; ст. 61 УПК РФ). Но право на сбор информации любыми средствами (ст. 19 Всеобщей декларации) и способами по своему выбору (п. 2 ст. 19 Пакта) стоит в нормативном единстве не только с правом на эффективные средства правовой защиты (п. 3 ст. 2 Пакта, п. 1 ст. 9, п.п. 1, 3 ст. 12 Декларации о праве, ст. 13 Конвенции, ч. 2 ст. 45 Конституции РФ), но и с правом пользоваться благами научного прогресса и их практического применения, которое гарантировано п. 1 ст. 27 Всеобщей декларации, п. 1 «b» ст. 15 Пакта об экономических правах и Декларацией о развитии. 16.04.14 г. гражданам Европы было **гарантировано право** пользования Интернетом в Рекомендаций № CM/REC(2014)6 Комитета Министров СЕ «О руководстве по правам человека для пользователей интернета», осуществлению которого активно препятствуют российские «правоприменители». То есть российские «правоприменители», особенно «судьи», являются **источником** Беззакония и Произвола.

2.3.1 При этом, согласно **смысла** § 72 Постановления ЕСПЧ от 25.03.98 г. по делу «Копп против Швейцарии», закон, определяющий применение технических средств должен быть особенно точным, так как «соответствующая технология постоянно **развивается и усложняется**». То есть, воспрепятствование Жертве в ведении аудио- и видеозаписи при общении с лицами, наделенными властно-распорядительными функциями является нарушением всех перечисленных прав и отражает их коррупционную сущность, так как согласно п. «с» ст. 1 Конвенции ООН против коррупции, целью Конвенции является **«поощрение честности и неподкупности, ответственности, а также надлежащего управления публичными делами и**

публичным имуществом». При этом в силу п. 1 «а» ст. 7 Конвенции ООН против коррупции деятельность публичной власти **должны** быть еще **эффективной** и **прозрачной**.

2.3.2 Как мы можем убедиться по **преступным действиям** перечисленных Преступников, ни о каких честности, неподкупности, ответственности, надлежащем управлении делами, эффективности и прозрачности речи быть не может, так как свои откровенно **преступные** действия **они осуществляли в интересах Мошеницы Шевченко Г.П.** и её подельников Назаровой И.Е., Шевнина С.В., Кальсина С.Н. и Бакулева А.А., что фактически является неправомерным их преимуществом для освобождения их от ответственности за принятые **преступные** решения. То есть в преступных действиях перечисленных Уголовников наличествуют признаки п. «а» ст. 15 Конвенции ООН против коррупции: **«... предоставление публичному должностному лицу, лично ... какого-либо неправомерного преимущества для ... иного физического или юридического лица, с тем чтобы это должностное лицо совершило какое-либо действие или бездействие при выполнении своих должностных обязанностей»**. Этот же смысл мы находим и в п. «а» ст. 18, определяющий злоупотребление влиянием в корыстных целях.

2.3.3 Согласно п. 1 «а» ст. 7 деятельность публичных лиц и органов **должна** «основываться **на принципах эффективности** и **прозрачности** и на таких объективных критериях, как **безупречность работы, справедливость и способности**». Пункт 4 ст. 7 **обязывает** государство «создавать, поддерживать и укреплять такие системы, **какие способствуют прозрачности и предупреждают возникновение коллизии интересов**».

2.3.4 Статья 19 злоупотребление служебными полномочиями и уголовно наказуемым деянием определяет как **«совершение какого-либо действия или бездействия, в нарушение законодательства, публичным должностным лицом при выполнении своих функций с целью получения какого-либо неправомерного преимущества** для себя самого или **иного физического** или юридического лица».

2.3.5 В силу п. 1 ст. 11 Конвенции ООН против коррупции судебная власть играет **решающую** роль в борьбе с коррупцией и она **должна** быть честной и неподкупной, что **должно** исключать любые возможности для коррупции.

Российская судебная власть **самая коррумпированная** в мире, поскольку она действует **во взаимосвязи** с коррумпированными прокуратурой и следствием и поощряется президентом, генпрокурором, СК РФ, ФСБ РФ, конституционным якобы судом и верховным якобы судом.

2.3.6 Неподкупности, честности и ответственности от перечисленных Преступников **требует** и п. 1 ст. 8. В силу п. 2 ст. 8 они **обязаны** выполнять свои функции **правильно, добросовестно и надлежаще**. В силу п. 4 ст. 8 перечисленные Уголовники **обязаны** были сообщить в соответствующие органы о коррупции, процветающей в администрации Путина В.В., генпрокуратуре, прокуратуре Кировской области, Кировском облсуде, СК РФ, СУ СК РФ по Кировской области и т.д.

2.3.7 То есть согласно **действий** перечисленных Преступников, они является исключительно махровыми коррупционерами, поскольку действовали **в нарушение установленного законом порядка**, оказывая содействие террористическим и преступным органам в **неправомерном преимуществе** с корыстной целью. Поэтому необходимо арестовать их имущество (п. «d» ст. 2), членов их семей и тесно связанных с ними подельников (п. 1 ст. 52).

2.3.8 Если же перечисленные права в нарушение ст. 2 Конституции РФ, не признаются, не обеспечиваются и не защищаются в суде, то к их нарушению добавляется еще и нарушение права на доступ к суду, поскольку **«конституционное право на судебную защиту как ОСНОВНОЕ, неотчуждаемое право человека, ВЫСТУПАЮЩЕЕ ГАРАНТИЕЙ РЕАЛИЗАЦИИ ВСЕХ ДРУГИХ ПРАВ И СВОБОД, - это не только право на обращение в суд, но и право на ЭФФЕКТИВНОЕ ВОССТАНОВЛЕНИЕ нарушенных прав и свобод посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости»** (абзац 1 п. 2 мот. части **Определения КС № 1248-О от 28.06.12 г.**).

2.4 То есть в криминальном Кирове (как везде по России) судебно-психиатрические якобы экспертизы приводят **только** для того, чтоб кого-либо по чьей-либо рекомендации либо незаконно освободить от уголовной ответственности и

совершить преступление, предусмотренное ст. 300 УК РФ, например, педофила Гамаюнова И., либо незаконно объявить невменяемым, например, Михеева А., чтоб Жертву лишить права принимать участие при производстве по уголовному делу, спокойно его фальсифицировать, то есть спокойно совершать преступления, предусмотренные ч.ч. 2, 3 ст. 303 УК РФ и после, лишив еще права на доступ к суду, лишить свободы и личной неприкосновенности, то есть чтоб еще совершить преступления, предусмотренные ст.ст. 305, 307 УК РФ, сокрытием которых занимаются «судьи» по указанию не имеющих юридического образования кировских криминальных авторитетов Бармина Ю.В., его заместителей Леденских И.В., Лукьянова Э.В., Ембасинова И.В. и их поделщиков. Тот факт, что для «экспертов» Баклановой Г.В., Каркиной Н.Г. и Милютиной С.В. было совершенной новостью участие при производстве экспертизы моего законного представителя, говорит о том, что защитники **никогда** не участвовали в магических действиях «психиатров». То есть циничное **нарушение** п. 1 ст. 24, п. 1 ст. 36 Закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ», как **специальных норм**, является для КОГБУЗСПБ совершенно нормальным и рядовым явлением, а для «юристов» совершенно нормальным и рядовым явлением является циничное нарушение права их Жертв на защиту при производстве этих якобы экспертиз, которое Жертвам гарантировано п.п. 1, 2, 5, 25 Принципов Юристов, ст. 48 Конституции РФ, п. 3 ч. 4 ст. 46, п.п. 8, 9 ч. 4 ст. 47 УПК РФ в их нормативном единстве. ВСЕ они не желают понимать, что в силу п. 4 ст. 31 Закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» Жертвы имеют право встречаться со своими защитниками в условиях, исключающих возможность получения информации третьими лицами, а в силу п. 2 ст. 32 Закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» Жертвы, помещенные в психиатрический стационар в период производства судебно-психиатрической экспертизы, **должны** пользоваться правами пациентов психиатрических стационаров, то есть правами, гарантированными Принципом 13. Но так **должно** быть по закону. А как можно исполнять закон, когда в нем видишь только одну обложку? То есть эти так называемые «эксперты» элементарно **некомпетентны** как специалисты, в связи с чем подлежали **безусловному** отводу по основаниям, предусмотренным п. 3 ч. 2 ст. 70 УПК РФ. В Кирове (как и во всей России) вообще не желают понимать, что экспертиза в силу ст.ст. 2, 9 Закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ», п. 32 ст. 5 УПК РФ – это процессуальное действие СО ВСЕМИ ВЫТЕКАЮЩИМИ ИЗ ЭТОГО ПРАВОВЫМИ ПОСЛЕДСТВИЯМИ. Это **тотальное** Беззаконие не могло бы иметь места, если бы прокуроры выполняли свои **обязанности** по надзору за законностью проводимых экспертиз, как к этому их **обязывают** ч. 3 ст. 35 Закона «О психиатрической помощи...», ст.ст. 32 - 34 Закона «О прокуратуре РФ», а судьи давали оценку **письменным** доказательствам в виде разъяснений прав Жертв и порядка их осуществления, которые **должны** составлять в психиатрических стационарах в соответствии с п. 1 Принципа 12, п. 1 ст. 22 Рекомендаций **и приобщать к истории болезни**, а также к заключениям в силу ч. 3 ст. 204 УПК РФ, ч. 3 ст. 25 Закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ». Это же следует и из смысла ч. 1 ст. 37 Закона «О психиатрической помощи...», которую в Кирове (как и во всей России) члены Банды Бережицкого С.П., Бармина Ю.В., Житенева Г., Солодовникова С.А., Утемовой Е.Д. и Копыриной М.Н. растоптали повсеместно.

2.5 Итак, назначение, проведение и изготовление **некомпетентными** «психиатрами» Баклановой Г.В., Каркиной Н.Г. и Милютиной С.В. заключения № 818 было осуществлено в нарушение установленного законом порядка, а поэтому оно юридической силы не имело в силу **всех** норм ст. 75 УПК РФ. В силу п. 6 ч. 1 ст. 198, ст. 206 УПК РФ меня **обязаны** были ознакомить с заключением № 818 и **разъяснить право** ходатайствовать о назначении дополнительной либо повторной экспертизы, однако представляющая исключительную опасность для общества и следственных органов Новикова Ю.В. (<https://youtu.be/fslHfnBpzlo>) по указанию кировских криминальных авторитетов Бармина Ю.В., Бережицкого С.П., Шевнина С.В., Назаровой И.Е., Житенева Г.Я., Бакулева А.А. и Копыриной М.Н., этого не сделала. То есть они меня лишили моего права на заявление своевременного, то есть эффективного ходатайства о производстве повторной экспертизы, чем лишили меня **основного** права, гарантированного п. 1 ст. 9 Декларации о праве, п. 3 ст. 2 Пакта, ст. 13 Конвенции РФ, чем совершили в отношении меня преступления, предусмотренные ч. 3 ст. 210, ч. 3 ст. 285 УК РФ, что разъяснено в п. 18 ППВС РФ № 19 от 17.10.09 г. «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и превышении должностных полномочий»: «Под

существенным нарушением прав граждан или организаций в результате злоупотребления должностными полномочиями или превышения должностных полномочий следует понимать **нарушение прав и свобод** физических и юридических лиц, **гарантированных общепризнанными принципами и нормами международного права, Конституцией** Российской Федерации (например, **права на уважение чести и достоинства личности, личной и семейной жизни граждан**, права на неприкосновенность жилища и тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, **а также права на судебную защиту и доступ к правосудию, в том числе права на эффективное средство правовой защиты в государственном органе и компенсацию ущерба, причиненного преступлением**, и др.). При оценке существенности вреда **необходимо учитывать степень отрицательного влияния противоправного деяния на НОРМАЛЬНУЮ РАБОТУ** организации, характер и размер понесенного ею материального ущерба, число потерпевших граждан, **тяжесть причиненного** им физического, **морального** или имущественного **вреда** и т.п.».

2.6 Так как у Бармина Ю.В., Леденских И.В., Лукьянова Э.В., Ембасинова И.В., Бережицкого С.П., Тулуповой Е.Б., Шевнина С.В., Назаровой И.Е., Житенева Г.Я., Бакулева А.А., Новиковой Ю.В., Солодовникова С.А., Кальсина С.Н., Копыриной М.Н. и их подельников нет юридического образования, поэтому они и не понимают, что в силу Принципа 19, п. «а» Принципа 22 Принципов о компенсации, принципа *restitutio in integrum*, ч. 1 ст. 46 Конституции РФ в интерпретации Конституционного Суда РФ (см. п. 2.3.8 выше) и абзаца 3 ст. 12 ГК РФ **должно** быть восстановлено положение, существовавшее до нарушения права и пресечены действия, нарушающие право или создающие угрозу его нарушения. **Этого добиться в России практически невозможно по той причине, что все понимают, что при восстановлении положения, существовавшего до нарушения прав необходимо полученные доказательства признать недопустимыми и осуществить компенсацию за причиненный вред.** А бюджет для защиты прав граждан в России не предназначен. Он предназначен **исключительно** для хищений и распила представителями мафиозного режима, в том числе и для содержания криминальных конституционного и верховного якобы судов, которые являются гарантами нарушения Конституции РФ, прав и свобод граждан.

3. Итак, получив от Утемовой Е.Д., Петухова Ю.Л. и их подельников Баклановой Г.В., Каркиной Н.Г. и Милютиной С.В. Филькину грамоту, **не имеющую юридической силы**, кировские криминальные авторитеты Бармин Ю.В., Леденских И.В., Лукьянов Э.В., Ембасинов И.В., Бережицкий С.П., Тулупова Е.Б., Шевнин С.В., Назарова И.Е., Житенев Г.Я., Бакулев А.А., Новикова Ю.В., Копырина М.Н. и их подельники решили якобы 08.08.14 г. незаконно возбудить уголовное дело № 77408/14, о чем Новикова Ю.В. вынесла юридически безграмотное

постановление, не отвечающее требованиям п. 3 «а» ст. 14 Пакта, п. 3 «а» ст. 6 Конвенции, поскольку в нем отсутствовали сведения о характере выдвинутого подозрения, то есть всех признаках ч. 2 ст. 297 УК РФ и основаниях, то есть доказательствах, которые бы подтверждали обоснованность выдвинутого подозрения (п. 2 ППВС РФ № 41 от 19.12.13 г.).

09.08.14 г. она решила меня допросить в качестве подозреваемого и в преступную группу привлекла не имеющего юридического образования «адвоката» Важенина В.П., который участвовал вместе с Барминым Ю.В., Назаровой И.Е., страдающей параноидной Шизофренией Сырчиной Т.Ю., Бережицким С.П., Тулуповой Е.Б., Шевниным С.В., Утемовой Е.Д., Петуховым Ю.Л. и их ближайшим подельником Убийцей Огорельцевым А.В. в фальсификации и изготовлении 20.06.13 г. в КОГКУЗКПБ заведомо ложного заключения № 44 (<https://cloud.mail.ru/public/C68t/9Sta4q9Bi>), на основании которого мне 10.07.13 г. ОПГ в составе Сырчиной Т.Ю., Шевнина С.В. и Важенина В.П. откровенно преступными способами было прекращено принудительное лечение (<https://cloud.mail.ru/public/KSGn/6qMXGESJs>). Новикова Ю.В. доставила меня в следственный отдел и, незаконно лишив меня права на участие в деле законного представителя Усмановой А.Р. и избранного мной защитника Ивановой И.А., которые в силу ст. 16, п. 4 ч. 3 ст. 49 УПК РФ **должны** были быть привлечены к делу еще 18.07.14 г., не разъясняя мне права подозреваемого, предусмотренные п. 1 ст. 14 Пакта, п. 1 ст. 6 Конвенции, ч. 4 ст. 46 УПК РФ, допросила по обстоятельствам дела, что Барминым Ю.В., Назаровой И.Е., Бережицким С.П., Тулуповой Е.Б., Шевниным С.В., Житеневым Г.Я.,

Бакулевым А.А. и Копыриной М.Н. было признано вполне законным. Несмотря на то, что я Новикову Ю.В. и Важенина В.П. просил сформулировать **признаки** ч. 2 ст. 297 УК РФ, однако, поскольку у них нет юридического образования, поэтому они это сделать так и не смогли, в чем мы можем убедиться, просмотрев видеозапись, которую вел Новикова Ю.В., а также по моим аудиозаписям, которые вел я. Они **обязаны** знать, что даже если бы постановление о привлечении меня к уголовной ответственности в качестве подозреваемого и отвечало бы требованиям п. 3 «а» ст. 14 Пакта, п. 3 «а» ст. 6 Конвенции, п. 1 ч. 4 ст. 46 УПК РФ в контексте ч. 2 ст. 140 УПК РФ, ст. 8 УК РФ, то даже в этом случае мне **должны** были быть предоставлены достаточные время и возможности для подготовки к своей защите, что мне гарантировано п. 3 «б» ст. 14 Пакта, п. 3 «б» ст. 6 Конвенции. Нарушая эти права, неминуемо нарушалось право на эффективные средства правовой защиты, гарантированное п. 3 ст. 2 Пакта, ст. 13 Конвенции, ч. 2 ст. 45 Конституции РФ, ч. 2 ст. 16, п. 11 ч. 4 ст. 46 УПК РФ, за что Новикова Ю.В. и её подельники подлежали привлечению к уголовной ответственности по ст. 140, ч. 3 ст. 210, ч. 3 ст. 285, ст. 315 УК РФ. Несмотря на то, что п. 1 ч. 4 ст. 46 УПК РФ **обязывал** Новикову Ю.В. и её подельников предоставить мне копию постановления о привлечении к уголовной ответственности, тем не менее это сделано не был, что **доказывает** и **неразъяснение** данного права. Но это кировские криминальные авторитеты Бармин Ю.В., Леденских И.В., Лукьянов Э.В., Ембасинов И.В., Бережицкий С.П., Тулупова Е.Б., Шевнин С.В., Назарова И.Е., Житенев Г.Я., Бакулев А.А., Копырина М.Н. и их подельники оценивать были не намерены, наивно полагая, что видеозапись и мои аудиозаписи не будут предметом оценки. Более полно этот вопрос рассмотрен п.п. 3.7 – 3.7.6 жалобы № 2690 (<https://cloud.mail.ru/public/7Lc7/sbVuaKwA9>).

Получив протокол допроса с нарушением права на защиту, то есть очередную Филькину грамоту, не имеющую юридической силы, Шевнин С.В., страдающая параноидной Шизофренией Сырчина Т.Ю., Важенин В.П. и Новикова Ю.В. обратились к Бережицкому С.П. и Тулуповой Е.Б., а также к специализирующейся на Взятках и Коррупции Назаровой И.Е. с ходатайством о лишении меня свободы и личной неприкосновенности и решили **незаконно** поместить в КОГКУЗКОКПБ им. Бехтерева В.М. для производства стационарной комплексной психолого-психиатрической якобы экспертизы в порядке ст. 165, 203, ч. 2 ст. 435 УПК РФ. Назарова И.Е. по указанию кировского криминального авторитета Бармина Ю.В., цинично нарушая моё право на рассмотрение дела судом, созданным на основании закона, то есть в нарушение ст. 8 Всеобщей декларации, п. 1 ст. 10 Всеобщей декларации, п. 1 ст. 14 Пакта, п. 1 ст. 6 Конвенции, ч. 1 ст. 47 Конституции РФ, абзацев 2, 3 п. 2, абзаца 3 п. 3 мот. части Постановления № 20-П от 20.07.12 г., ч. 1 ст. 32 УПК РФ, во-первых, незаконно изменила подсудность дела, решив его рассматривать в г. Яранске, а не в Арбаже по месту предварительного следствия и якобы совершения преступления, как это предусмотрено ч. 1 ст. 32, ч. 2 ст. 165 УПК РФ, а, во-вторых, незаконно поручила рассмотрение дела Потерпевшему Трухину Сергею Алексеевичу (стр. 19-20 <https://cloud.mail.ru/public/CXA5/2t21LjXuy>, <https://cloud.mail.ru/public/MNXf/pzDNBnrc7>) что недопустимо в силу п. 1 ч. 1 ст. 61, ч. 1 ст. 62 УПК РФ в значении понятия «потерпевший», данного в Постановлении КС № 28-П от 11.11.14 г. с учетом Определения КС № 2843-О от 23.12.14 г. Фактически Трухин С.А. как основание для возбуждения уголовного дела по ч. 2 ст. 297 УК РФ рассматривал те же самые слова и выражения, которые мной были допущены как в отношении Сырчиной Т.Ю., так и по отношению к нему самому, а поэтому **Трухин А.С. мне просто мстил за то, что я презирал его как ярко выраженного Уголовника**. Бережицкий С.П. поручил своему не имеющему юридического образования заместителю Гливинскому Геннадию Ивановичу организовать суд Линча и лишить меня вообще всех прав. От лица прокуратуры поручили выступить не имеющему юридического образования, действующему под видом прокурора Яранского района Бельтюкову Евгению Сергеевичу, **что лишний раз доказывало, что личность прокурора не имела никакого значения**.

3.1 11.08.14 г. меня с моей дочерью, которая должна была быть допущена к участию в деле в качестве моего законного представителя еще 18.07.14 г., доставили в Яранский райсуд в г. Яранске. Здесь не имеющие юридического образования «адвокат» Важенин В.П. и Новикова Ю.В. объявили мне, что вынесено новое постановление о направлении меня в КОГБУЗКОКПБ им. Бехтерева В.М. (л.д. 157-159 тома 2: <https://cloud.mail.ru/public/3Uph/LT85P4EJp>), забыв в очередной раз разъяснить и

обеспечить мне не только права, предусмотренные ч. 1 ст. 198 УПК РФ, **что мной зафиксировано в протоколе об ознакомлении с постановлением о назначении якобы экспертизы** и который **должен** быть составной частью постановления, но и **права, гарантированные законодательством о психиатрической помощи**: л.д. 160 тома 2: <https://cloud.mail.ru/public/3Uph/LT85P4EJp>. Это также подтверждалось аудиозаписями, которые я вел.

3.1.1 Несмотря на то, что «соответствующий национальный закон должен быть сформулирован достаточно четко, чтобы позволить заинтересованным лицам, при необходимости с помощью юридической консультации, **предвидеть** с разумной для данных обстоятельств степенью определенности те **последствия**, которые может повлечь за собой конкретное действие. На национальные органы власти, а именно **на суды, ложится задача толкования и применения внутреннего права**» (§ 38 Постановления ЕСПЧ от 29 августа 1997 г. по делу «Ворм против Австрии»), тем не менее Фигуранты изначально лишили меня права на заявление отвода и не стали разъяснить конституционно-правовой смысл понятий «личной», «прямой», «косвенной» заинтересованности правоприменителя в исходе дела, а также иные обстоятельства, которые предусмотрены в ч. 2 ст. 61 УПК РФ, чем сделали эти понятия не реализуемыми на практике. О компетентности российские «правоприменители» не заикаются нигде и никогда, хотя **это вопрос решаться был должен**, поскольку должен был решаться вопрос **о порядке реализации права** на заявление отвода экспертам по основаниям обнаружения их некомпетентности, что прямо предусмотрено п. 3 ч. 2 ст. 70 УПК РФ. Также они ни словом не обмолвились о ст. 63, ч. 2 ст. 64 УПК РФ, которые определяют **порядок** заявления отводов и основания их заявления в связи с тем, что правоприменитель **не вправе** вновь давать оценку подлежащим применению нормам действующего законодательства и доказательствам, что было разъяснено еще в Определении КС № 733-О-П от 17.06.08 г., хотя «регламентация процесса имеет целью, прежде всего, защиту преследуемого лица от возможных злоупотреблений властью, и что, следовательно, именно защита в наибольшей степени может пострадать от пробелов и неточностей такой регламентации» (§ 102 Постановления от 22.06.2000 г. по делу «Коеме и другие против Бельгии»). При этом Преступники **должны** были знать, что «справедливого судебного разбирательства не будет по крайней мере до тех пор, пока сложности, возникшие у подсудимого в результате ограничения его прав, не будут в достаточной мере компенсированы теми процедурами, которым **должна** следовать судебная власть (§ 70 Постановления от 26.03.96 г. по делу «Дурсан против Нидерландов»). А поскольку российскими «правоприменителями» вообще никогда не рассматривается вопрос о том, что заявление об отводе можно сделать, когда основания Жертве ранее известны не были, как это предусмотрено ч. 2 ст. 64 УПК РФ, ч. 2 ст. 19 ГПК РФ, ч. 2 ст. 34 КАС РФ, то и реализовать на практике эти требования по отношению к экспертам практически невозможно.

3.1.2 Так как Важенин В.П. и Новикова Ю.В. цинично лишили меня права на получение квалифицированной юридической помощи, то есть **создали** конфликт интересов, поэтому я заявил отвод Важенину В.П. Несмотря на то, что Потерпевший Трухин С.А. незаконно отказал мне в удовлетворении ходатайства об отводе Важенина В.П. и доказал, что никакого правосудия он не отправляет, однако он Важенина В.П. при пособничестве Бельтюкова Е.С. с наглым нарушением ч. 2 ст. 16 УПК РФ заменили на не имеющего юридического образования «адвоката» Неупокоева Василия Анатольевича, **который отказался выполнять свои обязанности** и разъяснять мне в **письменной форме** все мои права и порядок их осуществления, как это предусмотрено п. 1 ч. 2 ст. 2 Закона «Об адвокатской деятельности...», хотя **это вопрос решаться был должен**, поскольку должен был решаться вопрос **о порядке реализации права** на заявление отвода экспертам по основаниям обнаружения их некомпетентности, что прямо предусмотрено п. 3 ч. 2 ст. 70 УПК РФ. Этим Неупокоев В.А. предоставил **доказательства** не только создание им конфликта интересов, но и наличие коррупционных признаков в своих преступных действиях, **осуществляемых в интересах** Банды Бармина Ю.В., Леденских И.В., Лукьянова Э.В., Ембасинова И.В., Бережицкого С.П., Тулуповой Е.Б., Шевнина С.В., Назаровой И.Е., Житенева Г.Я., Бакулева А.А., Новиковой Ю.В., Солодовникова С.А., Кальсина С.Н., Утемовой Е.Д., Петухова Ю.Л. и Копыриной М.Н., хотя Уголовники **должны** были знать, что защитник не может представлять интересы Жертвы, если она в следствии представительства лишается эффективной защиты её прав и присутствует конфликт интересов между Жертвой и её защитником, что впоследствии было установлено ЕСПЧ в § 102 Постановления от 05.06.15 г. по делу «Ламбер и другие против Франции». Они **должны** были это знать **в силу занимаемого должностного положения**, поскольку были **обязаны правильно** (ч. 2 ст. 12 ГПК РФ, ч. 2 ст. 14 КАС РФ, абзац 3 п. 3.3. мот. части Постановления КС № 5-П от 01.03.12 г.) применять нормы действующего законодательства и **устанавливать, то есть доказывать**

соответствие национального законодательства нормам международного права (§ 145 Постановления ЕСПЧ от 06.05.03 г. по делу «Клейн и другие против Нидерландов»).

Затем Потерпевший Трухин С.А. и «прокурор» Бельтюков Е.С., **доказывая** прямую заинтересованность в исходе дела и создавая конфликт интересов, не стали рассматривать моё ходатайство о том, чтоб Неупокоев В.А. разъяснил мне мои права и порядок их осуществления с внесением этих разъяснений в протокол судебного заседания, сославшись на соблюдение адвокатской тайны. Однако право на сохранение конфиденциальности общения Жертвы с **навязанным** ей «адвокатом» принадлежит только Жертве, что и разъяснено в § 59 Постановления ЕСПЧ от 12.06.12 по делу **«Gryaznov v. Russia»**: «... правило адвокатской тайны служит важной цели обеспечения конфиденциальности в отношениях адвоката и клиента и содействия полной откровенности с адвокатом, что позволяет последнему наилучшим образом оказывать юридическую помощь и осуществлять эффективное представительство. **Эта привилегия служит интересам клиента и, следовательно, может быть востребована только клиентом, который может от нее отказаться**». С тем, что происходило в Яранском районном

якобы	суде,	можно	ознакомиться	здесь:
-------	-------	-------	--------------	--------

<https://cloud.mail.ru/public/3WQt/QNyj5Eh4q>.

3.1.3 При этом вопрос о заявлении отвода и его разрешении **должен** рассматриваться в контексте доводов ЕСПЧ, выраженных в §§ 139-150 Постановления от 06.05.03 г. по делу «Клейн и другие против Нидерландов», где он пришел к выводу о том, что законодательство Нидерландов, предусматривающее рассмотрение вопроса об отводе **до** разрешения дела по существу (§§ 139-140) отвечает требованиям п. 1 ст. 6 Конвенции о беспристрастности правосудия. Важным является то, что **«каждый судья должен** внимательно относиться к исполнению этих принципов и, в случае обоснованных сомнений, он **должен** либо **заявить самоотвод**, либо согласиться на **установление** его или ее беспристрастности» (§ 139). Также вопрос об отводе и его разрешении **должен** рассматриваться в контексте п. 5 ППВС РФ № 5 от 17.09.75 г. в редакции ППВС РФ № 7 от 06.02.07 г. «О соблюдении судами РФ процессуального законодательства при судебном разбирательстве уголовных дел», где разъяснено: «Ходатайства, поступившие после назначения дела к слушанию, **но до начала судебного разбирательства**, подлежат разрешению в подготовительной части судебного заседания. Однако **в целях обеспечения их быстрейшего разрешения** председательствующий по делу **может до этого совершать определенные подготовительные действия** (запрашивать справки, характеристики и иные документы и т.д.)».

Из смысла приведенного понятно, что вопрос об отводе **должен** быть решен **до** рассмотрения дела по существу, поскольку решение этого вопроса связано не только с правом на разбирательство дела судом, созданным на основании закона (п. 1 ст. 14 Пакта, п. 1 ст. 6 Конвенции, ч. 1 ст. 47 Конституции РФ»), но и с правом на разбирательство дела в разумный срок (ч. 1 ст. 46 Конституции РФ, ст. 6¹ УПК РФ) и с правом на эффективные средства правовой защиты (п. 3 ст. 2 Пакта, п.п. 1-3 ст. 9 Декларации о праве, ст. 13 Конвенции, ст. 45 Конституции РФ).

3.1.4 Также вопрос об отводе необходимо рассматривать в контексте доводов КС РФ, выраженных в абзаце 1 п. 2.6 Определения КС № 678-О от 24.03.15 г., где разъяснено, что часть 2 ст. 61 УПК РФ «не содержит исчерпывающего перечня обстоятельств, могущих свидетельствовать о личной, прямой или косвенной, заинтересованности судьи в исходе дела, и тем самым **не исключает возможность заявления судье отвода в связи с выявлением в ходе судебного разбирательства обстоятельств, свидетельствующих о проявившихся в тех или иных его действиях и решениях по делу предвзятости и необъективности**».

То есть при решении вопроса о заинтересованности правоприменителя в исходе дела предметом оценки **должны быть** принятые им **решения и совершаемые действия** и отвод **должен** заявляться и рассматриваться **в момент** совершения противоправных действий и принимаемых решений.

3.1.5 Что касается отвода экспертов, то этот вопрос вообще в России не урегулирован, поскольку **ни один** правоприменитель не может разъяснить **порядок** его заявления. Если об основаниях для отвода хоть с кем-то и о чем-то можно говорить, то **порядок заявления и рассмотрения отвода экспертам в России не известен никому даже теоретически**. У меня появляется большое сомнение, что экспертам заявляли отвод по каким-либо основаниям в ходе производства самой экспертизы, а поэтому можно смело утверждать, что **в России никто и никогда не разъяснял Жертвам право на заявление экспертам отводов**. То есть **тезис о том, что при назначении экспертиз не**

разъясняется право на заявление отвода экспертам, можно считать доказанным. То есть можно считать доказанным, что в России нет экспертов, которым было бы известно законодательство об экспертной деятельности, составной частью которой является вопрос об отводе.

3.2 Однако, здесь следует сделать отступление и рассмотреть вопрос о праве на получение правовой помощи особо тщательно, поскольку нарушение этого права было всегда и везде и абсолютно все навязанные мне «адвокаты» участвовали в фальсификации уголовных дел в отношении меня. Также абсолютно со всеми **навязанными** мне «адвокатами» я **не имел возможности** обсудить материалы дела и выработать линию защиты.

3.2.1 Что касается права на помощь **избранного Жертвой** защитника, то это право **гарантировано** не только п. 1 ст. 14, п.п. 3 «b», «d» ст. 14 Пакта, п. 1 ст. 6, п. 3 «с» ст. 6 Конвенции, ст.ст. 47, 48 Хартии, ч. 1 ст. 46, ст. 48 Конституции РФ, что разъяснено Конституционным Судом РФ, в том числе и в Определении № 2319-О от 27.10.15 г., но это следует и из смысла ч.ч. 1, 2 ст. 50 УПК РФ. **Основное** право на защиту в контексте права на доступ к Правосудию, которые не могут быть отменены ни при каких обстоятельствах, российскими «правоприменителями» было нарушено вместе с правами: 1. на мнение, гарантированное ст. 19 Всеобщей декларации, п. 1 ст. 19 Пакта, п. 1 ст. 10 Конвенции, ч.ч. 1, 3 ст. 29 Конституции РФ; 2. эффективные средства правовой защиты, гарантированное п. 3 ст. 2 Пакта, п. 1 ст. 9 Декларации о праве, п.п. «b», «d» Принципа 3 Принципов о компенсации, ст. 13 Конвенции, ч. 2 ст. 45 Конституции РФ. В результате за весь период незаконного воспрепятствования мне в реализации предоставленных законом прав были получены недопустимые доказательства, что запрещено ч. 3 ст. 49, ч. 2 ст. 50 Конституции РФ, в связи с чем **весь процесс** становится бессмысленным. В жалобах № 2813 (<https://cloud.mail.ru/public/8UU5/xKMHpuhqY>) и № 2829 (<https://cloud.mail.ru/public/JNaY/MJurkPxv5>) достаточно подробно объяснен порядок реализации права на помощь **избранного Жертвой** защитника.

3.2.2 Но так как фантазии российских «правоприменителей» не соответствуют не только указанным нормам материального права, но были опровергнуты и Конституционным и Верховным Судами, злостное неисполнение которых влечет безусловное привлечение к уголовной ответственности по ст. 315 УК РФ, поэтому придется все-таки повторить мизерную часть из того, что было объяснено в жалобе № 2813:

3.4.2 В рассматриваемом контексте необходимо иметь ввиду доводы Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ об обязательности допуска к участию в деле выбранного обвиняемым защитника, выраженные в Определении от 07.06.12 г. по делу № 46-О12-23СП:

Кроме того, суд отказал в удовлетворении ходатайств: Давлетшина о допуске к участию в деле наряду с адвокатом защитника Е. Климанцова о допуске в качестве защитника Г. мотивируя принятые решения тем, что "подсудимые обеспечены профессиональными адвокатами" (л.д. 196, 221 т. 5).

Между тем из содержания и смысла положений **ч. 2 ст. 49** УПК РФ вытекает, что защитник из числа родственников или иных лиц допускается к участию в деле по ходатайству подсудимого не вместо, а наряду с профессиональным адвокатом.

Судебная коллегия находит, что судом нарушены конституционные права подсудимых, и в частности положения **ч. 2 ст. 45** Конституции РФ, согласно которым каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом.

Одним из способов защиты от предъявленного обвинения, который прямо закреплен в **ч. 2 ст. 49** УПК РФ, является участие в судебном заседании в качестве защитника наряду с адвокатом одного из близких родственников обвиняемого или иного лица, допущенного к участию в деле по его ходатайству.

В соответствии с правовой позицией Конституционного Суда РФ, выраженной в **Определении** от 11 июля 2006 г. N 268-О, отказ суда в предоставлении обвиняемому возможности воспользоваться закрепленным в **ч. 2 ст. 49** УПК РФ способом защиты свидетельствует об ограничении гарантируемого **ч. 2 ст. 45** Конституции РФ права и может иметь место лишь при наличии существенных к тому оснований, в том числе предусмотренных уголовно-процессуальным законом обстоятельств, исключающих участие защитника в производстве по уголовному делу.

Наделение суда правомочием решать вопрос о допуске в качестве защитников иных, помимо адвокатов, лиц, избранных самим обвиняемым, как вытекает из правовой позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в [постановлении](#) от 28 января 1997 года N 2-П, обусловлено тем, что в стадии судебного производства именно суд обеспечивает условия для реализации сторонами своих прав ([ч. 3 ст. 15 УПК РФ](#)), и на него возложена обязанность обеспечивать обвиняемому возможность защищаться всеми не запрещенными законом способами и средствами ([ч. 2 ст. 16 УПК РФ](#)).

При этом по своему конституционно-правовому смыслу содержащаяся в [ч. 2 ст. 49 УПК РФ](#) норма не предполагает право суда произвольно - без учета других норм [УПК РФ](#), в частности [ч. 1 ст. 50 УПК РФ](#), предоставляющей обвиняемому право пригласить для участия в уголовном деле нескольких защитников, отклонять соответствующее ходатайство обвиняемого.

Данная норма лишь предполагает обязанность суда решать этот вопрос, руководствуясь требованием [ч. 3 ст. 17 Конституции РФ](#), согласно которой осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц.

Однако во всех случаях принятое по ходатайству о допуске близких родственников или иных лиц к участию в деле в качестве защитника решение должно соответствовать [ч. 4 ст. 7 УПК РФ](#) и отвечать требованиям законности, обоснованности и мотивированности.

Решения, принятые председательствующим судьей по ходатайствам осужденных Давлетшина и Климанцова о допуске в качестве защитников Е. и Г. не отвечают этим требованиям закона, а ссылка суда на недопустимость участия названных лиц в судебном заседании на том лишь основании, что в деле участвует профессиональный адвокат, противоречит [ч. 2 ст. 49 УПК РФ](#), которая содержит прямое указание на то, что эти лица могут быть допущены к участию в деле наряду с адвокатом.

При таких обстоятельствах доводы осужденных и их адвокатов о том, что при разбирательстве уголовного дела судом нарушено право на защиту осужденных, Судебная коллегия находит обоснованными.

3.2.3 Однако придется все-таки не только повторить, но и дополнить доводы о **правильном** применении норм действующего законодательства в рассматриваемом вопросе, что повсеместно игнорируется, а значит **нарушается сама законность**. То есть создана **система** вынесения **откровенно преступных** решений при том условии, что всё разъяснено и что **неопровержимо доказывает**, что ссылки на нормы действующего законодательства при решении вопросов о конкретных правоотношениях для российских «правоприменителей» не имеют никакого значения. То есть однозначно можно сказать, что развалом и уничтожением судебной власти в регионах занимаются председатели областных судов и председатели квалификационных коллегий судей, а **уничтожением** законности в правоохранительных органах и судах занимаются прокуроры областей.

3.2.4 Вновь привожу доводы Конституционного Суда РФ, выраженные в п. 2 мот. части Определения № 20-О от 28.01.16 г.: «Обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту статья 16 УПК Российской Федерации закрепляет в качестве одного из принципов уголовного процесса и предусматривает, что это право они могут осуществлять лично либо с помощью защитника и (или) законного представителя (часть первая), а суд, прокурор, следователь и дознаватель **разъясняют** подозреваемому и обвиняемому их права и **обеспечивают им возможность** защищаться **всеми** не запрещенными данным Кодексом **способами и средствами** (часть вторая). На реализацию данного принципа направлены и положения статьи 47 УПК Российской Федерации, гарантирующие обвиняемому право защищать свои права и законные интересы и иметь достаточное время и возможность для подготовки к защите (часть третья), пользоваться помощью защитника, в том числе бесплатно в случаях, предусмотренных данным Кодексом (пункт 8 части четвертой). Этим нормам корреспондирует пункт 7 части первой статьи 53 УПК Российской Федерации, закрепляющий право защитника знакомиться по окончании предварительного расследования со всеми материалами уголовного дела, выписывать из уголовного дела любые сведения в любом объеме, **снимать за свой счет** копии с материалов уголовного дела, в частности с помощью технических средств».

3.2.5 В §§ 81, 97 Постановления от 07.07.15 г. по делу «М.Н. и другие против Сан-Марино» ЕСПЧ было подтверждено, что Конвенция **должна** применяться **непосредственно** и что «статья 6 Конвенции в ее уголовно-процессуальном значении **начинает** применяться **с момента**, когда на лицо **влияет расследование**». При этом власти **должны доказать** со ссылками на примеры из правоприменительной практики или **эффективной и**

обоснованной аргументации, что предложенные средства правовой защиты **могут прекратить нарушение** права, как они **обязаны объяснить**, какой процедуре надлежит следовать, и **какие за этим будут правовые последствия принесенной жалобы**. Также «Европейский Суд считает, что власти государства-ответчика обычно **должны иллюстрировать** практическую эффективность средства правовой защиты примерами из внутригосударственной судебной практики» и поэтому хотелось бы знать: **когда** будут рассмотрены **в установленном законом порядке наши** ходатайства и жалобы? Так как нам недоступен «"эффективный контроль", на который граждане имеют право в условиях верховенства права и который был бы способен ограничить вмешательство властей, о котором идет речь, тем, что является "необходимым в демократическом обществе"» (§ 83), поэтому мы не видим ни одного средства правовой защиты в России, которое было бы способно обеспечить достижение поставленной нами задачи - аннулировать нарушение прав или их последствия. В следствии тотальной некомпетентности в России невозможно решить вопрос с самим правом на защиту **и порядком его осуществления**, а также со **всеми** средствами и способами правовой защиты, с помощью которых можно было бы реализовать само право на защиту в полном объеме, то есть наполнить средства и способы **соответствующими** объемом и правовым содержанием.

3.2.6 Согласно смысла §§ 59, 60 Постановления ЕСПЧ от 04.06.15 г. по делу «Руслан Яковенко против Украины» понятие «произвол» может выходить за пределы соответствия национальному законодательству. То есть действия властей могут быть законными «в соответствии с национальным законодательством, все еще может быть произвольным и, таким образом, противоречить Конвенции». Один из общих принципов, установленных в прецедентном праве Суда предусматривает, что действия властей будут «произвольными», «если, несмотря на соблюдение буквы национального законодательства, имел место элемент **недобросовестности** или **обмана** со стороны властей, или если национальные власти не пытались применить **соответствующий закон должным образом**».

При этом, при решении любого вопроса **должны** соблюдаться пропорциональность, определяться конкретная цель для совершаемых действий и избираться **адекватные** средства правовой защиты. Преступная деятельность председателей судов и «прокуроров» привела к тому, что применяемые ими ограничения исключают и уменьшают возможность судебной защиты таким образом и в такой мере, что **сама сущность права на обращение в суд посредством интернета лишается смысла**. «Более того, ограничение является противоречащим **пункту 1 статьи 6** Конвенции, если оно не преследует законную цель и если отсутствует **разумное** соотношение между используемыми средствами и преследуемой целью», что разъяснено в § 53 Постановления ЕСПЧ от 21.11.01 г. по делу «Аль-Адсани против Соединенного Королевства». Избираемые российскими «правоприменителями» средства не содержат ни пропорциональности, непонятна цель совершаемых ими действий, они содержат элементы недобросовестности, обмана и откровенно преступны и для достижения преступной цели лишения Жертв права на доступ к Правосудию они выдумывают все новый и новый Абсурд.

3.2.7 Регулярно возникают коллизии применения с одной стороны ч. 2 ст. 49 УПК РФ, а с другой стороны ч. 1 ст. 11, ч. 3 ст. 15, ч. 2 ст. 16, ч.ч. 1, 2 ст. 50, ч.ч. 1, 2 ст. 243 УПК РФ, которые российские «правоприменители» **неправильно** понимают и применяют. Они упорно не желают понимать, что правоприменитель, «... избирая конкретные **механизмы реализации прав**, не может устанавливать такие правила, которые противоречили бы принципам уголовного судопроизводства, и **создавать неустранимые препятствия в реализации прав, приводя тем самым к фактическому их упразднению (...)**» (Определение КС № 1040 от 21.05.15 г.).

3.2.8 Также мы должны понимать, что поскольку к участию в деле **защитник должен быть допущен по просьбе обвиняемого** и **его никто не имеет права лишить этого**, то есть никто **не имеет права** лишить обвиняемого права на мнение, гарантированное ему ст. 19 Всеобщей декларации, п.п. 1, 2 ст. 19 Пакта, п. 1 ст. 10 Конвенции, ч.ч. 1, 3 ст. 29 Конституции и **желание обвиняемого носит уведомительный характер**, поэтому с **момента уведомления** о желании обвиняемого иметь **конкретного** защитника суд, прокурор, следователь и дознаватель по смыслу ч. 1 ст. 11, ч. 3 ст. 15, ч. 2 ст. 16, ч. 2 ст. 50 УПК РФ **обязаны это право обеспечить** и допустить **избранного обвиняемым защитника** к участию в деле, так как **правовой статус лица устанавливается исходя из**

фактического его положения и лишь процессуально оформляется постановлением дознавателя, следователя или суда, но не формируется им. (абзац 3 п. 4 мот. части Постановления КС № 28-П от 11.11.14 г.).

Повторим еще раз: **правовой статус определяется подлежащими применению нормами действующего законодательства и фактическим положением, а не дискреционным решением.**

3.2.9 Об уведомительном, а не разрешительном характере права на защиту разъяснено и в абзаце 4 п. 3 мот. части Постановления КС № 20-П от 26.12.03 г. При этом, как указал Конституционный Суд РФ в абзаце 3 п. 3 мот. части Определения КС № 255-О-П от 08.02.07 г.: «... реализация права пользоваться помощью адвоката (защитника) на той или иной стадии уголовного судопроизводства **не может быть поставлена в зависимость от усмотрения должностного лица или органа**, в производстве которого находится уголовное дело, т.е. от **решения, не основанного на перечисленных в уголовно-процессуальном законе обстоятельствах**, предусматривающих обязательное участие защитника в уголовном судопроизводстве, в том числе по назначению».

3.2.10 При этом я должен **в который уже раз** привести основополагающие доводу Конституционного Суда, выраженные в п. 5 мот. части Постановления КС № 3-П от 18.02.2000 г.: «Отсутствие же корреспондирующей праву гражданина обязанности государственных органов не может не приводить к умалению права как такового, что согласно статьи 55 (часть 2) Конституции РФ **является недопустимым**». То есть право человека реализуется в действиях должностного лица по его осуществлению в соответствующем документе. Если такого документа нет, либо нет документа, в котором должен быть указан **порядок осуществления права**, в следствии чего жертва лишена **возможности реализовать право**, то нет ни прав, ни обязанностей. Имеется только произвол. **Отсутствие доказательства реализации права является доказательством нарушенного права.**

3.2.11 **Вся** моя практика **доказывают** то, что целью «правоприменителей» было нарушение прав: 1. на помощь избранного защитника; 2. мнение; 3. публичность; 4. получение информации; 5. эффективные средства правовой защиты; 6. обжалование действий и бездействие должностных лиц и, как следствие, право на справедливое разбирательство дела в условиях состязательности и равноправия сторон.

3.3 Итак:

3.3.1 В силу ч. 4 ст. 7 УПК РФ: «Определения суда, постановления судьи, прокурора, следователя, дознавателя **должны** быть **законными**, обоснованными и **мотивированными**».

3.3.2 В силу ч. 2 ст. 15 Конституции РФ: «**Органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны** соблюдать Конституцию РФ и законы». В силу ч.ч. 1, 4 ст. 15 Конституции РФ нормы Конституции РФ и международного права **имеют прямое действие и подлежат применению непосредственно** (п. 5 ППВС РФ № 5 от 10.10.03 г.) и поэтому должны применяться именно они в силу ч. 2 ст. 11 ГПК РФ, п. 2 ППВС РФ № 23 от 19.12.03 г. «О судебном решении» с учетом принципа равенства. При этом «**международным договорам принадлежит первостепенная роль в сфере защиты прав человека и основных свобод**» (ППВС РФ № 5 от 10.10.03 г.); «права и свободы человека согласно общепризнанным принципам и нормам международного права ... являются непосредственно действующими ... они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и **обеспечиваются правосудием.** Под общепризнанными принципами международного права следует понимать **основополагающие императивные нормы** международного права, принимаемые и признаваемые международным сообществом государств в целом, **отклонение от которых недопустимо...** Под общепризнанной нормой международного права следует понимать **правило поведения**, принимаемое и признаваемое международным сообществом государств в целом в качестве **юридически обязательного**» (п. 1 ППВС РФ № 5 от 10.10.03 г.).

3.3.3 Также следует иметь в виду, что «неправильное применение судом общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации может являться основанием к отмене или изменению судебного акта. Неправильное применение нормы международного права может иметь место в случаях, когда **судом не была применена норма** международного права, **подлежащая применению**, или, напротив, суд применил норму международного права, которая не подлежала

применению, либо когда **судом было дано неправильное толкование** нормы международного права» (п. 9 ППВС РФ № 5 от 10.10.03 г.).

Этот пункт важен тем, что приведенные в нем **требования** касаются **всех видов судопроизводства**, поскольку этого **требует** само понятие законности и применения закона, который имеет большую юридическую силу и **обеспечивает возможность правильно** регулировать подлежащие разрешению правоотношения.

3.3.4 При этом, применение судами Конвенции **«должно осуществляться с учетом практики Европейского Суда по правам человека во избежание любого нарушения Конвенции о защите прав человека и основных свобод»** (п. 10 ППВС РФ № 5 от 10.10.03 г.). «Конвенция ... обладает **собственным** механизмом, который включает **обязательную** юрисдикцию Европейского Суда по правам человека ... В силу пункта 1 статьи 46 Конвенции эти постановления в отношении Российской Федерации, принятые окончательно, являются **обязательными** для **всех** органов государственной власти Российской Федерации, **в том числе и для судов**. Выполнение постановлений, касающихся Российской Федерации, предполагает в случае необходимости обязательство со стороны государства принять меры частного характера, направленные на устранение нарушений прав человека, предусмотренных Конвенцией, и последствий этих нарушений для заявителя, **а также меры общего характера, с тем чтобы предупредить повторение подобных нарушений**. Суды ... **должны** действовать таким образом, чтобы **обеспечить выполнение обязательств** государства, вытекающих из участия Российской Федерации в Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Если при судебном рассмотрении дела были выявлены обстоятельства, которые способствовали нарушению прав и свобод граждан, гарантированных Конвенцией, суд вправе вынести частное определение (или постановление), в котором обращается внимание соответствующих организаций и должностных лиц на обстоятельства и факты нарушения указанных прав и свобод, **требующие принятия необходимых мер**» (п. 11 ППВС РФ № 5 от 10.10.03 г.).

Однако здесь необходимо иметь ввиду, что устранение причин и условий, способствующих нарушению прав и свобод человека и гражданина является не правом, а обязанностью, исходя из смысла ст. 2 УК РФ, ст.ст. 2, 226 ГПК РФ, ст.ст. 3, 200 КАС РФ, ст. 2, ч. 4 ст. 29, ч. 3 ст. 73 УПК РФ, ППВС РФ № 5 от 01.09.87 г. «О повышении роли судов в выполнении требований закона, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствовавших совершению преступлений и других правонарушений» (в ред. ППВС РФ от 06.02.07 г. № 7), п. 14 ППВС РФ № 5 от 17.09.75 г. в редакции ППВС РФ № 7 от 06.02.07 г. «О соблюдении судами РФ процессуального законодательства при судебном разбирательстве уголовных дела», п. 6 ППВС РФ № 35 от 07.02.67 г. в редакции ППВС РФ № 5 от 06.02.07 г. «Об улучшении организации судебных процессов и повышении культуры их проведения» в их нормативном единстве и в силу ст. 14 Закона «О порядке рассмотрения обращений граждан РФ».

3.3.5 В силу Венской конвенции о международных договорах **«каждый действующий договор обязателен** для его участников и **должен** ими **добросовестно выполняться»** (ст. 26); «участник **не может ссылаться на положения своего внутреннего права** в качестве оправдания для невыполнения им договора» (ст. 27). В силу ст. 53: «Договор является ничтожным, если в момент заключения он противоречит **императивной** норме **общего международного права**. Поскольку это касается настоящей Конвенции, **императивная норма общего международного права** является нормой, которая принимается и признается международным сообществом государств в целом как **норма, отклонение от которой недопустимо** и **которая может быть изменена ТОЛЬКО последующей нормой общего международного права, носящей такой же характер**».

3.3.6 Важным является и вопрос о **качестве** подлежащих применению законов.

В силу п. 2 ст. 2 Пакта на государства возлагается обязанность принять необходимые меры на законодательном уровне, которые **должны оказаться необходимыми для осуществления прав**, признаваемых в Пакте.

В силу ст. 4 Пакта об экономических правах, государство может устанавливать **только** такие ограничения прав, признаваемых в Пакте, которые определяются законом, и **только** постольку, поскольку это совместимо с **природой** указанных прав, и **исключительно с целью** способствовать **общему благосостоянию** в демократическом обществе.

В силу п. 2 ст. 2 Декларации о праве: каждое государство должно принять такие законодательные, административные и иные меры, какие могут быть необходимы для **обеспечения** эффективных гарантий прав и свобод, упомянутых в Декларации.

В силу ст. 3 Декларации о праве: внутреннее **законодательство**, согласующееся с **Уставом** Организации Объединенных Наций и другими международными обязательствами государства в области прав человека и основных свобод, **образует юридические рамки**, в которых **должны осуществляться** и **обеспечиваться** права человека и основные свободы и

в которых **должна** проводиться вся упомянутая в Декларации деятельность по поощрению, защите и **эффективной реализации** этих прав и свобод.

3.3.7 В силу Принципа 2 Принципов о компенсации Государства **должны, согласно требованиям международного права, обеспечить соответствие своего национального законодательства их международно-правовым обязательствам** посредством:

а) включения международных норм в области прав человека и международного гуманитарного права в их национальное законодательство или **их применения иным образом в рамках их национальной правовой системы;**

б) **принятия надлежащих эффективных законодательных и административных процедур и других соответствующих мер, обеспечивающих на справедливых условиях эффективный и незамедлительный доступ к правосудию;**

с) **обеспечения адекватных, эффективных, быстрых и надлежащих средств правовой защиты, включая возмещение ущерба, которые определяются ниже;**

д) **создания гарантии того, чтобы их национальное законодательство обеспечивало по меньшей мере такой же уровень защиты жертв, какой предусмотрен их международными обязательствами.**

3.3.8 В силу Принципа 3 Принципов о компенсации: «Обязательство **уважать, обеспечивать уважение и осуществлять международные нормы** в области прав человека и международного гуманитарного права, как это предусмотрено соответствующими сводами норм, включает, в частности, **обязанность:**

а) **принимать соответствующие законодательные и административные, а также иные надлежащие меры для предотвращения нарушений;**

б) **проводить эффективные, незамедлительные, тщательные и беспристрастные расследования по фактам нарушений** и, когда это целесообразно, принимать меры против предполагаемых виновников в соответствии с нормами национального законодательства и международного права...»

3.3.9 В силу Принципа 4 Принципов о компенсации: «**В случае грубых нарушений международных норм в области прав человека и серьезных нарушений международного гуманитарного права, являющихся преступлениями согласно международному праву, государства обязаны проводить расследования и, при наличии достаточных улик, обязаны подвергать судебному преследованию лиц, предположительно совершивших эти нарушения, а в случае доказанности вины - наказывать виновных.** Кроме того, в таких случаях государства **должны, в соответствии с международным правом, сотрудничать друг с другом и помогать компетентным международным судебным органам в расследовании этих нарушений и преследовании за них**».

3.3.10 В силу ч. 3 ст. 1 УПК РФ: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются **составной частью** законодательства Российской Федерации, регулирующего уголовное судопроизводство. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные настоящим Кодексом, то **применяются правила международного договора**».

3.3.11 В силу 3 «b», «d» ст. 14 Пакта каждый обвиняемый имеет право **как минимум** на следующие гарантии:

б) иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты и сноситься **с выбранным им самим** защитником;

д) быть судимым в его присутствии и защищать себя лично или через посредство **выбранного им самим защитника**; если он не имеет защитника, быть уведомленным об этом праве и иметь назначенного ему защитника в любом случае, когда интересы правосудия того требуют, безвозмездно для него в любом таком случае, когда у него нет достаточно средств для оплаты этого защитника.

3.3.12 В силу п. 3 «с» ст. 6 Конвенции: «Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет **как минимум** следующие права: с) защищать себя лично или через посредство **выбранного им самим защитника** или, при недостатке у него средств для оплаты услуг защитника, пользоваться услугами назначенного ему защитника бесплатно, когда того требуют интересы правосудия».

3.3.13 Возвращаясь к судебной практике, необходимо иметь в виду, что «**само внутреннее законодательство должно соответствовать Конвенции, включая общие принципы, выраженные или подразумеваемые в ней. В основе обсуждаемой формулы лежат понятия справедливой и надлежащей процедуры...**» (§ 45 Решения от 24.10.79 г. по делу «Винтерверп против Нидерландов», Постановления от 05.01.10 г. по делу «Фрасик против Польши», от 05.01.10 г. по делу «Яремович против Польши»).

Также необходимо иметь ввиду, что «законодательство РФ **может предусматривать более высокий уровень защиты прав и свобод человека** в сравнении со стандартами, гарантируемыми Конвенцией и Протоколами к ней в толковании Суда. В таких случаях судам, **руководствуясь** статьей 53 Конвенции, **необходимо применять** положения, содержащиеся в законодательстве Российской Федерации» (абзац 2 п. 3 ППВС РФ № 21 от 27.06.13 г.).

3.3.14 В п. 13 ППВС РФ № 21 от 27.06.13 г. разъяснено: «Согласно положениям подпункта "с" пункта 3 статьи 6 Конвенции в толковании Европейского Суда обвиняемый **имеет право** эффективно защищать себя лично или через посредство **выбранного им самим защитника**. Судам первой, апелляционной, кассационной или надзорной инстанции **необходимо исчерпывающим образом разъяснить содержание этого права**, а также в соответствии с законодательством Российской Федерации **обеспечивать его реализацию**».

3.3.15 В силу п. 7 ППВС РФ № 21 от 27.06.13 г. «**Целью** Конвенции и Протоколов к ней являются **эффективное признание и защита** нарушенных прав и свобод человека, поэтому положения этих международных договоров Российской Федерации **не могут служить основанием для их ограничения**».

3.3.16 Решая вопрос об ограничении права, Верховный Суд пришел к выводу о том, что «под ограничением прав и свобод человека (вмешательством в права и свободы человека) понимаются **любые** решения, действия (бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих, а также иных лиц, вследствие принятия или осуществления (неосуществления) которых в отношении лица, заявляющего о предполагаемом нарушении его прав и свобод, **созданы препятствия для реализации его прав и свобод... любое** ограничение прав и свобод человека **должно** быть **основано на федеральном законе**; **преследовать социально значимую, законную** цель (например, обеспечение общественной безопасности, защиту морали, нравственности, прав и законных интересов других лиц); являться **необходимым в демократическом обществе** (пропорциональным преследуемой социально значимой, законной цели). **Несоблюдение одного из этих критериев ограничения представляет собой нарушение прав и свобод человека, которые подлежат судебной защите в установленном законом порядке...** (п. 5 ППВС РФ № 21 от 27.06.13 г.)... Судам при рассмотрении дел **всегда** следует **обосновывать** необходимость ограничения прав и свобод человека исходя из установленных фактических обстоятельств... **ограничение** прав и свобод человека допускается **лишь в том случае**, если имеются относимые и **достаточные основания** для такого ограничения, а также если соблюдается баланс между законными интересами лица, права и свободы которого ограничиваются, и законными интересами иных лиц, государства, общества... Ограничение процессуальных прав, например удаление лица из зала судебного заседания, допускается после того, как этому лицу разъяснены правовые последствия такого ограничения (пункт 1 статьи 6 Конвенции в толковании Европейского Суда). Установленные судом обстоятельства, свидетельствующие о необходимости ограничения прав и свобод человека, **подлежат отражению в судебных актах**» (п. 8 ППВС РФ № 21 от 27.06.13 г.).

3.3.17 В силу абзаца 6 п. 2 мот. части Постановления КС № 22-П от 16.07.15 г.: «Юридические конструкции бланкетного характера могут отсылать к положениям не только законов и находящихся в нормативном единстве с ними подзаконных актов, но и международных договоров Российской Федерации, поскольку Конституция РФ признает их составной частью правовой системы России и **закрепляет приоритет установленных ими правил в правоприменительной практике** (статья 15, часть 4), а также предусматривает возможность участия России в межгосударственных объединениях и передачи им части своих полномочий в соответствии с международными договорами, **если это не влечет ограничения прав и свобод человека и гражданина** и не противоречит основам конституционного строя Российской Федерации (статья 79)».

3.3.18 В силу ч. 1 ст. 11 УПК РФ: «Суд, прокурор, следователь ... **обязаны разъяснять** ... обвиняемому ... **другим участникам** уголовного судопроизводства их **права, обязанности и ответственность** и **обеспечивать возможность осуществления** этих прав».

3.3.19 В силу ч. 3 ст. 15 УПК РФ: «Суд **создает необходимые условия для** исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и **осуществления предоставленных им прав**».

3.3.20 В силу ч. 1 ст. 16 УПК РФ: «Подозреваемому и обвиняемому **обеспечивается** право на защиту, которое они **могут осуществлять** лично либо **с помощью защитника** и (или) законного представителя».

3.3.21 В силу ч. 2 ст. 16 УПК РФ: «Суд, прокурор, следователь ... **разъясняют** подозреваемому и обвиняемому их права и **обеспечивают им возможность** защищаться»

всеми не запрещенными настоящим Кодексом **способами и средствами»**.

3.3.22 В силу п. 8 ч. 4 ст. 47 УПК РФ обвиняемый **имеет право «пользоваться помощью** защитника, в том числе бесплатно в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом». Это относится и к подозреваемому в силу п. 3 ч. 4 ст. 46 УПК РФ.

3.3.23 В силу п. 21 ч. 4 ст. 47 УПК РФ обвиняемый **имеет право «защищаться иными средствами и способами**, не запрещенными настоящим Кодексом». Эти же положения содержатся и п. 11 ч. 4 ст. 46 УПК РФ.

3.3.24 В силу ч. 2 ст. 49 УПК РФ: «В качестве защитников допускаются адвокаты. По определению или постановлению суда в качестве защитника могут быть допущены наряду с адвокатом один из близких родственников обвиняемого или **иное лицо, о допуске которого ходатайствует обвиняемый**. При производстве у мирового судьи указанное лицо допускается и вместо адвоката».

3.3.25 В силу ч. 1 ст. 50 УПК РФ: «**Защитник приглашается** подозреваемым, обвиняемым, его законным представителем, а также другими лицами по поручению или с согласия подозреваемого, обвиняемого. Подозреваемый, **обвиняемый вправе пригласить несколько защитников»**.

3.3.26 В силу ч. 2 ст. 50 УПК РФ: «**По просьбе** подозреваемого, обвиняемого **участие защитника обеспечивается** дознавателем, следователем или **судом»**.

То есть вот **императивный** характер нормы, **обязывающей** следователя и дознавателя **по просьбе** подозреваемого или обвиняемого допустить к участию в деле избранного ими защитника.

3.3.27 В силу ч. 1 ст. 243 УПК РФ: «Председательствующий руководит судебным заседанием, принимает все предусмотренные настоящим Кодексом меры по **обеспечению состязательности и равноправия** сторон».

3.3.28 В силу ч. 2 ст. 243 УПК РФ: «**Председательствующий** обеспечивает соблюдение распорядка судебного заседания, **разъясняет всем** участникам судебного разбирательства их **права и обязанности, порядок их осуществления ...»**

3.3.29 В силу п. 9 ч. 3 ст. 259 УПК РФ протокол судебного заседания должен содержать «сведения о **разъяснении** участникам уголовного судопроизводства их **прав, обязанностей и ответственности»**.

3.4 Но поскольку я хотел бы закрыть тему оказания правовой помощи избранными Жертвами защитниками, поэтому я дополнительно приведу доводы ЕСПЧ, сформулированные в Постановлении от 20.10.15 г. по делу «Дворски против Хорватии»: «... даже если основная **цель статьи 6 Конвенции в аспекте уголовного разбирательства** заключается в обеспечении справедливого судебного разбирательства "судом", уполномоченным рассматривать "любое уголовное обвинение", **из этого не следует, что данная статья Конвенции не применима к предварительному следствию**. Таким образом, **статья 6 Конвенции**, а именно ее пункт 3 может быть применим **до** направления дела в суд, если и насколько справедливость судебного разбирательства может быть серьезно затронута несоблюдением его положений на более ранней стадии. Как уже указывал Европейский Суд в своих предыдущих постановлениях, **право, предусмотренное подпунктом "с" пункта 3 статьи 6 Конвенции, является одним из элементов концепции справедливого судебного разбирательства в уголовной процедуре, содержащейся в пункте 1 статьи 6 Конвенции (§ 76)... с целью реализации права** на защиту обвиняемый **должен** при обычных обстоятельствах быть допущен к эффективному преимуществу помощи адвоката с **начальных стадий разбирательства**, поскольку внутригосударственное законодательство может предусматривать последствия для позиции обвиняемого во время начальных этапов полицейского допроса, **которые являются решающими для перспектив защиты при последующем уголовном разбирательстве (...)**... **обвиняемый часто оказывается в особенно уязвимой позиции на данном этапе разбирательства**, и в большинстве случаев это может быть надлежащим образом компенсировано **только** помощью адвоката, задачей которого, кроме всего прочего, является помощь в обеспечении уважения права обвиняемого не давать признательных показаний (§ 77)... Европейский Суд **считает важным**, чтобы **с начальных стадий разбирательства** лицо, обвиняемое в совершении уголовного преступления и не желающее брать на себя защиту лично, **имело возможность обратиться за правовой помощью по своему выбору (...)**. Это следует из самого текста подпункта "с" пункта 3 статьи 6 Конвенции, который гарантирует, что "[к]аждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет **как минимум** следующие права... защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника...", и в целом **признается в международных стандартах** прав человека как **механизм**, обеспечивающий эффективную защиту для обвиняемого... справедливость разбирательства **требует**, чтобы обвиняемый **имел возможность обладать всем набором услуг, особенно связанных с правовой помощью** (§ 78). Несмотря на значение доверительных отношений между адвокатом и его

клиентом, это право не является абсолютным. Оно может при **необходимости** определенным образом ограничиваться в случаях бесплатной юридической помощи, а также в случаях, когда суды решают, **требуют ли интересы правосудия**, чтобы обвиняемый был представлен адвокатом, назначенным ими (...)... внутригосударственные власти **должны учитывать желание подзащитного** в части его или ее выбора юридического представительства, но они могут пренебречь этими желаниями, если существуют относимые и **достаточные основания** для этого, **которые требуют интересов правосудия** (...). Там, где подобные основания отсутствуют, **ограничения при свободном выборе адвоката могут повлечь нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции наряду с подпунктом "с" пункта 3 статьи 6 Конвенции, если это отрицательно сказалось на защите заявителя с учетом разбирательства в целом** (§ 79)... чтобы право на справедливое судебное разбирательство оставалось "практическим и эффективным", пункт 1 статьи 6 Конвенции **требует**, чтобы, как правило, доступ к услугам адвоката **обеспечивался с первого допроса** подозреваемого в полиции, если при особых обстоятельствах конкретного дела не имеется веских причин для ограничения этого права. Даже если веские причины в виде исключения оправдывают отказ в доступе к адвокату, такое ограничение, чем бы оно ни оправдывалось, **не должно ненадлежащим образом умалять права обвиняемого, предусмотренные статьей 6 Конвенции**. Праву на защиту в принципе был бы причинен **невосполнимый ущерб**, если бы компрометирующие показания, полученные в период допроса в полиции в отсутствие адвоката, были использованы для осуждения (§ 80). В отличие от дела "Салдуз против Турции", где обвиняемому, находящемуся под стражей, было отказано в доступе к адвокату во время допроса в полиции, настоящее дело касается ситуации, когда заявитель получил доступ к адвокату с момента его первого допроса, однако, согласно его жалобе, к адвокату, который не был назначен **по его выбору**. В отличие от дел, касающихся отказа к доступу, в ситуациях, в которых возникает менее важный вопрос "отказа в выборе", применимо более мягкое требование **"относимых и достаточных" оснований**. В таких делах задачей Европейского Суда является оценка того, было ли с учетом разбирательства в целом право на защиту "отрицательно затронуто" в такой мере, чтобы поставить под сомнение общую справедливость разбирательства (§ 81). Именно эта проверка должна быть проведена в настоящем деле... первым шагом **должна быть оценка** того, было ли продемонстрировано с учетом особых обстоятельств каждого дела существование относимых и **достаточных оснований для пренебрежения или препятствования воле** заявителя в части его или ее юридического представительства. Там, где такие основания отсутствуют, Европейский Суд должен оценить общую справедливость уголовного разбирательства. **При оценке** этого Европейский Суд **может учитывать большое количество факторов, включая природу разбирательства и применение определенных профессиональных требований** (...), **обстоятельства, сопровождавшие назначение адвоката, и наличие возможности его обжалования** (...), **эффективность помощи адвоката** (...), **уважалось ли право обвиняемого не признаваться в совершении преступления** (...), **возраст обвиняемого** (...) и **рассмотрение судом любых ходатайств заявителя в период, относящийся к обстоятельствам дела** (...)... Конвенция направлена на **гарантию прав, которые являются практическими и эффективными, а не теоретическими или иллюзорными** (...) и что **при определении конвенционных прав необходимо часто смотреть за пределы внешнего вида и сосредотачиваться на реалиях ситуации** (...). В делах, где обвиняемый не имеет юридического представительства, Европейский Суд также принимает во внимание следующее: **возможность для заявителя обжаловать подлинность доказательств и воспрепятствовать их приобщению к материалам дела** (...), находится ли обвиняемый под стражей (...), **составили ли данные показания значительный элемент, на основании которого было сформулировано обвинение**, и значение других доказательств по делу (§ 82).

3.4.1 ... хотя заявитель **формально** выбрал адвоката M.R. для представления своих интересов в ходе допроса в полиции, **данный выбор не был информированным, поскольку заявитель не знал**, что другой адвокат, привлеченный его родителями, пришел в отдел полиции, чтобы встретиться с ним, по-видимому, с целью представления его интересов (§ 93)... Соответствующее **внутригосударственное законодательство** четко устанавливает, что адвокат может быть нанят подозреваемым лично или его родственниками, включая его родителей (...). Согласно части 6 статьи 62 Уголовно-процессуального кодекса **подозреваемый может устно назначить адвоката для представления его интересов во время разбирательства**. Цели части 4 статьи 62 Уголовно-процессуального кодекса, которая устанавливает, что адвокат может быть нанят близкими родственниками обвиняемого, но обвиняемый может недвусмысленно отказаться от выбранного адвоката, не могут быть достигнуты, **пока обвиняемый не будет информирован**, что его или ее близкие родственники наняли ему или ей адвоката. Это в любом случае **обязывало** полицию, по

крайней мере, **информировать заявителя, что в отдел полиции приходил G.M., и что он был наделен его родителями правом его представлять.** Тем не менее полиция не стала информировать заявителя об этом, а также запретила доступ к нему G.M. (§ 96). Эти бездействие и отказ вряд ли могут быть объяснены тем, что впоследствии заявитель подписал доверенность, уполномочивающую M.R. представлять его интересы в ходе полицейского допроса. Как уже отмечалось, он сделал это, поскольку в течение всего периода **не знал** о попытках адвоката G.M. оказать ему юридическую помощь после того, как был нанят для этого его родителями (§ 97)... При таких обстоятельствах Европейский Суд не убежден, что ставшие результатом поведения полиции оспариваемые ограничения возможности заявителя назначить G.M. для представления его интересов с начального этапа полицейского допроса сопровождались относимыми и достаточными основаниями (примеры относимых и достаточных оснований см... относительно отсутствия квалификации представителя..., когда адвокат, выбранный заявителем, не явился на судебное разбирательство без обоснованной причины..., относительно назначения дополнительного адвоката для обеспечения надлежащего хода разбирательства..., относительно замены адвоката, который не практиковал в том же суде и находился далеко, таким образом задерживая ход разбирательства..., где обвиняемый был представлен большим количеством адвокатов, не все из которых могли принимать участие в разбирательстве) (§ 99)... **ни буква, ни дух статьи 6** Конвенции не препятствуют лицу в свободном отказе, прямом или **подразумеваемом**, от использования гарантий справедливого судебного разбирательства. Однако данный отказ, чтобы иметь силу с точки зрения Конвенции, должен быть осуществлен недвусмысленно, он **не должен нарушать какой бы то ни было важный общественный интерес** (...), и он должен сопровождаться минимальными гарантиями, соответствующими его важности (§ 100)... **право на защиту, относящееся к числу основных прав**, образующих понятие справедливого судебного разбирательства и **обеспечивающих эффективность иных гарантий**, содержащихся в статье 6 Конвенции, **является важнейшим примером тех прав, которые требуют специальной защиты стандарта "сознательного и разумного отказа"**, установленного в прецедентной практике Европейского Суда (...). Данный стандарт должен, с точки зрения Европейского Суда, быть применим к выбору заявителем адвоката в настоящем деле (§ 101)... заявитель обжаловал **"навязывание" адвоката M.R.**, как он это называл, во время допроса в полиции, прежде всего в ходе первоначального допроса следственным судьей, а впоследствии и в ходе всего разбирательства. При таких обстоятельствах он не может утверждать, что, подписывая доверенность и давая показания в полиции, заявитель недвусмысленно отказался по умолчанию или явно от какого-либо права, которым он обладал по статье 6 Конвенции, быть представленным адвокатом, назначенным в соответствии с его информированным выбором (§ 102)... Что касается способа, которым M.R. был выбран для представительства заявителем, Европейский Суд ссылается на часть 5 статьи 177 Уголовно-процессуального кодекса, которая предусматривает, что **обвиняемому должно быть вначале предложено нанять адвоката по его или ее собственному выбору** (...). Только когда адвокат, **изначально выбранный подозреваемым**, не может присутствовать во время допроса в полиции в течение определенного периода, он должен быть заменен адвокатом из списка дежурных адвокатов районных отделений палаты адвокатов Хорватии предоставленным компетентным органом полиции. Однако в предоставленных Европейскому Суду документах отсутствуют убедительные доказательства того, что эти процедуры были соблюдены в деле заявителя. Европейский Суд находит печальным, что применявшиеся процедуры и принятые решения не были надлежащим образом задокументированы, чтобы избежать любых сомнений, возникающих о ненадлежащем давлении в отношении выбора адвоката (§ 105)... Отсутствуют указания на точное время, когда заявитель и M.R. в действительности проводили консультацию, также отсутствуют какие-либо объяснения, почему эта информация не была включена в протокол допроса... С точки зрения Европейского Суда, кроме **домыслов** относительно эффективности правовой помощи M.R., данный период представляется относительно коротким, с учетом масштаба и тяжести выдвинутых обвинений... Кроме того, необходимо учитывать в этом контексте подпункт "b" пункта 3 статьи 6 Конвенции, что **обвиняемому должны** быть предоставлены адекватное время и средства для подготовки его или ее защиты. (§ 106)...

3.4.2 ... значение **этапа следствия для подготовки уголовного разбирательства**, поскольку **доказательства, полученные в ходе этого этапа, определяют порядок рассмотрения обвинения в совершении преступления в ходе разбирательства** (...), и подчеркивает, что обвиняемому в уголовном преступлении лицу уже **должна** быть предоставлена возможность на этом этапе **пользоваться правовой помощью по его или ее собственному выбору** (...). Справедливость разбирательства **требует**, чтобы обвиняемый **мог получить** полный набор услуг, особенно связанный с правовой помощью. В этом

отношении адвокат **должен** обеспечить без ограничений **фундаментальные аспекты защиты** лица: прения по делу, организацию защиты, сбор доказательств в пользу обвиняемого, подготовку к допросу, поддержку обвиняемого в бедственном положении и проверку условий его содержания под стражей (§ 108).

3.4.3 Когда, как в настоящем деле, утверждается, что назначение или выбор подозреваемым адвоката для представительства его интересов повлияло или привело к признательным показаниям подозреваемого в самом начале уголовного разбирательства, требуется тщательная проверка властей, особенно внутригосударственных судов. Однако мотивировка, приведенная внутригосударственными судами в настоящем деле в отношении **жалобы заявителя на способ**, которым полиция получила его признание, **далека от обоснованной**. Ни суд, ни следственный судья, ни какие-либо другие внутригосударственные органы не предприняли мер, чтобы получить доказательства от G.M. или участвовавших сотрудников полиции с целью установить соответствующие обстоятельства посещения G.M. отдела полиции Риеки 14 марта 2007 г. в связи с допросом заявителя в полиции. В частности, внутригосударственные суды **не предприняли реальной** попытки выяснить мотивы, **поддерживающие или оправдывающие их решение в понятиях ценности справедливого уголовного разбирательства, как это предусмотрено статьей 6 Конвенции**. (§ 109). При таких обстоятельствах и **с учетом цели Конвенции защищать практические и эффективные права** (...) Европейский Суд не убежден, что заявитель имел эффективную возможность изменить обстоятельства, при которых M.R. был выбран для представления его интересов во время допроса в полиции. (§ 110). При определении того, **получил ли заявитель преимущество от "справедливого разбирательства"**, оценивая его уголовное разбирательство в целом, **в целях пункта 1 статьи 6 Конвенции** Европейский Суд должен рассмотреть действия полиции **по эффективному препятствованию** заявителю в самом начале расследования в доступе к адвокату, выбранному его семьей, **и в собственном свободном выборе адвоката**, а также **последствия поведения полиции** для последующего разбирательства. Теоретически, если подозреваемый получает помощь квалифицированного адвоката, который ограничен профессиональной этикой, а не от другого адвоката, которого он или она предпочли бы назначить, этого самого по себе недостаточно, чтобы доказать, что разбирательство в целом было несправедливым, с учетом условия, что отсутствует доказательства очевидной **некомпетентности** или **уклонения** (...). В настоящем деле можно предположить, что последствием поведения полиции было то, что при первой даче показаний в полиции **вместо того, чтобы хранить молчание**, что он мог сделать, **заявитель сделал признание**, которое впоследствии было приобщено в качестве доказательства против него. Также **важно**, что в **ходе расследования и последующего судебного разбирательства** заявитель **последовательно не ссылаясь на свое признание**, кроме способа смягчения его приговора, но при **первой возможности перед следственным судьей оспорил способ, которым признание было получено от него полицией** (...). Хотя имелись иные доказательства против заявителя, Европейский Суд **не может игнорировать значительное вероятное влияние** его первоначального признания на дальнейшее движение уголовного разбирательства в отношении него. В итоге, по мнению Европейского Суда, **объективные последствия действий полиции, которая препятствовала доступу к заявителю адвоката**, выбранного его семьей, были таковы, что **уменьшали справедливость последующего уголовного разбирательства**, поскольку **первоначальные показания заявителя против самого себя были приняты в качестве доказательства**. (§ 111). Европейский Суд заключил, что полиция не проинформировала заявителя ни о доступности адвоката G.M. с целью его консультирования, ни о присутствии G.M. в отделе полиции Риеки, а также что заявитель в ходе допроса в полиции признался в совершении преступлений, в которых он обвинялся и его признание было принято в качестве доказательства на суде, а внутригосударственные суды **не рассмотрели надлежащим образом этот вопрос** и, в частности, **не приняли адекватных корректирующих мер для обеспечения справедливости**. Эти факты в совокупности причинили невосполнимый ущерб праву заявителя на защиту и уменьшили справедливость разбирательства в целом. (§ 112). Европейский Суд, следовательно, приходит к выводу, что при обстоятельствах настоящего дела имело место нарушение требований пункта 1 и подпункта "с" пункта 3 статьи 6 Конвенции. (§ 113).

3.4.4 **Вывод**. В рассматриваемом контексте важным является то, что внутреннее законодательство, предусматривающее право Жертвы на допуск избранного ею защитника **на основании устного заявления** и это отвечает требованиям п. 1 ст. 6 Конвенции, предусматривающей отказ от формализма и направленной на эффективную защиту прав, то есть **осуществления возможности предотвращать предполагаемое нарушение или его**

прекращать (абзац 3 п. 3.1 мот. части Постановления КС № 10-П от 21.04.10 г.). Допуск к участию в деле защиты на основании устного заявления предусмотрено и ч. 6 ст. 53 ГПК РФ, абзацем 3 п. 8 ППВС РФ № 5 от 24.03.05 г.

3.4.5 В Постановлении от 19.11.15 г. по делу «Михайлова против РФ» ЕСПЧ разъяснил: «... права, предусмотренные в подпункте "с" пункта 3 статьи 6 Конвенции, являющиеся элементами концепции "справедливого судебного разбирательства" по уголовному делу, содержащейся в пункте 1 статьи 6 Конвенции (§ 76)... не будучи абсолютным, **право каждого обвиняемого на эффективную защиту адвоката**, при необходимости назначенного, **является одним из основных признаков справедливого судебного разбирательства (§ 77)**. **Право на бесплатную юридическую помощь на основании подпункта "с" пункта 3 статьи 6 Конвенции зависит от двух условий. Во-первых, у заявителя должно не хватать средств на плату юридической помощи. Во-вторых, "интересы правосудия" должны требовать предоставления юридической помощи (§ 78)**. Европейский Суд принимает во внимание ряд факторов для определения того, требовали ли интересы правосудия предоставления юридической помощи во внутригосударственном разбирательстве. Этот вопрос подлежит разрешению на основании всей совокупности фактов дела, учитывая, в частности, тяжесть правонарушения, **суровость возможного наказания, сложность дела и личную ситуацию заявителя (§ 79)**. Например, что касается юридической помощи в суде второй инстанции по уголовным делам, Европейский Суд принял во внимание три фактора: (а) широкие полномочия судов второй инстанции, (b) серьезность обвинений, выдвинутых против заявителей и (с) тяжесть наказаний, которые им угрожали, - и решил, что интересы правосудия требовали для обеспечения справедливости разбирательства, чтобы заявители были обеспечены юридической помощью/представительством во время рассмотрения кассационных жалоб (§ 80). В то время как **требования справедливого судебного разбирательства являются наиболее строгими**, когда дело касается **основного ядра уголовного права, гарантии статьи 6 Конвенции** в ее уголовно-правовом аспекте необязательно применяются со всей строгостью к иным категориям дел, относящихся к этому аспекту, которые не несут сколь-нибудь значительной степени стигматизации. Европейский Суд, таким образом, признал, что устное разбирательство может не требоваться во всех случаях в уголовной сфере (§ 81). Европейский Суд **постановил, что, если имеется угроза лишения свободы, интересы правосудия в принципе требуют юридического представительства**, и если лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, неплатежеспособно, ему **должны выделяться государственные средства (...)**. Однако **Конвенция не устанавливает какого-либо конкретного порога с точки зрения длительности такого лишения свободы**. Более того, **из вышесказанного не следует, что государственные средства не должны выделяться, если не грозит лишение свободы (§ 82)**. Подпункт "с" пункта 3 статьи 6 Конвенции не раскрывает способ осуществления этого права. Следовательно, он оставляет за Договаривающимися Сторонами выбор средств **обеспечения его соблюдения** их судебными системами, и в задачу Европейского Суда входит только удостовериться, что способ, который они выбрали, **соответствует требованию справедливости судебного разбирательства (§ 83)**. Наконец, Европейский Суд находит уместным отметить **путем сравнения**, что даже вне сферы уголовного права пункт 1 статьи 6 Конвенции может **обязывать государство обеспечивать помощь юриста, когда такая помощь оказывается необходимой для эффективного доступа к суду (§ 84)**... жалоба заявительницы в Европейский Суд вытекает из предположительно неудовлетворительного состояния внутригосударственного законодательства... в делах, возникающих из индивидуальных жалоб... является не абстрактная проверка соответствия Конвенции указанной выше процедуры, но **определение конкретного влияния вмешательства на конвенционное право в обстоятельствах дела (§ 86)**... Что касается вопроса о достаточных средствах для оплаты юридической помощи (...), поскольку **жалоба заявительницы обусловлена состоянием законодательства страны, а не его применением** к конкретной ситуации, очевидно, что **"тест, связанный со средствами" не применялся** и не мог применяться на внутригосударственном уровне. Со своей стороны, учитывая доступную информацию, Европейский Суд готов допустить, что заявительница удовлетворяла бы такому тесту (§ 88). Соответственно, что Европейскому Суду остается определить, требовали ли "интересы правосудия" бесплатного предоставления юридической помощи заявительнице для целей разбирательства по делу об административном правонарушении по двум обвинениям против нее (§ 89)... заявительнице **угрожало** наказание в виде ареста на срок до 15 суток. В данном контексте Европейский Суд не упускает из вида требование законодательства Российской Федерации о том, что административный арест должен применяться лишь в "исключительных

обстоятельствах" (...). Однако **поскольку этот вопрос должен разрешаться судьей страны в каждом конкретном деле, данное обстоятельство не может как таковое иметь вес** при определении того, должна ли юридическая помощь предоставляться бесплатно для соблюдения требований статьи 6 Конвенции. Отсутствуют какие-либо признаки того, что заявительница относилась к категории лиц, к которым административный арест не мог применяться как возможное наказание, предусмотренное законом. Таким образом, Европейский Суд полагает, что **для заявительницы исход дела имел серьезное значение** (§ 90). Что касается иных факторов (таких как тяжесть правонарушения, серьезность конкретного обвинения и **сложность дела**, возбужденного в отношении заявительницы), Европейский Суд отмечает, что она обвинялась в одном эпизоде, который касался неподчинения распоряжению сотрудника милиции. Вероятно, **надлежащее рассмотрение этого обвинения могло требовать, в частности, проверки законности распоряжения сотрудника милиции (уделяя особое внимание иному законодательству**, такому как Закон о собраниях и Закон "О милиции") или правовых выводов относительно осуществления лицом, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, своей свободы собраний или выражения мнения (...). Хотя Европейский Суд признает, что объяснения заявительницы во внутригосударственных судах не были лишены оснований, **этого нельзя было достоверно предположить заранее**, до того, как затрагивался вопрос о юридической помощи. В любом случае, так как любая возможность предоставления юридической помощи исключена законом, вопрос о возможных (не)достаточных познаниях заявительницы в области права не был и не является относимым фактором. Поскольку личная ситуация заявительницы может иметь значение, Европейский Суд скорее отмечает, что заявительница была пенсионеркой и не имела юридического или иного соответствующего образования. (§ 91). Даже если и так, **тяжесть наказания достаточна для Европейского Суда, чтобы заключить, что заявительница должна была получить бесплатную юридическую помощь, поскольку этого требовали "интересы правосудия"** (§ 92)... **подпункт "с" пункта 3 статьи 6 Конвенции** оставляет за Договаривающимися Сторонами выбор средств **обеспечения его соблюдения их судебными системами**, и в задачу Европейского Суда входит только удостовериться, что способ, который они выбрали, **соответствует требованию справедливости судебного разбирательства** (...). Однако заявительница не могла воспользоваться юридической помощью во время заседания суда первой инстанции и не получила помощи в иной форме, например, **юридической консультации** или помощи/представительства до судебного заседания **или для цели составления жалобы**, или сочетания упомянутого выше (...). Наконец, не возникает вопроса о том, могло ли разбирательство в суде второй инстанции или дальнейшие разбирательства, учитывая пределы проверки и их практическую организацию, послужить средством правовой защиты в связи с недоступностью юридической помощи (...). На практике в этих разбирательствах бесплатная юридическая помощь также была недоступна. (§ 94). Вышеизложенные соображения достаточны для Европейского Суда, чтобы заключить, что имело место нарушение пункта 1 и подпункта "с" пункта 3 статьи 6 Конвенции (§ 95).

Вывод. Из приведенного можно сделать однозначный вывод о том, что при рассмотрении административных материалов, где решается вопрос об угрозе лишения свободы, Жертве **должно** быть обеспечено право на получение правовой помощи со стороны избранных ею защитников посредством видеосвязи, что нами **практикуется** в других регионах: <https://youtu.be/JWQQi6aVVR0>. Сейчас проведены и иные процессы. Если же мы будем говорить о самой правовой помощи, то она заключается в обеспечении со стороны защитника возможности Жертве участия в прениях по делу, организации самой защиты, сбор доказательств в пользу обвиняемого, подготовку к допросу, поддержку обвиняемого в бедственном положении, проверку условий его содержания под стражей (§ 108 по делу «Дворски против Хорватии»), юридической консультации/представительства и **для цели составления жалоб** (§§ 94, 100 по делу «Михайлова против РФ»). При этом консультации могут быть по желанию Жертвы как устные, так и письменные, что прямо предусмотрено п. 1 ч. 2 ст. 2 Закона «Об адвокатской деятельности...». Давать юридические консультации входит в **обязанности адвоката**. Члены Банды Бережицкого-Бармина (Бондар-Опанасенко) со своими подельниками всего этого меня лишил. Более полно вопрос о праве пользоваться помощью избранного Жертвой защитника мной рассмотрен в жалобах № 2813 (<https://cloud.mail.ru/public/8UU5/xKMHpuhQY>), № 2816 (<https://cloud.mail.ru/public/EHHh/qxjZi2SaJ>), № 2849 (<https://cloud.mail.ru/public/64VT/2a4YKgt1M>).

3.4.5 **Общий вывод.** Таким образом, рассматривая приведенные нормы в их

нормативном единстве и системной взаимосвязи, можно сделать **однозначный** вывод о том, что при наличии **ясно и четко сформулированного права** обвиняемого или подозреваемого с **минимальной** гарантией на помощь **избранного им (ею) защитника** (п.п. 3 «b», «d» ст. 14 Пакта, п. 3 «с» ст. 6 Конвенции), это **право** по его (её) просьбе (ч. 1 ст. 50 УПК РФ) **должно** быть **обеспечено** (ч. 1 ст. 11, ч. 3 ст. 15, ч.ч. 1, 2 ст. 16 УПК РФ) **соответствующим** правоприменителем **без каких-либо споров и обсуждений**, поскольку исполнение приведенных норм является **обязанностью**, а **не усмотрением** (дискрецией). То есть обвиняемый или подозреваемый **всего лишь уведомляет** о том, кто **будет его защищать**, а правоприменитель **не вправе** ему в этом отказать. Если же правоприменитель **увидит**, что избранный обвиняемым защитник неспособен оказать **адекватную** юридическую помощь, то он **вправе с целью** защиты прав и законных интересов обвиняемого или подозреваемого назначить ему (ей) адвоката. **Всё! Но только в этом случае!**

Если же **назначенный** защитник не выполняет возложенные на него **обязанности**, то по требованию Жертвы такого «защитника» назначивший правоприменитель **обязан** либо **заставить** исполнять свои обязанности, либо заменить на другого. При этом полученные доказательства с таким «защитником» **должны** признаваться недопустимыми по основаниям их получения с нарушением права на защиту.

3.5 В нарушение ч. 2 ст. 243 УПК РФ Потерпевший Трухин С.А. не стал разъяснять права **всех** участников процесса и порядок их осуществления, а также обязанности, чем обеспечил при пособничестве Бельтюкова Е.С., Новиковой Ю.В. и Неупокоева В.А. возможность для Беззакония и Произвола. **Разъяснить** мне мои права Фигуранты отказались категорически и свели это к **оглашению** ч. 4 ст. 46 УПК РФ, чем **доказали** наличие у них паралогического мышления, являющегося основой бредовой системы и способности читать, то есть **доказали**, что у них имеется интеллект ребенка, освоившего азы чтения.

Повторяю в очередной раз: чтоб **реализовать** право, **необходимо понимать** способы его реализации, то есть **механизмы**, что для особо одаренных россиян **не может** донести и Конституционный Суд, например, в Определении № 133-О от 24.02.2005 г.

Так как разъяснение прав и **порядок их осуществления** является **системной проблемой** и понятие «разъяснить» применяют как неологизм, в него вкладывается паранойяльный смысл, в результате чего российские «правоприменители» приходят к одному и тому же **реальному бредовому** выводу о том, что они права именно разъясняют, поэтому обратимся к словарю Ожегова С.А. Разъяснить – объяснить, сделать ясным, понятным (стр. 528). Ясный – 4. Хорошо видимый, слышимый или понимаемый. 5. Логичный, стройный, четкий (стр. 736). Понятный – 1. Доступный пониманию. 2. Справедливый, обоснованный. Понимание – 1. **Способность осмыслить, постигать содержание, смысл, значение чего-нибудь**. 2. То или иное толкование чего-нибудь (стр. 456). Толковать – 1. Давать чему-нибудь какое-нибудь объяснение, **определить смысл чего-нибудь** (стр. 640). Объяснение – растолковать другому или осмыслить для самого себя, сделать ясным, понятным (стр. 362). Смысл – 1. Внутреннее содержание, значение чего-нибудь, постигаемое разумом (стр. 591). Содержание – 2. **То, что составляет сущность кого-чего-нибудь** (стр. 595). **Сущность – внутренняя основа, содержание, смысл, суть чего-нибудь** (стр. 626). Суть самое главное и существенное в чем-нибудь (стр. 625). Таким образом, **разъяснить, значит логично сделать ясным и понятным, посредством четкого изложения содержания чего-нибудь, раскрыв смысл**. При этом, еще древним было известно, что *inverbis, nonverba, sed reseratio, quaerenda est* – в высказываниях не слова, а **предмет и смысл должны** выясняться. В п. 1 комментария к ст. 11 УПК РФ Петрухин И.Л. в шестом издании разъяснил: «Разъяснение прав и обязанностей предполагает не только информирование об этом участника процесса, но и **объяснение их смысла, содержания и порядка реализации**». **Неразъяснение прав и обязанностей участников процесса всегда направлено на нарушение прав одних и освобождение от обязанностей других и в этом случае мы всегда имеем произвол, поскольку утрачивается возможность единообразного понимания происходящего всеми участниками**. Это и есть не только **условия для коррупции**, но и сама коррупция в чистом виде, содержащая два **обязательных признака**: преференцию и деликт, то есть действие в интересах другой стороны при равных условиях посредством противоправных средств, то есть неисполнения **подлежащих применению** норм действующего законодательства. По сути же, неразъяснение прав и обязанностей, а также порядок их осуществления, является, как минимум, преступлениями, предусмотренными ст.ст. 140, 285 УК РФ, целью чего является нарушение прав. То, как **должны** разъясняться права мной объяснено здесь: <https://youtu.be/BbpDV2FJHfA>.

3.5.1 Затем организованная преступная группа в составе Потерпевшего Трухина С.А. и не имеющих юридического образования Бельтюкова Е.С., Новиковой Ю.В. и Неупокоева В.А. с интеллектом ребенка, освоившего азы чтения, по указанию кировских криминальных авторитетов Бармина Ю.В., Бережицкого С.П., Тулуповой Е.Б., Копыриной М.Н., Назаровой

И.Е. и Шевнина С.В. незаконно лишили меня права знакомиться со сфальсифицированными Новиковой Ю.В. материалами, а также **безусловного** права на достаточное время и возможности для подготовки к своей защите, которое мне гарантировано п. 3 «b» ст. 14 Пакта, п. 3 «b» ст. 6 Конвенции и **которые являются составной частью законодательства России, причем имеющие большую юридическую силу.**

3.5.2 Также в процессе ОПГ Трухина С.А., Бельтюкова Е.С., Новиковой Ю.В. и Неупкоева В.А. в нарушение ч. 5 ст. 246 УПК РФ меня лишили права на разбирательство дела на основе состязательности и равноправия сторон, которое стоит в нормативном единстве с правом на эффективные средства правовой защиты и воспрепятствовали в осуществлении возможности ставить вопросы прокурору, по которым Бельтюков Е.С. **обязан** был высказать свое мнение. Права на представление доказательств Фигуранты меня лишили и отказались приобщать к делу и исследовать аудиозаписи обстоятельств 05.08.14 г., когда «психиатры» КОГКУЗСПБ Бакланова Г.В., Каркина Н.Г. и Милютина С.В. незаконно **отказались** проводить экспертизу. **Вопрос о правах, гарантированных законодательством о психиатрической помощи вообще не стоял.**

То есть обвинение и «защиту» представляла организованная преступная группа, состоящая из лиц с паралогическим мышлением и интеллектом ребенка, освоившего азы чтения, которые объективную реальность воспринимают исключительно в паранойальном свете и были неспособны отвечать по существу поставленных вопросов. **Вопросов ко мне, естественно, ни у кого не было.**

3.6 Несмотря на то, что «председательствующий по делу **обязан обеспечить** лицам, участвующим в судебном заседании, **возможность реального осуществления** прав, предоставленных им законом, **неуклонно соблюдать нормы**, гарантирующие равенство прав участников процесса» (п. 3 ППВС РФ № 35 от 07.02.67 г. «Об улучшении организации судебных процессов и повышении культуры их проведения» в редакции ППВС РФ № 5 от 06.02.07 г.); **«в целом одна из функций судьи заключается в управлении разбирательством с целью обеспечения НАДЛЕЖАЩЕГО осуществления правосудия...»** (§ 27 Постановления ЕСПЧ от 13.06.13 г. по делу «Роменский против Российской Федерации»), **«правосудие не только должно осуществляться, но должно быть видно, что оно осуществляется»** (§ 81 Решения от 28.06.84 г. по делу «Кэмбелл и Фелл против Соединенного Королевства»), председательствующий **должен** быть **основным гарантом** справедливого разбирательства дела, что разъяснено, например, в § 44 Постановления ЕСПЧ от 13.03.12 г. по делу «Нефедов против Российской Федерации» и «в отношении уголовных дел «справедливое судебное разбирательство», требуемое п. 1 статьи 6, предполагает, что **обвиняемый имеет возможность обсудить** доказательства, основанные на спорных фактах, даже относящиеся к процессуальному аспекту, а не к вменяемому ему правонарушению как таковому (§ 102 Постановление Европейского Суда от 19 декабря 1989 г. «Камасинский против Австрии»), тем не менее мне с **большим трудом** и **скандалом** удалось добиться того, чтоб Потерпевший Трухин С.А. стал оглашать документы и я по этим документам мог высказать своё мнение. То есть создание ОПГ Трухина С.В., Бельтюкова Е.В., Неупкоева А.В. и Новиковой Ю.В. конфликтов интересов **было объективным фактом**, что являлось безусловным основанием для их отвода и самоотвода. И здесь в полной мере выразилось нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции, гарантирующего не только право на справедливое разбирательство дела, но и право на рассмотрение дела судом, созданным на основании закона в понимании ЕСПЧ, который разъяснил, что «для установления того, может ли суд считаться независимым для целей **пункта 1 статьи 6** Конвенции, необходимо, в частности, учитывать порядок назначения его членов и срок их полномочий, наличие гарантий от давления извне и то, **выглядит ли он как независимый»** (§ 73 Постановления ЕСПЧ от 25.02.1997 г. по делу «Финдли против Соединенного Королевства»). При этом «судебные органы **должны максимально тщательно изучать** рассматриваемые ими дела **с целью сохранить лицо беспристрастных судей. Эта тщательность** должна удерживать их от оказания давления, даже в случае провокации. Эти высокие **требования** правосудия и как бы отчужденную природу должности судьи **диктует профессиональный долг»** (§ 67 Постановления ЕСПЧ от 16.09.99 г. по делу «Бусчеми против Италии»). Также следует иметь в виду, что «фраза "авторитет судебной власти" включает, в частности, понятие существования судов и их **восприятия обществом в целом в качестве заслуживающего уважения** органа урегулирования правовых споров и определения виновности и невиновности лиц, обвиняемых в совершении преступления» (§ 40 Постановления ЕСПЧ от 29.08.97 г. по делу «Ворм против Австрии») и «при защите авторитета судебной власти **важную роль играет доверие**, которое суды в демократическом обществе **ДОЛЖНЫ** внушать обвиняемому, если рассматривается уголовное дело, и **обществу в целом»** (§ 30 Постановления ЕСПЧ от 24.02.93 г. по делу «Фей против Австрии»).

Но так как **все** понимали, что центральным местом является заключение № 818 от 05.08.14 г., поэтому его охраняли от меня всеми доступными средствами. Мне его всучили перед самым вынесением постановления, цинично лишив **основного права** на достаточное время и **возможности** для подготовки к своей защите, которое мне гарантировано п. 3 «b» ст. 14 Пакта, п. 3 «b» ст. 6 Конвенции, как это сделали 10.07.13 г. Взятчик и Коррупционер Шевнин С.В., страдающая параноидной Шизофренией Сырчина Т.Ю. и не имеющий юридического образования «адвокат» Важенин В.П., когда откровенно преступными способами прекращали в отношении меня принудительное лечение на основании **заведомо ложного заключения** № 44 от 20.06.13 г. Убийцы Огорельцева А.В., на которое сослались и «эксперты» КОГБКЗСПБ. Они до сих пор не хотят понимать, что это **заключение** составлено по правилам **несуществующего**, то есть Галлюцинаторного законодательства и не соответствует самой Психиатрии, то есть несостоятельно с медицинской точки зрения, поскольку в нем **приведено сочетание симптомов, которые в Психиатрии не встречалось нигде и никогда**. То есть это заключение недопустимо как по форме, так и по содержанию. Также «эксперты» в обоснование своих бредовых фантазий сослались в заключении № 818 на акт стационарной судебно-психиатрической якобы экспертизы № 1506 от якобы 05.09.02 г. (<https://cloud.mail.ru/public/K54C/ZGS8cADek>), который не подписан «профессором» Колотилиным Г.Ф. и которого не было в материалах дела. Однако, честно говоря, даже если бы он и был подписан, то не изменил бы своего **абсурдного** содержания, **опровергнутого** мной в письме от 17.10.05 г. – 03.06.12 г. (<https://cloud.mail.ru/public/8hD6/4BGXs5vcJ>). Для того, чтоб сослаться на акт № 1506 необходимо было опровергнуть мои доводы в моем письме об абсурдности акта. То есть мы видим, что **был цинично нарушен принцип состязательности и равноправия сторон на представление доказательств по одним и тем же вопросам**. Для того, чтоб признать **любой** акт или заключение достоверными, необходимо признать недостоверными мои доводы об этом акте или заключении, что следует из смысла принципа состязательности и равноправия сторон и п. 3 Принципа 18, предусматривающего: «Пациент и адвокат пациента **могут** запросить и **представить во время любого слушания независимое психиатрическое заключение и любые другие заключения, а также письменные и устные доказательства, которые относятся к делу и являются приемлемыми**». Судебно-психиатрическая экспертиза – **это слушание** и поэтому на процедуру экспертизы п. 3 Принципа 18 распространяется в полной мере. Но так как в основу моих доводов положены доводы ученых, поэтому необходимо всего лишь опровергнуть этих ученых. Но в любом случае, несмотря на то, что в заключении № 818 делались ссылки на акт № 1506 и заключение № 44, однако **их в деле не было и они не исследовались**, поскольку **все** понимали **правовые последствия** этого: я ПОТРЕБОВАЛ БЫ ВСЕХ «ПСИХИАТРОВ» ОТПРАВИТЬ НА НАРЫ за изготовление ЗАВЕДОМО ЛОЖНЫХ ЗАКЛЮЧЕНИЙ.

3.6.1 В Постановлении от 25.07.13 г. по делу «Ходорковский и Лебедев против России» ЕСПЧ установил, что «факт привлечения экспертизы стороной обвинения без участия защиты сам по себе не порождает вопроса с точки зрения **Конвенции**, если защита впоследствии имела возможность исследовать и оспорить заключение и достоверность готовивших ее лиц путем прямого допроса в суде первой инстанции». При этом, когда защита лишена возможности задать вопросы экспертам, на основании заключений которых строится обвинение, то эти **эксперты должны быть вызваны в суд**. ЕСПЧ установил, что «даже если в заключении отсутствовали явные противоречия, **допрос экспертов мог выявить возможные КОНФЛИКТЫ ИНТЕРЕСОВ, недостаточность материалов в их распоряжении или недостатки методов исследования**». ЕСПЧ увидел нарушения требований п. 1 ст. 6 во взаимосвязи с п. 3 «d» ст. 6 Конвенции в том, что «сторона обвинения имела право отбирать экспертов, формулировать вопросы для них и представлять экспертные заключения, в то время как защита не имела такого права. Кроме того, для эффективного обжалования заключения экспертов защита **должна** была иметь возможность представлять свои экспертные данные».

Таким образом, когда Жертву лишают возможности оспорить заключение экспертов и допросить их в суде, то это является грубым нарушением Конвенции и, соответственно, нарушением права на справедливое разбирательство дела на основе состязательности и равноправия сторон. То есть это является **наглым** нарушением ч. 3 ст. 123 Конституции РФ, гарантирующую эти состязательности и равноправие сторон и **обязывающую** судью их соблюдать, как это предусмотрено ч.ч. 1, 3, 4 ст. 15, ч. 1 ст. 243 УПК РФ.

3.6.2 В силу п. 19 ППВС РФ № 28 от 21.12.10 г. «О судебной экспертизе по уголовным делам» (далее Постановление): «...заключение эксперта ... оценивается по общим правилам **в совокупности с другими доказательствами**. Одновременно следует учитывать квалификацию эксперта, выяснить, **были ли ему представлены достаточные материалы и надлежащие объекты исследования**».

Участники суда Линча отказались давать оценку заключению № 818 на предмет достаточности положенных в его основа материалов и надлежащих объектов исследования, поскольку **к этому заключению не прилагалось ничего.**

3.6.3 Согласно п. 15 Постановления, «необоснованным следует считать такое заключение эксперта, в котором недостаточно *аргументированы* выводы, не применены или *неверно применены необходимые методы* и методики экспертного исследования». Понятие «аргументированы выводы» означает: подтвержденные другими доказательствами. Однако, нарушая четвертый закон логики (закон достаточного основания), «эксперты» и «специалисты» не сослались на конкретные доказательства, с помощью которых можно было бы **проверить** их фантазии, а поэтому их заключения и являются необоснованными. Как я везде указывал, «экспертами» и «специалистами» был использован только один метод определения моего психического состояния: опрос жертвы **в конспиративных условиях**. Однако опрос жертвы должен оформляться документально. **Этого требует сама Психиатрия:** «Важно, чтоб при изложении полученной информации в истории болезни врач стремился **ОПИСАТЬ** психические феномены, **не обозначая их какими-либо медицинскими терминами**, предоставляя читателю возможность при необходимости самостоятельно сформулировать заключение о сути наблюдаемых расстройств. Такой метод – **ЕДИНСТВЕННО ВОЗМОЖНЫЙ СПОСОБ** избежать схематизма в анализе состояния, повысить объективность клинического метода, сопоставить впечатление о больном, полученные разными врачами в разные периоды болезни (стр. 50)... Неспособность формировать абстрактные понятия, мышление, опирающееся на **несущественные** свойства понятий, субъективное, противоречивое толкование смысла понятий указывает на наличие психических расстройств (96, <https://cloud.mail.ru/public/BGkK/tqfhuizDh>)» («Психиатрия», Н.М. Жариков и Ю.Г. Тюльпин, Москва, Медицина, 2002 г.). **Документов «эксперты» и «специалисты» в суд не представили, а это значит, что НЕВЕРНО ПРИМЕНЕН МЕТОД ОПРОСА ЖЕРТВЫ и уже это доказывало необоснованность заключения № 818 от 05.08.14 г.**

Также необходимо иметь ввиду и то, что после того, как я в конце марта 2002 г. прочитал «Справочник по психиатрии» под редакцией академика Снежневского А.В. (<https://cloud.mail.ru/public/Kzri/L5s2TZ3YX>), «Психиатрия» Жарикова Н.М. и Тюльпина Ю.Г., а также «Глазами психиатра» Александровского Ю.А. (<https://cloud.mail.ru/public/3kPG/sy817E9wW>), то со мной «психиатры» о психиатрии вообще перестали говорить и кроме обвинений: «Вы нас хотите втянуть в академические дебри» - **ничего** мне не говорили. Когда же я с 16.04.2002 г. стал просить записывать наше общение с психиатрами на аудио- и видеоносители и проводить свои магические действия в присутствии моих представителей, то «психиатры» и «юристы» почему-то утратили способность что-либо понимать, то есть они стали **реальными** Невменяемыми.

3.6.4 Согласно п. 15 Постановления «суд также вправе назначить повторную экспертизу, если установит факты нарушения процессуальных прав участников судебного разбирательства **при назначении и производстве** судебной экспертизы, **которые повлияли или могли повлиять на содержание выводов экспертов**». Во время производства «экспертизы» я просил «психиатров» принять от меня мои доказательства и ответить на мои вопросы. «Психиатры» отказались принимать от меня мои доказательства и отвечать на поставленные вопросы. А это значит, что было грубо нарушено не только мое **право** задавать вопросы экспертам (п. 2 ст. 24 Закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ»), но и **право вообще говорить**, то есть было цинично нарушено моё право на мнение, гарантированное мне ст. 19 Всеобщей декларации, п.п. 1, 2 ст. 19 Пакта, п. 6 «b» Декларации, п. 1 ст. 10 Конвенции, ч.ч. 1, 3 ст. 29 Конституции РФ, что повлияло на их «выводы» и поэтому должна была быть проведена повторная экспертиза. Поскольку **нет текста моей речи** во время экспертизы, поэтому следует говорить о том, что мне было запрещено давать объяснения «экспертам», в связи с чем проведение повторной экспертизы является просто **ОБЯЗАТЕЛЬНЫМ. ГДЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА, ЧТО Я ВООБЩЕ ЧТО-ЛИБО ГОВОРИЛ?**

Как разъяснили Н.М. Жариков и Ю.Г. Тюльпин, диагностика расстройств мышления возможна **только** по речи человека: «Речь – **ГЛАВНЫЙ** способ выражения мышления, поэтому, чтоб обнаружить расстройства мышления, врач **должен А-НА-ЛИ-ЗИ-РО-ВА-ТЬ** именно **речь** больного (возможно, написанный им текст). Если по каким-либо причинам (расстройством сознания, двигательные расстройства, мутизм) больной не говорит и не может изложить свои мысли на бумаге, врач **не может** сделать заключение **о способе** и **содержании** мышления. Попытки «догадаться», что имеет в виду пациент, каковы его действительно мотивы и мысли, **ОБЯЗАТЕЛЬНО ПРИВЕДУТ К ОШИБКАМ**, заключающимся в том, что **врач приписывает больному свои собственные мысли**» (стр. 96).

Моя речь и анализ этой речи **всеми** объявлены государственной Тайной, а поэтому не может быть и речи об утверждениях о том, что у меня было когда-либо какое-либо нарушение

мышления, что следует из разъяснений ЕСПЧ, выраженных в § 179 Постановления Большой палаты по делу «D.H. и другие против Чехии», где было установлено, что непредставление заявителем тех документов, которые находятся под исключительным контролем государства не может ставиться ему в вину. За их непредставление ответственность должен нести тот, кто эти документы уничтожил. Тот же смысл выражен и в Постановлении Европейского Суда от 6 апреля 2004 г. по делу «Ахмет Езкан и другие против Турции», § 426; Постановлении Большой Палаты по делу «Варнава и другие против Турции», § 184.

В § 126 Постановления от 27.05.10 г. по делу «Артемьев против Российской Федерации» Европейский Суд напомнил, «что конвенционное производство, такое, как по настоящему делу, не во всех случаях характеризуется строгим применением принципа *affirmanti incumbit probatio* (доказывание возлагается на утверждающего), так как в некоторых случаях только государство-ответчик имеет доступ к информации, подтверждающей или опровергающей жалобы со стороны заявителя. Непредставление государством-ответчиком такой информации без убедительного объяснения причин может привести к выводу об обоснованности утверждений заявителя».

3.6.5 Также следует вспомнить и о доводах Европейского Суда, выраженных в п. 2 Решения о приемлемости дела *Padin Gestoso*, о чем тяжело психически Больная Сырчина Т.А. от меня знала ОЧЕНЬ ХОРОШО: «"Возможности", которыми должен воспользоваться любой обвиняемый, включают в себя **возможности ознакомиться**, чтобы подготовиться к защите, **с результатом экспертиз**, проведенных на протяжении судебного разбирательства. Впрочем, очевидно, что **возможности, которые должны быть предоставлены обвиняемому, ограничиваются теми, которые способствуют или могут способствовать подготовке к защите**».

3.6.6 В 33 Постановления Европейского Суда по делу «Мантованелли против Франции» от 18.03.97 г. разъяснено: «Суд повторяет, что составной частью справедливого судебного разбирательства в смысле п. 1 ст. 6 является состязательный характер последнего: каждая сторона должна иметь возможность не только знакомиться с доказательствами, которые необходимы для успеха ее требований, но также **знакомиться с любыми доказательствами или замечаниями**, приобщенными к делу, **которые оказывают влияние на решение суда, и комментировать его** (...). На этом основании Суд сразу уточняет, что соблюдение принципа состязательности, как и соблюдение других процессуальных гарантий, содержащихся в п. 1 ст. 6, относится к рассмотрению дела в «суде»; следовательно, из этой нормы не может быть выведен общий и абстрактный принцип, согласно которому, в случае, когда эксперт был назначен судом, стороны должны во всех случаях иметь право присутствовать при переговорах, проводимых последним, или узнать о доказательствах, которые он принял во внимание. **Главным** является обеспечение того, чтобы стороны могли **адекватно** участвовать в судебном разбирательстве».

Исходя из приведенного я и хочу, чтоб «психиатры» указали на мои ложные суждения и умозаключения, которые бы я не признавал таковыми, то есть я хочу, чтоб они указали на те доказательства, которые они положили в основу своих фантазий **и чтоб эти доказательства были исследованы**. Моя письменная и устная речь, то есть достоверные доказательства, в которых бы наличествовали ложные суждения и умозаключения абсолютно всеми объявлены Тайной, а значит в нарушение ч. 2 ст. 8 Закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» проверить достоверность утверждений «психиатров» не представляется возможным и именно это НЕОПРОВЕРЖИМО ДОКАЗЫВАЕТ наличие сговора «юристов» и «психиатров».

3.7 В §§ 168, 169 Постановления от 27.03.14 г. «Матыцина против Российской Федерации» ЕСПЧ напомнил, что свидетели и эксперты играют разную роль в разбирательствах и имеют различный статус. Последние не могут полностью смешиваться со "свидетелями", по крайней мере, не для всех целей (...). Анализируя вопрос о необходимости личной явки эксперта в судебное разбирательство, Европейский Суд руководствуется принципами, воплощенными в понятии "справедливое судебное разбирательство" в соответствии с пунктом 1 статьи 6 Конвенции, и, в частности, гарантиями "состязательного разбирательства" и "равенства сторон". Некоторые подходы Европейского Суда по вопросу личного допроса "свидетелей" в соответствии с подпунктом "d" пункта 3 статьи 6 Конвенции, несомненно, имеют значение в контексте рассмотрения экспертных доказательств и могут применяться с необходимыми изменениями, с надлежащим учетом различия их статуса и роли (...). В контексте экспертных доказательств правила допустимости не должны лишать сторону защиты возможности их эффективного оспаривания, в частности, путем представления или получения альтернативных мнений и заключений. При определенных обстоятельствах отказ в принятии альтернативной экспертизы в качестве доказательства может рассматриваться в качестве нарушения пункта 1 статьи 6 Конвенции (...).

Так как у российских «психиатров» нет медицинского образования, позволяющего им диагностировать расстройства мышления, поэтому вполне достаточно и моих возражений на их шизофренические фантазии. Но поскольку все понимают, что меня **реальные** параноидные Шизофреники опровергнуть неспособны, поэтому они лишают меня возможности мои возражения приобщать к делу и их рассматривать, **как это было в феврале 2002 г. в Магадане.**

3.7.1 В § 173 Европейский Суд коллизию описал так: «... ст. 198 УПК РФ наделяет сторону защиты правом участия в ее подготовке путем предложения кандидатур экспертов, постановки вопросов для них и так далее. Тот факт, что сторона защиты может играть определенную роль в подготовке заключения на этой ранней стадии, составляет важную процессуальную гарантию (...). Однако сторона защиты не имела этой возможности, поскольку экспертные заключения были получены до того, как заявительница была привлечена в качестве обвиняемой (...). К тому времени, когда заявительница была формально признана обвиняемой, следователь уже получил несколько экспертных заключений...».

Я вновь повторяю, что заключения, на основании которых члены Банды Бережицкого С.П. и Бармина Ю.В. были намерены объявить меня невменяемым получены с нарушением **ВСЕХ** моих прав, предусмотренных ст. 1 ст. 198 УПК РФ, поскольку права мне НЕ разъяснялись и НЕ обеспечивались, о чем свидетельствует ролик в Ютубе (<http://youtu.be/dMEvaihrLD4>), а также **нет результатов реализации мной предоставленных мне даже ч. 1 ст. 198 УПК РФ прав.** Что касается заключения № 818, то оно было датировано 05.08.14 г. в то время, как возбуждение уголовного дела датировано 08.08.14 г. То есть заключение № 818 было получено до возбуждения уголовного дела и меня с ним никто не ознакомил.

3.7.2 В § 174 Европейский Суд отметил, что «сторона защиты пыталась добиться назначения дополнительной экспертизы потерпевшей (...). Тем не менее в этом случае следователь возразил в краткой форме, что отсутствует необходимость в производстве дополнительных экспертиз».

Я 19.07.14 г. Новиковой Ю.В. (61219471005808) и Шевнину С.В. (61219471005815) заявил ходатайство № 2402 (<https://cloud.mail.ru/public/9HnX/VaR12qCZr>) о производстве комплексной экспертизы моих текстов с «оскорблениями». На это ходатайство от Новиковой Ю.В. я **только** 30.09.14 г. получил постановление об отказе в удовлетворении ходатайства, поскольку, по её Бредовому мнению, «в силу ст. 38 УПК РФ следователь уполномочен самостоятельно направлять ход расследования, принимать решения о производстве следственных и иных процессуальных действий, за исключением случаев, когда требуется получение судебного решения или согласия руководителя следственного органа. В настоящий момент, расследования уголовного дела № 77408 в производстве следственно-процессуальных действий, о которых ходатайствует Усманов Р.Р., необходимости не усматривает». То есть, ч. 2 ст. 159 УПК РФ ни для Новиковой Ю.В., ни для ее «проверяющих» поделщиков просто не существовала, которая их ОБЯЗЫВАЛА: «... подозреваемому ... **не может** быть отказано в допросе свидетелей, **производстве судебной экспертизы** и других следственных действиях, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для данного уголовного дела». Я всего лишь ходатайствовал об установлении причин и условий, которые явились основанием для применения мной тех слов и выражений, которые «правоприменители» объявили Тайной, как и квалифицирующие признаки ч. 2 ст. 297 УК РФ. Они **все** прикинулись Идиотами и никак не хотят понимать, что в силу ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ: «Полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств **при условии** соблюдения положений **статей 75 и 89** настоящего Кодекса. **Если после возбуждения уголовного дела стороной защиты или потерпевшим будет заявлено ходатайство о производстве дополнительной либо повторной судебной экспертизы, то ТАКОЕ ХОДАТАЙСТВО ПОДЛЕЖИТ УДОВЛЕТВОРЕНИЮ**». Мы видим, что приведенная **императивная** норма исключает дискреционные полномочия как Новиковой Ю.В, так и её вышестоящих поделщиков. То есть они в этом случае - Никто и звать их: Никак. Но Бандиты объявили себя вне Закона.

3.7.3 Согласно § 175 по делу «Матьцина против Российской Федерации», когда суд располагает только экспертными заключениями, полученными стороной обвинения без участия стороны защиты, то это само по себе не противоречит Конвенции **при условии**, что в судебном разбирательстве сторона защиты имела достаточные процессуальные инструменты для рассмотрения данного доказательства и его **эффективного оспаривания**. Но если, согласно § 177, «сторона защиты была достаточно осведомлена о содержании заключения и поэтому могла оспаривать его выводы в судебном разбирательстве», то от меня заключение № 818 от 05.08.14 г. скрывали вплоть до вынесения постановления о направлении на стационарную судебно-психиатрическую экспертизу, а заключение № 197 от 12.11.14 г. **все** скрывали до марта 2015 г. При этом ЕСПЧ отметил, что права стороны защиты не

заканчиваются на ознакомлении с заключением: «Согласно последовательной прецедентной практике Европейского Суда **сторона защиты должна иметь право на ознакомление и оспаривание не только экспертного заключения как такового, но и достоверности мнений тех, кто его составлял, путем их прямого допроса (...)**».

3.7.4 Согласно смысла §§ 178 - 181, когда эксперты имеют неполную информацию, а экспертное заключение не может строиться на предположениях, то в этом случае необходимо проведение дополнительной экспертизы для восполнения пробелов первоначального заключения. При таких обстоятельствах для стороны защиты было принципиально важно заслушать лично эксперта, который твердо настаивает на том, что имелась прямая связь между причиной и следствием. Кроме того, Европейский Суд подчеркнул важность, что когда эксперт выступает в качестве докладчика экспертной комиссии, что порождало основание для его непосредственного допроса, поскольку это позволяло сделать вывод о толковании заключения. Невозможность допроса такого эксперта ставит серьезные препятствия для стороны защиты.

3.7.5 Согласно смысла §§ 182 - 184, при противоречиях в доводах экспертов, суд **должен** назначить новую экспертизу тем более, когда сторона защиты просит суд о рассмотрении определенного вопроса экспертом или если сторона защиты пытается представить второе заключение по каким-либо вопросам. При исключительных обстоятельствах необходимость получения второго экспертного заключения по важному аспекту дела может быть самоочевидной, и **уклонение суда от получения экспертных доказательств, о которых ходатайствует сторона защиты, может сделать судебное разбирательство несправедливым (...)**. И эта самоочевидность вытекает в случае, когда сторона защиты не участвует в подготовке первоначального экспертного заключения, а при допросе эксперт-ТОВ выявляются противоречия. В этом случае отказ суда в проведении дополнительной экспертизы является неоправданным.

3.7.6 Согласно смысла §§ 187, 188, несмотря на различие в способе получения доказательств стороной защиты и обвинения, тем не менее важно, чтобы эти различия не ставили сторону защиты в явно неблагоприятное положение по сравнению со стороной обвинения. Правила о получении доказательств и представлении их в суде не должны делать невозможным осуществление стороной защиты прав, гарантированных статьей 6 Конвенции. В § 731 Постановлении по делу "Ходорковский и Лебедев против Российской Федерации" Европейский Суд подчеркнул, что "...[О]спаривание заключения эксперта в отсутствие помощи другого эксперта в соответствующей сфере может быть затруднительным. Таким образом, одного лишь права стороны защиты просить суд о назначении другой экспертизы не является достаточным. Чтобы реализовать это право эффективно, сторона защиты должна иметь ту же возможность представления собственных "экспертных доказательств"».

Я могу лишь повторить, что на Бред Сумасшедших я готов был написать свои возражения и об этом знали **все** из п. 7.11.1 Замечаний № 1948 на протокол судебного заседания от 21.05.13 г. (<https://cloud.mail.ru/public/M8eR/KcXEqX97U>): «При этом, кто такой Морев В.А.? Морев В.А. – это тот, кто ходатайствовал о назначении мне группы инвалидности в связи с психическим заболеванием. И его шизофренические фантазии не нашли подтверждения и были опровергнуты ТРЕМЯ экспертными заключениями, которые были составлены терапевтами, психологами И ПСИХИАТРАМИ. Кто он вообще такой, этот Морев В.А., чтоб давать свои оценки о том, в чем он экспертом признан не был. Пусть покажет наличие свидетельства о признании его ЭКСПЕРТОМ в области психиатрии. Он еще со своими куриными мозгами будет давать советы, на какое активное наблюдение меня надо поставить. Да его самого надо засунуть в психиатрический стационар за то, что он написал. Его писанины достаточно, чтоб отправить его на нары и никакая депутатская неприкосновенность ему не поможет. Он умственно Неполноценный по простой причине: мне абсолютно безразлично, какое заключение будет, так как когда я на это «заключение» напишу Комментарий, то от него не останется камня на камне. Я его превращу в нано-частицы. Это в 2012 г. у меня не было достаточной литературы по психиатрии, а теперь я перечитал ВСЕХ российских «академиков». Я этому Мореву В.А. могу подарить мою библиотеку, которую он не перечитает до конца дней своих, так как он неспособен читать по 200 страниц в день».

3.7.7 В § 201 ЕСПЧ отметил, что когда игнорируются доказательства стороны защиты, то это является нарушением фундаментальных принципов справедливого судебного разбирательства и разъяснил: «Прецедентная практика Европейского Суда указывает, что сторона обвинения должна раскрывать стороне защиты "все существенные доказательства, которые она имеет за или против обвиняемого" (...). Некоторые исключения из этого правила допустимы, но власти Российской Федерации на них не ссылались. Правило раскрытия оправдывающих доказательств обязывает сторону обвинения представлять такие доказательства на рассмотрение суда. В то же время **данное правило не имеет смысла, если судам разрешено оставлять эти доказательства без рассмотрения и даже не**

упоминать их в своих приговорах».

3.8 Так как не может быть различного обращения с лицами, находящимися в одинаковых или сходных ситуациях, поэтому необходимо учитывать не только требования ч. 3 ст. 79 ГПК РФ, но и ч. 5 ст. 77 КАС РФ, которые предусматривают: «При уклонении стороны от участия в экспертизе, непредставлении экспертам необходимых материалов и документов для исследования и в иных случаях, если по обстоятельствам дела и без участия этой стороны экспертизу провести невозможно, суд в зависимости от того, какая сторона уклоняется от экспертизы, а также какое для неё она имеет значение, вправе признать факт, для выяснения которого экспертиза была назначена, установленным или опровергнутым».

Так как в природе не существует текста моей устной и письменной речи, имеющей признаки нарушения мышления и все «психиатры» категорически отказываются делать анализ моей речи на предмет установления признаков нарушения мышления, поэтому отсутствие у меня нарушения мышления, исходя из приведенных норм действующего законодательства, следует признать установленным.

То есть мой иск № 2371 и жалобы № 2386, № 2379, № 2393 неопровержимо доказывали, что на момент инкриминируемого мне преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 297 УК РФ, у меня не было какой-либо психической патологии.

3.8.1 В силу п. 7 ППВС РФ № 23 от 19.12.03 г. «О судебном решении»: «Судам следует иметь в виду, что заключение эксперта, равно как и другие доказательства по делу, не являются исключительными средствами доказывания и **должны** оцениваться в совокупности со всеми имеющимися в деле доказательствами (статья 67, часть 3 статьи 86 ГПК РФ). **Оценка судом заключения должна быть полно отражена в решении. При этом суду следует указывать, на чем основаны выводы эксперта, приняты ли им во внимание все материалы, представленные на экспертизу, и сделан ли им соответствующий анализ».**

То есть, согласно смысла сказанного следует, что при оценке экспертного заключения, предметом оценки должно быть не только само заключение, но и то, на чем оно основано, то есть представленные материалы и **анализ** этих материалов. За 11 лет Попыток и Истязаний не было **ни одного** акта или заключения «психиатров», которое было бы исследовано и оценено с приведенных позиций, что подтверждается отсутствием в деле не только моих объяснений по предмету, подлежащим доказыванию, но и акта № 1506 от якобы 05.09.02 г. и заключения № 44 от 20.06.13 г., которые должны были подтверждать шизофренические, **бездоказательные** фантазии Баклановой Г.В., Каркиной Н.Г. и Милютиной С.В., впрочем, как и **иск № 2371, а также жалобы № 2386, № 2379, № 2393.**

3.8.2 Следует напомнить и о том, что в п. 3.1 Постановления № 19-П от 20.07.11 г. Конституционный Суд разъяснил, что внутреннее убеждение судьи **должно** основываться на **всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании доказательств**, а **выбор подлежащих применению в конкретном деле норм** должен быть основан на **собственном их толкование в системе действующего правового регулирования**. При этом судья может принять решение **в пределах предоставленной ему законом** свободы **усмотрения**. То есть усмотрение судьи не может основываться на желании. Оно **всегда ограничено** подлежащими **правильному** (ч. 2 ст. 120 Конституции РФ, ч. 2 ст. 11, ч. 2 ст. 12 ГПК РФ, ч. 2 ст. 14, ч. 2 ст. 15 КАС РФ) применению нормами действующего законодательства, и **подлежащими исследованию доказательствами**, то есть доводами сторон по предметам, подлежащим установлению.

3.8.3 Согласно смысла абзаца 4 п. 31 ППВС РФ № 41 от 19.12.13 г. судья принимает соответствующее мотивированное решение, исходя из **анализа всей совокупности обстоятельств**, в том числе связанных с переходом в другую стадию судопроизводства, что может быть обусловлено появлением новых оснований для принятия решения.

3.8.4 **Конвенция** также **требует** тщательное исследование, проверку и оценку доказательств, что разъяснено в § 60 Постановления ЕСПЧ от 22.09.15 г. по делу «Илькин против РФ»: суды «... **должны** рассматривать все аргументы «за» и «против» **с точки зрения наличия общественного интереса ... с надлежащим учетом принципа презумпции невиновности...**» (тот же смысл в § 37 Постановления ЕСПЧ от 18.12.12 г. по делу «Сопин против РФ»: «Национальные судебные органы **должны** рассматривать **все** доказательства существования необходимого условия общественного интереса, оправдывающего, с **должным учетом** принципа презумпции невиновности, отступление от принципа уважения свободы личности и изложить их в своих решениях ...».).

3.8.5 Неспособность российских «правоприменителей» оценивать заключения экспертов была установлена в § 58 Постановления ЕСПЧ от 16.07.15 г. по делу «Алексей Борисов против России»: «... заместитель прокурора **ограничился тем, что процитировал**

выводы судебно-медицинской экспертизы, никак не прокомментировав их» (§ 58). Именно так «доказывают» российские правоприменители свои фантазии: они цитируют то, что нафантазировали другие, без оценки самих фантазий. Но так как этих других никто не вызывает и не допрашивает, поэтому далее цитирования абсолютно любого Бреда «доказывание» не идет.

3.8.6 В абзаце 3 п. 11 ППВС РФ № 5 от 17.09.75 г. в редакции ППВС РФ № 7 от 06.02.07 г. разъяснено: **«Специалист приглашается для участия в судебном разбирательстве в тех случаях, когда суду либо участникам судебного разбирательства при исследовании доказательств могут потребоваться специальные знания и навыки** (например, в существе технологического или производственного процесса, специфических особенностях той или иной профессии и т.п.). Мнение специалиста обязательно отражается в протоколе судебного заседания».

Из приведенного понятно, что когда предметом оценки должны быть **специальные знания**, то **необходимо** участие специалиста и поэтому полным абсурдом является то, что **ничего не понимающие** в психиатрии «юристы» решают вопросы о заключениях «психиатров» и при этом еще набираются наглости утверждать, что их заключения у них сомнений не вызывают. Но когда начинаешь изъясняться языком психиатрии, то все начинают утверждать, что этот язык недоступен для понимания. Все без исключения «психиатры» и «психологи» мне говорили: «Мы не понимаем ваших текстов, так как они юридические». В постановлении от 16.11.09 г. «судья» Октябрьского райсуда СПб Шишкин Ю.Ф. официально написал: «Кроме того, как установлено при изучении жалобы Усманова Р.Р., гр. Усманов Р.Р. приводит в поддержку доводы, недоступные для понимания, такие, как «толкование действительности путем соскальзывания», которое правовой оценке не подлежат». В этом он был поддержан «судьями» горсуда СПб Лебедевой О.В., Дюпиной Т.В. и Кашириным В.Г., которые в определении от 21.01.10 г. написали: «При изучении данной жалобы установлено, что заявителем приведены доводы, недоступные для понимания, такие как «толкование действительности путем соскальзывания», а поэтому суд правильно указал, что правовой оценке они не подлежат». То есть, «психиатры» не понимают юридические тексты, а «юристы» не понимают психиатрическую терминологию, но все приходят к одному выводу о том, что доводы как одних, так и других сомнений не вызывают, поскольку ... они не понимают о чем говорят сами.

3.8.7 Давайте рассмотрим доводы Верховного Суда РФ по этому вопросу. Так, согласно п. 2 ППВС РФ № 1 от 29.04.96 г. «О судебном приговоре» в редакции ППВС РФ № 7 от 06.02.07 г. : «... суд **не вправе** ссылаться в подтверждение своих выводов на собранные по делу доказательства, если они не были исследованы судом и не нашли отражения в протоколе судебного заседания ... При этом следует иметь в виду, что фактические данные, содержащиеся в оглашенных показаниях, как и другие **доказательства, могут быть положены в основу выводов и решений по делу лишь после их проверки и всестороннего исследования в судебном заседании**». В силу п. 3: «При постановлении приговора **должны** получить оценку **все** рассмотренные в судебном заседании доказательства, **как подтверждающие** выводы суда по вопросам, разрешаемым при постановлении приговора, **так и противоречащие** этим выводам. Суд в соответствии с требованиями закона **должен** указать в приговоре, почему одни доказательства признаны им достоверными, а другие отвергнуты. По делу в отношении нескольких подсудимых или по делу, по которому подсудимый обвиняется в совершении нескольких преступлений, **приговор должен содержать анализ доказательств** в отношении каждого подсудимого и по каждому обвинению.

Ссылаясь в приговоре на показания допрошенных по делу лиц, **закключение эксперта**, протоколы следственных и судебных действий и иные документы, **подтверждающие, по мнению суда, те или иные фактические обстоятельства, необходимо раскрыть их содержание.** Например, не только перечислить фамилии потерпевших, свидетелей, но и **изложить существо их показаний.**

3.8.8 В силу п. 4: «В соответствии со ст. 302 УПК РФ обвинительный приговор **не может** быть основан **на предположениях** и постановляется лишь при условии, если в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления **доказана**. В связи с этим судам надлежит исходить из того, что обвинительный приговор **должен** быть постановлен на **достоверных доказательствах**, когда по делу **исследованы все возникшие версии, а имеющиеся противоречия выяснены и оценены**... Следует неукоснительно соблюдать принцип презумпции невиновности (ст. 49 Конституции Российской Федерации, ст. 14 УПК РФ), согласно которому **все сомнения в виновности обвиняемого, которые не могут быть устранены** в порядке, установленном Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, толкуются в его пользу».

3.8.9 Пункт 6 предписывает: «...В приговоре необходимо привести **всесторонний анализ доказательств**, на которых суд основал выводы, **при этом должны получить оценку все доказательства, как уличающие, так и оправдывающие подсудимого**... В описательно-мотивировочной части приговора **должно** быть также отражено **отношение подсудимого к предъявленному обвинению и дана оценка доводам, приведенным им в свою защиту**. В случае изменения подсудимым показаний, данных им при производстве дознания или предварительного следствия, суд **обязан тщательно проверить** те и другие его показания, выяснить причины изменения показаний и **дать им оценку в совокупности с иными собранными по делу доказательствами**».

3.8.10 В силу п. 8: «В приговоре **необходимо мотивировать выводы суда относительно квалификации преступления** по той или иной статье уголовного закона, его части либо пункту. Признавая подсудимого виновным в совершении преступления по **признакам**, относящимся к оценочным категориям (тяжкие или особо тяжкие последствия, крупный или значительный ущерб, существенный вред, ответственное должностное положение подсудимого и другие), **суд не должен** ограничиваться ссылкой на соответствующий признак, а **обязан** привести в описательно-мотивировочной части приговора обстоятельства, **послужившие основанием** для вывода о наличии в содеянном **указанного признака**... **суд должен обосновать квалификацию** в отношении **каждого преступления**».

3.8.11 В силу п. 22: «Приговор **должен быть составлен в ясных и понятных выражениях**. Исходя из этого, в приговоре **недопустимо** употребление неточных формулировок, использование непринятых сокращений и слов, неприемлемых в официальных документах, а также загромождение приговора описанием обстоятельств, не имеющих отношения к рассматриваемому делу. Приводимые в приговоре технические **и иные специальные термины**, а также выражения местного диалекта **должны быть разъяснены**».

3.8.12 В силу п. 4 ППВС РФ № 35 от 07.02.67 г. «Об улучшении организации судебных процессов и повышении культуры их проведения» в редакции ППВС РФ № 10 от 25.10.96 г.: «Приговоры, решения, определения и постановления судов **должны** быть не только законными и обоснованными, **но и мотивированными, составленными в ясных и понятных выражениях**».

3.8.13 В § 30 Постановления от 27.09.01 г. по делу «Хирвисаари против Финляндии» разъяснено: «**Задачей обоснованного решения является продемонстрировать сторонам, что их выслушали**. Более того, мотивированное решение предоставляет сторонам возможность обжаловать его, так же как и возможность кассационному органу пересмотреть решение. Только через вынесение **обоснованного** решения может осуществляться **общественный контроль** за отправлением правосудия».

Более полно вопросы качества судебных решений рассмотрены мной в п.п. 6 - 6.13 апелляционной жалобы № 2690: <https://cloud.mail.ru/public/7Lc7/sbVuaKwA9>.

3.9 Возвращаясь к заключению необходимо сказать, что в России **никто** заключения **не проверяет и не оценивает**, поскольку **никакие документы к ним не прилагаются**. Мне, конечно, возразят, что заключения основаны на материалах дела. И на каких материалах дела основаны **мои** заключения, если по ним вообще никакой проверки не проводилось, а ВСЕ «следственные» действия начались ТОЛЬКО ПОСЛЕ объявления меня Невменяемым? То есть, у меня «нет» критики к правонарушению, которое **никто не доказал и доказывать не собирался**. Но если не было **доказано** само «правонарушение», то как «психиатры» могли утверждать, что у меня к нему не было критики? Что они у меня опровергли?

3.9.1 Исходя из принципов, по которым живет цивилизованный мир, человек признается больным, когда его неадекватное поведение задокументировано. Когда документы отсутствуют, то «диагноз ставить не разрешается» (доктор медицинских наук, психиатр Юджин Вест, АиФ, № 14, 2005 г., стр. 20). Из заключений мы вообще не можем понять, какие конкретно документы положены в основу выводов «психиатров», на основании которых эти выводы можно было бы **проверить**.

3.9.2 В «Комментарий законодательства РФ в области психиатрии» (Москва, Спарк, 1997 г. - далее Комментарий) разъяснено: «Поскольку обоснованность госпитализации в дальнейшем рассматривается судьей, заключение врача о недобровольной госпитализации **должно** носить **доказательный характер**, т.е. помимо диагноза, **описание состояния должно** содержать изложение конкретных фактов об имевших место действиях, высказываниях, особенностях поведения лица, страдающего психическим расстройством ...

каждый врач-психиатр, принимающий решение о недобровольной госпитализации, ДОЛЖЕН составить ПРЕДМЕТНОЕ **доказательное** ОПИСАНИЕ, из которого с достаточной степенью определенности можно было бы заключить, что оно соответствует одному из трех критериев, приведенных в данной статье...» (стр. 194) Доказательного **описания** симптомов и синдромов, тем более, подробного и четкого (стр. 101), заключения «психиатров» не содержат и содержать не могут по той причине, что у российских «психиатров» нет медицинского образования, которое позволило бы им диагностировать расстройства мышления и адекватно лечить их. Поэтому все они дружно скрывают **научно обоснованные** методы диагностики и лечения. То есть они скрывают средства, с помощью которых намерены достичь определенной цели лечения. Из заключений мы видим, что в них, во-первых, полностью отсутствует **описание** синдромов и симптомов, хотя они «должны быть ОПИСАНЫ **подробно и четко** ... языком, понятным лицам, не обладающим психиатрическими познаниями, а специальная терминология – разъяснена (стр. 101-102). Однако заключения «психиатров» написаны так, что их невозможно понять даже специалисту, поскольку **смысл** используемых суждений с точки зрения Психиатрии является скрытым. То есть мы не можем понять: **что** «психиатры» «лечат», в связи с чем невозможно понять: **как** можно лечить то, что неизвестно. Во-вторых, Жертв в российских психиатрических стационарах просто глушат нейролептиками. Но расстройства мышления нейролептиками **не** лечатся. То есть применяемый вид «лечения» не соответствует характеру «психического расстройства», что запрещено ч. 3 ст. 10 Закона «О психиатрической помощи...» **В заключениях отсутствуют ссылки на МЕТОДЫ диагностики и применяемого «лечения» и информация о самих методах.** Полностью отсутствует информация о продолжительности «лечения» и ожидаемых результатах, в результате чего Жертв можно казнить до конца их жизни. О том, как должно быть – написано в Комментарий (стр. 46-47, 74-76).

3.9.3 Таким образом, какой **минимум должен** прилагаться к заключению психиатров? К заключению психиатров, как минимум, **должны** прилагаться: 1. **разъяснение признаков** психического расстройства, которые послужили **основанием** для помещения в психиатрический стационар; 2. разъяснение методов, включая альтернативные, продолжительность рекомендуемого лечения и ожидаемые результаты (п. 2 Принципа 11, п. 2 ч. 2 ст. 5, ч. 2 ст. 11, ч. 1 ст. 37 Закона «О психиатрической помощи...»); 3. разъяснение **всех прав и порядок их осуществления** (п. 1 Принципа 12, п. 1 ст. 22 Рекомендаций, ч. 1 ст. 37 Закона «О психиатрической помощи...»); 4. речь обследуемого лица; 5. **анализ** речи обследуемого лица, **на основании чего выставляется диагноз, если для этого есть основания**; 6. разъяснение методов, включая альтернативные, продолжительность рекомендуемого лечения и ожидаемые результаты, **если** установлено наличие признаков психической патологии; 7. аудио-, видеозаписи и протоколы, которые **должны фиксировать** общение обследуемого и психиатров. Это **минимум документов**, которые **должны** быть **составной частью любого** заключения психиатров, как это предусмотрено ч. 3 ст. 25 Закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ», ч. 3 ст. 204 УПК РФ. Если этого **минимума** нет, то заключение не может иметь юридической силы и не может учитываться при решении вопроса о помещении в психиатрический стационар. То есть **отсутствие перечисленных документов полностью исключает помещение Жертвы в психиатрический стационар.**

3.10 Но, допустим, что экспертиза 05.08.14 г. назначена и проведена в установленном законом порядке и меня ознакомили с заключением № 818, как то предусмотрено ст. 206 УПК РФ. Новикова Ю.В. назначила проведение стационарной экспертизы. И вновь та же самая картина: с постановлением в установленном законом с защитником (ст. 438 УПК РФ) и законным представителем (ст. 437 УПК РФ) порядке меня не ознакомили; права, предусмотренные ч. 1 ст. 198 УПК РФ не разъяснили, в результате чего их сделали нереализуемыми на практике. **О правах, предусмотренных законодательством о психиатрической помощи вообще никто не заикался, хотя я обращал на это внимание.** «Судья», «прокурор» и «адвокат» проигнорировали документы, свидетельствующие о незаконности ознакомления меня с постановлением о назначении экспертизы и не разъяснили мне прав, предусмотренных ч. 1 ст. 198 УПК РФ, то есть в деле не было протокола ознакомления с постановлением о назначении экспертизы, который **должен быть составной частью самого постановления.** То есть сама процедура заявления ходатайства перед судом о назначении мне стационарной судебно-психиатрической

экспертизы - незаконна, а проведение якобы экспертизы должно было быть проведено по уже разработанному сценарию в конспиративных условиях с **обязательной фальсификацией** доказательств и **изготовлением заведомо ложного заключения**. Но так как в заключении № 818 вновь были сделаны ссылки на предыдущие акты и заключения, поэтому к материалам дела они **должны** были быть приобщены, а также **должны** были быть исследованы и оценены и мои НАИВНЫЕ Комментарии № 1630-2 на акты и заключения (<https://cloud.mail.ru/public/GYjN/CCdW6d3jV>), Возражения № 1631 на акты «освидетельствований» (<https://cloud.mail.ru/public/4M7d/A2FW7CJQp>), и письма от 25.04.05 г. – 03.06.12 г. (<https://cloud.mail.ru/public/Ly7m/QSgZP6mRM>) и от 17.10.05 г. – 03.06.12 г. (<https://cloud.mail.ru/public/8hD6/4BGXs5vcj>), в которых объяснена незаконность объявления меня невменяемым. Особо же следовало обратить внимание на откровенно преступный второй вариант акта № 540, который не был подписан «психиатром» Бридковским В.В. и заверен печатью МОПНД, на основании которого 03.04.02 г. мне и были назначены Пытки и Истязания под видом принудительного лечения: <https://cloud.mail.ru/public/Gj3Q/eAKKuGjRr>, в связи с чем дело по назначению принудительного лечения 03.04.02 г. должно было быть возобновлено ввиду вновь открывшихся обстоятельств, как то прямо предусмотрено ч. 2 ст. 415 УПК РФ. Должны были быть исследованы и протокол судебного заседания от 11.02.02-04.04.02 г. (<https://cloud.mail.ru/public/DJ6U/kqG1VCD4T>) и мои Замечания № 1750 на него (<https://cloud.mail.ru/public/CZLz/hZmoVWVjo>). Также в деле **должны** были быть представлены и сами акты и заключения иных «психиатров», на которые делали ссылки в заключениях Кировские «психиатры». То есть фактически я просил неукоснительно исполнить п. 1 ст. 14 Пакта, п. 1 ст. 6 Конвенции, ч. 3 ст. 123 Конституции РФ, ч.ч. 1, 3, 4 ст. 15 УПК РФ и создать необходимые условия для осуществления мной моих прав на представление доказательств и участие в их исследовании. Однако мне незаконно было отказано приобщить к материалам дела DVD-диск, на котором были собраны почти все **необходимые** доказательства для объективного, полного и всестороннего исследования дела и установления **фактических** обстоятельств, свидетельствующих об отсутствии у меня какой-либо психической патологии и оснований для помещения в стационар в рамках уголовного судопроизводства. Более подробно это мной объяснено в заявлении № 2847: <https://cloud.mail.ru/public/5Jrw/X9qH7TXaE>.

3.10.1 Здесь необходимо учитывать очень важное обстоятельство, о котором я упомянул выше: при назначении судебно-психиатрической экспертизы во время следствия, **Жертвы не имеют ни малейшего представления о доказательствах, имеющихся в материалах дела** и поэтому они лишены возможности **адекватно** строить свою защиту. Из постановления о назначении судебно-психиатрической экспертизы Жертвы не могут определить те доказательства, которые следствие кладет в основу своих доводов, а поэтому их практически невозможно и оспорить. Но одно дело - это когда невозможно оспорить какие-либо доказательства, так как они для Жертвы неизвестны и совершенно иное, когда становится невозможным представить свои доказательства, как это прямо предусмотрено п. 3 Принципа 18, который находится в нормативном единстве с правом на представление доказательств, которое гарантировано п. 4 ч. 4 ст. 46, п. 4 ч. 4 ст. 47 УПК РФ в сочетании с правом на эффективное средство правовой защиты, гарантированное п. 3 ст. 2 Пакта, п. 1 ст. 9, п.п. 1, 3 ст. 12 Декларации о праве, ст. 13 Конвенции, **которые являются составной частью правовой системы России и имеют большую юридическую силу**. Мало того, я никогда и нигде не слышал, чтоб российские «юристы» именно разъясняли **порядок осуществления права** на представление доказательств. В их сознании доказательствами могут быть лишь какое-либо мнение, выраженное на бумажном носителе и никто почему-то не говорит о том, что доказательства, в том числе и **научная литература по рассматриваемому вопросу**, могут быть представлены на носителях информации, предназначенных для передачи аудио-, видео- и т.п. информации. Я просил приобщить к материалам дела DVD-диск с аудиозаписями, научной литературой (<https://cloud.mail.ru/public/KQbZ/tBo6BCY4Z>) и моей письменной продукцией (<https://cloud.mail.ru/public/F4a8/1Ti2FHxkf>), которые неопровержимо доказывали отсутствие у меня какой-либо психической патологии, однако после 09.08.14 г. права на представление доказательств Кировские криминальные авторитеты Бармин Ю.В., Леденских И.В., Лукьянов Э.В., Ембасинов И.В., Бережицкий С.П., Тулупова Е.Б., Шевнин С.В., Назарова И.Е., Житенев Г.Я., Бакулев А.А., Новикова Ю.В., Утемова Е.Д., Петухов Ю.Л., Копырина М.Н. и их подельники меня лишили, поскольку они знали, что в моей письменной продукции и **устной речи на аудиозаписях** они не смогут найти то, что «психиатры» безуспешно искали с 22.12.01 г. Мало того, **я давно и всем разъяснил, что по моей письменной продукции можно определить динамику моего психического состояния и поэтому от моей письменной продукции откешивались все, лишая меня и права на представление доказательств, и обеспечивая себе возможность их фальсифицировать**, то есть

совершать преступления, предусмотренные ч. 3 ст. 210, ч. 3 ст. 303 УК РФ. И активное содействие в фальсификации доказательств оказывали **навязанные** мне «адвокаты», **с которыми невозможно было обсудить обстоятельства дела и решить вопрос именно с достаточными доказательствами.**

3.10.2 Таким образом, к какому выводу мы должны прийти? Мы должны прийти к элементарному выводу: дело, которое **незаконно** находилось в производстве Яранского райсуда в г. Яранске Кировскими криминальными авторитетами Барминым Ю.В., Леденских И.В., Лукьяновым Э.В., Ембасиновым И.В., Бережицким С.П., Тулуповой Е.Б., Шевниным С.В., Назаровой И.Е., Житеневым Г.Я., Бакулевым А.А., Новиковой Ю.В., Солодовниковым С.А., Кальсиным С.Н., Утемовой Е.Д., Петуховым Ю.Л., Копыриной М.Н. и их поделщиками, то есть Бандой – СФАЛЬ-СИ-ФИ-ЦИ-РО-ВА-НО, поскольку в нем не было моих Возражений на акты и заключения «психиатров», а также в деле не было протоколов об ознакомлении меня с постановлениями о назначении судебно-психиатрических экспертиз, которые **должны** были быть составной частью постановлений и на основании которых **только** и можно установить нарушение прав. То есть Фигурантами цинично был нарушен конституционный принцип состязательности и равноправия сторон, гарантированный ч. 3 ст. 123 Конституции РФ. Как только юристы и психиатры ссылаются на какой-либо документ, то тут же они **обязаны** дать оценку и моим Возражениям об этом документе, что разъяснено в том же Определении КС № 336-О от 12.07.05 г. и касающемся апелляционной инстанции: **«Такой пересмотр, однако, может признаваться компетентным, справедливым и ЭФФЕКТИВНЫМ средством защиты прав и законных интересов личности ЛИШЬ ПРИ УСЛОВИИ предоставления заинтересованным участникам уголовного судопроизводства РЕАЛЬНОЙ возможности привести свои ВОЗРАЖЕНИЯ и ДОВОДЫ против принятого решения И ПОЗИЦИИ противоположной стороны, основываясь на обстоятельствах, зафиксированных как в самом этом решении, так и в иных значимых для его принятия материалах уголовного дела».**

3.11 В § 68 Решения Европейского Суда от 06.12.88 г. по делу «Барбера, Мессегуэ и Джабардо против Испании» разъяснено: «По общему правилу внутренние суды, и особенно суд первой инстанции, **должны** оценивать предъявленные им доказательства и отношение к делу доказательств, которые представляют обвиняемые (...). Тем не менее, Суд должен выяснить ... было ли справедливым, согласно п. 1 ст. 6, судебное разбирательство, рассматриваемое в целом, включая и то, как были получены доказательства, обвинительные и оправдательные» (см. также Постановления Европейского Суда по делу «Костовски против Нидерландов», § 39; от 27 сентября 1990 г. по делу «Виндиш против Австрии», § 25; от 19 декабря 1990 г. по делу «Дельта против Франции», § 35).

3.11.1 В § 77 Решения от 06.12.88 г. по делу «Барбера, Мессегуэ и Джабардо против Испании» ЕСПЧ постановил, что статья 6 п. 2 Конвенции **требует**, кроме того, чтобы при осуществлении своих полномочий судьи отошли от **предвзятой идеи**, что подсудимый совершил преступное деяние, так как **обязанность доказывания лежит на обвинении** и **любое сомнение толкуется в пользу обвиняемого**. Кроме того, **на обвинение возлагается обязанность** указать заинтересованному лицу, **объектом какого обвинения он является** — чтобы предоставить ему возможность подготовиться к защите, — и предложить **достаточные** доказательства, чтобы обосновать заявление о виновности».

В иных источниках со ссылкой на данное Решение говорится о том, что: «в уголовно-правовой сфере проблема доказывания должна разрешаться в свете ст. 6.2 и ст. 6.3 Конвенции, ст. 6.2, посвященная принципу презумпции невиновности, требует, среди прочего, чтобы бремя доказывания возлагалось на обвинение и чтобы сомнение в доказанности толковалось в пользу обвиняемого. Кроме того, **данное положение накладывает на государственное обвинение ОБЯЗАННОСТЬ указать осужденному, в чем конкретно он обвиняется, и предоставить ДОСТАТОЧНЫЕ доказательства, обосновывающие обвинительное заключение.** В данном деле сторона государственного обвинения изложила свое видение фактов дела, квалифицировала их и перечислила доказательства, на предоставлении которых она настаивает, - включая 1 600 страниц дела - **при этом детально не объясняя, на какие именно элементы она опиралась, выдвигая обвинение против данных лиц; это затруднило защиту».**

Однако, «вопрос о том, содержало ли дело **достаточно** доказательств виновности заинтересованного лица, чтобы обосновать направление законченного дела в суд» (§ 44

Постановления ЕСПЧ от 11.01. 2000 г. по делу «Дактарас против Литвы») как стоял ранее, так он стоит и сейчас.

3.11.2 В § 33 Постановления от 27 октября 1993 г. по делу «Домбо Бехер Б.В.» против Нидерландов» разъяснено: «Требование «равенства сторон» **распространяется как на гражданские, так и на уголовные дела.** В судебных процессах, где сталкиваются противоположные частные интересы, это «равенство сторон» предполагает, что каждая сторона **должна** иметь разумную возможность представить свое дело – включая доказательства – в условиях, в которых ни одна из сторон не имеет явного преимущества».

3.11.3 В § 56 Постановления от 22.09.94 г. по делу «Антриш против Франции» разъяснено: «Одним из требований «справедливого судебного разбирательства» является «равенство сторон», которое предполагает, что каждая сторона **должна** иметь разумную возможность представить свое дело в условиях, в которых ни одна из сторон не имеет явного преимущества» (также Постановления от 24.02.97 г. по делу «Де Наз и Гийзел против Бельгии», § 53).

3.11.4 В § 34 Постановления от 17 января 1970 г. по делу «Делькур против Бельгии» разъяснено: «Судебное разбирательство не будет справедливым, если оно будет проходить в условиях, способных **необоснованно** поставить обвиняемого в менее благоприятное положение» (тот же принцип в § 62 Постановления от 02.03.87 г. по делу «Моннелл и Моррис против Соединенного Королевства»).

3.11.5 В § 53 Постановления от 12.06.12 г. по делу «Грязнов против Российской Федерации» криминальной России предписано: «... принцип состязательности и равенства сторон, который является одним из элементов более широкого понятия справедливого судебного разбирательства, означает, что **каждой стороне должна быть предоставлена разумная возможность знать объяснения другой стороны и представленные ею доказательства и высказывать свое мнение о них, а также представлять свою позицию в условиях, которые не ставят его в существенно неблагоприятное положение в отношении противной стороны**».

3.11.6 При этом необходимо учитывать Великолепные выводы ЕСПЧ, выраженные в Решении от 14.01.03 г. по делу «Аркадий Иванович Викторов против Российской Федерации»: «Более того, сторона судебного разбирательства **должна** иметь возможность ознакомиться с доказательствами **до начала** рассмотрения дела в суде, а также **возможность выразить свое мнение об их наличии, содержании и подлинности в надлежащей форме и в надлежащее время**, при необходимости, **заблаговременно в письменном виде** (§ 42 Постановления ЕСПЧ от 03.03.2000 г. по делу "Крчмар против Чехии")».

На практике выполнить приведенные требования в России практически невозможно, поскольку коррумпированные органы криминальной власти всячески препятствуют Жертвам представлять свои доказательства, а **Преступники из конституционного якобы суда рассказывают сказки о том, как должно быть и в упор не видят то, что творится в реальности. В результате осуждение невинных стало уже нормой.**

3.11.7 В § 30 Решения Европейского Суда от 20.02.96 г. по делу «Вермюлен против Бельгии» разъяснено: «С учетом важности разбирательства в Кассационном суде для заявителя **и характера заключения г-на дю Жардена, заместителя генерального прокурора, то обстоятельство, что г-н Вермюлен не имел возможности ответить ему до окончания слушания дела, явилось нарушением его права на состязательный процесс.** Принцип состязательности означает, что стороны в **уголовном или гражданском процессе ВПРАВЕ ЗНАКОМИТЬСЯ со ВСЕМИ** доказательствами или замечаниями, приобщенными к делу, **КОММЕНТИРОВАТЬ ИХ**; это относится и к заключениям, сделанным независимым представителем прокурорской службы, **КОТОРЫЕ ОКАЗЫВАЮТ ВЛИЯНИЕ НА РЕШЕНИЕ СУДА** (...)».

Таким образом, в любом обвинительном акте **должны** быть не только доводы стороны обвинения в любом виде, но и доводы стороны защиты в лице Жертвы по **каждому** доказательству, которое **кладется в основу принимаемого решения.**

3.12 Что касается самого постановления о направлении меня в КОГКУЗОКПБ им. Бехтерева В.М. (л.д. 177-178 тома 2: <https://cloud.mail.ru/public/3Uph/LT85P4EJp>), то в нем нет моих доводов по предметам, подлежащим доказыванию, что делало

бессмысленным само судебное «разбирательство» и что является **явным нарушением принципа состязательности и равноправия сторон**. Указание в постановлении: «Подозреваемый Усманов Р.Р. возражал против удовлетворения ходатайства, высказывает несогласие с заключением амбулаторной судебно-психиатрической экспертизы № 818 от 05.08.2014 г. Его защитник адвокат Неупокоев В.А. поддержал позицию подзащитного.» - с изъятием из моих доводов ссылок на подлежащие применению нормы действующего законодательства и соответствующие доказательства, фактически является фальсификацией доказательств, поскольку мои **доводы утрачивали правовой смысл, имеющий существенное значение** для законности, обоснованности и мотивированности вынесенного решения. А если быть логичным и последовательным до конца, то поскольку «адвокат» Неупокоев В.А. «поддержал позицию подзащитного», то и его необходимо было также поместить в психиатрический стационар, так как в суде участвовал вообще недееспособный Усманов Р.Р., который, по мнению «психиатров», не мог принимать участие ни в следственных действиях, ни в суде. Текст этого Бредового постановления приведен **еще** в п. 2 апелляционной жалобы № 2431 (2433): <https://cloud.mail.ru/public/LNw4/xsUSyPVst>, в которой описано всё Беззаконие.

3.12.1 Однако, самым важным является то, что как для того, чтоб выйти с ходатайством о помещении меня в КОГБУЗКОКПБ им. Бехтерева В.М. (л.д. 157-159 тома 2: <https://cloud.mail.ru/public/3Uph/LT85P4Ejp>), так и для самого решения о помещении в КОГБУЗКОКПБ им. Бехтерева В.М., «правоприменители» в качестве **основания** сослались на заключение № 818 от 05.08.14 г. А что же **действительно** послужило **основанием** для назначения амбулаторной якобы экспертизы 18.07.14 г.? Это всеми и упорно замалчивалось и замалчивается до сих пор.

3.12.2 Вопрос о качестве принимаемого решения более подробно рассмотрен в п.п. 6. – 6.13 жалобы № 2690 (<https://cloud.mail.ru/public/7Lc7/sbVuaKwA9>), однако в любом случае право на справедливое разбирательство дела «можно считать эффективным **только** в том случае, если замечания были действительно **"заслушаны"**, то есть **должным образом учтены судом**, рассматривающим дело. Следовательно, **действие статьи 6 Конвенции заключается в том, чтобы, среди прочего, обязать "суд" провести надлежащее рассмотрение замечаний, доводов и доказательств, представленных сторонами по делу**, беспристрастно решая вопрос об их относимости к делу» (§ 80 Постановления от 12.02.04 г. по делу «Перес против Франции»).

3.12.3 Не менее интересно и то, как было вынесено постановление. В п. 5.1 апелляционной жалобы № 2431 (2433) это объяснено так:

5.1 Это шоу закончилось в 18:02:14, а в 18:12 началось оглашение постановления. Постановление оглашалось 3 минуты 35 секунд. Из этого мы должны сделать тот вывод, к которому я пришел в Замечаниях № 1642 на протокол судебного заседания от 05.07.12 г.:

9.3 В-третьих, фальсификация выразилась в том, что употреблено утверждение: суд приходит к **изучению** дела. По протоколу мы видим, что две страницы постановления оглашалось не менее 8 минут. А теперь посмотрите шрифт, которым написано ваше постановление и, например, постановление Магаданского горсуда от 23.01.03 г. Может быть, вы хотите сказать, что изучение данного постановления осуществлял суперкомпьютер, который смог опередить ваше чтение? Но тогда и надо было написать, что участником процесса был аналитический центр президента РФ с непревзойденной в мире техникой. При этом, если вы только читали постановление не менее 8 минут, то сколько же вам понадобилось времени его писать? Я, конечно, понимаю, что если компьютер научить читать мысли автора и научить его их воспроизводить, то процесс значительно ускориться. Очевидно, вы обладаете секретом воспитания компьютера и продадите свое «ноу-хау» Хозяину, чтоб и в этой области мы оказались впереди планеты всей. Обращаю ваше внимание на то, что в школе моим

любимым предметом была математика и поэтому простейшие арифметические действия я как-то производить научился.

3.12.4 В довершение меня лишили права на обжалование в установленном законом порядке, поскольку на обжалование мне было выделено только три дня, хотя в силу ч. 1 ст. 389.4 УПК РФ я имел право обжаловать постановление Трухина С.А. в течение 10 суток со дня получения копии. Однако в постановлении читаем: «Настоящее постановление может быть обжаловано в Кировский областной суд в течение 3 суток со дня его вынесения». Так как Трухин С.А. не сослался на норму действующего законодательства, которая бы устанавливала такой срок, то невозможно понять и чем он руководствовался. То есть действия Трухина С.А., поддерживаемые Бандой Бармина Ю.В., Назаровой И.Е., Бережицкого С.П., Тулуповой Е.Б., Шевнина С.В., Житенева Г.В., Солодовникова С.А., Утемовой Е.Д. и Копыриной М.Н., были чрезвычайно произвольными, которые **никогда бы не совершил ни один разумный суд, поскольку для их совершения не было законных оснований.**

3.12.5 Не менее важно и то, что меня и моих защитников откровенно преступными способами лишили права на обжалование в установленном именно законом порядке, то есть подачи апелляционной жалобы посредством электронного взаимодействия. Несмотря на то, что мной в подпункте 14 п. 11 апелляционной жалобы № 2431 (2433) от 22.08.14 г. было заявлено ходатайство: «...признать за мной право представлять в суд мои иски, жалобы и доказательства в электронной форме» - однако добиться его рассмотрения в Кирове было невозможно по одной и той же причине: Банда Бармина Ю.В., Назаровой И.Е., Бережицкого С.П., Тулуповой Е.Б., Шевнина С.В., Житенева Г.В., Солодовникова С.А., Утемовой Е.Д. и Копыриной М.Н. при поддержке из Москвы нагло объявили, что законы на них не распространяются и они имеют право на параноидную Шизофрению. В апелляционной жалобе № 2474, которую я так и не успел закончить 19.10.14 г. (<https://cloud.mail.ru/public/cpBU/rbgFTTL9n>), но которую я отправил своему защитнику Ивановой И.А. и в суды, и прокуратуры посредством электронной почты, по вопросу о праве на обращение в суд посредством электронного взаимодействия, была написана **целая диссертация** с приложением, состоящим из разных комментариев на эту тему. Однако испокон веков было известно, что метать бисер перед Свиньями – бесполезно. Меня, моих защитников и представителей члены Шайки Путина В.В. лишили права на обращение в суд посредством электронного взаимодействия, то есть в установленном законом порядке с 17.03.2014 г., когда я в подпункте 21 п. 13 апелляционной жалобы № 2301 (<https://cloud.mail.ru/public/A4vD/W5bTL69i5>) заявил ходатайство о признании за мной права представлять мои иски, жалобы и доказательства в электронной форме. То есть Путин В.В. со своими поделщиками **создал такую систему**, при которой невозможно добиться реализации права на заявление ходатайств, как **составляющей части права на обращение в суд**. Однако, нерассмотрение таких ходатайств даже Верховным Судом РФ в Определении от 16.06.15 г. по делу № 44-КГ15-2 было расценено как существенным образом ущемляющим права и законные интересы заявителя, **лишает его права на судебную защиту, гарантированную ст. 46 Конституции РФ**. То есть самим Верховным Судом РФ фактически было признано, что меня и моих защитников лишили фундаментального права на доступ к суду, которое Европейским Судом понимается как: «... пункт 1 статьи 6 Конвенции закрепляет "право на суд", составной частью которого является право на доступ к нему, то есть **право возбуждать в судах разбирательства** в случаях, если вопросы гражданского права являются только одним из аспектов такого дела» (§ 147 Постановления от 28.10.98 г. по делу «Осман против Соединенного Королевства»).

3.13 Также из приведенного можно сделать вывод о том, что предметом оценки в суде **должны** были быть не только документы, сфальсифицированные не имеющими юридического образования кировскими криминальными авторитетами Барминым Ю.В., Леденских И.В., Лукьяновым Э.В., Ембасиновым И.В., Бережицким С.П., Тулуповой Е.Б., Шевниным С.В., Назаровой И.Е., Житеневым Г.Я., Бакулевым А.А., Новиковой Ю.В., Утемовой Е.Д., Петуховым Ю.Л., Копыриной М.Н. и их поделщиками, но и **мои Возражения на эти же самые документы**. Оценку заключению № 818 от 05.08.14 г. и всем **преступлениям**, совершенным в отношении меня перечисленными Фигурантами я дал в своей апелляционной жалобе № 2431 (2433) (<https://cloud.mail.ru/public/LNw4/xsUSyPVst>), а оценку тем «доказательствам», на

которые ссылались «психиатры» я предоставил в апелляции 02.10.14 г., но их **незаконно** отказался принимать и исследовать Потерпевший Прытков Альберт Александрович (<https://cloud.mail.ru/public/KN5M/JpZzm864y>), хотя «пункт 1 статьи 6 подразумевает, в частности, обязанность «суда» проводить **эффективное исследование** доводов, аргументов и доказательств сторон, за исключением оценки их относимости к решению, которое нужно вынести (§ 30 Постановления от 19.04.93 г. по делу «Краска против Швейцарии»). **Традиционно мне было незаконно отказано в ознакомлении с поступившими в суд материалами, то есть было запрещено с ними знакомиться.**

3.13.1 Несмотря на то, что в силу ч.ч. 1, 4 ст. 15, ч. 2 ст. 86, ч. 2 ст. 159, ч. 6 ст. 389.13 УПК РФ в их нормативном единстве мне **не имели права** отказать в приобщении к материалам дела моих документов, их исследовании и оценке, так как меня **незаконно** лишили права их представить в суд первой инстанции и они относились к предмету доказывания, то есть они опровергали как **все** фантазии «психиатров» о наличии у меня какой-либо психической патологии, так и самой необходимости помещения меня в психиатрический стационар, что разъяснено в п. 2.1 мот. части Определения КС № 678-О от 24.03.15 г.: «... орган предварительного расследования или суд **не вправе** отказать подозреваемому или обвиняемому, его защитнику в допросе свидетелей, производстве судебной экспертизы и других следственных действий, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для данного уголовного дела ([часть вторая статьи 159](#), [часть седьмая статьи 234](#) УПК РФ). Устанавливая данные правила, уголовно-процессуальный закон **исключает возможность** произвольного отказа органом предварительного расследования или судом в получении доказательств, о которых ходатайствует сторона защиты, и приобщении их к материалам уголовного дела» - однако Потерпевший Прытков А.А. при пособничестве криминальных авторитетов Бармина Ю.В., Леденских И.В., Лукьянова Э.В., Ембасинова И.В., Вора, Взятчика и Убийцы Бережицкого С.П., Тулуповой Е.Б., Абдул А.В., специализирующихся на Взятках и Коррупции Шевнина С.В. и Назаровой И.Е., Особо Опасных Преступников Житенева Г.Я., Бакулева А.А., Новиковой Ю.В., Солодовникова С.А., Кальсина С.Н., не имеющей юридического образования Копыриной М.Н. и их подельников отказались что-либо у меня принимать, исследовать и оценивать. То есть меня фактически не слышали, хотя в силу п. § 80 Постановления от 12.02.04 г. по делу «Перес против Франции» Фигурантом предписано: «Европейский Суд отметил, что гарантированное пунктом 1 статьи 6 Конвенции право на справедливое судебное разбирательство включает право сторон, участвующих в деле, представлять **любые** замечания, которые **они** считают относящимися к их делу. Поскольку целью Конвенции является обеспечение не теоретических или иллюзорных прав, а прав фактических и эффективных (...), это право можно считать эффективным **только** в том случае, если замечания были действительно **"заслушаны"**, то есть **должным образом учтены судом**, рассматривающим дело. Следовательно, **действие статьи 6 Конвенции заключается в том, чтобы**, среди прочего, **обязать "суд" провести надлежащее рассмотрение замечаний, доводов и доказательств, представленных сторонами по делу**, беспристрастно решая вопрос об их относимости к делу (...).».

3.13.2 Также необходимо учитывать и то, что Кировский криминальный авторитет Бармин Ю.В. сначала рассмотрение дела в апелляции поручил «судье» Нопиной Римме Васильевне (л.д. 202 том 2: <https://cloud.mail.ru/public/3Uph/LT85P4EJp>), а затем, нарушая принцип правовой определенности и верховенство права, дело у неё незаконно изъял и передал Потерпевшему Прыткову А.А. Эта правовая коллизия достаточно хорошо разъяснена в §§ 178-193 Постановления от 03.05.11 г. по делу «Сутягин против Российской Федерации», где ЕСПЧ пришел к выводу о том, что обстоятельства, требующие замену судьи «должны были быть сообщены защите в разбирательстве на национальном уровне. Однако процессуальное решение, указывающее причины замены, вынесено не было, и защита оставалась в неведении до конца разбирательства, несмотря на свои запросы. Таким образом, она не имела возможности оспорить замену судьи» (§ 190).

То есть Жертвы вправе знать как основания назначения того или иного судьи для рассмотрения дела, так и его замены и **эти решения** они вправе **получить и оспорить**. Кировские криминальные авторитеты Бармин Ю.В. и Бережицкий С.П. дважды поставили меня перед фактом незаконной замены «судьи», то есть нарушения моего права на разбирательство дела судом, созданным на основании Закона, что мне гарантировано ст.

8, п. 1 ст. 10 Всеобщей декларации, п. 1 ст. 14 Пакта, п. 1 ст. 6 Конвенции, ч. 1 ст. 47 Конституции РФ. Это доказывало наличие конфликта интересов и невозможности рассмотрения моих дел в Кировском облсуде по основаниям, предусмотренным п. 3 «с» Принципа V Рекомендации № R(94)12 Комитета министров СЕ о независимости, эффективности и роли судов, принятой 13.10.94 г., ч. 2 ст. 3 Закона «О статусе судей в РФ», п.п. 1-4, 6 ст. 3, ч. 1 ст. 10, ч. 5.1 ст. 11 Закона «О противодействии коррупции», Постановлениями ЕСПЧ от 03.02.11 г. по делу «Игорь Кабанов против Российской Федерации» и от 23.04.15 г. по делу «Морис против Франции» в их нормативном единстве и что также дополнительно разъяснено в п.п. 3.1.3 - 3.1.4 выше.

3.13.3 Следует отметить, что предыдущие процессы в апелляции 11.09.14 г., 16.09.14 г. (<https://cloud.mail.ru/public/LdLh/Ragm5WFo3>) и 02.10.10 г. (<https://cloud.mail.ru/public/4Nq8/Fsx9GWSvo>) показали общую тенденцию: не имеет вообще никакого значения какой судья или прокурор участвуют в деле. Результат будет один и тот же: 1. в нарушение ч. 3 ст. 1 УПК РФ, п. «а» ст. 6 Декларации о праве, § 44 Постановления Европейского Суда от 13.03.12 г. по делу «Нефедов против Российской Федерации» права и порядок их осуществления мне разъяснены не будут ни при каких обстоятельствах; 2. меня лишат права на заявление отводов и в нарушение ст. 266, ч. 2 ст. 389.13 УПК РФ в их нормативном единстве разъяснять право на заявление отвода мне не будут; 3. в нарушение ч. 2 ст. 64 УПК РФ меня **всегда** будут лишать права заявить отвод по основаниям, ставшим мне известными после начала судебного заседания и мне в нарушение ч. 3 ст. 1 УПК РФ, п.п. 1, 2, 5 ст. 9, п.п. 1, 3 ст. 12 Декларации о праве, п. 3 ст. 2 Пакта, ст. 13 Конвенции **всегда** будут препятствовать в осуществлении моего права на эффективное средство правовой защиты в виде сообщения о преступной деятельности участников процесса с занесением сообщения о преступлениях в протокол судебного заседания, как это прямо предусмотрено ч.ч. 1, 2, 4 ст. 141 УПК РФ; 4. в нарушение ч. 5 ст. 246 УПК РФ я всегда буду лишен права ставить вопросы перед прокурором, на которые он **обязан** высказать свое мнение и всегда судом буду лишен права высказать свои доводы на фантазии «прокурора», хотя **«суд не может гарантировать равенство сторон, не предоставляя заявителю возможности ответить на доводы, изложенные в заседании прокурором»** (§§ 38, 39, 42 Постановления ЕСПЧ от 13.03.12 г. по делу «Нефедов против России»). Если же я буду настаивать на реализации своих прав, то это будет расценено, как нарушение регламента судебного заседания и я буду незаконно удален из зала суда. Когда же будет вынесено Бредовое решение, то я не буду иметь права на разъяснении сомнений и неясностей (п. 15 ст. 397 УПК РФ, ст. 202 ГПК РФ), хотя «это же относится к случаю, когда, по мнению судов, о которых идет речь, замечания не представляют никакого факта или довода, который уже не фигурирует в обжалуемом решении. Это мнение, в действительности, принадлежит только сторонам спора: именно они должны оценивать, требует ли документ разъяснений. В частности, **речь идет о вере тяжущихся в отправлении правосудия:** оно основывается, среди прочего, на представлении возможности выразить свое мнение **по любому** доказательству, имеющемуся в материалах дела» (§ 29 Постановления от 18.02.97 г. по делу «Нидерест-Хубер против Швейцарии»). То, что судья **обязан** разъяснять сомнения в принятом решении предусмотрено и п. 3 «f» Принципа V Рекомендации № R(94)12 Комитета министров СЕ о независимости, эффективности и роли судов, принятой 13.10.94 г., предусматривающего обязанность судьи **«давать четкое и полное объяснение своим решениям доступным для понимания языком»**. Обязывают судью разъяснять принятые им решения и ч.ч. 3, 4 ст. 13, ч. 3 ст. 15 Кодекса судейской этики.

То есть о законности в Кировском областном якобы суде я вообще могу забыть, так как члены Банды кировских криминальных авторитетов Бармина Ю.В., Бережицкого С.П., Тулуповой Е.Б., Житенева Г.В., Солодовникова С.А., Утемовой Е.Д. и Копыриной М.Н. имели умысел уйти от наказания и ответственности за лишение меня права на доступ к суду с 27.07.12 г. и воспрепятствовании мне в рассмотрении кассационной жалобы № 1641-2. А уж в воспрепятствовании в рассмотрении апелляционных жалоба № 1945, № 1962 и № 1977 на лишенное логики и здравого смысла постановление страдающей параноидной Шизофренией Сырчиной Т.Ю. от 10.07.13 г. о незаконном прекращении принудительного «лечения», Бармин Ю.В. и Бережицкий С.П. со своими поделниками продемонстрировали просто шедевры Невменяемости, когда не понимали, что в моих апелляционных жалобах есть ссылки на нормы ст. 389.15 УПК РФ, которые Сырчина Т.Ю.

в упор не видела и наличие у неё параноидной Шизофрении мне пришлось удостоверить в нотариальном порядке (см. п. 1.6 выше).

3.13.4 До российских «судей» никак дойти не может, что судебные решения – не имеет значения какие – могут выноситься на основании совершенно конкретных норм материального и процессуального права и эти нормы материального и процессуального права не могут извращаться и утрачивать свой КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ смысл, то есть лишать Жертв тех гарантий, к которым эти нормы обращены, их правоспособности и причинять вред этой правоспособности.

Члены Банды кировских криминальных авторитетов Бармина Ю.В., Бережицкого С.П., Тулуповой Е.Б., Житенева Г.В., Солодовникова С.А. и Утемовой Е.Д., растоптав 02.10.14 г. практически все нормы действующего законодательства, подлежащие применению, решили, что меня необходимо засунуть к Петухову Ю.Л. и объявить Невменяемым. Но не просто Невменяемым, а неспособным участвовать ни во время предварительного следствия, ни в суде. И поэтому снова **вопрос о правах, гарантированных законодательством о психиатрической помощи вообще не стоял, а сами права и порядок их осуществления были объявлены Тайной, в связи с чем само правосудие стало Тайным!!!**

4. Но так как мы заговорили о вопросах, которые **должны** решаться при назначении стационарной экспертизы в условиях психиатрического стационара, то есть лишения свободы, поэтому рассмотрим их с точки зрения ЕСПЧ и Верховного Суда РФ.

4.1 В § 55 Постановления от 18.06.15 г. по делу «Яйков против РФ» ЕСПЧ установил, «что подпункты "а" - "f" пункта 1 статьи 5 Конвенции содержат исчерпывающий перечень оснований для лишения свободы, которое может считаться законным, только если подпадает под одно из этих оснований (...). Однако применимость одного основания необязательно исключает применимость другого, и содержание под стражей может быть в зависимости от обстоятельств оправданным более чем одним подпунктом этого положения (...)». При этом **следует учитывать формулировки, используемые при принятии решения** (§ 56).

Также необходимо иметь в виду, что помещение Жертвы в психиатрическое учреждение может быть "законным", если рассматривать это понятие узко, в смысле **формального** соответствия такого помещения процессуальным и материально-правовым требованиям внутригосударственного законодательства (§ 60). Однако **для целей подпункта "е" пункта 1 статьи 5 Конвенции законность помещения заявителя в соответствии с внутригосударственным законодательством не имеет решающего значения**. Также **должно** быть установлено, соответствовало ли оно цели пункта 1 статьи 5 Конвенции, который **защищает** лиц от лишения их свободы **произвольным образом** (§ 61). В этой связи лицо может быть лишено свободы как "душевноболезное" **только** при наличии следующих трех **минимальных условий**: во-первых, **должно** быть **достоверно установлено**, что оно является душевноболезным, во-вторых, психическое расстройство **должно** иметь **стадию, требующую обязательной изоляции** (...), в-третьих, действительность продолжения изоляции зависит от сохранения данного расстройства (§ 62)... «вопросы, относящиеся к исполнению заключения под стражу, составляют часть **широкого понятия** законности содержания под стражей на основании подпункта "е" пункта 1 статьи 5 Конвенции (...). Это предполагает, что, если мера не была предпринята немедленно, для законности в значении подпункта "е" пункта 1 статьи 5 Конвенции **должна** существовать **возможность оценки** необходимости принудительного медицинского лечения в разумное время перед его исполнением (...). Соответствующим **моментом**, в течение которого лицо **должно** быть признано душевноболезным **для целей** подпункта "е" пункта 1 статьи 5 Конвенции, является дата применения меры лишения свободы **в силу этого состояния** (§ 63)... заявитель был отправлен в больницу в январе 2006 года на основании медицинского заключения, датированного июлем 2004 года, то есть с промежутком примерно один год и шесть месяцев (§ 64). Власти Российской Федерации не указали Европейскому Суду на какие-либо механизмы, существующие в соответствии с внутригосударственным законодательством и регулирующие временные рамки для исполнения подобных решений. Также вниманию Европейского Суда не были представлены какие-либо процедуры, разрешающие дальнейшие медицинские обследования для подтверждения необходимости принудительной госпитализации в

случаях, когда распоряжение или решение о помещении в больницу было принято, но исполнение было отложено (§ 65). Таким образом, учитывая **давность медицинского заключения**, на основании которого заявитель был помещен в психиатрическую больницу, **отсутствие гарантий во внутригосударственном законодательстве** для пересмотра **медицинской необходимости** принудительных мер до исполнения перевода в больницу и задержки в исполнении перевода заявителя в больницу в период, относящийся к обстоятельствам дела, Европейский Суд находит, что перевод заявителя в больницу был выполнен в нарушение установленного подпунктом "е" пункта 1 статьи 5 Конвенции принципа о том, что **наличие психического расстройства**, требующее помещения в больницу, должно быть определено во время исполнения этого решения (§ 66). Соответственно, имело место нарушение подпункта "е" пункта 1 статьи 5 Конвенции (§ 67).

4.1.1 **Вывод.** Приведенные доводы коррелируют с п. 4 Принципа 4: «**Сведения о лечении или госпитализации в качестве пациента в прошлом не могут сами по себе служить оправданием постановки диагноза о наличии психического заболевания в настоящем или будущем**». Но так как Кировским «правоприменителям» в рамках незаконного прекращения принудительного лечения я предоставил почти все документы, свидетельствующие о незаконности выставления мне диагнозов 22.12.01 г. и у них имелись **все медицинские документы и судебные решения**, свидетельствующие об отсутствии у меня какой-либо психической патологии, поэтому у Банды Бармина Ю.В., Бережицкого С.П., Тулуповой Е.Б., Житенева Г.В., Солодовникова С.А., Утемовой Е.Д., Копыриной М.Н. и их поделщиков не было вообще никаких оснований для инициирования вопроса о помещении меня в стационар.

4.2 В § 413 Постановления ЕСПЧ от 12.04.05 г. по делу «Шамаев и другие против Грузии и Российской Федерации» разъяснено: «Европейский Суд напоминает, что в пункте 2 **статьи 5** Конвенции изложена **элементарная** гарантия: **любое** задержанное лицо должно знать, на каком основании оно было лишено свободы (...). Речь идет здесь о **минимальной** гарантии от произвола. Включенная в систему защиты, которую предоставляет **статья 5** Конвенции, она **обязывает** сообщить такому лицу на понятном ему языке и в доступной ему форме **юридические и фактические причины** лишения его свободы для того, чтобы оно могло оспорить его правомерность в суде в соответствии с пунктом 4 **статьи 5** Конвенции. Оно **должно воспользоваться этими сведениями** "немедлительно", но сотрудник правоохранительных органов, который производит его арест, может не предоставить ему таких сведений полностью и немедленно. Для того, чтобы определить, получило ли лицо такую информацию в **достаточном объеме** и в **надлежащие сроки**, следует обратить внимание на обстоятельства дела (...). Любое лицо имеет право подать жалобу с целью получения немедленного решения о правомерности своего задержания, а также **не может эффективно воспользоваться этим правом**, если ему незамедлительно и **в достаточном объеме** не сообщили причины, по которым его лишили свободы (...).

Вывод.

4.2.1 Во-первых, сообщение задержанному **в доступной** форме на **понятном ему языке** юридических и фактических причин для лишения свободы, относится к **минимальной** гарантии, предусмотренной ст. 5 Конвенции. Что мы имеем на практике? Юридические причины для лишения меня свободы лично мне в доступной форме никто не разъяснял по той простой причине, что **все** квалифицирующие признаки ч. 2 ст. 297 УК РФ «юристами» объявлены Тайной. У российских «юристов» для этого нет юридического образования. При этом им **страшно** сознавать, что «**гарантия**, содержащаяся в п. 2 статьи 5, **должна** позволить задержанному лицу **оспорить** обоснованность **подозрений**, висящих над ним, так как это является **основным** условием заключения под стражу, разрешенного подп. с) п. 1 ст. 5 (Решение Комиссии по правам человека от 13 декабря 1978 г. по делу "X. против Германии", (X v. Germany), жалоба N 8098/77, Decisions and Reports (DR) 16, спес. р. 117)». При этом «пункт 1 Статьи 6 Конвенции применяется целиком ко всему разбирательству "при предъявлении ... **любого** уголовного обвинения", включая те разбирательства, в которых определяется наказание» (§ 39 Постановления от 05.07.2001 г. по делу «Филлипс против Соединенного Королевства»). Также п. 1 ст. 6 Конвенции в сочетании с п. 3 «с» ст. 6 Конвенции применяется к получаемым доказательствам, на основании которых впоследствии решается вопрос по существу

(Постановления от 24.09.09 г. по делу «Пищальников против Российской Федерации», §§ 64-86; от 03.11.11 г. по делу «Ванфули против РФ», §§ 94, 95, 106).

4.2.2 Во-вторых, «психиатры» и «юристы» отказываются говорить **на понятном для Жертвы языке**, когда используют психиатрическую терминологию. Я неоднократно писал, что использование психиатрической и психологической терминологии без её разъяснения, равнозначно общению, например, с эскимосом. Заставлять Жертву говорить со специалистом на его языке – это то же самое, что заставлять говорить с иностранцем на его языке. Тот факт, что в России это никто не желает понимать свидетельствует о том, что в России умственно Полноценных людей **нет**. Вообще **никто** не желает понимать, что если по вопросам права меня не понимают 99,999 % «юристов», у которых элементарно **нет юридического образования**, то «психиатры» меня не понимают на **все 100 %**, так как для того, чтоб меня понять, необходима **соответствующая** теоретическая подготовка. Но «юристы»-то точно также не могут понять «психиатров», когда они начинают говорить на своем языке. Это ко мне не относится **только по одной** причине: я **знаю** язык и тех и других и именно поэтому я **знаю**, что они несут Бред Сумасшедших. Я **знаю**, что у них **нет** доказательств, которые послужили основанием для принятия ими решения о наличии у меня психической патологии и эти доказательства **в суде не исследовались**, то есть мне **все** отказываются предоставлять **достаточный** объем причин, то есть доказательств, свидетельствующих, что я совершал инкриминированные мне преступления и у меня имеются какие-либо **признаки** психической патологии. Доказательства – это то, что от меня скрывают **все**. Мои доказательства – это то, чему **все** отказываются давать оценку, так как мои доказательства **опровергают** фантазии стороны обвинения. Мало того, «юристы» и «психиатры» вообще не собираются давать оценку заключениям потому, что у этих заключений нет законодательной основы, поскольку все-таки понимают, что «вмешательство может считаться осуществленным "в соответствии с законом" лишь при условии, что оно прежде всего имеет некую основу в национальном законодательстве» (§ 37 Постановления от 14.01.10 г. по делу «Мастепан против Российской Федерации»). Я **знаю**, что заключения и акты «психиатров» не имеют никакого отношения к законности, поскольку «юристы» никогда не сошлутся на норму закона, которой эти акты и заключения **должны** соответствовать, то есть ст. 204 УПК РФ, ст. 25 Закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ». Я **знаю**, что акты и заключения «психиатров» не соответствуют Психиатрии, так как в них **нет** подробного и четкого описания симптомов и синдромов языком, понятным лицам, не обладающим психиатрическими познаниями, а применяемая психиатрическая терминология в них **не** разъяснена, что мной достаточно подробно объяснено в Комментариях № 1630-2 и незавершенной жалобе в ЕСПЧ № 2259 (<https://cloud.mail.ru/public/7j19/mj6qwtBm>). Но то, о чем я пишу понять не может **никто** и поэтому я общаюсь **с одними** Невменяемыми.

4.2.3 В-третьих, «статья 5 **должна** читаться как одно целое; ничто не дает основания считать, что в отношении одного и того же лишения свободы слово «законность» меняет значение, когда от подп. е) п. 1 переходит к п. 4» (§ 57 Постановления от 05.11.81 г. по делу «Х. против Соединенного Королевства»), то есть к пункту, предусматривающему лишение свободы лиц, имеющих дефекты психики». Это же объяснение мы находим и в § 52 Постановление Европейского Суда от 28 мая 1985 г. по делу «Ашингдейн против Соединенного Королевства»: «Структура статьи 5, которая **должна** читаться как одно целое, показывает, что в отношении одного и того же лишения свободы понятие "законности" в п. 4 имеет такое же значение, как в подп. е) п. 1 (...). Следовательно, внутреннее средство защиты, разрешенное в силу п. 4, должно позволять контролировать соблюдение требований, подлежащих выполнению для того, чтобы, с точки зрения подп. е) п. 1, задержание лица, страдающего психическим расстройством, было "законным"».

4.2.4 В-четвертых, несмотря на то, что Европейский Суд неоднократно отмечал, что в его задачу не входит исследование доказательств на предмет допустимости, однако когда речь заходит о нарушении прав, гарантированных Конвенцией, то он не может быть освобожден от обязанности установления справедливости получения доказательств и исследования доказательств в суде. (Постановления от 14.02.08 г. по делу «Дорохов против Российской Федерации» (§ 66), от 30.07.09 г. по делу «Гладышев против Российской Федерации» (§§ 74, 75). Были ли способы получения доказательств, на основании которых разрешался вопрос, справедливым? На этот вопрос мы должны дать

отрицательный ответ. В § 36 Постановления Европейского Суда по делу «Фуше против Франции» от 18.03.97 г. уже признавалось, что «для обвиняемого было важно иметь доступ к делу и ознакомиться с документами, которые его составляют, чтобы **быть в состоянии оспорить** протокол, составленный против него. (...) При отсутствии такой возможности заинтересованное лицо было не в состоянии подготовиться к защите **адекватным** образом и не воспользовалось равенством сторон, в противоречие со статьей 6 п. 1 Конвенции, в сочетании со статьей 6 п. 3».

Банда Бармина Ю.В., Бережицкого С.П., Тулуповой Е.Б., Житенева Г.В., Солодовникова С.А., Утемовой Е.Д., Копыриной М.Н. и их подельников незаконно лишила меня возможности ознакомиться с делом, подготовиться к защите **адекватным** образом и принести возражения на имеющиеся в нем фантазии.

4.2.5 И, в-пятых, **что** является **основанием** для направления и помещения в психиатрический стационар? Даже согласно п. 2 ч. 2 ст. 5, ч. 2 ст. 11, ч. 1 ст. 37 Закона «О психиатрической помощи...» **основанием** для помещения в психиатрический стационар являются **признаки** психического расстройства, которые **должны** быть **разъяснены** Жертве при помещении её в стационар **со ссылками на соответствующие доказательства**, как **должны** быть **разъяснены** цели, методы, включая альтернативные, продолжительность **рекомендуемого** лечения ... и ожидаемые результаты. При этом в силу п. 2 Принципа 12 эта информация **должна** быть дана **до** осознанного согласия на помещение в психиатрический стационар. Именно **это** должно быть предметом рассмотрения в суде при решении вопроса о лишении жертвы свободы в условиях психиатрического стационара и именно **это и есть предоставление информации** «на понятном ему языке и в доступной ему форме **юридические и фактические причины** лишения его свободы для того, чтобы оно **могло оспорить** его правомерность в суде в соответствии с пунктом 4 **статьи 5** Конвенции». Без решения вопроса о **признаках** психического расстройства, которые являются **основанием** для лишения Жертвы свободы, **невозможно** и решение самого вопроса о **законности** и **обоснованности** лишения свободы, поскольку **сама обоснованность исключается из обсуждения**.

4.3 Согласно § 41 Постановления от 09.01.03 г. «Кадем против Мальты»: «Европейский Суд утверждал, что в соответствии с пунктом 4 **Статьи 5** Конвенции лицо, арестованное или заключенное под стражу, имеет право возбудить дело о пересмотре судом процессуальных или материально-правовых вопросов, имеющих отношение к его или ее "незаконному" лишению свободы (...). В частности, компетентный суд **должен** проверить не только **соответствие процессуальным требованиям**, содержащимся во внутреннем праве, но и **легитимность** преследуемой арестом или заключением под стражу цели (...), а также он **должен** обладать полномочиями прекратить лишение свободы, в случае его **незаконности** (...). Кроме того, в соответствии с прецедентной практикой Европейского Суда, пункт 4 **Статьи 5** Конвенции затрагивает **средства правовой защиты**, предусмотренные внутренним правом, которые достаточно определены, иначе требования о доступности и эффективности не выполняются (...)».

Вывод.

4.3.1 Во-первых, **любое** арестованное или задержанное лицо имеет право возбудить дело о пересмотре судом процессуальных или материально-правовых вопросов, имеющих отношение к лишению свободы. Материально-правовые вопросы – это вопросы, связанные с обвинением в каком-либо правонарушении или дефектом психики, в результате чего человек становится опасен для себя или окружающих. Процессуальные вопросы – это вопросы **порядка** лишения свободы и **получения доказательств**. Вопросы обвинения и порядка получения доказательств в суде отказались рассматривать вообще **все**, как отказались рассматривать и вопросы психического состояния, то есть отказались рассматривать вопросы опасности и подлежащих применению норм, хотя «функция принятия решения, принадлежащая судебным органам, состоит именно в том, чтобы рассеять сомнения, которые могут существовать в отношении толкования правовых норм с учетом **ежедневного** развития судебной практики» (§ 32 Постановления от 15.11.96 г. по делу «Кантони против

Франции»). Процессуальные вопросы, то есть вопросы порядка получения доказательств, никто рассматривать не стал, поскольку, по мнению «судьи», «прокурора» и «следователя» - это к делу не относилось. То есть рассматриваемое требование Конвенции при решении вопроса о лишении меня свободы соблюдено не было и в постановлении разрешения не нашло.

4.3.2 Во-вторых, лишение свободы должно преследовать легитимность, то есть законность преследуемой цели. Такую цель никто не преследовал, так как преследовали **одну** цель: **незаконно** лишить меня права давать показания по делу, поскольку **все** понимали, что я в пух и прах разнесу **все** доводы «следствия» и «прокуратуры». **Все** понимали **очень хорошо**, что если я напишу Комментарий на доводы следствия, то не останется ничего от этих доводов. Если я напишу Комментарий на заключение «психиатров», то **ничего** не останется от этого заключения. **Все** понимали **очень хорошо**, что у этих **всех** нет образования, для того, чтоб меня **опровергнуть**, то есть **доказать** ложность, неверность чего-нибудь. Российские «юристы» доказывать что-либо **вообще неспособны**. Они могут высказывать только мнения, которые не основаны ни на чем.

4.3.3 В-третьих, п. 4 ст. 5 Конвенции **требует**, чтоб средства правовой защиты должны быть достаточно определенны, то есть ясны, понятны, не допускающие сомнений. Российские средства защиты на практике применить **невозможно**, так как эти средства в ясных и понятных выражениях неспособен сформулировать **ни один** «правоприменитель», хотя «доступность средства правовой защиты предполагает, в частности, что обстоятельства, созданные властями по собственной инициативе, **должны** предоставлять заявителям **реальную возможность** использования средства правовой защиты (§ 46 и 55 Постановления ЕСПЧ от 05.02.2002 г. по делу "Чонка против Бельгии")». Также необходимо учитывать и то, что «согласно практике Суда, п. 4 статьи 5 представляет собой *lex specialis* по отношению к общим требованиям статьи 13» (Постановление Большой палаты от 25.03.99 г. по делу «Николова против Болгарии»).

4.3.4 И, в-четвертых, мы **всегда должны** помнить, что **средство правовой защиты – это Право, реализуемое на практике**. А для того, чтоб Право реализовать на практике, для этого необходимо ясно и четко сформулировать его объем и порядок его осуществления, то есть механизмы реализации. Без этого Право реализовать **невозможно**. Право **должно** быть наполнено **смыслом**, а не формой. Это не понимают абсолютно все, так как абсолютно все не понимают, что *qui sibi semitam non sapiunt, alteri non monstrant viam* - кто себе тропу не проложит, тот никому не укажет путь, как не понимают, что *sapiens nil affirmat, quod non probet* - умный ничего не утверждает без доказательств. Многие **всё** время говорят о природе правоотношений, но так её и не исследуют, поскольку не желают следовать принципу: *vere scire est per causas scire* - подлинное знание - в познании причины. А не желают они этого делать потому, что *sublata causa tollitur effectus* - с устранением причины устраняется и следствие. А устранив следствие, не будет оснований для демагогии, то есть можно лишиться хлеба насущного, и поэтому мы видим *vox, vox, praeterea nihil* - слова, слова и ничего больше.

4.4 Постановление от 07.02.12 г. по делу «Прошкин против Российской Федерации»

66. Европейский Суд напоминает, что **подпункты "а" - "f" пункта 1 статьи 5** Конвенции содержат исчерпывающий перечень оснований лишения свободы, которое может считаться законным, только если подпадает под одно из этих оснований (...). Однако применимость одного основания необязательно исключает применимости другого, и содержание под стражей может быть в зависимости от обстоятельств оправданным более чем одним подпунктом этого **положения** (...).

67. Европейский Суд полагает, что в настоящем деле содержание заявителя под стражей с 27 января по 18 августа 2003 г. должно быть разделено на два отдельных периода с учетом **подпунктов "а" - "f" пункта 1 статьи 5** Конвенции, которыми охватывается каждый определенный период содержания под стражей. Европейский Суд отмечает, что 27 января 2003 г. Индустриальный районный суд санкционировал содержание заявителя под стражей, установив, что тяжесть выдвинутых против него обвинений и его опасность для общества в связи с психическим заболеванием требуют лишения его свободы. 18 февраля 2003 г. районный суд установил, что заявитель совершил вымогательство. Однако суд заключил, что психическое заболевание заявителя исключает уголовную ответственность и отбытие наказания, и он подлежит направлению

в психиатрическую больницу на принудительное лечение. Таким образом, Европейский Суд полагает, что содержание под стражей заявителя с 27 января по 18 февраля 2003 г. относится к сфере действия [подпункта "с" пункта 1 статьи 5 Конвенции](#), поскольку оно было осуществлено с целью, чтобы он предстал перед компетентными органами в связи с уголовными обвинениями, **основанными**, что не оспаривается сторонами, **на разумных подозрениях в совершении преступлений**, в которых он обвинялся. В свою очередь, период с 18 февраля по 18 августа 2003 г. относится к сфере действия [подпункта "а" пункта 1 статьи 5 Конвенции](#), так как это связано с "приговором", вынесенным "компетентным судом". Кроме того, как следует из доводов властей Российской Федерации, поскольку заявитель, страдавший психическим заболеванием, должен был содержаться после 27 января 2003 г. в психиатрическом учреждении, его содержание под стражей начиная с этой даты и по 18 августа 2003 г. относится к сфере действия [подпункта "е" пункта 1 статьи 5 Конвенции](#) (...).

68. Разделив срок содержания заявителя под стражей с 27 января по 18 августа 2003 г. на два отдельных периода, Европейский Суд должен далее определить, исполнил ли заявитель применимые требования, установленные [пунктом 1 статьи 35 Конвенции](#), в частности, правило шестимесячного срока. Заявитель подал жалобу в Европейский Суд 21 августа 2003 г., то есть более чем через шесть месяцев после окончания первого периода содержания под стражей 18 февраля 2003 г. Однако заявитель оспаривал основания для своего содержания под стражей в первый период, оспорив их в Пермском областном суде. Жалоба не была рассмотрена (см. [§ 28](#) настоящего Постановления). Заявитель не был поставлен в известность о результатах обжалования, и ему не было представлено какое-либо объяснение в отношении причины бездействия областного суда. Фактически он узнал о судьбе своей жалобы из объяснений властей Российской Федерации. Учитывая изложенное, Европейский Суд полагает, что последняя дата должна рассматриваться как дата окончательного решения для целей [пункта 1 статьи 35 Конвенции](#). Таким образом, заявитель не допустил несоблюдения требования шестимесячного срока, и его жалоба в отношении законности его содержания под стражей с 27 января по 18 февраля 2003 г. не может быть отклонена в соответствии с [пунктом 4 статьи 35 Конвенции](#).

Вывод.

4.4.1 Лишение свободы возможно **только** при наличии признаков, предусмотренных одним из подпунктов п. 1 ст. 5 Конвенции. В рассматриваемом случае речь идет об обоснованном подозрении в совершении преступлений (п. 1 «с» ст. 5 Конвенции) и **признаках** психической патологии (п. 1 «е» ст. 5 Конвенции). О том, что при решении вопроса о лишении свободы в рамках ст. 5 Конвенции обоснованное подозрение играет решающую роль достаточно **подробно разъяснено** не только ЕСПЧ, но и Верховным Судом РФ.

В силу п. 2 ППВС РФ № 41 от 19.12.13 г., который дополнен 24.05.16 г. в ППВС РФ № 23: «Избрание в качестве меры пресечения заключения под стражу допускается **только** после проверки судом **обоснованности** подозрения в причастности лица к совершенному преступлению. **Обоснованное подозрение предполагает** наличие **достаточных** данных о том, что лицо могло совершить преступление (лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения; потерпевший или очевидцы указали на данное лицо как на совершившее преступление; на данном лице или его одежде, при нем или в его жилище обнаружены явные следы преступления и т.п.).

Проверяя обоснованность подозрения в причастности лица к совершенному преступлению, суд **не вправе** входить в обсуждение вопроса о виновности лица».

Теперь это пункт звучит так: «Избрание в качестве меры пресечения заключения под стражу допускается **только** после **проверки** судом **обоснованности подозрения** в причастности лица к совершенному преступлению. **Обоснованное подозрение предполагает** наличие данных о том, что это лицо причастно к совершенному преступлению (застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения; потерпевший или очевидцы указали на данное лицо как на совершившее преступление; на данном лице или его одежде, при нем или в его жилище обнаружены явные следы преступления и т.п.).

Обратить внимание судов на то, что **проверка обоснованности подозрения** в причастности лица к совершенному преступлению **не может сводиться к формальной ссылке** суда на наличие у органов предварительного расследования **достаточных**

данных о том, что лицо причастно к совершенному преступлению. При рассмотрении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу судья **обязан проверить**, содержит ли ходатайство и приобщенные к нему материалы **конкретные сведения**, указывающие на причастность к совершенному преступлению именно этого лица, **и дать этим сведениям оценку в своем решении**.

Оставление судьей без проверки и оценки **обоснованности подозрения** в причастности лица к совершенному преступлению **должно** расцениваться в качестве существенного нарушения уголовно-процессуального закона (части 4 статьи 7 УПК РФ), влекущего отмену постановления об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.

Проверяя обоснованность подозрения в причастности лица к совершенному преступлению, суд не вправе входить в обсуждение вопроса о виновности лица».

4.4.2 В абзацах 3, 4 п. 14 ППВС РФ № 5 от 10.10.03 г. разъяснено: «Следует учитывать, что наличие **обоснованного подозрения** в том, что заключенное под стражу лицо совершило преступление, **является необходимым условием** для законности ареста. Вместе с тем такое подозрение не может оставаться единственным основанием для продолжительного содержания под стражей. Должны существовать и иные обстоятельства, которые могли бы оправдать изоляцию лица от общества. К таким обстоятельствам, в частности, может относиться возможность того, что подозреваемый, обвиняемый или подсудимый могут продолжить преступную деятельность либо скрыться от предварительного следствия или суда, либо сфальсифицировать доказательства по уголовному делу, вступить в сговор со свидетелями. При этом **указанные обстоятельства должны быть реальными, обоснованными, то есть подтверждаться достоверными сведениями**. В случае продления сроков содержания под стражей суды **должны** указывать **конкретные** обстоятельства, оправдывающие продление этих сроков, а также доказательства, подтверждающие наличие этих обстоятельств».

4.4.3 При этом необходимо учитывать требования ч. 3 ст. 443 УПК РФ, предусматривающей, что «суд при наличии оснований, предусмотренных статьями 24-28 настоящего Кодекса, выносит постановление о прекращении уголовного дела **независимо от наличия и характера заболевания лица**». То есть основным критерием для назначения судебно-психиатрической экспертизы **в рамках уголовного судопроизводства** является не столько наличие психического расстройства, сколько совершение лицом противоправных деяний. Мою вину по сфальсифицированному уголовному делу члены Банды Бармина Ю.В., Бережицкого С.П., Тулуповой Е.Б., Житенева Г.В., Солодовникова С.А., Утемовой Е.Д., Копыриной М.Н. доказать не могли и поэтому целью назначения судебно-психиатрической экспертизы являлось не столько установление моего психического состояния, сколько необходимость преступными способами посредством сфальсифицированных доказательств склонить психиатров к совершению тяжких и особо тяжких преступлений и получения возможности полностью исключить моё участие из процесса доказывания.

4.4.4 Что касается ЕСПЧ, то ему **давно** было понятно, что «наличие **обоснованного** подозрения в том, что задержанное лицо совершило преступление, является **обязательным** условием (условием sine qua non <то, без чего нельзя обойтись, необходимое условие>) для законности продления срока содержания его под стражей, а после истечения определенного срока и оно перестает быть достаточным. В таких случаях Европейский Суд должен установить, оправдывали ли иные условия, на которые ссылались судебные власти, продление срока содержания лица под стражей. Если такие основания являлись "относящимися к делу" и "достаточными", Европейский Суд должен также убедиться, что компетентные органы власти проявили **"особое усердие" при проведении судебного разбирательства** (...). Принимая решение об оставлении лица под стражей или освобождении его из-под стражи, власти **обязаны** в соответствии с **пунктом 3 статьи 5** Конвенции рассмотреть альтернативные способы обеспечения его или ее явки в суд (§ 140 Постановления ЕСПЧ от 22.05.12 г. по делу «Идалов против РФ»).

4.4.5 При этом, «... **пункт 4 статьи 5** Конвенции наделяет задержанное или заключенное под стражу лицо правом на судебное **рассмотрение процессуальных и материально-правовых вопросов**, которые являются существенными для определения "законности" лишения лица свободы по смыслу **Конвенции**. Это означает, что компетентный суд **обязан проверить** не только **соблюдение процессуальных требований** внутригосударственного законодательства, но и **обоснованность**

подозрения, в связи с которым произведено задержание, и **правомерность цели**, преследуемой задержанием и последующим содержанием под стражей (...). В целях соблюдения требований **пункта 4 статьи 5** Конвенции "рассмотрение правомерности заключения заявителя под стражу" **должно** соответствовать **материальным и процессуальным** нормам внутригосударственного законодательства и, кроме того, **осуществляться в соответствии с целью статьи 5** Конвенции, **которая состоит в защите лица от произвола** (§ 82 Постановления от 12.06.14 г. по делу Чуприков против РФ»)

В моем случае я и не совершал инкриминированного мне преступления, и нет заключения или судебного решения, где было бы установлено, то есть доказано наличие у меня какого-либо психического расстройства. То есть с точки зрения ст. 5 Конвенции вообще **не было оснований** для удовлетворения ходатайства Особо Опасного Преступника Новиковой Ю.В.

4.4.6 Также необходимо учитывать, что применение конкретного подпункта п. 1 ст. 5 Конвенции определяет **природа** подлежащих установлению правоотношений, то есть определяется теми нормами материального права, которые подлежат применению. Именно нормы материального права определяют и вид судопроизводства, и правоотношения сторон. В России это понимают **очень плохо**, так как **вообще не понимают**, что «в сфере, охватываемой писаным правом, "закон" представляет собой действующие нормативные акты в толковании компетентных судов» (§ 43 Постановления по делу "Компания "Сосьете Кола эст" и другие против Франции"). Если российские судьи и начнут толковать что-либо, то кроме паранойи мы от них ничего получить не сможем.

4.5 Также все стараются **ничего** не говорить о **значении** срока лишения свободы на один месяц, так как понимают, что как только начнется обсуждаться **этот** вопрос, то выяснится, что лишение свободы на такой срок да еще и в рамках уголовного судопроизводства предполагает вызов и допрос свидетелей, то есть «психиатров», что разъяснено в § 68 Постановления ЕСПЧ от 21.02.96 г. по делу «Сингх против Соединенного Королевства»: «... когда речь идет о существенном сроке лишения свободы и когда характеристики, относящиеся к его личности и уровню зрелости, имеют значение для решения вопроса о его опасности, пункт 4 статьи 5 Конвенции **требует** проведения устного слушания в рамках состязательного производства с участием **законного представителя** и с обеспечением возможности вызова и допроса свидетелей». Приведенное положение необходимо рассматривать с учетом § 67, предусматривающего, что «по столь важным вопросам, как лишение свободы, и в случаях, когда встают вопросы, затрагивающие, например, оценку характера и психического состояния заявителя, он признавал, что для справедливости производства может иметь существенное значение присутствие заявителя на устном слушании (...)». **ВСЕ** говорят, но **никто** не желает **понимать**, что **«при оценке соразмерности вмешательства характер и суровость санкций, примененных к заявителю, также являются факторами, которые должны быть приняты во внимание** (§ 38 Постановления ЕСПЧ от 27 мая 2003 г. по делу "Скалка против Польши")».

4.5.1 В этом мире Безумных ни до кого не доходит, что более непробиваемой стены, чем Тупая Голова в природе не существует. Я долблю в **абсолютно** Тупые Головы. ЛЮБУЮ стену я давно бы уже разнес, но Тупость и Глупость – это то, что разнести практически невозможно, тем более, когда вокруг **одни** Тупые. До них **невозможно** донести доводы Д. Бонхеффера, которые мне уже **надоело** повторять: «Глупость – еще более опасный враг добра, чем злоба... **Против глупости мы беззащитны**. Здесь ничего не добиться ни протестами, ни силой; доводы не помогают; фактам, противоречащим собственному суждению, просто не верят..., а **если факты неопровержимы, их просто отвергают как ничего не значащую случайность**... При этом глупец в отличие от злодея абсолютно доволен собой; и даже становится опасен, если в раздражении, которому он легко поддается, переходит в нападение... и ни в коем случае нельзя пытаться переубедить глупца разумными доводами, **это безнадежно и опасно**... глупость представляется скорее социологической, чем психологической проблемой. Она не что иное, как реакция личности на воздействие исторических обстоятельств, побочное психологическое явление в определенной системе внешних отношений. При

внимательном рассмотрении оказывается, что любое мощное усиление внешней власти (будь то политическая или религиозная) поражает значительную часть людей глупостью. Создается впечатление, что это прямо-таки социологический или психологический закон. **Власть одних нуждается в глупости других.** Процесс заключается не во внезапной деградации или отмирании некоторых (скажем, интеллектуальных) человеческих задатков, а в том, что личность, подавленная зрелищем **всесокрушающей власти**, лишается внутренней самостоятельности и (более или менее бессознательно) отрекается от поиска собственной позиции в создающейся ситуации. Глупость часто сопровождается упрямством, но это не должно вводить в заблуждение относительно ее несамостоятельности. Общаясь с таким человеком, просто-таки чувствуешь, что говоришь не с ним самим, не с его личностью, а с овладевавшими им лозунгами и призывами... Став безвольным орудием, глупец способен на любое зло и вместе с тем не в силах распознать его как зло... Но именно здесь становится совершенно ясно, что преодолеть глупость можно не актом поучения, а актом освобождения. При этом, однако, следует признать, что подлинное внутренне освобождение в подавляющем большинстве случаев становится возможным только тогда, когда этому предшествует освобождение внешнее; пока этого не произошло, мы должны оставить все попытки воздействовать на глупца убеждениями. В этой ситуации вполне очевидна тщетность всех наших усилий постичь, о чем же думает «народ» и почему этот вопрос совершенно излишен по отношению к людям, мыслящим и действующим в сознании собственной ответственности... В действительности все зависит от того, на что делают ставку правители – на людскую глупость или на внутреннюю самостоятельность и разум людей» («Всемирная философия. XX век», стр. 216-218. «Спротивление и покорность», «Прогресс», 1994 г., стр. 34-36).

То есть мы видим, что Бонхеффер Д. глупость определяет не столько как личностные качества, сколько как качества, отражающие **суть** существующей власти. Он в полной мере испытал действие Гебельсовской пропаганды и воочию видел, как миллионы людей **в короткий срок** превратились в Зверей. И он **очень хорошо** знал, что с ними разговаривать **совершенно бесполезно**. Он понимал, что **только** смена **преступного** режима может их отрезвить. Именно поэтому я и говорю, что пока не будет устранен индуктор Бредовых лозунгов и идей, до тех пор России не видеть **освобождения**. И **суть** криминальной идеологии обусловлена только одним: **полной уверенностью** в безнаказанности и вседозволенности членов, узурпировавших власть.

4.6 Мы фактически рассматривали общие вопросы. Теперь надо рассмотреть тот вопрос, который является предметом обращения. Этот вопрос Европейский Суд стал рассматривать более подробно 24.10.74 г. по делу «Винтерверп против Нидерландов». Воспроизведем основные его положения.

37. В Конвенции не говорится, что следует понимать под словом "душевнобольные". Этому термину нельзя дать окончательное толкование. Как было отмечено Комиссией, Правительством и заявителем, это термин, значение которого постоянно изменяется вместе с развитием исследований в области психиатрии; более гибкими становятся методы лечения, и меняется отношение общества к душевным заболеваниям, при этом в обществе растет понимание проблем душевнобольных.

В любом случае п. 1 "е" статьи 5, очевидно, не может рассматриваться как разрешение содержания под стражей лица только потому, что его взгляды или поведение не соответствуют нормам, преобладающим в данном обществе. Считать иначе значит вступать в противоречие со статьей 5 п. 1, где содержится исчерпывающий перечень (...) исключений, требующий узкого толкования (...). Это не соответствовало бы также предмету и цели статьи 5 п. 1, а именно: гарантировать, чтобы никто не был лишен свободы в результате произвольных действий (...). Более того, в этом случае игнорировалось бы значение права на свободу в демократическом обществе (...).

39. Следующим вопросом, требующим изучения, является "законность" задержания в соответствии с целями статьи 5 п. 1 "е". Она предполагает прежде всего соответствие внутреннему праву, а также, как подтверждается статьей 18, соответствие цели ограничений, допускаемых статьей 5 п. 1 "е"; **однако она говорит о законности принятия мер, связанных с лишением свободы, а не о том, какими они должны быть (...).**

Что касается соответствия внутреннему праву, Суд подчеркивает, что прилагательное "законный" охватывает как процессуальные, так и материально-правовые нормы. Оно определенным образом совпадает с общим требованием статьи 5 п. 1, а именно - соблюдения "порядка, установленного законом" (см. п. 45 ниже).

Действительно, эти два выражения отражают важность цели, лежащей в основе статьи 5 п. 1 (см. п. 37 выше): в демократическом обществе, приверженном верховенству права (...), никакое произвольное задержание никогда не может считаться "законным".

Комиссия также подчеркивает, что не должно быть даже признака произвола; по ее заключению никто не может быть лишен свободы как "лицо, страдающее психическим расстройством", без медицинского заключения, устанавливающего, что его психическое состояние оправдывает обязательную госпитализацию. И заявитель, и Правительство выражают схожее мнение.

Суд полностью согласен с этим ходом рассуждений. По мнению Суда, за исключением случаев крайней необходимости, человек не должен лишаться свободы до тех пор, пока не будет УБЕДИТЕЛЬНО ДОКАЗАНО, что он действительно является "душевнобольным". Сама сущность того, в чем следует убедить компетентные государственные органы - наличие психического расстройства, - требует объективной медицинской экспертизы. Далее, ПСИХИЧЕСКОЕ РАССТРОЙСТВО ДОЛЖНО БЫТЬ ТАКОГО ХАРАКТЕРА ИЛИ СТЕПЕНИ, КОТОРЫЕ ОПРАВДЫВАЛИ БЫ ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ. Более того, обоснованность длительного лишения свободы ЗАВИСИТ ОТ СТОЙКОСТИ ТАКОГО РАССТРОЙСТВА (...).

40. В компетенцию Суда, несомненно, входит проверка "законности" задержания (...). Г-н Винтерверп полагает, что именно несовершенство процедуры привело к тому, что были приняты три постановления о его принудительном пребывании в больнице, не отвечающие требованию "законности". Суд вернется к этой позиции позднее в связи с тесно примыкающей к ней проблемой соблюдения "порядка, установленного законом" (см. п. 44 - 50 ниже). В данном контексте достаточно констатировать, что при решении вопроса о том, следует ли какое-либо лицо содержать в изоляции как "душевнобольного", необходимо, чтобы были признаны определенные полномочия национальных органов власти, поскольку именно они прежде всего должны оценить приводимые в каждом конкретном случае доказательства; задачей Суда является рассмотрение решений этих властей в свете Конвенции (...).

58. По мнению Комиссии, абсолютно обязательным для судебного разбирательства этой категории дел является право заинтересованного лица излагать свою позицию и аргументы, оспаривать медицинские и социальные заключения (см. п. 102 доклада). По мнению представителей Комиссии, законодательство Нидерландов противоречит статье 5 п. 4, предоставляя судье в этой связи дискреционную власть.

Заявитель, по сути, поддерживает аргументацию Комиссии. Он утверждает, что ввиду особого положения лиц, страдающих душевным расстройством, из статьи 5 п. 4 вытекает их право на юридическую помощь.

Вывод.

4.6.1 Во-первых, по приведенному мы видим, что Винтерверп абсолютно по всем вопросам оказался прав. Он увидел в «психиатрии» главное: «психиатрам» не надо было доказывать вообще **ничего**. Они что хотели, то и писали. Но если у европейских «юристов» голова не работала тогда, то у российских «юристов» и она не работает и сейчас и они неспособны установить причины творящегося **беззакония и произвола**. А **всё** это твориться потому, что российские «судьи» ни тогда, ни теперь **реально** не устанавливали нарушение прав Жертв в застенках **реальных и повсеместных** Бедламов, именуемых «психиатрическая больница». Они ни тогда, ни теперь неспособны оценить заключение «психиатров» с точки зрения допустимости его получения и достоверности изложенных в нем сведений. Да, они говорят о том, что: «В процессе по проверке помещения в психиатрическую больницу сложность рассматриваемых медицинских вопросов является фактором, могущим учитываться тогда, когда речь идет об оценке соблюдения требований п. 4 статьи 5 Конвенции. Сложность медицинских

вопросов, какой бы исключительной она не была, не может, однако, освободить национальные власти от соблюдения их существенных обязательств с точки зрения этой нормы» (§ 47 Постановления Большой палаты от 25.03.99 г. по делу "Музиал против Польши") – но они так и не смогли понять, что те заключения и те судебные решения, которым **они** давали оценку, **не содержали** оценку **доказательств**, которые **должны** были быть предметом судебного разбирательства: **реальной** речи жертвы и **анализа** этой речи. Мне даже смотреть не надо эти «заключения» и акты Сумасшедших, именуемых «психиатрами», поскольку я видел «заключения», составленные не какими-то доморощенными «врачами высшей квалификации», а представителями «науки»: кандидатами и докторами медицинских «наук». Если эти Неучи неспособны составить **грамотное и обоснованное** заключение, то что же тогда ждать от их Полуобразованных учеников?

4.6.2 Во-вторых, что **должно** быть предметом исследования **и оценки** в суде? Неучи хором заверещат: «Заключение врачей». Я не буду с этим спорить и скажу: «Совершенно верно» - однако, у меня будет малюсенькое дополнение: «...которое **должно** подтверждаться **реальными** доказательствами: **реальной** речью Жертвы и **анализом** этой речи, то есть доказательствами, которые в силу ч. 3 ст. 204 УПК РФ, ч. 3 ст. 25 Закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» **должны** быть **составной частью** заключения». А для того, чтоб получить эти реальные доказательства, необходимо, чтоб **достоверность** речи Жертвы удостоверил выбранный Жертвой **представитель**. После этого они и будет иметь право вентилировать воздух своими Шизофреническими Фантазиями.

4.6.3 В-третьих, о чем мне из Сербского писал Кекелидзе З.? Перечитываем еще раз: «В ответ на Ваше письмо от 28.02.2013 г., адресованное в Министерство здравоохранения России, по его поручению в рамках своей компетенции сообщаем следующее. Вопросы, которые Вы задаете, касаются трактовки и пояснений в отношении диагностических оценок Вашего психического состояния. Следует предполагать, что данные оценки были даны в ходе производства Вам судебно-психиатрических экспертиз. В связи с тем, что оценка экспертного заключения судебно-психиатрической экспертизы является прерогативой суда и органов следствия, то ответы на Ваши вопросы могут быть получены только в соответствии с процессуальным законодательством – либо путем вызова и допроса эксперта, либо путем назначения повторной судебно-психиатрической экспертизы».

И когда я дождусь того счастливого часа и смогу допросить «экспертов»? Но если даже будет проведена повторная экспертиза, то буду ли я иметь право допросить следующих «экспертов» или будет требоваться следующая «экспертиза» и так до бесконечности? Если бы провели мою очную ставку с «потерпевшей» Сырчиной Т.Ю., то были бы закрыты **все** юридические вопросы. Если бы меня свели с «психиатрами» в суде, то закончились бы и их Фантазии. Если бы меня свели с Шевченко Г.П., из-за которой все это началось, то были бы устранены **причины** того, что послужило основанием для моих действий. То есть в суде я не могу решить ни одного вопроса, так как там **невозможны** состязательность и равноправие сторон. **Всё время приходится разбираться со следствием**, которое нагромождается одно на другое и в этой связи приходится повторять Жванецкого: «ВСЕ ЗАБЫЛИ, о чем это он...». Мы не можем решать вопросы *ab ovo*.

Согласно смысла § 69 Постановления от 13.03.12 г. по делу «Карпенко против Российской Федерации», **снятие вопросов обуславливают сомнение в независимости и беспристрастности правоприменителя**. В § 53 Постановления от 27.01.11 г. по делу «Кривошапкин против Российской Федерации» разъяснено: «... По общему правилу пункты 1 и 3 статьи 6 Конвенции требуют, чтобы обвиняемому была предоставлена **явная возможность оспаривать** показания и задавать вопросы свидетелям, будь то при даче объяснений или на более поздней стадии (...) Существуют исключения из этого правила, но они не должны нарушать права на защиту. В случае, когда невозможность допросить свидетелей обусловлена фактом их отсутствия в зале суда или связана с иными причинами, власти государства-ответчика **должны** предпринять все возможные усилия по обеспечению их явки (...)». В § 55 Европейский Суд, наконец, напоминает, что обвинение не должно основываться исключительно или в

большой степени на показаниях свидетелей, которые обвиняемый не может оспорить во время расследования или суда (...).

4.6.4 В-четвертых, в суде можно решить вопросы психиатрии вообще в элементе: провести освидетельствование в установленном ст. 290 УПК РФ порядке. И все!!! Но этого же **никто** не собирается делать, так как **все знают результаты** этого: **установление** отсутствия медицинского образования у «врачей высшей квалификационной категории».

4.6.5 В-пятых, допустим, что «эксперты» действительно установили у человека наличие психических расстройств и сделали **правильное** описание, то есть сделали **подробное** и **четкое описание** симптомов и синдромов языком, понятным лицам, не обладающими психиатрическими познаниями и психиатрическая терминология в заключении разъяснена. Допустим, что это в заключении есть. Даже не будем принимать во внимание какие-либо доказательства, которые **должны** быть. Носитель этих симптомов и синдромов кто? Подэкспертный. В суде **описание** симптомов и синдромов **должно** быть соотнесено с чем? Это описание **должно** быть соотнесено с речью и поведением Жертвы и **приведенное в заключении о-пи-са-ни-е должно** соответствовать тому, что демонстрирует Жертва **в суде**. Если у человека имеется тяжелое психическое расстройство, то он скрывать его **не сможет ни-ког-да!!!** Но, что происходит в суде? В «суде» поведение и **речь** Жертвы **не интересуют ни-ко-го**, то есть в суде **никого** не интересует **установление** того, о чем все **пытаются** говорить. Говорят об абстракциях, изложенных в заключениях и **никого не интересуют ре-аль-но-сть**. То есть современный «суд», который «решает» вопросы психической патологии – это Иллюзия, в основе которой **вообще нет доказательств**. Доказательства можно оценить. Но когда нет **соответствующей** оценки, то нет и доказательства, поскольку quod non est in actis, non est in mundo – чего нет в документах, то не существует. Несмотря на то, что in iudicando criminosa celeritas – в проведении суда поспешность преступна, тем не менее **все** летят на пожар и у Жертвы практически нет jus deliberandi – права на обдумывание. Меня **всегда** лишали возможности прочитать заключение «психиатров» и написать на него Комментарий, несмотря на то, что «сторона судебного разбирательства **должна** иметь возможность ознакомиться с доказательствами **до** начала рассмотрения дела в суде...» (Решение ЕСПЧ от 14.01.03 г. по делу «Аркадий Иванович Виктор против Российской Федерации»).

4.6.6 Можно сказать, что, в-шестых, в результате всего этого **непонимания** мы видим громы и молнии в Постановлении от 07.02.12 г. по делу «Прошкин против Российской Федерации»:

104. Европейский Суд также отмечает, что национальные суды разрешили вопрос об уголовном обвинении и нашли, что он не в состоянии нести уголовную ответственность в связи с его психическим здоровьем, и вынесли решение о его содержании в психиатрическом учреждении. Их довод о том, что присутствие заявителя не требуется только на том основании, что он страдает психическим нездоровьем, **поражает** с учетом того, что суд **должен** был определить, совершил ли заявитель преступление в невменяемом состоянии, и **оценить**, необходимо ли проведение принудительного лечения (...). Европейский Суд **убежден** в том, что решения о госпитализации и лечении лиц с психическими расстройствами **должны** приниматься судами на основе **достоверных** и **надежных** стандартов медицинской экспертизы и с учетом **необходимости** лечения лиц с психическими расстройствами в подходящих для этого местах. Европейский Суд полагает, что в ситуации, когда суд первой инстанции не убедили результаты экспертизы Центра и он считал, что необходима другая психиатрическая экспертиза заявителя, но не получил результатов новой экспертизы до вынесения обвинительного приговора (...), было особенно важно, чтобы судьи **выслушали** заявителя лично и **оценили его состояние**. С учетом значения предмета спора для заявителя **суды не должны** при справедливом уголовном разбирательстве рассматривать его дело **без** наблюдения **за поведением** заявителя и **непосредственной оценки** выдвинутых **им** доводов. Присутствие адвоката и матери заявителя не может компенсировать невозможность заявителя представлять свою позицию в судебном заседании (...).

По приведенному совершенно очевидно, что члены Банды Бармина Ю.В., Бережицкого С.П., Тулуповой Е.Б., Житенева Г.В., Солодовникова С.А., Утемовой Е.Д. и Копыриной М.Н. **обязаны** были не только оценить мое состояние непосредственно в суде и выдвинутые мной доводы, но и допустить к участию в деле в качестве моих личных адвокатов и представителей избранных мной для цели защиты лиц.

4.6.7 И, в-седьмых, что **должно** быть представлено «экспертам» в рассматриваемом случае? В рассматриваемом случае «экспертам» **должны** были быть предоставлены **все** аудиозаписи моего общения с «правоприменителями» для **оценки нашего** психического состояния, а также моя письменная продукция, характеризующая мое психическое состояние **на момент** её написания. Также «экспертам» **должны** были быть представлены протоколы судебных заседаний в Яранском райсуда и Кировском облсуде не только для того, чтоб определить моё психическое состояние, но и психическое состояние моих оппонентов. Однако **все** же понимают, что если только дать оценку Шизофреническим Фантазиям моих оппонентов, то не меня надо помещать в психиатрический стационар, а их туда надо определить на основании **реальных**, а не виртуальных **доказательств**.

Повторим еще раз: **когда говорят об установлении психического состояния на момент подлежащих установлению обстоятельств, то должны предоставляться именно те доказательства, которые относятся к этому моменту.**

Поэтому члены Банды Бармина Ю.В., Бережицкого С.П., Тулуповой Е.Б., Житенева Г.В., Солодовникова С.А., Утемовой Е.Д. и Копыриной М.Н. **обязаны** были представить мои аудио- и видеозаписи, а также **всю** письменную продукцию, относящуюся к подлежащим установлению обстоятельствам.

4.6.8 А теперь почитаем то, что Европейский Суд не может вдолбить в Пустые головы российских «правоприменителей» с... 20.10.05 г., когда было рассмотрено дело «Романов против Российской Федерации»:

106. Европейский Суд напоминает, что из самого понятия "справедливое судебное разбирательство" следует, что лицо, которому предъявлено обвинение в совершении преступления, **должно** согласно **общему принципу** иметь право присутствовать и **эффективно участвовать в разбирательстве по делу** в суде первой инстанции (...). В данном деле указанное требование не было соблюдено, поскольку Гагаринский районный суд г. Москвы рассмотрел дело заявителя в его отсутствие. Должно быть также отмечено и то, что заявитель не участвовал и в слушании по делу в суде кассационной инстанции. Далее Европейский Суд рассмотрит вопрос о том, имелись ли в данном деле обстоятельства, которые могли бы обосновать полную и непоправимую потерю права участвовать в судебном заседании.

107. Европейский Суд отмечает, что в данном деле нельзя вести речь о том, что заявитель не участвовал в судебном заседании, поскольку он отказался от использования соответствующего права. С другой стороны, заявитель, который находился под стражей, и его адвокаты подавали ходатайства в Гагаринский районный суд г. Москвы о личном участии заявителя в судебном заседании. Названные ходатайства были отклонены, поскольку администрация следственного изолятора, где содержался заявитель, предположительно отказывалась доставлять больных заключенных в суд, а в ином случае - поскольку показания душевнобольного человека не могли быть приняты в качестве доказательства (см. выше § 23 и § 24).

108. Европейский Суд напоминает, что в **обязанности** государства входит обеспечение участия в судебном заседании обвиняемого, содержащегося под стражей (...). Европейский Суд напоминает, что в исключительных случаях суд первой инстанции может продолжить рассмотрение дела, если обвиняемый отсутствует в связи с болезнью, при условии, что его или ее интересы **достаточным образом защищены** (...). Тем не менее, если в судебном заседании необходимо произвести **оценку личности и характера обвиняемого**, а также **его психического состояния в момент совершения преступления** и если исход судебного разбирательства может нанести ему существенный ущерб, значимую роль для соблюдения справедливости судебного разбирательства может сыграть его участие в судебном заседании, а также предоставленная ему возможность участвовать в нем вместе со своим адвокатом (...).

109. В данном деле власти Российской Федерации не сделали никаких шагов для того, чтобы обеспечить участия заявителя в судебном заседании. Из обстоятельств дела не следует, что **поведение заявителя было агрессивным** и что его психическое состояние иным образом препятствовало его явке в суд. Довод Гагаринского районного суда г. Москвы о том, что участие заявителя в судебном заседании не требовалось, поскольку его показания как душевнобольного человека не могли быть приняты в качестве доказательств, **является поразительным**, учитывая, что именно названный суд **должен** был впервые **установить**, совершил ли заявитель преступление в состоянии сильного душевного волнения, и **оценить**, требовалось ли заявителю в его психическом состоянии принудительное медицинское лечение.

110. Что касается полномочий суда первой инстанции в данном деле, Европейский Суд далее отмечает, что Гагаринский районный суд г. Москвы определил предъявленное заявителю обвинение, установил, что он не мог нести ответственность, поскольку был душевно болен, и принял решение о помещении его в психиатрический стационар.

111. Что касается последнего вопроса, Европейский Суд отмечает, что в распоряжении Гагаринского районного суда г. Москвы находилось два заключения, полученных в результате проведения экспертизы одним и тем же психиатрическим экспертным учреждением. Несмотря на то, что позиция по поводу диагноза заявителя в них совпадала, заключения отличались мерами, которые должны быть применены в отношении заявителя. В первом заключении указывалось на отсутствие необходимости помещать заявителя в психиатрический стационар и на достаточность амбулаторного прохождения им лечения, в то время как во втором заключении отмечалась необходимость помещения заявителя в психиатрическую клинику. Европейский Суд полагает, что подобная противоречивость, которая оказала влияние на результат судебного разбирательства и в конце концов на свободу заявителя, сделала особенно важным вопрос о личном участии заявителя в судебном заседании.

112. Принимая во внимание важность вопроса для заявителя, Гагаринский районный суд г. Москвы не мог, если бы судебное разбирательство было справедливым, определить его дело без непосредственной оценки показаний самого заявителя, и **присутствие адвоката заявителя не могло компенсировать отсутствие заявителя**.

4.7 Однако мы должны ясно понимать, что «любое ограничение свободы должно производиться не только в соответствии с материальными и процессуальными нормами внутреннего права, но и в соответствии с **сущностью статьи 5** Конвенции, то есть защитой личности от произвольного лишения свободы (...). Для минимизации риска случайного лишения свободы **статья 5 Конвенции ПРЕДОСТАВЛЯЕТ комплекс независимых прав, ПРИЗВАННЫЙ ГА-РАН-ТИ-РО-ВА-ТЬ, что акт лишения свободы будет подвергнут независимому судебному ИССЛЕДОВАНИЮ, и обеспечить ОТВЕТСТВЕННОСТЬ властей за это действие**. Как Европейский суд установил в деле "Курт против Турции" (...), непризнанное лишение свободы лица является полным пренебрежением данными гарантиями, что влечет серьезнейшее нарушение статьи 5 Конвенции (§ 104 Постановления Большой палаты от 08.07.99 г. по делу «Чакичи против Турции»». При этом, «когда речь идет о лишении свободы, особенно важным является соблюдение **общего принципа правовой обеспеченности**. Таким образом, важно, чтобы условия лишения свободы по внутреннему праву были ясно определены, и чтобы можно было предвидеть последствия применения самого закона. Это отвечает критерию "законности", установленному Конвенцией, который **требует**, чтоб формулировка **любого** закона была достаточной степени четкости, чтобы позволить гражданину, получив при необходимости юридическую консультацию по делу, предвидеть с разумной **для данных обстоятельств** степень определенности те **последствия**, которые может повлечь за собой конкретное действие» (§ 52 Постановления ЕСПЧ от 28.03.2000 г. по делу "Барановский против Польши"). Это же самое разъяснено и в § 88 Постановления от 10.01.12 г. по делу «Арутюнян против Российской Федерации»: «По поводу последнего Европейский Суд подчеркивает, что, когда речь идет о лишении свободы, особенно важно, чтобы был соблюден **общий принцип правовой определенности**. Следовательно, существенно, чтобы в национальном законодательстве были строго определены условия лишения свободы, и чтобы само **законодательство было предсказуемо** в своем применении настолько, чтобы оно отвечало **требованию "законности", установленному Конвенцией**, требованию, которое предполагает, что каждый закон достаточно точен

для того, чтобы предоставить лицу в случае необходимости соответствующую **возможность предвидеть** в той степени, которая является **разумной** при таких обстоятельствах, **последствия, которые могут вызвать конкретные действия**».

4.7.1 На практике реализовать приведенные требования – невозможно, так как **все** участники судебных процессов меня **дружно убеждали** в том, что **к последствиям помещения в психиатрический стационар они никакого отношения не имеют**. Их целью было засунуть меня в психиатрический стационар, а дальше – хоть трава не расти, то есть с правами и их реализацией я должен разбираться с некими Мифическим правоприменителями, у которых, естественно, нет никаких обязанностей и которые будут руководствоваться нормами законодательства, которые участникам процесса неизвестны и назвать они их не могут. Несмотря на то, что «особая быстрота, на которую находящийся в заключении обвиняемый имеет право рассчитывать при рассмотрении его делу, не должна мешать **тщательным** усилиям судей по исполнению их **обязанностей с должной** тщательностью» (§ 77 Постановления от 12.12.91 г. по делу «Тот против Австрии»), тем не менее никто не найдет **ни в одном документе** ни тщательных усилий судей по установлению **фактических** обстоятельств дела, ни **должной** тщательности в **оценке** этих обстоятельств. Осталось узнать: понимают ли российские «юристы», что «пункт 4 статьи 5 не обязывает Государств-участников Конвенции ввести двойной уровень судебных органов для рассмотрения заявлений об освобождении. Тем не менее, Государство, которое располагает такой системой, должно, в принципе, предоставлять заключенным под стражу **одинаковые** гарантии, как в **апелляционной**, так и в первой инстанции» (§ 84 Постановления от 12.12.91 г. по делу «Тот против Австрии»). Также нам предстоит выяснить: способны ли российские «юристы» понять, что «если суд, рассматривающий жалобу, **обязан** полностью оценить вопрос виновности или невиновности, он не может разрешать дело без **прямой оценки доказательств**, представленных лично обвиняемым с целью доказать, что **он не совершал деяний, вменяемых ему в качестве преступления**» (§ 27 Постановления ЕСПЧ от 06.07.2004 г. по делу "Дондарини против Сан-Марино"). По крайней мере члены Банды Бармина Ю.В., Бережицкого С.П., Тулуповой Е.Б., Житенева Г.В., Солодовникова С.А., Утемовой Е.Д. и Копыриной М.Н. не понимали, что «принцип равенства сторон является одним из признаков более широкого понятия справедливого судебного разбирательства, которое также включает **основополагающий** принцип состязательности уголовного судебного разбирательства. Последняя означает, что в уголовном деле обвинению и защите **должна** быть предоставлена возможность знать позицию другой стороны и представленные ею доказательства и **высказывать свое мнение о них**» (§ 66 - 67 Постановления от 28.08.1991 г. по делу "Брандштеттер против Австрии").

4.7.2 Теперь российские «правоприменители» не понимают, что «оставление судьей без проверки и оценки **обоснованности подозрения** в причастности лица к совершенному преступлению **должно** расцениваться в качестве существенного нарушения уголовно-процессуального закона (части 4 статьи 7 УПК РФ), влекущего отмену постановления об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу» (абзац 3 п. 2 ППВС РФ № 41 от 19.12.13 г. в редакции ППВС РФ № 23 от 24.05.16 г.). То есть оставление судьей без проверки и **оценки обоснованности** доводов сторон о подлежащих установлению обстоятельствах **должно** расцениваться в качестве существенного нарушения процессуального законодательства в любом виде судопроизводства и влекущее отмену принятого решения, что следует из конституционного принципа недопустимости различного обращения с лицами, находящимися в одинаковых или сходных ситуациях, то есть в силу абзац 3 п. 2 ППВС РФ № 41 от 19.12.13 г. в редакции ППВС РФ № 23 от 24.05.16 г., абзаца 3 п. 3.3 мот. части Постановления КС № 5-П от 01.03.12 г. в их нормативном единстве (см. п. 2.2 выше).

Также они не будут понимать, что нерассмотрение судами (правоприменителями) вопросов **порядка** получения доказательств, то есть нерассмотрение доводов Жертвы о порядке их получения, тем более основных доказательств, на основании которых выносится судебное решение, позволяет «прийти к выводу, что способ получения вещественного доказательства, использованного в ходе судебного разбирательства в отношении заявителя, и **отказ национальных судов рассмотреть его возражения и обоснованные аргументы относительно достоверности этого доказательства и его использования против него сделали все производство по делу в целом несправедливым**» (§ 55-58 Постановления ЕСПЧ от 12.11.15 г. по делу «Сакит Заидов против Азербайджана»).

А еще российские «правоприменители» упорно не будут понимать, что «правило раскрытия оправдывающих доказательств обязывает сторону обвинения представлять такие доказательства на рассмотрение суда. В то же время **данное правило не имеет смысла, если судам разрешено оставлять эти доказательства без рассмотрения и даже не упоминать их в своих приговорах**» (§ 201 Постановления от 27.03.14 г. по делу «Матыцина против Российской Федерации»).

4.8 Но поскольку на момент написания данной жалобы в свободном доступе появились Постановления ЕСПЧ от 06.10.15 г. по делу «Турбылев против РФ» и от 23.02.16 г. по делу «Навальный и Офицеров против РФ», в которых достаточно хорошо объяснены принципы оценки обстоятельств, подлежащих доказыванию и их оценка, поэтому необходимо сослаться и на них. Не имеет значения то, что Постановления приняты 06.10.15 г. и 23.02.16 г., поскольку ЕСПЧ при решении поставленных перед ним задач, во-первых, рассматривал дела относительно давно минувших дней и оценивал обстоятельства с позиций применения Конвенции, а, во-вторых, он опирался на прецедентную практику, имеющую устоявшиеся традиции.

4.8.1 Рассматривая вопрос о нарушении ст. 3 Конвенции, ЕСПЧ в § 71, 72 Постановления по делу «Турбылев против РФ» констатировал: «Рассматривая **многочисленные дела подобного рода** против Российской Федерации, Европейский Суд указывал, что он **вынужден** делать выводы из **самого факта отказа следственного органа от возбуждения уголовного дела** в связи с **достоверными** утверждениями о жестоком обращении в милиции. **Это указывало на неспособность государства исполнить свои обязанности по проведению эффективного расследования в соответствии со статьей 3 Конвенции..., не поддается объяснению** трехмесячная задержка начала уголовного расследования по жалобе заявителя. Европейский Суд полагает, что данная задержка не могла не оказать существенного отрицательного влияния на расследование, значительно умалив способность следственного органа к обеспечению доказательств предполагаемого жестокого обращения».

4.8.2 В §§ 74, 75 вывод был естественным: «Европейский Суд находит, что значительная задержка в возбуждении уголовного дела и начале полного уголовного расследования **достоверных утверждений** заявителя о серьезных фактах жестокого обращения со стороны милиции, **раскрывавших признаки состава преступления**, а также **способ проведения расследования** показывают, что **власти не приняли всех доступных им разумных мер для обеспечения доказательств и не сделали серьезной попытки выяснить, что произошло на самом деле (...)**. Таким образом, **они не исполнили свое обязательство проведения эффективного расследования жалобы заявителя на жестокое обращение при содержании в милиции.** (§ 74). **Уклонившись от обязанности проведения эффективного расследования, государство способствовало чувству безнаказанности сотрудников милиции.** Европейский Суд подчеркивает, что надлежащая реакция властей при расследовании серьезных утверждений о жестоком обращении со стороны полиции или **иных подобных агентов государства** в соответствии со стандартами статьи 3 Конвенции является существенной для поддержания **общественного доверия** к приверженности верховенству права и предотвращения каких-либо признаков сговора или попустительства незаконным действиям (...)» (§ 75).

4.8.3 Решая вопрос о недопустимости доказательств, ЕСПЧ в § 79 отметил: «Явка с повинной регулировалась статьями 141 и 142 УПК РФ, которые не предусматривали право лица на доступ к защитнику. Согласно положениям УПК РФ пункт 1 части второй статьи 75 этого кодекса не применим к заявлению о явке с повинной. **Однако в соответствии с данным положением показания против себя, данные в отсутствие адвоката лицом, которое позднее стало подозреваемым или обвиняемым, должны быть признаны недопустимым доказательством в случае отказа от них.** **Власти Российской Федерации не предоставили информации в поддержку их объяснений по поводу практики внутригосударственных судов в отношении пункта 1 части второй статьи 75 УПК РФ, хотя Европейский Суд предлагал им сделать это.**».

4.8.4 Но в любом случае, «... Вопрос, требующий ответа, заключается в справедливости разбирательства в целом, **включая способ получения доказательств.** Это включает **исследование** указанной "незаконности" и, если нарушено другое

конвенционное право, **природы установленного нарушения** (§ 82). При определении того, являлось ли разбирательство справедливым в целом, следует учитывать, соблюдались ли права защиты, в частности, **имел ли заявитель возможность оспаривать подлинность доказательств и их использование** (...). Кроме того, **должно учитываться качество доказательства, а именно не ставят ли под сомнение достоверность и правильность доказательства те обстоятельства, при которых оно было получено** (...). Действительно, **если оспаривается достоверность доказательства, наличие справедливых процедур проверки допустимости доказательства приобретает еще более важное значение** (§ 83). Право хранить молчание и право не свидетельствовать против себя признаны в качестве **международных стандартов**, которые составляют **основу** справедливой процедуры в соответствии со статьей 6 Конвенции. Их цель, в частности, заключается в обеспечении обвиняемому **защиты от ненадлежащего принуждения со стороны властей** и, таким образом, в **исключении злоупотреблений правосудием** и утверждении **целей статьи 6 Конвенции**. Право не свидетельствовать против себя обеспечивает прежде всего уважение к намерению обвиняемого хранить молчание и предполагает, что **обвинение по уголовному делу должно представить доказательства против обвиняемого, не прибегая к доказательствам, полученным методами принуждения или подавления вопреки воле обвиняемого** (§ 84). Наконец, Европейский Суд напоминает, что **отказ от права, гарантированного Конвенцией, насколько он допустим, не должен идти вразрез с важными общественными интересами, должен быть сделан недвусмысленным образом и сопровождаться минимальными гарантиями, соизмеримыми со значением отказа** (§ 85).

4.8.5 Приведенные принципы позволили ЕСПЧ прийти к выводу о том, что «... милиция возобновила уголовное разбирательство нераскрытого разбоя в торговом центре на основании информации, сообщенной П., в частности, о предполагаемой причастности заявителя к разбойному нападению. Заявитель был доставлен в милицию и допрошен сотрудниками милиции по поводу обстоятельств преступления. Он был подвергнут жестокому обращению (...) и признался в причастности к преступлению. Его признание было оформлено сотрудником милиции Г. в протоколе о явке с повинной. В этом протоколе **указывалось, что заявитель был уведомлен о содержании статьи 51 Конституции Российской Федерации** (...). Получив доступ к адвокату на следующий день во время первого допроса в качестве подозреваемого следователем, заявитель отказался от признания, сообщив, что оно объясняется жестоким обращением со стороны сотрудников милиции. **Он последовательно отказывался от своего признания в последующем разбирательстве, в котором его представлял защитник.** Заявитель мог оспаривать допустимость заявления в качестве доказательства в суде по двум основаниям, которые он выдвинул в Европейском Суде. Во-первых, **он утверждал, что заявление о признании было получено у него в результате жестокого обращения со стороны сотрудников милиции**, и, во-вторых, что **оно было получено без доступа к защитнику**. Суд первой инстанции расценил его признание как допустимое доказательство, полагая, что утверждения о жестоком обращении с ним были необоснованными, доступ к адвокату не требовался в соответствии с внутригосударственным законодательством и заявитель был уведомлен о своем праве не свидетельствовать против себя. Признавая заявителя виновным, суд первой инстанции в значительной степени ссылаясь на его признание (...). **В кассационном и надзорном разбирательствах Верховный суд Республики Коми и Верховный Суд Российской Федерации полностью поддержали выводы суда первой инстанции** (§ 86). Прежде всего Европейский Суд отмечает, что **суд первой инстанции не дал оценки медицинским документам и свидетельским показаниям, представленным заявителем в поддержку его возражения по мотиву давления** (...). Сославшись на показания сотрудников милиции, отрицавших нарушения со своей стороны, и на служебную милицейскую проверку, отклонившую утверждения заявителя, **суд не придал значения явной заинтересованности сотрудников милиции** в отклонении доводов заявителя о жестоком обращении. В целом **мотивировка отклонения судом первой инстанции возражений заявителя свидетельствует об отсутствии независимой оценки всех относимых факторов с целью определения того, имеются ли основания для исключения из числа доказательств признания заявителя, предположительно "омраченного" нарушением статьи 3 Конвенции, чтобы обеспечить справедливость судебного разбирательства, и вместо этого**

указывает на использование решения следственного органа (...), которое Европейский Суд признал основанным на расследовании, которое не отвечало требованиям статьи 3 Конвенции (...). Это **отсутствие тщательной оценки качества оспариваемого доказательства** (признания заявителя) и обстоятельств, при которых оно было получено, что ставит под сомнение его достоверность и точность, не было восполнено вышестоящими судами. Таким образом, признание заявителя, полученное в результате бесчеловечного и унижающего достоинство обращения с ним (...), было использовано внутригосударственными судами в качестве доказательства вины заявителя. При этом **суды страны легализовали меры, принятые сотрудниками милиции для использования "заявления о явке с повинной" в целях документирования признания заявителя, полученного под давлением, после задержания по подозрению в совершении преступления вопреки значению, предусмотренному для такого заявления в статье 142 УПК РФ** (добровольное сообщение лица о преступлении, которое оно совершило, см. § 50 настоящего Постановления) (§ 87). Власти Российской Федерации, которые признали, что заявитель был подвергнут жестокому обращению в нарушение статьи 3 Конвенции, не оспаривали, что признание заявителя было получено в результате подобного обращения. Они утверждали, что признание было не единственным доказательством, на котором было основано осуждение заявителя и что другие доказательства, представленные обвинением, в любом случае обеспечили бы осуждение заявителя (§ 88). Европейский Суд напоминает, что **в рамках конвенционной системы давно признано**, что предусмотренное статьей 3 Конвенции право не подвергаться пытке или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию **воплощает одну из фундаментальных ценностей демократического общества. Это абсолютное право, не допускающее исключений ни при каких обстоятельствах** (...). Следовательно, использование в уголовном разбирательстве доказательств, полученных в нарушение статьи 3 Конвенции, **всегда** порождает серьезные вопросы по поводу справедливости разбирательства, **даже если принятие таких доказательств не является решающим для осуждения лица** (...) (§ 89). Признания, полученные в нарушение статьи 3 Конвенции, **по своей природе не достоверны**. Кроме того, **их использование в уголовном разбирательстве часто является причиной совершения актов жестокого обращения в первую очередь**. Принятие таких доказательств во внимание при признании лица виновным несовместимо с гарантиями статьи 6 Конвенции (...). **Принятие признаний, полученных в нарушение статьи 3 Конвенции, делает разбирательство в целом автоматически несправедливым, независимо от доказательной ценности признания и от того, имело ли их использование решающее значение в обеспечении осуждения обвиняемого** (...) (§ 90). Европейский Суд уже указывал в § 65 настоящего Постановления, что признание заявителя было получено в результате бесчеловечного и унижающего достоинство обращения, которому он подвергся в милиции. Таким образом, **возражение властей Российской Федерации о том, что признание заявителя было не единственным или не решающим доказательством, подлежит отклонению** (§ 91). Европейский Суд также отмечает, что до подачи "заявления о явке с повинной" **заявитель не был уведомлен о его праве на юридическую помощь**. Помимо соответствия внутригосударственному законодательству, **суды страны не представили обоснование первоначальному отсутствию доступа заявителя к адвокату в милиции**. Как указали суды в деле заявителя, для подачи заявления о явке с повинной не требовался предварительный доступ к адвокату. Таким образом, последующее использование этого заявления в качестве доказательства в суде не может быть оспорено по мотиву отсутствия юридической помощи (...). **Данная позиция согласуется с прецедентной практикой Верховного Суда Российской Федерации по данному вопросу** (...) (§ 92).

93. Европейский Суд напоминает, что, не будучи абсолютным, право каждого обвиняемого на эффективную защиту адвоката, при необходимости назначенного, **является одним из основных признаков** справедливого судебного разбирательства. Ранний доступ к адвокату на следственной стадии разбирательства служит процессуальной гарантией против самоговора и **фундаментальной** гарантией против жестокого обращения с учетом **особой уязвимости обвиняемого на этой стадии разбирательства** (...). Чтобы право на справедливое судебное разбирательство оставалось достаточно "практическим и эффективным", **пункт 1 статьи 6 Конвенции**

требуется, чтобы, как правило, доступ к услугам адвоката обеспечивался с первого допроса подозреваемого в полиции, если при особых обстоятельствах конкретного дела не имеется веских причин для ограничения этого права. Даже если веские причины в виде исключения оправдывают отказ в доступе к адвокату, такое ограничение, чем бы оно ни оправдывалось, не должно ненадлежащим образом умалять права обвиняемого, предусмотренные статьей 6 Конвенции. Праву на защиту в принципе был бы причинен невосполнимый ущерб, если бы компрометирующие показания, полученные в период полицейского допроса в отсутствие адвоката, были использованы для осуждения (...). Системного ограничения права на получение юридической помощи на основании законодательных положений самого по себе достаточно для установления нарушения статьи 6 Конвенции (...) (§ 93). Европейский Суд отмечает, что независимо от того, признался ли заявитель до или после оформления его задержания (...), из обстоятельств дела, которые не оспариваются властями Российской Федерации, и, в частности, из показаний сотрудников милиции следует, что во время его признания заявитель содержался в милиции по той единственной причине, что он подозревался в причастности к разбойному нападению, это подозрение было основано на информации, сообщенной милиции П. (...). Соответственно, сотрудники милиции были обязаны соблюдать права подозреваемого, одним из которых является право на доступ к адвокату (...). Это также отвечало требованию национального уголовно-процессуального законодательства о том, что право на доступ к адвокату возникает с момента фактического задержания (...), что соответствует толкованию Конституционным Судом Российской Федерации права на юридическую помощь как возникающего с момента фактического ограничения конституционных прав, в частности, права на свободу и безопасность, а не с момента формального признания статуса подозреваемого или заключения под стражу (...) (§ 94). Отсутствие во внутригосударственном законодательстве требования о праве на доступ к адвокату при подаче заявления о явке с повинной использовалось как способ ограничить право заявителя как фактического подозреваемого на юридическую помощь и принять его заявление о явке с повинной, полученное в отсутствие юридической помощи, в качестве доказательства его вины. Это невосполнимо повредило правам защиты. Ни помощь, оказанная впоследствии адвокатом, ни состязательный характер последующего разбирательства и возможность оспаривания данного доказательства в суде первой инстанции и при обжаловании не могли устранить недостатки, которые имели место в милиции (§ 95). Даже если предположить, что заявитель был уведомлен о его конституционном праве не свидетельствовать против себя до признания, как установили внутригосударственные суды, нельзя считать действительным его отказ от привилегии не свидетельствовать против себя с учетом вывода Европейского Суда о том, что он подал заявление о признании в результате бесчеловечного и унижающего достоинство обращения с ним со стороны милиции. В любом случае не следует придавать значение тому факту, что заявителю напомнили о его праве хранить молчание, и он подписал соответствующий протокол (...), особенно потому, что протокол упоминал статью 51 Конституции, не разъясняя ее значения. Кроме того, поскольку отсутствие доступа к адвокату в настоящем деле вытекало из системного применения правовых норм в их толковании внутригосударственными судами и заявитель не был информирован о его праве на юридическую помощь до подписания заявления о явке с повинной, вопрос об отказе от права на юридическую помощь не имеет значения (§ 96). Европейский Суд заключает, что использование судами явки заявителя с повинной, полученной в результате жестокого обращения в нарушение статьи 3 Конвенции и в отсутствие доступа к адвокату, сделало судебное разбирательство по делу заявителя несправедливым (§ 97). Следовательно, имело место нарушение требований пункта 1 и подпункта "с" пункта 3 статьи 6 Конвенции (§ 98).

4.8.6 Вывод.

Во-первых, то, что при первом допросе должен быть защитник – это понятно, как понятно и то, что проведение первого допроса без участия избранного Жертвой защитника делает полученные доказательства – недопустимыми. Понятно и то, что если приговор основан на показаниях, полученных без участия защитника, то в этом случае нарушается принцип справедливого разбирательства дела и такой приговор не может быть законным в силу **самой природы** справедливого разбирательства дела, которая не

допускает вынесение решения, основанного на доказательствах, полученных преступными способами. Тем более, когда такие доказательства не исследуются и не оцениваются на предмет допустимости, достоверности и достаточности, как того требуют ч.ч. 3, 4 ст. 7, ст.ст. 85, 87, 88, 240 УПК РФ. А то, что доказательства не исследовались и не оценивались, как этого требует УПК РФ, следует **из смысла** вынесенного решения, на что ЕСПЧ внимание **не** обратил.

Во-вторых, если не разъясняется право, предусмотренное какой-либо нормой, а делается только ссылка на эту норму (§ 96), то в этом случае правоприменитель не выполняет своей обязанности и с учетом доводов ЕСПЧ, выраженных в §§ 59, 60 Постановления ЕСПЧ от 04.06.15 г. по делу «Руслан Яковенко против Украины» фактически допускает произвол, поскольку имеет место элемент **недобросовестности и обмана** со стороны властей, и власти не пытаются применить **соответствующий закон должным образом**, что мы фактически и наблюдаем в рассматриваемом случае.

В-третьих, практика ЕСПЧ при рассмотрении рассматриваемой категории дел показала, что **Пытки в России носят системный характер** и при этом добиться проведения проверки по фактам Пыток практически невозможно. Невозможно же добиться проверки по той причине, что **преступные действия** следственных органов и прокуратуры **невозможно** обжаловать как преступления в порядке ст.ст. 144, 145 УПК РФ. А если учесть, что ЕСПЧ рассматривает **микроскопическое** количество **аналогичных дел** и при этом он пришел к выводу о том, что суды легализовали Пытки (§§ 86, 87), то можно сделать естественный вывод о том, что Пытки и как следствие фальсификация уголовных дел, а также **осуждение невиновных, являются государственной политикой**. При этом необходимо учитывать, что расследованию уголовных дел в отношении Садистов препятствуют ... «прокуроры». Поэтому **фактическими организаторами** не только пыток, но и убийств, **о чем я могу рассказать ОЧЕНЬ много**, являются именно они. И здесь мы сталкиваемся с естественным результатом: организованными преступными сообществами из «судей», «прокуроров», «следователей» и «полицейских», которые создают иллюзию законности, как, например, здесь: <https://youtu.be/ZqZZNGgvXSo>.

И, в-четвертых, на бессмысленность и бесполезность обращения в органы криминальной российской власти обратил внимание и ЕСПЧ в § 59 Решении от 22.03.16 г. по делу «Рауш против России»: «...принимая во внимание постоянное вынесение прокуратурой в 2002—2004 годах постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел по фактам предполагаемых жестоких обращений [в общей сложности в указанный период было вынесено 7 постановлений, и все они были отменены, в т.ч. 6 — в результате успешного обжалования заявителем в суд], довольно скоро должно было стать ясно, что никакого конкретного прогресса в отношении расследования не наблюдается и никакие другие шаги по его заявлениям предприняты не будут <...>. Принимая во внимание, что упущения, — вызванные непроведением ключевых следственных действий, которые должны были быть проведены для обеспечения собирания доказательств вскоре после событий, в отношении которых были поданы заявления, — едва ли могли быть исправлены по прошествии значительного периода времени <...>, названные многократные отказы в возбуждении уголовных дел по каждому из случаев предполагаемого жестокого обращения не свидетельствовали ни о видимых признаках, ни о реальной возможности проведения следственных действий <...>. Соответственно, Суд убежден, что при таких обстоятельствах настоящего дела **заявитель должен был осознать неэффективность расследования более чем за шесть месяцев до подачи им жалобы в Суд 04 апреля 2006 года**».

4.9 Что касается Постановления от 23.02.16 г. по делу «Навальный и Офицеров против РФ», то в нем рассмотрены достаточно важные вопросы презумпции невиновности и преюдициальное значение судебных решений, которые кладутся в основу окончательного решения. Фактом является то, что для достижения **преступной цели** осуждения Навального и Офицера **лично** Бастрыкин А.И. и Чайка Ю.Я. использовали **откровенно преступные** средства: они **незаконно** выделили дело в отношении директора «Кировлес» в отдельное судопроизводство (§§ 35, 36), которого 24.12.12 г. осудили в упрощенном порядке **без исследования доказательств** (§ 41). Не доказав ни

чью вину в установленном законом порядке, но нафантазив, как это было приказано Бастрыкиным А.И. (§ 30), о котором Навальный сообщил, что у него «имелись вид на жительство в Чешской Республике и частный бизнес во время его работы в Следственном комитете РФ», дальше осуждение Навального и Офицера было делом решенным, поскольку если бы дело в отношении Навального и Офицера было рассмотрено **в установленном законом порядке**, то могли иметь место взаимоисключающие приговоры. Интересным является § 112, где было установлено: «... не оспаривались ни действительность договоров купли-продажи между ООО "ВЛК" и предприятием "Кировлес", ни их правовой характер. Ни Х., ни заявителям не вменялось в вину то, что они заключали бы фиктивную сделку или что договор подразумевал отмывание денег, уклонение от уплаты налогов или схему получения "откатов" или что стороны заранее сговорились направить доход от комиссионных выплат, получаемых ООО "ВЛК", на финансирование какой-либо незаконной или сомнительной деятельности. Наоборот, из материалов дела следует, что обе стороны договора преследовали коммерческие цели, независимо друг от друга и что эти цели были именно теми, что указаны в договоре. Также стоит отметить, что когда суд ссылаясь на часть первую статьи 10 ГК РФ и установил, что сделка причинила ущерб предприятию "Кировлес", **он не установил**, что эти действия были единственной целью заявителей или что они действовали бы недобросовестно или в нарушение правил конкуренции вопреки требованиям указанной статьи».

То есть мы видим, что когда **надо**, то **все знают** и **схемы** откатов, и **схемы** финансирования незаконной или сомнительной деятельности. А **когда преступления надо оправдать**, что эти же самые схемы никто не видит в упор. Мало того, никто не собирается устанавливать, то есть доказывать то, что имеет существеннейшее значение для дела: злоупотребление правом. Российские «судьи» и «прокуроры» могут говорить о том, что кто-то злоупотребил правом, но **они неспособны доказать то, что утверждают**.

4.9.1 Применительно в рассматриваемым вопросам, это Постановление имеет отношение в том смысле, что в §§ 107-109 были сформулированы доводы о преюдициальности применяемых решений, что очень важно при оценке решений, которые выносятся в отношении Жертв, которым назначаются ПММХ без их участия. Последующие решения уже выносятся автоматически и **вопли Жертв никого не интересуют**: «Обращаясь к вопросу о res judicata Европейский Суд принимает во внимание довод властей Российской Федерации о том, что суды, выносившие приговор по делу заявителей, не были связаны приговором по делу Х. Однако Европейский Суд отмечает, что статья 90 УПК РФ в редакции, действовавшей в рассматриваемое время, прямо наделяла силой res judicata приговоры, даже вынесенные в рамках процедуры ускоренного рассмотрения дела (см. § 79 настоящего Постановления). Более того, утверждая, что "Обстоятельства, установленные в приговоре... должны приниматься судом... без дополнительной проверки", Кодекс установил правило, согласно которому не только признание вины подсудимого, но и **установление фактов формально получали преюдициальный эффект**. Даже если в соответствии со статьей 90 УПК РФ приговор не может предопределять вину лиц, **которые не участвовали в рассматриваемом деле**, тот факт, что обстоятельства, установленные приговором по делу против Х., имели силу res judicata, **по сути** противоречил этому запрету (§ 107). Власти Российской Федерации утверждали, что в деле заявителей **суд первой инстанции был обязан рассмотреть все доказательства и опросить всех свидетелей и обосновать свою оценку исключительно материалами и показаниями, представленными на слушаниях**. Даже в таком случае Европейский Суд полагает, что в данных обстоятельствах суды, действующие в параллельных судебных процессах, имели явную причину согласовывать свои действия, поскольку любые противоречащие друг другу выводы, сделанные в связанных между собой делах, могли оказать негативное воздействие на действительность приговоров, постановленных одним и тем же судом. Европейский Суд полагает, что в настоящем деле **риск вынесения противоречащих друг другу приговоров был тем фактором, который препятствовал судьям установить истину и ослаблял их способность по отправлению правосудия, нанося, следовательно, невосполнимый ущерб независимости и беспристрастности суда** и, если говорить более общими словами, **его способности обеспечить справедливое судебное разбирательство**. Ввиду изложенного Европейский Суд приходит к выводу о том, что приговор от 24 декабря 2012

г. имел преюдициальное значение для уголовного дела против заявителей, а **упоминание этого приговора в приговоре по делу заявителей даже без прямого использования его в качестве обоснования только подчеркнуло этот эффект** (§ 108). Равным образом Европейский Суд полагает, что разделение производства по делам, особенно осуждение Х. с использованием заключения соглашения о сотрудничестве и упрощенного производства по делу, скомпрометировало его способности как свидетеля в деле заявителей. Как отмечено выше, осуждение Х. **было основано на версии событий, сформулированной стороной обвинения и обвиняемым в ходе процедуры заключения соглашения о сотрудничестве, и не требовалось, чтобы эта версия была проверена или подтверждена другими доказательствами.** Выступая позднее в качестве свидетеля, Х. был **вынужден повторить свои показания**, данные им в качестве обвиняемого в ходе заключения соглашения о сотрудничестве. Действительно, если бы во время судебного разбирательства по делу заявителей предыдущие показания Х. были бы признаны **ложными, приговор, основанный на соглашении о сотрудничестве, мог бы быть отменен**, лишив Х., таким образом, достигнутого им в ходе переговоров с властями смягчения приговора. Более того, позволив огласить в судебном заседании данные ранее показания Х. до того, как сторона защиты могла бы подвергнуть Х. перекрестному допросу, **суд мог создать у независимого наблюдателя впечатление**, что он побуждал свидетеля придерживаться определенной версии событий. Все вышеизложенное подтверждает довод заявителей о том, что процедура, в ходе которой от Х. были получены показания и использованы в судебном разбирательстве по делу самих заявителей, **предполагала наличие манипуляций, несовместимых с понятием справедливого судебного разбирательства** (§ 109)».

4.9.2 **Вывод.** Когда в отсутствие Жертвы выносятся судебные решения, как это **обычно** делается при назначении ПММХ, то **последующие рассмотрения становятся абсолютно бессмысленными**, поскольку в этом случае необходимо разбираться с тем, что не было установлено, то есть доказано, но что все **считают** установленным: достоверность **фантазий «психиатров» в изначальном акте или заключении, переписанные, но не исследованные и не оцененные** в судебном решении. И в этом случае либо надо определять на нары «судей», «прокуроров», «адвокатов» и «психиатров», которые вынесли первоначальное **преступное** решение и освободить Жертву, либо эту Жертву надо прикончить, что мы в моем случае и имеем. Но в любом случае повторим: «... Вопрос, требующий ответа, заключается в справедливости разбирательства в целом, **включая способ получения доказательств.** Это включает **исследование** указанной "незаконности" и, если нарушено другое конвенционное право, **природы установленного нарушения** (§ 82). При определении того, являлось ли разбирательство справедливым в целом, следует учитывать, соблюдались ли права защиты, в частности, **имел ли заявитель возможность оспаривать подлинность доказательств и их использование** (...). Кроме того, **должно учитываться качество доказательства, а именно не ставят ли под сомнение достоверность и правильность доказательства те обстоятельства, при которых оно было получено** (...). Действительно,

если оспаривается достоверность доказательства, наличие справедливых процедур проверки допустимости доказательства приобретает еще более важное значение (§ 83)».

То есть мы еще раз убеждаемся в том, что в российских судах доказательства не исследуются и не оцениваются вообще, поскольку «суд» в России **обслуживает заказчиков** уголовных дел и **не** только бастрыкиных и чаек, но и бондаров, бережицких, понасенков и т.д. Уголовников.

5. В § 52 Постановления ЕСПЧ от 22.02.07 г. по делу «Красуля против Российской Федерации» разъяснено: «Европейский Суд полагает, что заключение эксперта было важным доказательством, которое подкрепляло позицию защиты, избранную заявителем, и которое могло быть решающим при рассмотрении вопроса об уголовном характере деяний, совершенных заявителем. **Довод заявителя в суде кассационной инстанции о том, что заключение эксперта было незаконно отклонено судом первой инстанции, был сформулирован им ясно и четко.** Европейский Суд полагает, что **этот довод требовал точного и ясного ответа.** При

отсутствии такого ответа невозможно определить: либо суд кассационной инстанции просто не выполнил своей обязанности по рассмотрению довода заявителя, либо он намеревался отклонить его, и если имело место последнее, то какими были его мотивы для принятия подобного решения. **Полное молчание** суда кассационной инстанции по вопросу законности отказа в приобщении к доказательствам по делу заключения эксперта **является несовместимым с концепцией справедливого судебного разбирательства, заложенной в основу Статьи 6 Конвенции (...)**».

Я ЕЩЕ РАЗ формулирую ясно и четко недопустимость заключений российских «психиатров».

5.1 Во-первых, акты и заключения российских «психиатров» не отвечают ни одной известной норме закона, хотя «выражение "предусмотрено законом" (...) требует, во-первых, чтобы рассматриваемые действия властей имели основания во внутреннем праве. Одновременно данное положение имеет в виду и качество конкретного закона. Оно **требует**, чтобы закон **был доступен** для заинтересованного лица, которое могло бы **предвидеть последствия его применения** в отношении себя, а также, чтобы закон не противоречил принципу верховенства права» (§ 26 Постановления ЕСПЧ от 24.04.90 г. по делу "Ювиг против Франции"). Поскольку **заключения российских «психиатров» составлены по правилам несуществующего, то есть Галлюцинаторного, НЕДОСТУПНОГО «законодательства»**, поэтому это значит, что они незаконны и не отвечают принципу верховенства права.

5.2 Во-вторых, в заключениях нет подробного и четкого ОПИСАНИЯ приписываемых Жертвам симптомов и синдромов языком, понятным лицам, не обладающим психиатрическими познаниями и **в заключениях НЕТ разъяснения психиатрической терминологии**, то есть они не отвечают требованиям самой психиатрии, а поэтому они не обоснованы. Заключения российских «психиатров» - это набор **малоинформативных штампов**, не наполненных **смысловым** содержанием, поскольку из заключений невозможно понять **признаки** симптомов и синдромов, которые бы имели отношение к Жертвам. А тот факт, что заключения не подтверждаются вообще **ни одним** доказательством, свидетельствует об их абсурдности. Отсутствие в заключениях разъяснения применяемой психиатрической терминологии и является неопровержимым доказательством отсутствия у «психиатров» медицинского образования, то есть совокупности **знаний**, позволяющих решать специальные вопросы. «Психиатры» применяют психиатрические термины как неологизмы, вкладывая в них не соответствующий применяемым терминам смысл, то есть паранойяльный. Они не знают и не понимают смысл применяемых терминов и это неопровержимо доказывает составленный мной словарь на основании разной **научной** литературы, который я прошу учитывать при вынесении решения по существу.

5.2.1 Что же касается моего случая и приписанного мне диагноза, то, говоря о бреде, следует иметь в виду, что «бредом называются ложные **суждения и умозаключения**, возникающие в результате болезненного процесса, овладевающие сознанием больного и **не поддающиеся разубеждению** (коррекции)» (стр. 102). Более полно вопрос о бреде мной рассмотрен в Возражениях № 2544 на шизофренические фантазии Кофаровой Ф.А., где **приведена и основная законодательная база** (<https://cloud.mail.ru/public/41Bq/6DzaEs8AJ>). Однако фактом является то, что при решении вопроса о бреде должны быть: 1. речь Жертвы; 2. доводы психиатра, то есть опять-таки его речь. Если ничего этого нет, то ни о каком бреде не может быть и речи. Мало того, речь Жертвы и доводы психиатра **должны** быть **составной частью** заключения, как это опять-таки предписано ч. 2 ст. 8, ч. 3 ст. 25 Закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ».

5.3 В-третьих, при назначении судебно-психиатрической экспертизы **меняется природа правоотношений**, а значит и законодательная база. УПК РФ вообще не учитывает правосубъектность лиц, страдающих психическими расстройствами, в связи с чем не отвечает требованиям ст. 6 Всеобщей декларации, ст. 16 Пакта, п. 1 «а» Принципа 13. Но так как лица, страдающие психическими расстройствами **имеют в силу своей природы специальный правовой статус**, поэтому на них в полной мере распространяется разъяснение Конституционного Суда, выраженное в абзаце 5 п. 2 мот. части Определения КС № 439-О от 08.11.05 г.: «О безусловном приоритете норм уголовно-процессуального законодательства **НЕ МОЖЕТ ИДТИ РЕЧЬ и в случаях, когда в иных** (помимо Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, закрепляющего общие правила уголовного судопроизводства) законодательных актах

устанавливаются дополнительные гарантии прав и законных интересов отдельных категорий лиц, обусловленные в том числе их особым правовым статусом. В силу статьи 18 Конституции Российской Федерации, согласно которой права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими и определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием, **разрешение в процессе правоприменения коллизий между различными правовыми актами должно осуществляться исходя из того, какой из этих актов предусматривает больший объем прав и свобод граждан и устанавливает более широкие их гарантии».**

5.4 В-четвертых, если мы говорим о юридической помощи, то как только в отношении кого-либо вынесено постановление о назначении судебно-психиатрической экспертизы, то **автоматически** к делу **должен** быть привлечен законный представитель из числа лиц, указанных в п. 4 ст. 5 УПК РФ и личный представитель **по желанию Жертвы**, как то прямо предусмотрено п. 3 Принципа 11, п. 3 Принципа 12, ч. 1 ст. 7 Закона «О психиатрической помощи...». Меняется и природа правоспособности адвоката, которым может быть любое квалифицированное лицо, о чем сказано в п. 1.12.1 данной жалобы. Поэтому при назначении 18.07.14 г. мне амбулаторной судебно-психиатрической экспертизы в качестве моего законного представителя **должна** была быть допущена моя дочь в силу ст. 16, п. 4 ст. 5, ст. 437 УПК РФ, а в качестве моего личного адвоката **должна** была быть допущена Иванова Ирина Александровна в силу ч. 3 ст. 1, ч. 3 ст. 1, ст. 438 УПК РФ, п. 3 ст. 2, п. 1 ст. 14, п.п. 3 «b», «d» ст. 14 Пакта, п. 1 ст. 9, п. 3 «с» ст. 9 Декларации о праве, п. 1 ст. 6, п. 3 «с» ст. 6, ст. 13 Конвенции, ч. 2 ст. 45, ч. 1 ст. 46, ст. 48 Конституции РФ. Если следственные и судебные органы в моем защитнике Ивановой И.А. что-то не устраивало, то им никто не мешал назначить адвоката по **их** выбору. Но меня **моего выбора** НЕ ИМЕЛ ПРАВА лишать ник-то! Также к делу **должен** был быть привлечен и личный представитель по моему выбору из числа близких лиц, указанных в п. 3 ст. 5 УПК РФ, что предусмотрено п. 2 Принципа 12.

5.4.1 Право лиц, страдающих психическими расстройствами, на получение помощи защитника у нас регулируется п. 6 Принципа 1, п.п. 3, 16 Принципа 11, п.п. 2, 3 Принципа 12, п. 1 «с» Принципа 13, п. 2 Принципа 16, п. 7 Принципа 17, Принципами 18, 19; п. 9 ч. 2 ст. 5, ст.ст. 7, 12, п. 6 ч. 1 ст. 16, ч.ч. 2-5 ст. 23, абзацами 1, 4-7 ст. 39 Закона «О психиатрической помощи...», а также Принципами 17, 18, Свода Принципов и соответствующими нормами Рекомендаций, в частности, п. «i» ст. 33 Рекомендаций в их нормативном единстве. **Нарушение фундаментального права** на защиту является **основанием** для привлечения соответствующего правоприменителя **к уголовной ответственности** по соответствующей норме ст. 285 УК РФ **и его отводу** по основаниям **прямой** заинтересованности в исходе дела за создание конфликта интересов, что прямо предусмотрено ч. 2 ст. 25 УК РФ, ч. 2 ст. 61 УПК РФ, п.п. 1, 2, 4 ст. 3, ч. 1 ст. 10, ч. 5.1 ст. 11 (теперь ч. 5) Закона «О противодействии коррупции», ч. 2 ст. 3 Закона «О статусе судей в РФ», ч. 5 ст. 11 Закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части установления обязанности лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц сообщать о возникновении личной заинтересованности, которая приводит или может привести к конфликту интересов, и принимать меры по предотвращению или урегулированию конфликта интересов» в их нормативном единстве.

А если еще взять во внимание **срок** лишения свободы и личной неприкосновенности, то именно этот срок определяет ПРАВИЛА ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА, **независимо от оснований для лишения свободы**, тем более, что согласно ст. 103 УК РФ один день нахождения в психиатрическом стационаре приравнивается к одному дню лишения свободы.

5.4.2 Вопрос об **обязательности** участия защитника при помещении Жертв в психиатрические стационары был рассмотрен ЕСПЧ 05.02.15 г. по делу «Мифобова против Российской Федерации». А поскольку заключение является **основным доказательством**, на основании которого Жертв лишают свободы и личной неприкосновенности, поэтому участие избранного защитника при получении этого заключения является обязательным (<https://cloud.mail.ru/public/HJrz/9R2RR6R64>).

В Постановлении от 19.02.15 г. по делу «M.S. против Хорварии (№ 2)» ЕСПЧ

нарушение п. 1 «е» ст. 5 Конвенции увидел в том, что районный суд назначил бесплатного адвоката для представления интересов заявительницы в деле о недобровольном заключении в клинику. Однако он не встречался с заявительницей, не давал ей юридических консультаций, не делал в суде заявлений от ее имени и выступал в качестве пассивного наблюдателя во время слушаний. Простое назначение адвоката, без оказания им реальной юридической помощи, не удовлетворяет требованиям необходимой "юридической помощи" для лиц, лишенных свободы только на основании того, что они являются "душевнобольными". Эффективное юридическое представительство интересов лиц с ограниченными возможностями требует выполнения расширенных обязанностей по надзору за их законными представителями со стороны компетентных внутригосударственных судов. Несмотря на то, что внутригосударственные власти знали о бездействии адвоката, они не принимали надлежащих мер для обеспечения эффективного юридического представительства интересов заявительницы. Кроме того, хотя судья, проводивший разбирательство дела, посетил заявительницу в клинике, он не произвел соответствующих корректировок для обеспечения ее эффективного доступа к правосудию, таких как информирование о ее правах или рассмотрение возможности ее участия в слушаниях. В этом отношении отсутствовало какое-либо веское основание для исключения участия заявительницы в слушании. Учитывая ряд недостатков в процедуре недобровольной госпитализации заявительницы, Европейский Суд пришел к выводу, что власти государства-ответчика не выполнили необходимых процедурных требований согласно статье 5 Конвенции.

5.4.3 Так как при решении вопроса о психическом состоянии предметом оценки является отношение человека к инкриминированному уголовно наказуемому деянию (ст. 21 УК РФ) или правонарушению (ст. 2.8 КоАП РФ), то есть к признакам этого деяния (ст. 8 УК РФ, ст. 2.1 КоАП РФ) и **соответствующим** доказательствам, обосновывающим эти признаки, в чем может разбираться **только** специалист, поэтому эти вопросы эксперты **должны** обсуждать не с подэкспертным, а с его защитником или привлекаемым специалистом. Именно на защитника или привлекаемого специалиста может быть возложена обязанность высказать свое мнение по инкриминированному уголовно наказуемому деянию (правонарушению) и о тех доказательствах, которыми оно обосновывается или опровергается. **Только** в этом случае возможно установление **фактических** обстоятельств дела в рамках проводимых экспертиз.

При этом мы видим, что «юристы» и «психиатры» решили, что они имеют право на невменяемость, а я им **должен** читать лекции по праву и объяснять, что «согласно общепризнанным нормам международного права у обвиняемого **должна** быть **возможность пользоваться** услугами адвоката **с момента** лишения свободы, **причем не только во время допросов** (...). Действительно, справедливость производства по делу требует, чтобы обвиняемый мог получить весь широкий спектр **услуг**, связанных **именно с оказанием правовой помощи**. В связи с этим у адвоката **должна** быть возможность без ограничений **обеспечивать основные аспекты защиты** обвиняемого, как-то: обсуждение дела, организация защиты, сбор доказательств невиновности обвиняемого, подготовка к допросам, оказание поддержки обвиняемому в бедственном положении и проверка условий содержания под стражей (...). Что касается постановления Конституционного Суда Российской Федерации, на которое ссылались власти государства-ответчика, Европейский Суд не согласен с точкой зрения последнего и считает, что это постановление лишь подтверждает провозглашенный УПК РФ принцип, ставя эффективное осуществление этих прав подозреваемым в прямую зависимость от его фактического статуса, а **то, что в отношении него проводятся следственные действия, - это лишь одно из многих указаний на такой статус.** (§§ 164, 165 Постановления ЕСПЧ от 30.04.15 г. по делу «Шамардаков против РФ»).

5.4.4 Что касается общего вопроса участия защитника во время проведения экспертизы, то здесь необходимо учитывать, что экспертиза – это процессуальное действие в силу ст. 2, п. 6 ст. 9 Закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» и поэтому как **во время любого процессуального действия участие защитника является обязательным** и этот защитник **должен** удостоверить правильность составляемого протокола **процессуального действия**, что предусмотрено п. 32 ст. 5, п.п. 5, 6 ч. 1 ст. 53, ч. 2 ст. 53, ст.ст. 164, 166 УПК РФ в их нормативном единстве.

Как только лицо переступает порог экспертного учреждения, то вместе с ним этот порог **должен** переступить и его защитник в силу п. 1 ст. 24, п. 1 ст. 36 Закона «О

государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» как специальных норм, регулирующих специальные правоотношения, а поэтому имеющие большую юридическую силу по сравнению с общими нормами, что разъяснено в абзаце 3 п. 2 мот. части Определения КС № 439-О от 08.11.05 г.: «... **в случае коллизии между различными законами равной юридической силы приоритетными признаются** последующий закон и **закон, который специально предназначен для регулирования соответствующих отношений**».

Поскольку заключения якобы экспертиз по моему делу были получены с нарушением права на защиту, поэтому они юридической силы не имеют по этим формальным основаниям.

5.5 В-пятых, выше я указал (п.п. 2.1-2.1.2), что во время производства экспертизы с участием живых лиц они в силу п. 2 ст. 24 Закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» имеют право задавать вопросы эксперту и давать объяснения. Но объяснения не могут носить абстрактный характер и поэтому в обоснование своих доводов человек имеет право представлять доказательства. Если только человека во время экспертизы лишают права задавать вопросы, давать объяснения и представлять доказательства **в обоснование своих доводов**, то сама экспертиза становится бессмысленной. Она в этом случае не может быть проведена, поскольку **в этом случае не могут быть установлены фактические обстоятельства**. В этом случае экспертиза является фикцией, поскольку у эксперта появляется возможность написать не то, что отражало бы фактические обстоятельства дела, а то, что ему заблагорассудится или ему прикажут. А если еще учесть, что все эти манипуляции документально не оформляются, то для изготовления заведомо ложных заключений созданы все условия, что мы и можем наблюдать. Но то, что нельзя проверить, то не может быть признано и достоверным, что разъяснил Европейский Суд в § 93 Постановления от 12.06.08 г. по делу «Власов против Российской Федерации»: «**Этот доклад имеет небольшое доказательственное значение для Европейского Суда, поскольку он не указывает каких-либо источников информации..., на основании которых он был составлен и эти утверждения могли бы быть проверены**». Тот же смысл имеют и Постановления Европейского суда от 25.06.09 г. по делу «Зайцев против Российской Федерации», § 42; от 27.05.10 г. по делу «Артемьев против Российской Федерации», § 125. То есть, **если официальную информацию проверить нельзя, то она доказательственного значения не имеет**. Между тем в силу п. 2 ст. 8 Закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ»: «Заключение эксперта ДОЛЖНО основываться на положениях, дающих возможность ПРОВЕРИТЬ **ОБОСНОВАННОСТЬ** и **ДОСТОВЕРНОСТЬ** сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных».

В рассматриваемом случае следует учитывать и требования п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ, ч. 2 ст. 69 КАС РФ, которые предусматривают, что показания не могут использоваться в качестве доказательств, если человек не может указать источник своей осведомленности.

5.5.1 Также я повторяю то, что мной объяснено в п. 2.1.1: по вопросам квалификации инкриминированного Жертве уголовно наказуемого деяния объяснения должен давать избранный Жертвой защитник (3.9.1) и эти объяснения должны быть отражены в протоколе (п. 2.1). Во время экспертиз и освидетельствований **должен** вестись протокол хотя бы того «психиатры» или не хотят. Во-первых, это предусмотрено Принципом 26 Свода Принципов, так как задержанием является лишение личной свободы не в результате осуждения за совершение преступления, а арестом является задержание лица, подозреваемого в совершении какого-либо правонарушения или по решению какого-либо органа. Во-вторых, если в Законе «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ», Законе «О психиатрической помощи...» отсутствует норма, регламентирующая в ясных и понятных выражениях порядок проведения экспертизы или освидетельствования, то в силу ч. 1 ст. 6 ГК РФ должна применяться аналогия закона, поскольку не может быть различий в регламентации однородных по своей юридической природе правоотношений, что разъяснено не в одном решении Конституционного Суда РФ. А поэтому экспертизы и освидетельствования должны проводиться по правилам ст.ст. 179, 180 УПК РФ с документальным оформлением, что, кстати, предусмотрено и п. 1 «iii» ст. 19, п. 1 «iv» ст. 19, п. 3 ст. 20 п. 2 «iii» ст. 21 Рекомендаций. Говоря о документальном оформлении я, конечно же, имею в виду отражение мнения Жертвы по предметам, подлежащим доказыванию, что прямо предусмотрено п. 1 «v» ст. 17, п. «iv» ст. 17, п. «iv» ст. 18 Рекомендаций. Тем более это касается уголовного судопроизводства, когда

назначаются ПММХ. Но «психиатры» и «юристы» почему-то это никак не могут понять и при применении ПММХ они уже вообще не могут указать нормы, которыми они руководствуются при проведении освидетельствований, что лишней раз доказывает их полную некомпетентность в вопросах права и тотальный Произвол и Беззаконие, которые учинили «юристы» и «психиатры».

5.6 В-шестых, в силу п. 1 ст. 27 Всеобщей декларации, п. 1 «b» ст. 15 Пакта об экономических правах, Принципа 26 Свода Принципов, п. 3 ст. 2 Пакта, п. 2 Принципа 19, п. 1 ст. 1 Декларации о праве на развитие, п. 1 ст. 9 Декларации о праве, ст. 13 Конвенции, ст. 17, ч. 2 ст. 45 Конституции РФ, п. 7 ч. 2 ст. 5 Закона «О психиатрической помощи...», п. 6 ч. 2 ст. 74, ч. 2 ст. 84, ч. 5 ст. 179 УПК РФ в их нормативном единстве Жертвы имеют право не только на то, чтоб при их общении с психиатрами велся протокол, но и чтоб велась аудио- и видеозапись, что было понятно и выдающемуся советскому Психологу Рубинштейну С.Л. еще в 1946 г.: «Требование фотографичности, **которое технически стали осуществлять в психологии путем использования** не только фотографии, но и **кинематографа, должно означать** не только, а иногда не столько требование полноты, сколько **требование объективности наблюдения, т.е. фиксации фактического материала независимо от объективного его истолкования**» («Основы общей психологии», Питер, 2000 г., стр. 44).

5.6.1 А так как в психиатрических стационарах ведется видеонаблюдение, поэтому отказ Жертве в ведении видеозаписи общения с психиатрами относится уже к дискриминации и преступлению, предусмотренному ст. 136 УК РФ. Я не против того, чтоб подельники Петухова Ю.Л. не попадали в объектив видеокамеры, но **я хочу, чтоб в объективе видеокамеры был я и чтоб суд затем мог наблюдать мое РЕАЛЬНОЕ поведение, которое и является предметом установления и оценки.** Без этих **документальных** подтверждений у суда нет доказательств и возможности вынести обоснованное решение, поскольку согласно ч. 3 ст. 25 Закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ», ч. 3 ст. 204 УПК РФ к заключению **должны** прилагаться материалы, которые это заключение подтверждают. Никакое заключение не может основываться на том, что его не подтверждает и что невозможно проверить, что следует из смысла п. 2 ст. 8 Закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ»: «Заключение эксперта **ДОЛЖНО** основываться на положениях, дающих возможность **ПРОВЕРИТЬ** **ОБОСНОВАННОСТЬ** и **ДОСТОВЕРНОСТЬ** сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных». Обоснованность и достоверность сделанных выводов в заключениях и актах «психиатров» проверить **невозможно**, так как «психиатры» не могут предоставить доказательства, которые бы эти выводы подтверждали, хотя эти доказательства **должны быть** в силу п. 3 ст. 25 Закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ», ч. 3 ст. 204 УПК РФ.

5.6.2 Важность ведения видеозаписи при получении **основного** доказательства установлено ЕСПЧ в Решении от 20.01.05 г. по делу «Аккарди и другие против Италии», Постановлениях от 24.07.08 г. по делу «Владимир Романов против России», § 105; от 05.02.09 г. по делу «Макеев против России», § 42; от 14.01.2010 г. по делу «Мельников против России», § 76; от 24.04.12 г. по делу «Дамир Сибгатуллин против России», § 57 и др. То, что заключение психиатров является основным доказательством для определения психического состояния, разъяснено в § 66 Постановления от 11.12.08 г. по делу «Шулупова против Российской Федерации»: «*Не имея медицинской подготовки, судьи были вынуждены придавать существенное значение мнению экспертов по вопросу, определявшему исход разбирательства. По сути ЭКСПЕРТНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ БЫЛО **ЕДИНСТВЕННЫМ** ДОКАЗАТЕЛЬСТВОМ, подтверждающим точность диагноза, поставленного 10 и 12 февраля 1999 г. Отсюда следует, что эксперты играли преобладающую роль в разбирательстве.*».

5.6.3 В Постановлении от 12.11.15 г. по делу «Сакит Заидов против Азербайджана» ЕСПЧ увидел нарушение права на защиту, когда лишенный свободы ходатайствовал о производстве видеозаписи при его общении с правоприменителями, и такая видеозапись затем представлена не была (§ 53).

5.6.4 Хотя врачи не смогли поставить точный диагноз в связи с тем, что столкнулись с полным отказом обвиняемого сотрудничать в обследовании его психического состояния в любое время, однако ЕСПЧ в Постановлении от 03.03.15 г. по делу «Констанция против Нидерландов» согласился с тем, что заявитель был серьезно психически болен, поскольку в основу своих выводов врачи положили не только материалы уголовного дела, но и аудио- и аудиовизуальные записи допросов. То есть даже если подлежащий обследованию человек не желает общаться с психиатрами, то тех аудиозаписей, где он выражает свое отношение к подлежащим установлению обстоятельствам, может оказаться достаточным, чтоб определить его психическое состояние.

Но это лишний раз доказывает, что ведение аудио- и видеозаписей на современном этапе при получении основного доказательства, является обязательным, а отказ получать эти доказательства самими правоприменителями вообще и психиатрами в частности, свидетельствует о том, что либо они сами некомпетентны, поскольку не смогут дать анализ этим записям, либо они уверены в том, что человек – ЗДО-РО-В и невиновен и поэтому препятствуют в установлении этого!

5.7 В-седьмых, обвиняя меня de facto, но не оформляя мой процессуальный статус de jure, члены Банды Бережицкого С.П., Бармина Ю.В., Житенева Г.Я., Солодовникова С.А., Утемовой Е.Д. и Копыриной М.Н. не только создали конфликт интересов, являющийся основанием для отвода **всем** правоприменителям в криминальной Кировской области, но и создали себе условия для фальсификации доказательств уголовного дела и совершения преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 210, ч. 3 ст. 303 УК РФ. А так как речь идет об изготовлении заведомо ложных заключений, то они **создали условия для совершения преступлений**, предусмотренных ч. 3 ст. 210, ч. 1 ст. 307 УК РФ, за что «экспертам» положено минимум 15 лет лишения свободы.

5.7.1 ВСЕ заключения получены лицами, подлежащими безусловному отводу по основаниям их личной и прямой заинтересованности в исходе дела, поскольку они **механически** переписывали **бездоказательные** утверждения из предыдущих актов и заключений, доказывая, тем самым, наличие конфликта интересов. В последующих заключениях, как правило, учитываются **бездоказательные** фантазии из предыдущих заключений и поэтому чем дальше от первоисточника, тем сложнее установить фактические обстоятельства.

5.7.2 Также необходимо учитывать и то, что КОГКУЗСПБ является филиалом КОГКУЗКОКПБ им. Бехтерева В.М. и находится в прямом подчинении Петухова Ю.Л., прямо заинтересованного в исходе дела, поскольку именно он инициировал изготовление заведомо ложных заключений с 27.12.11 г., в связи с чем все «психиатры» Кировской области подлежали безусловному отводу по основаниям, предусмотренным п. 1 ст. 18 Закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ». А так как «психиатры» ссылались на доказательства, на которые ссылались ранее и эти доказательства опровергаются теми доказательствами, которые я получил в 2013 г., поэтому они подлежат отводу по смыслу Определения КС № 733-О-П от 17.06.08 г. и § 63 Постановления Европейского Суда от 29.07.04 г. по делу «Сан Леонард Бэнд Клуб» против Мальты», то есть по основанию п. 1 ст. 6 Конвенции по объективному критерию, выражающемуся в том, что решение о выставлении мне незаконного и необоснованного диагноза осуществлялось не только откровенно преступными способами, но и в рамках **Банды, связанной коррупционными** связями и **личными интересами**.

5.7.3 Если же мы говорим об отводе экспертов вообще, то для отвода эксперта должны быть основания. Основания для отвода эксперта **могут возникнуть после назначения экспертизы**, однако, **при сложившейся правоприменительной практике** возможность заявления отвода экспертам после назначения экспертизы практически равна нулю. Только в процессе общения с **незнакомым лицом** можно установить основания для отвода, но никак не до общения с ним. При этом повторяю, что в силу ч. 2 ст. 64 УПК РФ, ч. 2 ст. 19 ГПК РФ, ч. 2 ст. 34 КАС РФ заявление отвода

возможно в связи с возникновением для этого оснований. И это необходимо рассматривать в нормативном единстве с **моментом возникновения** конфликта интересов, что предусмотрено ч. 1 ст. 6 ГК РФ, ч. 1 ст. 10, ч. 5 ст. 10 Закона «О противодействии коррупции», ч. 1 ст. 10, ч. 5 ст. 11 Федерального закона № 285-ФЗ от 05.10.15 г., ч. 1 ст. 18 Закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ», ч. 2 ст. 3 Закона «О статусе судей в РФ», абзаца 3 п. 3.3 мот. части Постановления КС № 5-П от 01.03.12 г. в их нормативном единстве.

А это значит, что вопрос об отводе экспертов в России вообще не урегулирован, поскольку **ни один** правоприменитель не может разъяснить **порядок** его заявления. Если об основаниях для отвода хоть с кем-то и о чем-то можно говорить, то **порядок заявления и рассмотрения отвода экспертам в России не известен никому даже теоретически**. У меня появляются большие сомнения, что экспертам заявляли отвод по каким-либо основаниям в ходе производства **самой** экспертизы, а поэтому можно смело утверждать, что **в России никто и никогда не разъяснял Жертвам право на заявление экспертам отводов**. То есть тезис о том, что при назначении экспертиз не разъясняется право на заявление отвода экспертам, можно считать **доказанным**. То есть можно считать доказанным, что в России нет экспертов и юристов, которым было бы известно законодательство об экспертной деятельности, **составной частью** которой является вопрос об отводе.

5.8 В-восьмых, также следует обратить внимание и на то, что если даже следователь выполняет требования ст. 206 УПК РФ и знакомит Жертву и её защитника с заключением экспертизы, то согласно сложившейся преступной так называемой правоприменительной практики, как правило нарушается право Жертвы иметь достаточное время и возможности для подготовки к своей защите, которое Жертве гарантировано п. 3 «б» ст. 14 Пакта, п. 3 «б» ст. 6 Конвенции, ч. 3 ст. 47 УПК РФ. Какой трюк члены Банды Вора, Взяточника и Убийцы Бережицкого С.П., Бармина Ю.В., Житенева Г.Я., Солодовникова С.А., Утемовой Е.Д. и Копыриной М.Н. проделали со мной в рамках фальсифицируемого ими уголовного дела? Они просто не признали меня обвиняемым и лишили прав обвиняемого. Они написали, что я совершил преступление, однако они не привели мой процессуальный статус в соответствии с тем, что сами же и написали. В п. 68 Решения от 28.10.94 г. по делу «Маргарет Мюррей и другие против Соединенного Королевства» Европейский Суд постановил: **«Для соблюдения обязательств по Конвенции важно существо, а не форма»**. Тот же смысл заложен и в § 29 Постановления от 24.04.1990 г. по делу «Крюслен против Франции»: «Суд всегда понимал и понимает термин «закон» в его «сущностном», а не «формальном» смысле. Он включает как акты более низкой категории, чем закон (...), так и неписаное право. (...) **В сфере действия писаного права «законом» является действующий правовой акт, как он истолкован компетентным судебным органом в свете новых практических обстоятельств»**.

5.8.1 Вопросы толкования и применения норм действующего законодательства также достаточно ясно рассмотрены, например, в §§ 59, 60 Постановления ЕСПЧ от 15.01.15 г. по делу «Юрий Рудаков против Российской Федерации», п. 2 мот. части Постановления КС № 22-П от 16.07.15 г., но мы с сожалением должны констатировать, что так как российских «судей», то есть всех «правоприменителей» не обучают толковать подлежащие применению нормы действующего законодательства, как это делали еще древние: *lex est, quod notamus* – закон – это то, что мы отмечаем, то есть их не обучают проявлять признаки даже примитивного интеллекта, поэтому не развивается ни право, ни судебная власть ни само законотворчество.

5.8.2 Я имел удовольствие наблюдать, как в судебном процессе сторона защиты представляла доказательства. И когда она доказательства все-таки предоставляла, то прокуроры **всегда** просили отложить рассмотрение дела, чтоб по представленным доказательствам **иметь возможность** выразить свое мнение. Но когда доказательства предоставляли «прокуроры», то права на достаточное время и возможности для подготовки к своей защите стороне защиты уже не требовалось. **В любом** случае, ознакомившись с текстом, человек **должен** иметь **возможность** его осмыслить. Но для криминальной российской власти все её оппоненты – это уже не люди. Им можно всучить какой-либо документ без предоставления времени и возможности его осмыслить, а потом утверждать, что по этому документу человек высказал адекватное мнение, хотя

последующее мнение может быть и иным.

5.8.3 Что же касается моего случая, то поскольку «эксперты» пришли к «выводу» о том, что я не могу участвовать ни в следственных действиях, ни в суде, поэтому с заключением от 12.11.14 г. я смог ознакомиться только после направления дела в суд.

6. Таким образом, заключения кировских «психиатров» недопустимы как доказательства и не имеют юридической силы по основаниям, предусмотренным ч. 3 ст. 49, ч. 2 ст. 50 Конституции РФ, ч. 1 ст. 75, п.п. 2, 3 ч. 2 ст. 75 УПК РФ, ст. 186 ГПК РФ, поскольку они **получены в нарушение установленного законом порядка и с нарушением ВСЕХ моих прав**, которые «психиатры» и «юристы» сформулировать НЕСПОСОБНЫ. **Важнейшим, конечно, является то, что нигде нет опровержения моих доводов по предметам, подлежащим доказыванию.**

6.1 В силу 16 ППВС ПФ № 8 от 31.10.95 г. «О некоторых вопросах применения судами Конституции РФ при осуществлении правосудия» (в ред. ППВС РФ от 06.02.2007 N 5, от 16.04.2013 N 9): «Обратить внимание судов на необходимость выполнения конституционного положения о том, что при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона (ч. 2 ст. 50 Конституции Российской Федерации), а также выполнения требований ст. 75 УПК РФ, в силу которой доказательства, полученные с нарушением уголовно-процессуального законодательства, не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения.

Разъяснить, что доказательства **должны** признаваться полученными с нарушением закона, **если при их собирании и закреплении были нарушены** гарантированные Конституцией Российской Федерации **права человека и гражданина или установленный уголовно-процессуальным законодательством порядок их собирания и закрепления**, а также если собирание и закрепление доказательств осуществлено ненадлежащим лицом или органом либо в результате действий, не предусмотренных процессуальными нормами».

6.2 В силу п. 11 ППВС РФ № 21 от 27.06.13 г. «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней»: «Обратить внимание судов на то, что решения, действия (бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, в том числе дознавателя, следователя, руководителя следственного органа и прокурора, государственного или муниципального служащего, **должны** соответствовать не только законодательству Российской Федерации, но и общепризнанным принципам и нормам международного права, международным договорам Российской Федерации, включая Конвенцию и Протоколы к ней в толковании Европейского Суда (часть 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации, часть 2 статьи 1 и часть 4 статьи 11 ГПК РФ, часть 3 статьи 1 УПК РФ, часть 2 статьи 1.1 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации). Например, **доказательства по делу являются недопустимыми как в случае их получения в нарушение положений процессуального законодательства Российской Федерации, так и в случае их получения с нарушением Конвенции или Протоколов к ней в толковании Европейского Суда**».

6.3 Также необходимо учитывать доводы ЕСПЧ, выраженные в § 71 Постановления от 11.10.07 г. по делу «Насруллоев против Российской Федерации», где он пришел к выводу о том, что «если речь идет об ограничении свободы, особенно важно, чтобы соблюдался общий принцип правовой определенности. Закрепляя, что **любое** ограничение свободы должно осуществляться в соответствии с "предусмотренной законом процедурой", **пункт 1 Статьи 5** Конвенции не просто отсылает ко внутригосударственному праву. Как и содержащиеся в **пунктах 2 Статей 8 - 11** Конвенции выражения "в соответствии с законом" и "предусмотрено законом", она (**Статья 5**) также подразумевает и "качество закона", требуя, чтобы он отвечал принципу верховенства права - концепции, содержащейся во всех положениях **Конвенции**. "Качество закона" в этом смысле подразумевает, что если внутригосударственное право разрешает лишение свободы, оно должно быть достаточно доступным, точно сформулированным и позволяющим предвидеть последствия его применения, чтобы избежать любого риска произвола».

6.3.1 Поскольку **никто** не желает устанавливать объем и содержание прав и обязанностей участников правоотношений, называемых «экспертизой» и «освидетельствованием», **которые проводят российские «психиатры» в конспиративных условиях**, поэтому можно утверждать, что российское законодательство не отвечает требованиям правовой определенности и не соответствует стандарту «качества закона», требуемому Конвенцией (§ 128 Постановления от 19.06.08 г. по делу «Рябкин против Российской Федерации») в связи с тем, что не позволяет Жертвам предвидеть последствия его применения и позволяет не пресекать, а поощрять **любой произвол и фальсификацию** доказательств. А поскольку судебные процессы в нарушение, например, § 162 Постановления ЕСПЧ от 20.06.13 г. по делу «Сидиковы против РФ», § 131 Постановления от 19.06.08 г. по делу «Рябкин против Российской Федерации» проводятся не только не с надлежащей тщательностью, поэтому это позволяет лишать свободы **любого** невинного и **любого** психически здорового человека объявлять Невменяемым, так как мнение Жертвы вообще никого не интересует и нарушение **права на мнение**, гарантированное ст. 19 Всеобщей декларации, п. 6 «b» Декларации, п.п. 1, 2 ст. 19 Пакта, п. 1 ст. 10 Конвенции, п. 1 «v» ст. 17, п. 2 «iv» ст. 17, п. «iv» ст. 18, п. 1 «i» ст. 20, п. 2 «i» ст. 20 Рекомендаций, ч.ч. 1, 3 ст. 29 Конституции РФ – является нормой, **хотя ВСЕ эти нормы являются составной частью российского законодательства и имеют большую юридическую силу.**

6.3.2 «Юристы» как бы не понимают, что статья 6 Конвенции предусматривает проведение судебного разбирательства в течение разумного срока, но она также устанавливает более общий принцип **надлежащего** отправления правосудия (§ 39 Постановления ЕСПЧ от 12.10.92 г. по делу "Боддаерт против Бельгии"). При этом **фактическое препятствие может противоречить положениям Конвенции так же, как и правовое препятствие** (§ 25 Постановления ЕСПЧ от 09.10.79 г. по делу "Эйри против Ирландии"). Также необходимо иметь в виду, что содержание под стражей может подпадать под один или два подпункта п. 1 ст. 5 Конвенции одновременно (§ 143 Постановления ЕСПЧ от 19.03.09 г. по делу "Полонский против Российской Федерации"). Если основания для лишения свободы являются "относимыми" и "достаточными", Европейский Суд должен убедиться также, что компетентные внутригосударственные органы **проявили "особую тщательность" в проведении разбирательства** (§§ 152 – 153 Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делу "Лабита против Италии"). Власти **обязаны** обеспечить **убедительное обоснование** ЛЮБОГО периода содержания под стражей, каким бы коротким он ни был (§ 66 Постановления ЕСПЧ по делу "Шишков против Болгарии"). При решении вопроса об освобождении лица или его заключении под стражу власти имеют **обязательство** рассмотрения альтернативных мер обеспечения его явки в суд (§ 83 Постановления ЕСПЧ от 21.12.2000 г. по делу "Яблоньский против Польши").

6.3.3 В § 57 Постановления от 12.11.15 г. по делу «Сакит Заидов против Азербайджана» ЕСПЧ увидел нарушение справедливого разбирательства дела в том, что «заявителю не была предоставлена возможность поднять данный вопрос, так как его претензии на этот счет не были рассмотрены национальными судами без приведения соответствующего обоснования».

Судебно-психиатрическая якобы экспертиза в КОГКУЗКОКПБ им. Бехтерева В.М.

7. Решая вопрос о законности получения заключения «психиатров» в КОГКУЗКОКПБ им. Бехтерева В.М., необходимо вновь рассмотреть вопрос о законности его получения. 02.10.14 г. откровенно преступное постановление Потерпевшего Трухина С.А. вступило якобы в законную силу.

20.10.14 г. в нарушение установленного законом порядка я с нарушением прав на защиту и эффективные средства правовой защиты незаконно был арестован Особо Опасными Преступниками «полицейскими» Кальсиным С.Н., Лебедевым А.Ю. и приставом Гребеневым А.В. Так как мой арест производился в рамках уголовного судопроизводства, поэтому **в момент** его осуществления (да если бы было и задержание) мне **обязаны**

были предоставить защитника, как того **требуется** ч. 2 ст. 48 Конституции РФ. Это требование было нарушено, а значит, что сам арест был произведен откровенно преступными способами, а Особо Опасные Преступники Кальсин С.Н., Лебедев А.Ю. и Гребенев А.В. нагло совершили в отношении меня, как минимум, преступления, предусмотренные, ч. 3 ст. 210, ч. 3 ст. 285, ст. 315 УК РФ, поскольку решили, что можно **злобно не исполнять требования** ЕСПЧ, выраженные в § 50 Постановления ЕСПЧ от 25.06.96 г. по делу «Амуур против Франции»: «В том случае, когда предметом рассмотрения является "законность" содержания под стражей, включая вопрос о том, был ли соблюден "порядок, установленный законом", Конвенция ссылается главным образом на национальное законодательство и устанавливает **обязанность** государства-ответчика соблюдать материальные и процессуальные положения национального законодательства, однако она, кроме того, **требуется**, чтобы **всякое лишение свободы** производилось с соблюдением требований **статьи 5** Конвенции, **что защищает граждан от произвола властей**». **Аресты и задержания граждан в России с нарушением права на защиту являются системной проблемой и отражают всю суть криминального режима.**

7.1 В нарушение Принципа 13 Свода Принципов, п. 1 ст. 22, п. «i» ст. 33 Рекомендаций мне не были разъяснены права и как я мог осуществить эти права. То есть сам арест проводился откровенно **преступными** способами с совершением, как минимум, преступления, предусмотренного ст. 140 УК РФ. Мой арест и лишение меня права на доступ к информации о моих правах и порядке их осуществления можно посмотреть здесь: <https://youtu.be/RtRx4ae8Dts>, <https://youtu.be/Uyz2O30d0LQ>.

7.2 Для достижения преступной цели нарушения моего права на недопустимость произвольного посягательства на жилище и тайну корреспонденции, гарантированное ст. 12 Всеобщей декларации, ст. 17 Пакта, ст. 8 Конвенции, ст.ст. 23, 25 Конституции РФ, члены Банды Бармина Ю.В., Бережицкого С.П., Житенева Г.Я., Солодовникова С.А., Утемовой Е.Д. и Копыриной М.Н. в нарушение ч.ч. 2, 3 ст. 160 УПК РФ не приняли меры к обеспечению сохранности моего имущества и жилища и незаконно передали их **своей подельнице** Воровке Шевченко Г.П., чем совершили преступления, предусмотренные ч. 3 ст. 210, ст. 138, ч. 3 ст. 139 УК РФ.

7.3 Когда Кальсин С.Н. и Лебедев А.Ю. меня доставили в 16-ое отделение КОГКУЗКОКПБ им. Бехтерева В.М., где меня принял его заведующий Великоречин Дмитрий Владимирович, то он в нарушение п. 2 ст. 32 Закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ», ч. 4 ст. 2, п. 2 ч. 2 ст. 5, ч. 2 ст. 11, ч. 1 ст. 37 Закона «О психиатрической помощи...», п. 2 Принципа 11, п. 1 Принципа 12, п. 1 ст. 22, , п. «i» ст. 33 Рекомендаций, п. 2 ст. 5 Конвенции в их нормативном единстве не разъяснил мне основания и цели лишения меня свободы и личной неприкосновенности, а также **все** мои права и порядок их осуществления **в письменной форме**. Эту же информацию он **должен** был предоставить моим личным представителям, как то предусмотрено п. 6 ст. 20, п. 2 «ii» ст. 21, п. 3 ст. 22 Рекомендаций, в их нормативном единстве. Новикова Ю.В., Кальсин С.Н. и Лебедев А.Ю. **обязаны** были сообщить о лишении меня свободы и личной неприкосновенности моим представителям и личным адвокатам в силу п. 4 ст. 29 Закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ». Ничего этого сделано не было потому, что Вор, Взятчик и Убийца Бережицкий С.П. со своей сподручной Тулуповой Е.Б. и Особо Опасным Преступником Утемовой Е.Д. этот же номер позволили проделать со мной в КОГКУЗСПБ 05.08.14 г., а также 27.12.11 г. с не имеющим медицинского образования ярко выраженным Уголовником Петуховым Ю.Л. То есть это говорит о **системе** совершения преступлений в отношении меня. Впрочем, как и в отношении других, находящихся в моем положении.

7.4 В силу п. 2 ст. 32 Закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ», п. 2 ч. 2 ст. 5, ч. 2 ст. 11 Закона «О психиатрической помощи...», п. 2 Принципа 11, п. 1 «v» ст. 17, п. 2 «iv» ст. 17, п. «iv» ст. 18 Рекомендаций в их нормативном единстве Великоречин Д.В. **обязан** был получить от меня согласие на лишение меня свободы и личной неприкосновенности, предоставить на **понятном** мне

языке, то есть как лицу, не обладающему психиатрическими познаниями **достаточную и ясную** информацию о признаках моей болезни, целях, методах, включая альтернативные, вероятной продолжительности и ожидаемых результатах предполагаемого лечения и т.д. И **всё это** он **обязан** был документально оформить, как это прямо предусмотрено п. 2 ч. 2 ст. 5, ч. 2 ст. 11, ч. 1 ст. 37 Закона «О психиатрической помощи...», п. 1 «iv» ст. 19, п. 3 ст. 20, п. 2 «iii» ст. 21 Рекомендаций, Принципом 26 Свода Принципов в их нормативном единстве. Об этом обо всем подельники **должны** были известить моих представителей, как это предусмотрено п. 2 Принципа 16, п. 6 ст. 20 Рекомендаций. Ничего этого сделано не было.

7.5 Творящиеся в психиатрических стационарах криминальной Кировской области (как и по всей России) Беззаконие и Произвол обусловлены тем, что законодательство о психиатрии не знают не только медработники этих стационаров, но и «судьи», и «прокуроры», и «адвокаты». В Кировской области (как и по всей России) собран юридический полуобразованный Сброд и только потому, что судебную власть там возглавляет не имеющий юридического образования Коррупционер Бармин Ю.В., а прокуратуру возглавлял Вор, Взяточник и Убийца Бережицкий С.П. с абсолютным Отморозком Тулуповой Е.Б., адвокатуру возглавляет полуобразованное Существо Копырина Марина Николаевна, а Департамент здравоохранения возглавляет Невменяемая Утемова Е.Д., **которые неспособны отвечать по существу поставленных вопросов**. Достаточно было назначить в качестве руководителей этих Уголовников и на законности можно поставить крест. О какой законности можно говорить, если информационный стенд в КОГКУЗКОКПБ им. Бехтерева В.М. (как и везде по России) был оформлен законом «О психиатрической помощи...» 1992 г. издания? Там не было **ни одного** международного документа! О Приказах и Инструкциях говорить вообще не приходится, поскольку их никто и никогда не читал. Ведь кого вокруг себя собирают перечисленные Нелюди? Они же собирают вокруг себя себе подобных Безмозглых родственников и знакомых, которыми легче управлять, поскольку им в узде надо держать не только Жертв, но и младший медперсонал, который они Грабили примерно на 30 %. Мало того, что они Жертв кормили как свиней (в Нижегородской области дела обстоят еще хуже), что закономерно при отсутствии знаний у Жертв о своих правах, так еще с ними и обращаются как с Животными. Там не знают, что такое исполнение ни преамбулы Закона «О психиатрической помощи...», ни ч. 2 ст. 1, гарантирующие лицам, страдающим психическими расстройствами гуманизм и соблюдение прав человека и гражданина. Там вообще нет людей!!!!!! Там есть только Больные, которые воспринимаются как Животные **и к которым соответствующее отношение**. Этих Животных содержат в бесчеловечных условиях, запрещенных ст. 5 Всеобщей декларации, ст. 7 Пакта, ст. 3 Конвенции, ч. 2 ст. 21 Конституции РФ и в этом участвует уполномоченный по якобы правам человека (как везде по России).

7.6 Что же касается самой «экспертизы» в КОГКУЗКОКПБ им. Бехтерева В.М., то общаться со мной начал заведующий 16-м отделением Великоречин Д.В. **Он и я записывали наше общение на диктофоны** (<https://cloud.mail.ru/public/FTFU/LJMuT6g3i>), однако за неделю до выписки Великоречин Д.В. объявил мне, что он здесь больше не работает и вести меня будет новый врач. Этим «врачом» стал Неганов Алексей Анатольевич, с которым я **не общался ни разу**. «Психолог» Потапова Е.Н. со мной **общаться отказалась**, так как я стал наше общение записывать на диктофоны и пришел к ней с «Психологическое тестирование» Анны Анастаси и Сьюзан Урбины (Питер, 2006 г.), «Словарь-справочник по психодиагностике» Бурлачук Л.Ф. (Питер, 2008 г.) и «Словарь-справочник по психоанализу» Лейбина В.М. (Питер, 2001 г.). У меня были еще СОТНИ книг в электронной форме и я предложил Потаповой Е.Н. обсудить те тесты, которые она намерена была применить (<https://cloud.mail.ru/public/KQbZ/tBo6BCY4Z>, <https://cloud.mail.ru/public/jQ5H/mMXyj2v4i>). **Но она почему-то не захотела продолжать наше общение**. 12.11.14 г. собралась комиссия и **в пожарном порядке** провели «экспертизу». Исупов Анатолий Васильевич мне отказал в ведении аудиозаписи и участии защитника, посчитав, что в этом нет

необходимости и меня отправили домой. **Отвод рассматривать не стали, хотя речь об отводе я вел и до «экспертизы».** ВСЁ!!! После этого родилось заведомо ложное заключение № 197, **Шизофренические фантазии которого в нарушение ч. 3 ст. 204 УПК РФ не имеют документального подтверждения** со стороны «психиатров», но которые **опровергаются имеющимися у меня аудиозаписями и той письменной продукцией, которую я написал в КОГКУЗКОКПБ им. Бехтерева В.М.** (<https://cloud.mail.ru/public/MxA3/gqihhYdXc>). В этом заключении Негодяи пришли к Коррупционному выводу о том, что я не могу участвовать ни в следственных действиях, ни в суде и поэтому **«следствие» было проведено без моего участия.** Меня на стадии предварительного следствия лишили права ознакомиться не только с заведомо ложным заключением № 197, но и с материалами уголовного дела.

Повторяю еще раз: **Шизофренические фантазии заключения № 197 не имеют документального подтверждения,** но они **опровергаются имеющимися у меня аудиозаписями и той письменной продукцией, которую я написал в КОГКУЗКОКПБ им. Бехтерева В.М.,** иском № 2371, жалобами № 2386, № 2379, № 2393 и другой письменной продукцией.

Российские «психиатры» пишут свои акты и заключения с таким расчетом, что им не будет дана оценка на предмет допустимости, достоверности и достаточности ни судом, ни прокуратурой, ни навязываемыми «адвокатами», ни навязываемыми «законными представителями». **Это обязательное и неременное условие.**

7.7 Затем на стадии предварительного следствия в нарушение п. 6 ч. 1 ст. 198, ст. 206 УПК РФ, п. 58 Решения ЕСПЧ от 24.10.**1974** г. по делу «Винтерверп против Нидерландов» меня лишили права на ознакомление с заключением № 197 и выразить о нем свое мнение, то есть комментировать его или возражать против него, а также ходатайствовать о производстве повторной или дополнительной экспертизы. Банде кировских криминальных авторитетов Бармина Ю.В., Вора, Взятчика и Убийцы Бережицкого С.П., абсолютному Отморозку Тулуповой Е.Б., Житенева Г.В., Солодовникова С.А., Утемовой Е.Д. и не имеющей юридического образования Копыриной М.Н. этого показалось мало и они решили незаконно поместить меня 15.12.14 г. в КОГБУЗКОКПБ к Убийце Огорельцеву А.В., который 02.01.15 г. сверхдозами галоперидола УБИЛ Борисихина Олега Геннадьевича (<https://cloud.mail.ru/public/FM1Y/wXBbDsfMp>).

Последствия выставления диагноза.

8. 12.12.14 г. организованная преступная группа в составе действующих под видом судьи Яранского райсуда Потерпевшего Манылова В.А., прокурора Арбажского района Корюкова Д.В., следователя Новиковой Ю.В., адвоката Неупокоева В.А. и законного представителя Чумаровой И.Н. с нарушением правил подсудности в г. Яранске приняли решение о помещении меня в КОГКУЗКОКПБ к Убийце Борисихина Олега Геннадьевича Огорельцеву А.В. (<https://cloud.mail.ru/public/FM1Y/wXBbDsfMp>). Для достижения преступной цели **незаконного** лишения меня свободы и личной неприкосновенности никто заключение судебно-психиатрической якобы экспертизы № 197 от 12.11.14 г. исследовать и оценивать не стал. Достаточно было мнений о том, что мое место должно было быть в КОГКУЗКОКПБ. Однако в любом случае имплицитно было признано, что заключение № 197 от 12.11.14 г. является доказательством и допустимым, и достоверным, и достаточным, несмотря на отсутствие моего мнения об этом заключении, то есть, несмотря на очевидные нарушения и принципа состязательности и равноправия сторон, гарантированного мне п. 1 ст. 14 Пакта, п. 1 ст. 6 Конвенции в интерпретации § 30 Решения Европейского Суда от 20.02.96 г. по делу «Вермюлен против Бельгии», и права на защиту, поскольку и Неупокоев В.А., и Чумарова И.Н. не были выразителями моей воли. То есть они действовали не в моих интересах и в нарушение п. «b» Принципа 13, Принципов 14, 15 Основных принципов, касающихся роли юристов, принятых ООН, а значит, в нарушение п. 1 ст. 14, п.п. 3 «b», «d» ст. 14 Пакта, п. 1 ст. 6, п. 3 «с» ст. 6 Конвенции. Мало того, Чумарова И.Н. высказала пожелание о помещении меня в психиатрический стационар, то есть о лишении меня свободы и личной

неприкосновенности и это, по мнению «судьи» Манылова В.А., «прокурора» Корюкова Д.А., «следователя» Новиковой Ю.В. и «адвоката» Неупокоева В.А., была юридическая помощь и действие в моих интересах. Поэтому необходимо напомнить о доводах КПЧ, выраженных в Сообщении № 289/1988 от 26.03.92 г. по делу «Вольф против Панамы», где он напомнил, что концепция справедливого судебного разбирательства «должна толковаться с учетом того, что эта концепция требует выполнения ряда условий, таких, как равенство состязательных возможностей и состязательный характер разбирательства... Эти условия не считаются выполненными, когда обвиняемого лишают возможности лично присутствовать на процессе **или когда он не может ДОЛЖНЫМ ОБРАЗОМ проинструктировать своего полномочного представителя**». Мне назначают «адвокатов» с таким условием, что я лишен возможности через них представить суду свою позицию по делу, хотя **«лица, пользующиеся помощью адвоката, имеют право давать инструкции своему защитнику относительно ведения их дела в пределах профессиональной ответственности...»** (п. 37 Замечаний общего порядка № 32 КПЧ ООН).

Моим «защитникам» вообще не требуется моё мнение. Это я ДОЛЖЕН подчиняться ЛЮБОМУ мнению навязанных мне «защитников», каким бы Бредовым оно ни было.

8.1 Что касается права защищать себя лично, то КПЧ в п. 37 Замечаний общего порядка № 32 разъяснил: «Однако это право защищать себя лично без участия адвоката не является абсолютным. Интересы правосудия могут в рамках конкретного судебного разбирательства требовать назначения защитника против желания обвиняемого, особенно в том случае, если обвиняемый существенным и систематическим образом препятствует надлежащему проведению судебного разбирательства или же ему предъявлено тяжкое обвинение, но он оказывается не в состоянии действовать в своих собственных интересах, или в тех случаях, когда это необходимо для защиты уязвимых свидетелей от дальнейшего беспокойства или запугивания, если им придется подвергнуться допросу со стороны обвиняемого. **Однако любое ограничение желания обвиняемых лиц защищать себя лично должно преследовать объективные и достаточно серьезные цели и не выходить за рамки того, что необходимо для отстаивания интересов правосудия.** Поэтому **во внутреннем праве следует избегать любого абсолютного запрета на право защищать себя лично в судебном разбирательстве уголовного дела без помощи адвоката (76)».**

Мы видим, что я не подпадал ни под одно из положений, которое бы позволило лишить меня права на участие в судебном процессе. И напротив, как разъяснено в п. 38: «В отличие от тех случаев, когда адвокаты приглашаются в частном порядке (80), очевидно **неправомерное поведение** или **некомпетентность**, например, **отзыв жалобы без консультации в деле**, предполагающем назначение смертной казни (81), или отсутствие во время заслушания свидетеля в подобных случаях (82), может повлечь за собой **ответственность соответствующего государства** за нарушение пункта 3 d) статьи 14 при условии, что **судье будет ясно, что поведение адвоката несовместимо с интересами правосудия** (83). Нарушение этого положения имеет место также в том случае, если суд или **другие соответствующие органы власти** препятствуют назначенным адвокатам в **эффективном выполнении ими своих функций** (84)».

8.2 «Законный представитель» Чумарова И.Н. в суде 12.12.14 г. ходатайствовала о лишении меня свободы и личной неприкосновенности, считая, что заключения психиатров вообще не может быть оспорено. Что из себя представляет это Чудо можно посмотреть здесь: <https://youtu.be/VRcMXY20PZY>, <https://youtu.be/tvrNsRhXE04>, <https://youtu.be/jBCRpGGcYLq>.

8.3 «Адвокат» Неупокоев В.А. лишил меня права на обжалование преступного постановления Манылова В.А. (<https://cloud.mail.ru/public/6Aa9/uxsEpKJNq>), несмотря на то, что я его просил обжаловать его, когда узнал о постановлении. И вообще **он скрывался от меня.** Это было его помощью. Мою же апелляционную жалобу № 2532 (<https://cloud.mail.ru/public/2Vyj/ADB1SCHJm>) рассматривать отказались, так как в ней «усмотрели» оскорбительные высказывания, хотя аналогичная жалоба № 2536 (<https://cloud.mail.ru/public/H8Cn/sk1jAHxqo>) в рамках гражданского судопроизводства на решение «судьи» Котельничского райсуда Рогачевой Ю.А. от 18.12.14 г. к производству

была принята. **Но даже если бы в моей жалобе и были оскорбительные высказывания, то даже при этих условиях жалоба должна была быть рассмотрена, поскольку именно оскорбительные высказывания воспринимались как основания для признания меня невменяемым, а значит и являющиеся основанием для лишения свободы и личной неприкосновенности.** Отказываясь рассматривать жалобу по основаниям, наличия в ней оскорбительных высказываний, фактически было признано, что не было оснований как для помещения меня в стационар, так и для объявления невменяемым.

8.4 Фактом было то, что заключение № 197 от 12.11.14 г., на основании которого было принято решение о лишении меня свободы и личной неприкосновенности, не было исследовано и оценено в установленном ч.ч. 3 4 ст. 7, ст.ст. 17, 85, 87, 88 УПК РФ порядке на предмет допустимости, достоверности и достаточности, что неопровержимо доказывало наличие прямой заинтересованности **всех** участников ОПГ, а **навязанные** мне «защитники» **действовали в интересах стороны обвинения**, в результате чего необходимо применить доводы КПЧ по делу «Эстрелла против Уругвая», где он пришел к выводу о том, что когда обвиняемому был предложен только ограниченный выбор официально назначенных защитников, а защитник затем принял «позицию обвинителя», право обвиняемого на соответствующую защиту было нарушено. Также по этому делу было разъяснено, что «когда предоставляется защита, защитник **должен** действовать **активно в пользу** обвиняемого» (74/1980), 29 марта 1983, 2 Sel. Дек. 93 в парагр. 1.8, 8.6, 10).

8.5 Но так как надо было ждать 10 дней, пока их постановление вступит в «законную силу», а мочи ждать не было, поэтому 15.12.14 г. Новикова Ю.В. написала заведомо ложный донос о том, что я «вел себя агрессивно, толкал, хватал за руку, оскорблял, выражался нецензурно, вел себя неадекватно, отказался покинуть кабинет». **Все обстоятельства** событий 15.12.14 г. можно посмотреть здесь: <http://youtu.be/syfd9K76AeY>, <http://youtu.be/B-xe5G7XtSw>, <http://youtu.be/ZDoidxJev9w>., <http://youtu.be/uMvh58NptIo>, <http://youtu.be/HQvvrffNfhQ>., http://youtu.be/J3FVSB_qowA. При помещении меня в КОГКУЗКПБ я и узнал о том, что 12.12.14 г. ОПГ в составе Манылова В.А., Корюкова Д.В., Новиковой Ю.В., Неупокоева В.А. и Чумаровой И.Н. «осчастливили» меня своим «интеллектом». То есть я узнал о постановлении Манылова В.А. только 15.12.14 г.

8.5.1 После моего незаконного задержания 15.12.14 г. на основании заведомо ложного доноса Новиковой Ю.В., Убийца Огорельцев А.В. со своими подельниками Елькиной О.В. и Плюсониной А.Н. 16.12.14 г. у меня «диагностировали» хронические бредовые расстройства на основании **моего молчания**, поскольку отказались вести аудио- и видеозапись нашего общения, что я требовал с момента моего поступления в КОГКУЗКПБ, а 16.01.15 г. моё участие при «освидетельствовании» вообще не потребовалось, что мной объяснено в заявлении № 2557 (<https://cloud.mail.ru/public/FM1Y/wXBbDsfMp>).

Повторим еще раз: выводы в заключениях № 818 от 05.08.14 г. и № 197 от 12.11.14 г. в нарушение ч. 2 ст. 8 Закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» **невозможно** проверить потому, что в нарушение ч. 3 ст. 204 УПК РФ к заключениям не прилагаются те доказательства, на которых они **должны** были быть основаны, то есть моей речи и её анализа.

8.5.2 17.12.14 г. в Котельничском райсуде под председательством Особо Опасного Преступника, действующей под видом судьи Рогачевой Юлии Александровны с участием Особо Опасных Преступников, действовавших под видом помощника прокурора межрайонной Котельничской прокуратуры Ведерниковой Т.В., адвоката Кафаровой Фаины Александровны, а также Изверга и Садиста Елькиной О.В. (<https://youtu.be/LOWI4moW7f0>) было «рассмотрено» заключение № 70 от 16.12.14 г., составленное Бандой Огорельцева А.В. Правда, Рогачева Ю.А. разрешила мне написать Возражения на заключение № 70 и отложила судебное заседание на 18.12.14 г., однако она меня ограничила во времени для написания Возражений, а Садист Елькина О.В. ограничила меня в возможности написания Возражений. Но даже когда я пришел в суд с

Возражениями № 2531 (<https://cloud.mail.ru/public/B9St/7GMc3YKXB>) на заключение № 70 Банды Огорельцева А.В., то Рогачева Ю.А. незаконно отказала мне в исследовании этих Возражений, приобщив их всего лишь к материалам дела, хотя **это была моя реальная речь** и она **должна** была быть предметом оценки на наличие в ней признаков тех бредовых расстройств, которые и должны были быть установлены, то есть доказаны. Мои Возражения № 2531 являлись **неопровержимым доказательством** отсутствия у меня расстройств мышления **на момент их написания**. Мне незаконно было отказано задать вопросы «прокурору» Ведерниковой Т.В., поскольку, по бредовому мнению Рогачевой Ю.А., вопросы прокурору не задают. Моя речь никакого значения не имела и Рогачева Ю.А. в срочном порядке вынесла преступное решение о моей недобровольной госпитализации, **вообще не исследовав** заключение № 197 от 12.11.14 г., **но положив его в основу своего решения**, о чем я и узнал из решения (<https://cloud.mail.ru/public/49sR/5KhSXBsBu>). Однако, поскольку заключение № 197 от 12.11.14 г. не было предметом исследования и оценки, поэтому оно и не могло быть положено в основу моей госпитализации в силу ч. 2 ст. 195 ГПК РФ. После «суда» Изверг Елькина О.В. объявила мне, что назначает лечение атипичным нейролептиком оланзапином и начались Пытки и Истязания, которые обоснованы в моей письменной продукции, которая находится здесь: <http://rus100.com/ubiytsa-psihiatr-ogoreltsev/> и здесь: <https://cloud.mail.ru/public/CeCF/C5sSaGjWg>.

Повторим еще раз: **18.12.14 г.** Нелюди Рогачева Ю.А., Ведерникова Т.В., Елькина О.В. и Кофарова Ф.А. в качестве **одного из основных** доказательств о необходимости лишения меня свободы и личной неприкосновенности положили **заключение № 197 от 12.11.14 г. с которым я смог ознакомиться только в марте 2015 г. и которое не было предметом исследования и оценки в суде**, что подтверждает протокол судебного заседания (<https://cloud.mail.ru/public/GEaq/wdc33WFD9>) и мои Замечания № 2539 на него (<https://cloud.mail.ru/public/8kpc/3kHH4T6FA>).

5.5.3 Но поскольку я продолжал писать, то есть **представлять доказательства моего психического здоровья и отсутствия нарушений мышления**, то Убийца Огорельцев А.В. и Палач Елькина О.В. решили, что меня необходимо подвергнуть более изощренным Пыткам и Истязаниям и назначили сверхдозы галоперидола, чем и был убит Борисихин О.Г. То, что творилось у **реальной** Банды Огорельцева А.В. мной зафиксировано не только в моей письменной продукции, но и **в книге жалоб и предложений**.

8.5.4 Преступная деятельность кировских Бандитов принесла свои плоды: начало создаваться общественное движение «Общественный Контроль Правопорядка» и именно в рамках дела о незаконном лишении меня свободы и личной неприкосновенности подавались **коллективные** жалобы и иски, рассмотрению которых противодействовали кто только мог не только в Котельничском райсуде, прокуратуре г. Котельнич, но и г. Ковдор, г. Новосибирске, г. Волжский, г. Солнечногорск и др. Небольшая часть решений представлена здесь: <https://cloud.mail.ru/public/6uwW/bZJTNDYKU>.

Так как мои представители находились не только в разных городах, но и разных странах, поэтому обращения подавались в установленном п. 3 ст. 2, п. 1 ст. 14, п. 2 ст. 19 Пакта, п. 1 ст. 6, п. 1 ст. 10, ст. 13 Конвенции порядке, то есть посредством электронного взаимодействия с использованием эффективных средств правовой защиты. Как мы можем убедиться, российские «судьи» делали все от них зависящее, чтоб мои представители не могли даже инициировать рассмотрение обращений, поскольку им предъявлялись незаконные и необоснованные требования относительно отсутствия подписи, что мной было опровергнуто в апелляционной жалобе № 2474 (<https://cloud.mail.ru/public/cpBU/rbgFTTL9n>). То есть мы можем убедиться в явной дискриминации, когда меня, моих представителей и защитников лишали права на обращение в суд якобы по причине того, что нас невозможно было идентифицировать, а представители криминального режима могли и инициировать в отношении меня судебное разбирательство, и вызвать в суд по тем телефону или электронной почте, которые мной указывались везде. Также по указанным электронным почтам без каких-либо проблем уведомлялись и мои представители и защитники. То есть мы видим, что избираемые членами Шайки Путина В.В. откровенно преступные средства имели преступную цель лишить меня права на доступ к суду с лишением вообще всех прав.

8.5.5 В п.п. 8, 8.1 искового заявления № 2595 (<https://cloud.mail.ru/public/GmJn/9ohbrFgD5>) я описал то, что делалось в КОГКУЗКПБ:

8. На сегодняшний день я совершенно смело могу утверждать, что ВСЕМ приведенным в жалобе лицам известно о том, что в администрации Магаданской области действующими под видом губернатора Магаданской области Цветковым В.И., зам. председателя Магаданского облсуда Чижовой В.К., зам. прокурора Магаданской области Носиковым Н.Н. и и.о. главврача МОПНД Федоровым В.А. обсуждался вопрос о покушении (ч. 3 ст. 30 УК РФ) на моё убийство в условиях психиатрического стационара, то есть лица, заведомо для виновных находящегося в беспомощном состоянии, совершенного организованной группой, с целью скрыть другие преступления по мотивам политической и идеологической ненависти (п.п. «в», «ж», «к», «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ). То есть все ответчики «не понимают», что занимаются заранее необещанным укрывательством (ст. 316 УК РФ) указанных преступлений. Одного этого ФАКТА достаточно, чтоб ВСЕ перечисленные Уголовники оказались на нарах за совершение преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 210, ст. 316 УК РФ и за которые им положен МИНИМУМ 15 лет лишения свободы.

8.1 Та же самая ситуация сложилась теперь и в Кирове, где Банда Бережицкого С.П., Бармина Ю.В., Петухова Ю.Л., Утемовой Е.Д. и Копыриной М.Н. фактически преследуют ту же самую цель, поскольку они делали и делают тоже самое, что делали Бандиты и в Магадане. 26.01.15 г. в книге жалоб и предложений я сделал следующие записи:

1. 23.01.15 г. после того, как я в обед выпил отраву галоперидол, мне пришлось писать расписки о получении документов. Я не испытывал вообще никакого волнения, однако когда по окончании Попыток и Истязаний Изверг Елькина замеряла у меня давление, то оно было 140 на 90. То есть целью Убийц Елькиной и Огорельцева является, как минимум, вызвать у меня инсульт.

2. ТРЕБУЮ: прекратить подвергать меня Попыткам и Истязаниям галоперидолом, так как для этого нет оснований, то есть наличие в моей речи ложных суждений и умозаключений.

3. ТРЕБУЮ: предоставить мне информацию ОБ ОСНОВАНИЯХ назначения галоперидола в частности и нейролептиков вообще.

4. Я Елькину буду спрашивать об одном и том же: «Вы назовете ложные суждения и умозаключения в моей речи?» Если на этот вопрос ответа я не получу, но получу галоперидол, то в присутствии медперсонала и больных БУДУ говорить:

1) Я называю Елькину Лживой Тварью потому, что она БЕЗДОКАЗАТЕЛЬНО утверждает, что у меня имеются раздражительность, озлобленность, я легко аффектируюсь и у меня имеются ложные суждения и умозаключения, то есть бред.

2) Мразью я Елькину называю потому, что она совершает в отношении меня тяжкие и особо тяжкие преступления, предусмотренные п.п. «б», «е» ч. 2 ст. 111, п. «а» ч. 3 ст. 111, п.п. «г» - «з» ч. 2 ст. 117, ч. 3 ст. 210 УК РФ и в нарушение ст. 42 УК РФ заставляет медперсонал совершать тяжкие преступления.

3) Абсолютно Тупой я Елькину называю потому, что это Безмозглое Животное неспособно рассчитать РЕАЛЬНУЮ дозу применяемого препарата и НЕ ЗНАЕТ, что нейролептиками расстройства мышления НЕ ЛЕЧАТСЯ. Нейролептики ТОЛЬКО купируют психозы, а дальше это Животное ТОЛЬКО Пытает своих Жертв и занимается их Истязаниями, поскольку в силу отсутствия медицинского образования НЕ ЗНАЕТ, что нейролептики не влияют на первопричину болезни, что в ее тупую голову не может вдолбить, например, профессор Евсегнеев.

4) Воровкой я Елькину называю потому, что она в нарушение ч. 2 ст. 13 Закона «О психиатрической помощи...» по подложным документам (ст. 292 УК РФ) назначает 3 группу инвалидности и Грабит больных на более чем половину их пенсии.

5) Также Воровка Елькина по подложным документам (ст. 292 УК РФ) обворовывает младший медперсонал почти на треть их заработной платы.

б) Эссессовой я Елькину называю потому, что в ней нет ничего человеческого и женского. Это Изувер в облике человека, для которого люди – всего лишь средство для ведения паразитического и бесполезного для общества образа жизни. Сократ правильно учит: «Недоверие и ненависть к логическим доказательствам связаны с недоверием и ненавистью к людям». Эта Тварь не доверяет ВСЕМ, а доказательства сама фальсифицирует.

8.5.6 Честно говоря, судя по тому, что здесь написано, я это собирался сделать 26.01.15 г. Однако мне казалось, что я это делал дольше. По крайней мере Елькина, больные и медперсонал **это слышали каждый день**. Вот только с какой даты?! Я также говорил: «Я мог бы отжиматься на пальцах и выткнуть вам глаз. Но вы не получите этого удовольствия. Я сделаю то, о чем я писал в Замечаниях № 1750: «Я всех вас убью! Всех! Всех! Всех! Я всех вас убью ... Словом!»

8.5.7 30.01.15 г. Огорельцев А.В. со своими Извергами принимает решение об усилении пыток и истязаний и к таблеткам галоперидола добавляют деканоат, то есть масляный раствор галоперидола длительного действия, а 03.02.15 г. Бандиты **без объяснения причин** решили, что мне в КОГКУЗКПБ делать нечего. При этом они вручили мне копию постановления Новиковой-Бакулева-Мотовилова о назначении мне принудительных мер медицинского характера по сфальсифицированному ими уголовному делу 77408/14.

8.5.8 Всё это беззаконие **откровенно преступными способами** было узаконено в Кировском облсуде 10.03.15 г. То, что вытворяли Изверги в апелляции в связи с рассмотрением жалобы № 2536 можно посмотреть здесь: <https://youtu.be/zy7qsAGkji>. **Фактом** является то, что меня лишили права не только на помощь избранного защитника, но даже навязанного, поскольку члены Банды Бармина Ю.В., Бережицкого С.П., Тулуповой Е.Б., Житенева Г.В., Солодовникова С.А., Утемовой Е.Д. и Копыриной М.Н. посчитали, что лицу, страдающему психическим расстройством с диагнозом «хроническое бредовое расстройство», неспособному участвовать ни в следственных действиях, ни в суде, юридической помощи именно в суде и не требуется. Традиционно я был лишен возможности принять участие в исследовании доказательств, поскольку на участие в исследовании доказательств я вообще не имею права и в апелляции доказательства в моем присутствии исследованию не подлежат. То есть, **как только меня допускают к суду, то на исследовании доказательств автоматически ставится огромный и не сдвигаемый Крест**. То есть этот огромный, не сдвигаемый Крест ставится на состязательности и равноправии сторон как только мне делают одолжение и допускают пообщаться с организованными преступными группами из «судей», «прокуроров» и навязываемых мне «защитников».

Повторяю еще раз: **несмотря на то, что заведомо ложное заключение № 197 от 12.11.14 г. было положено в основу лишения меня свободы и личной неприкосновенности 12.12.14 г., 18.12.14 г. и 10.03.15 г., однако оно нигде не было предметом исследования и оценку ему вообще никто не давал.**

«Рассмотрение» дела по существу.

9. После того, как 12.11.14 г. меня вышвырнули от Петухова Ю.Л., я не видел ни «следователя» Новикову Ю.В., ни «защитника» Неупокоева В.А., ни «законного представителя» Чумарову И.Н., хотя согласно смысла ч. 3 ст. 203 УПК РФ мне **должны** были предъявить обвинение со всеми вытекающими из этого правовыми последствиями. Моё мнение об обстоятельствах дела не интересовало уже всех членов Банды кировских криминальных авторитетов Бармина Ю.В., Бережицкого С.П., Тулуповой Е.Б., Житенева Г.В., Солодовникова С.А., Утемовой Е.Д. и Копыриной М.Н. Поскольку мы по разному понимаем подлежащие применению нормы действующего законодательства, поэтому мы говорили совершенно на разных языках, что разъяснено в абзаце 7 п. 6.1 мот. части Постановления КС № 5-П от 24.03.15 г.: «... осуществляемое ... правовое регулирование - в силу конституционных принципов правового государства, верховенства закона и юридического равенства - должно отвечать требованиям определенности, ясности и

непротиворечивости, а **механизм его действия должен быть понятен субъектам соответствующих правоотношений** из содержания конкретного нормативного положения или системы находящихся в очевидной взаимосвязи нормативных положений, поскольку **конституционное равноправие может быть обеспечено лишь при условии единообразного понимания и толкования правовой нормы всеми правоприменителями (...)**».

9.1 Но давайте попробуем согласиться с Уголовниками и допустим, что я имел тяжелое психическое расстройство, не позволяющее мне принимать участие в производстве следственных действий. В этом случае следствие **должно** было быть приостановлено до моего выздоровления, как то предусмотрено п. 4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ. Однако члены Банды Бармина Ю.В., Бережицкого С.П., Тулуповой Е.Б., Житенева Г.В., Солодовникова С.А., Утемовой Е.Д. и Копыриной М.Н. решили, что они вправе не предъявлять мне обвинение, не получать от меня показания, лишать меня права на участие в следственных действиях, а потом еще и лишит права на ознакомление с делом, хотя **право на ознакомление с делом мне гарантировано ч. 3 ст. 439 УПК РФ**. Но эти Нелюди **знали**, что в Магадане в отношении меня было незаконно возбуждено **пять** уголовных дел, по которым в качестве потерпевших были признаны «судьи» и «прокуроры» и **все** они **незаконно** были прекращены, а потом **уничтожены со всеми надзорными производствами**, в результате чего я не мог получить даже копии постановлений об их прекращении. И всё это было сделано **только по одной причине**: доводы «невменяемого» Усманова Р.Р. о преступной деятельности этих «судей» и «прокуроров» не мог опровергнуть **ник-то!!!** Это не меня надо было судить! **Судить надо было их!** Это не они были потерпевшими! **Реальным Потерпевшим был я!** И чтоб не отвечать за совершенные преступления и было все поставлено с ног на голову.

9.2 21.02.15 г. я получил постановление получившей черепно-мозговую травму Особо Опасного Преступника и моей **Потерпевшей** Гулиной Надежды Алексеевны от 16.02.15 г., действующей под видом судьи Яранского райсуда о назначении к рассмотрению сфальсифицированного шуриным её мужа Мотовиловым С.В. дела. Что из себя представляет это Тупое Безмозглое Животное, **о чем я официально писал регулярно**, можно посмотреть здесь: https://youtu.be/hl2GH_pwFE, <https://youtu.be/I5qMLLBpnT0>, <https://youtu.be/Heilzz4Axhs>, <https://youtu.be/wZAHEAvIUmc>, <https://youtu.be/grXuwC9ISOU>.

В этом постановлении Гулина Н.А. написала: «Назначить открытое судебное заседание по уголовному делу в отношении Усманова Рафаэля Раисовича, совершившего запрещенное уголовным законом деяние, подпадающее под признаки преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 297 УК РФ...»

То есть мы видим, что Гулина Н.А. **до** рассмотрения дела по существу решила, что я **совершил** преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 297 УК РФ, то есть цинично нарушила принцип презумпции невиновности и право, гарантированное п. 2 ст. 14 Пакта, п. 2 ст. 6 Конвенции, ч. 1 ст. 49 Конституции РФ, ч. 1 ст. 14 УПК РФ, что являлось безусловным основанием для её отвода по основаниям объективного критерия, то есть прямой заинтересованности в исходе дела, что предусмотрено п. 1 ст. 14 Пакта, п. 1 ст. 6 Конвенции, ч. 2 ст. 61 УПК РФ.

9.2.1 В п. 30 Замечаний общего порядка № 32 КПЧ ООН разъяснено: «Презумпция невиновности, имеющая **основополагающее** значение для защиты прав человека, возлагает обязанность доказывания на обвинение, **гарантирует**, что **никакая вина не может быть презюмирована до тех пор, пока виновность не была доказана вне всяких разумных сомнений**, обеспечивает, чтобы сомнения толковались в пользу обвиняемого и **требует**, чтобы с лицами, которым предъявляются обвинения в совершении уголовного деяния, обращались в соответствии с этим принципом. Все государственные органы власти **обязаны воздерживаться** от предрешения исхода судебного разбирательства, например, воздерживаясь от публичных заявлений, в которых утверждается о виновности обвиняемого **(56)**».

9.2.2 На уведомлении о получении постановления я написал: «Постановление Безмозглого Уёбища Гулиной Н.А. от 16.02.15 г. получил только 21.02.15 г. (61218082302078). Кто тебе Хуесосная Рожка дал право совершать в отношении меня преступления, предусмотренные ч. 3 ст. 210, ч. 3 ст. 285, п. «в» ч. 3 ст. 286, ч. 3 ст. 303, ст. 315 УК РФ при том, что я по всей России известил, что ты Потаскуха являешься

Безмозглым Животным? Мало того, что ты Тупое Животное, как Бармин Ю.В., Леденских И.В., Лукьянов Э.В., Назарова И.Е. и Пидаренок Бережицкий С.П., так ты еще и Тварь Конченая. Если ты думаешь, что Хуйло Путлер, как и Пидар Чайка возомнили о себе, как о властителях вселенной, то и ты Шалашовка сможешь так же как и они совершать в отношении меня преступления безнаказанно? Да Балбес Путлер, как и Козел Чайка, вместе с Шизофреником-Дебиллом-Имбецилом-Идиотом Лебедевым скоро окажутся на нарах, а ты быстрее их». Приведенный текст не являлся основанием ни для возбуждения в отношении меня уголовного дела по ч. 2 ст. 297 УК РФ, ни для отвода Гулиной Н.А., как потерпевшей.

9.2.3 Однако, по мнению Гулиной Н.А. и её подельников, текст, написанный мной **на точно таком же уведомлении**, но в отношении Сырчиной Т.А., явился основанием и для признания Сырчиной Т.Ю. потерпевшей, и для возбуждения уголовного дела: «Определение Безмозглого Уебища Сырчиной Т.Ю. от 24.06.14 г. получил 26.06.14 г. Кто тебе Хуесосная Рожка дал право совершать в отношении меня преступления, предусмотренные ч. 3 ст. 210, п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ при том, что я по всей России известил, что ты Потаскуха являешься Мразью? Мало того, что ты Тупое Животное, как Бармин Ю.В., Леденских И.В., Лукьянов Э.В., Назарова И.Е. и Пидаренок Бережицкий С.П., так ты еще и Тварь Конченая. Если ты думаешь, что Хуйло Путин В.В. и Пидар Чайка Ю.Я. возомнили о себе, как властителях вселенной, то ты думаешь, что и ты Шалашовка сможешь так же как они совершать в отношении меня преступления безнаказанно? Да Балбес Путлер, как и Козел Чайка, вместе с Шизофреником-Дебиллом-Имбецилом-Идиотом Лебедевым скоро окажутся на нарах, а ты быстрее их».

9.2.4 На **реально** Бредовое постановление Гулиной Н.А. от 16.02.15 г. (<https://cloud.mail.ru/public/DLqX/A2oDu2oN5>), мной была подана апелляционная жалоба № 2600 (<https://cloud.mail.ru/public/Es1f/BEa2Z1ewq>). Однако она канула в Лета. На постановление Новиковой-Бакулева-Мотовилова о назначении мне ПММХ я подал Возражения № 2573 (<https://cloud.mail.ru/public/5wYg/E1du8kEsH>). Эти Возражения членами Банды Бережицкого С.В., Бармина Ю.В., Житенева Г.Я., Солодовникова С.А., Копыриной М.Н., Утемовой Е.Д. и Петухова Ю.Л. **были уничтожены везде**, поскольку в этих Возражениях я **опроверг** Бред Сумасшедших **по всем пунктам**. То, как рассматривались отводы и по другим вопросам, можно посмотреть здесь: <https://cloud.mail.ru/public/KFCL/UAMmjivUo>, <https://cloud.mail.ru/public/4Mu1/L4zSXEndV>.

9.3 Вопросы о том, какими **преступными способами** рассматривались заявленные отводы и нарушение самого права на заявление отвода, рассмотрены в апелляционной жалобе № 2637 (<https://cloud.mail.ru/public/9kpw/SKipEotKp>).

9.4 Вопрос о том, как в процессе Гулина Н.А. «разъясняла» права, а затем сфальсифицировала протокол судебного заседания в данной части рассмотрен в п.п. 4.3 – 4.3.9 жалобы № 2690 (<https://cloud.mail.ru/public/7Lc7/sbVuaKwA9>).

9.5 Потом «адвоката» Неупокоева В.А. заменили на «адвоката» Коврижных Николая Ивановича, который отказался со мной вообще общаться, в чем мы можем убедиться здесь: <https://youtu.be/Hpov4sPVDnQ>, <https://youtu.be/tpd9KqTW6IM>. Война вокруг навязанных «адвокатов» рассмотрена в п.п. 5.16 – 5.16.4 жалобы № 2690.

9.6 Наряду с «законным представителем» Чумаровой И.Н. в качестве моего законного представителя была допущена моя дочь Усманова А.Р., а в качестве защитников сначала была допущена Мелихова С.Г., а затем Никитенко В.Н. За то, что я вел себя исключительно законопослушно и стал требовать соблюдения моих прав, получившая черепно-мозговую травму Гулина Н.А., **о которой я везде писал, что она является Тупым Безмозглым Животным** (<https://cloud.mail.ru/public/K6YD/Xigs2CcHu>, <https://cloud.mail.ru/public/GAWa/3xeCeSw1C>), шурин её мужа Мотовилов С.В., «адвокат» Коврижных Н.И. и «законный представитель» Чумарова И.Н. сначала из процесса вышвырнули меня, потом дочь (п.п. 4.6- 4.7 жалобы № 2690) и Никитенко В.Н. и «рассмотрели» дело в составе организованной преступной группы, не исследовав **ни одного** доказательства. Это можно посмотреть и здесь: <https://youtu.be/tpd9KqTW6IM>, а сам протокол судебного заседания можно прочитать здесь: <https://cloud.mail.ru/public/E8jM/DcM7XMbj9>.

9.6.1 Здесь следует иметь ввиду, что в силу абзацев 5, 6 п. 2 мот. части Определения КС № 145-О от 20.04.01 г.: «Часть первая статьи 263 УПК РСФСР, предусматривающая возможность удаления подсудимого из зала судебного заседания при **повторном нарушении им порядка** во время судебного заседания, не нарушает каких-либо конституционных прав граждан, поскольку предусматривает возможность

ограничения права подсудимого на участие в судебном заседании лишь **в случае злоупотребления им своими правами**, но не лишает его возможности **участвовать в судебном заседании и осуществлять в суде свою защиту в установленных процессуальных формах**. Такого рода законодательные нормы, по смыслу статьи 17 (часть 3) Конституции РФ, согласно которой осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц, не могут рассматриваться как ограничивающие права и свободы граждан. Право на рассмотрение уголовного дела в присутствии подсудимого не может быть гарантировано указанному участнику процесса **при нарушении им порядка в зале судебного заседания и при создании препятствий для надлежащего осуществления правосудия** и судебной защиты прав и законных интересов других участников судопроизводства. Подсудимый при этом, однако, не лишается возможности оспорить решение о его удалении из зала судебного заседания в вышестоящий суд, если, по его мнению, такое удаление произведено без достаточных к тому оснований».

9.6.2 То есть, по смыслу приведенного следует, что удаление из зала суда возможно **лишь при условии** нарушения **установленного законом порядка** в судебном заседании, **создании препятствий для надлежащего** осуществления правосудия путем **злоупотребления своими правами**. То есть, при решении вопроса об удалении из судебного заседания в выносимом решении **должны** быть указаны: 1. нарушение установленного законом порядка, то есть ссылки на те нормы права, которые были нарушены; 2. создание препятствий для надлежащего осуществления правосудия, то есть должны быть указаны те правовые последствия, которые могут обусловить противоправное поведение; 3. признаки злоупотребления правом в поведении участника процесса, то есть **должны** быть обоснованы намерение участника процесса причинить вред иным участникам в обход закона с противоправной целью (ч. 1 ст. 10 ГК РФ). Ничего этого членам Банды Бережицкого С.В., Бармина Ю.В., Житенева Г.Я., Солодовникова С.А., Копыриной М.Н., Утемовой Е.Д. и Петухова Ю.Л. для расправы со мной не требовалось, поскольку злоупотребление своими правами и должностными полномочиями они сделали нормой своего криминального поведения.

9.7 При этом Банда Бережицкого С.В., Бармина Ю.В., Житенева Г.Я., Солодовникова С.А., Копыриной М.Н., Утемовой Е.Д. и Петухова Ю.Л. посредством Гулиной Н.А., Мотовилова С.В., Коврижных Н.И. и Чумаровой И.Н. традиционно незаконно лишила меня права на представление доказательств и возможность опровергнуть Бред Сумасшедших, что мной было сделано в Возражениях № 2644 и № 2652 (<https://cloud.mail.ru/public/JeTx/1Pa2h9J9x>). Апелляционные жалобы № 2637 (<https://cloud.mail.ru/public/9kpw/SkipEotKp>), № 2638 (<https://cloud.mail.ru/public/6iPP/48RhJCFb>) и № 2656 (<https://cloud.mail.ru/public/2HkR/cmjRmGeK1>) на незаконные отказы в удовлетворении отводов и незаконные удаления Бандой Бережицкого С.В., Бармина Ю.В., Житенева Г.Я., Солодовникова С.А., Копыриной М.Н., Утемовой Е.Д. и Петухова Ю.Л. **везде были уничтожены** независимо от формы обращения: электронной или на бумажном носителе. Интересным является то, что мои обращения, направляемые в Кировский областной якобы суд посредством электронного взаимодействия через систему «ГАС-Правосудие» распечатывали и направляли в Яранский районный якобы суд, **где они бесследно исчезали**. То есть меня лишили фундаментального права на разбирательство дела судом, созданным на основании закона посредством справедливости и в эффективных процедурах, что предусмотрено п. 3 ст. 2, п. 1 ст. 14 Пакта, п. 1 ст. 6, ст. 13 Конвенции, ст. 45, ч.ч. 1, 2 ст. 46, ст. ч. 3 ст. 50 Конституции РФ.

9.8 Апрель 2015 г. стал месяцем сплошного веселья, так как в прокуратуру Арбажского района, ПП «Арбажский» и Яранский райсуд в п. Арбаж я регулярно подавал такие заявления и **официально регистрировал** их: <https://cloud.mail.ru/public/DXGo/6dgnvWp73>, <https://cloud.mail.ru/public/M6K3/sA8R6V6VU>, <https://cloud.mail.ru/public/AiGX/XSqERneNL>, <https://cloud.mail.ru/public/9Xgy/t7xBxQkyQ>. В приведенных заявлениях **никто** не видел **никаких** признаков преступлений, оскорблений при отправлении правосудия и необходимости возбуждения уголовного дела по ч. 2 ст. 297 УК РФ и только потому, что все ждали **осуществления своей Мечты** избавиться от меня, поскольку знали, что я должен был уехать в Москву.

9.9 Вопрос о том, как Банда Бережицкого С.В., Бармина Ю.В., Житенева Г.Я., Солодовникова С.А., Копыриной М.Н., Утемовой Е.Д. и Петухова Ю.Л. рассмотрела заключение № 197 судебно-психиатрической якобы экспертизы от 12.11.14 г. более

подробно рассмотрен в п.п. 7.16 – 7.17.1, 8 – 8.3.3 жалобы № 2690. Фактом является то, что это заключение в установленном законом порядке не рассматривал и не оценивал никто и никогда. На это заключение ссылаются всегда и везде, когда необходимо выставить мне заведомо ложный диагноз «хроническое бредовое расстройство» или лишить свободы, но меня никогда и нигде не допускали к его оценке.

9.10 После этого Банда Бережицкого С.В., Бармина Ю.В., Житенева Г.Я., Солодовникова С.А., Копыриной М.Н., Утемовой Е.Д. и Петухова Ю.Л. незаконно лишила меня последнего слова, что можно посмотреть здесь: <https://youtu.be/ijmlwlkvAfs> и организованная преступная группа в составе получившей черепно-мозговую травму Гулиной Н.А., шурина её мужа Мотовилова С.В., «адвоката» Коврижных Н.И. и «законного представителя» Чумаровой И.Н. в нарушение п. 3 ч. 1 ст. 27, ч. 2 ст. 27, п. 1 ст. 254, п. 1 ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ вынесли откровенно преступное постановление о прекращении уголовного судопроизводства в связи с актом амнистии: <https://cloud.mail.ru/public/ENiF/pKWxFrHjp>, **хотя я согласия на это не давал и возражал против этого**. Права на принесение апелляционных жалоб Банда Бережицкого С.В., Бармина Ю.В., Житенева Г.Я., Солодовникова С.А., Копыриной М.Н., Утемовой Е.Д. и Петухова Ю.Л. меня и мою дочь незаконно лишили, поскольку **во всей** этой Банде не нашлось **ни одного** человека, который бы оказался способен **опровергнуть** мои доводы. То, что вытворяли эти «юристы» мной обосновано в апелляционной жалобе № 2690, с которой можно ознакомиться здесь: <https://cloud.mail.ru/public/7Lc7/sbVuaKwA9>.

Аудиозаписи всего судебного процесса можно послушать здесь: <https://cloud.mail.ru/public/4nZF/Wa3iUqtqr>.

9.11 Беззаконие, учиненное Бандой Бережицкого С.В., Бармина Ю.В., Житенева Г.Я., Солодовникова С.А., Копыриной М.Н., Утемовой Е.Д. и Петухова Ю.Л. в апелляционной инстанции 21.07.15 г. можно посмотреть здесь: <https://youtu.be/qVXAkgyUgPE>, <https://youtu.be/26v-1AY3LRq>, <https://youtu.be/4snsIaKti-I>.

9.11.1 Однако необходимо учесть то, что при общем требовании «адвокат» Коврижных Н.И. все-таки подал апелляционную жалобу. Приняты были апелляционные жалобы от Никитенко В.Н. и Мелиховой С.Г. Однако в Кировском облсуде мне вновь была назначена новый «адвокат» Блинова Ю.В. и «законный представитель» Доценко И.А. В ролике «Мрази, Твари и Ублюдки воочию!» мы можем убедиться в том, как мне в нарушение п. 9 ч. 4 ст. 47 УПК РФ выделили время на общение с навязанными «адвокатом» и «законным представителем» на десять минут (57:48), хотя право на помощь адвоката предусматривает возможность общения с защитником без ограничения числа встреч и продолжительности общения. И в данном случае необходимо применить доводы КПЧ по делу «Рейд против Ямайки», где он установил, что цель права иметь защитника заключается в «обеспечении того, чтобы были фактически заслушаны обе стороны, путем предоставления обвиняемому в случае необходимости помощи **независимого специалиста**». Также он обнаружил нарушение ст. 14(3) Пакта в этом деле, когда вновь назначенный защитник встретился с обвиняемым за 10 минут до начала суда, а предыдущий адвокат не появлялся на слушаниях на предварительных этапах. При этом Комитет постановил, что так как назначенный защитник не выдвинул никаких аргументов в пользу положительного решения по жалобе, и жалоба была отклонена, поэтому было нарушено право на защиту ((355/1989 г.), 8 июля 1994, UN Doc. CCRP/C/51/D/355/1989 г.).

9.11.2 Ограничивая во времени общение с навязанными Блиновой Ю.В. и Доценко И.А., «судья» Лебедева С.П. и «прокурор» Колосова Я.Ю. показали, что эти «защитники» в процессе особой роли не играют и общение с ними привести к какому-либо положительному результату не может. На это явное Беззаконие не отреагировали ни Блинова Ю.В., ни Доценко И.А., чем **доказали**, что они были приглашены в суд не для защиты моих прав и законных интересов, а для выполнения ничего не значащих ролей статистов. Мало того, после апелляции они даже не заикнулись о необходимости обжалования в какой-либо иной процедуре для обжалования, чем фактически выразили согласие с принятым преступным решением, как это сделал Фоменко А.В. 02.10.14 г. Если же исходить из **всей** моей практики, то можно сделать однозначный вывод о том, что после принятого окончательного решения Жертвы могут забыть о правовой помощи навязанных «адвокатов». При этом необходимо иметь в виду, что сам порядок оплаты «труда» навязываемых «адвокатов» предусматривает их заинтересованность в

обслуживании «правоприменителя», который фактически определяет размер оплаты, чем помочь Жертве.

9.11.3 Однако главным является то, что мне **всегда** было запрещено допрашивать «психиатров», хотя «на суде лежит позитивная **обязанность** принять меры к тому, чтобы заявитель и **соответствующие** свидетели дали показания» (Постановление ЕСПЧ от 15.07.2003 г. по делу «Сигюртор Арнарссон против Исландии»). Поскольку заключения «психиатров» являются **единственным** доказательством, которое кладется в основу решения о лишении Жертв свободы и личной неприкосновенности, поэтому это доказательство **должно** быть исследовано **с особой тщательностью** и участием тех, кто это заключение изготовил. Однако меня **всегда** лишали права встретиться в суде с Чудовищами в белых халатах и принять участие в исследовании их инсинуаций, именуемых: акты или заключения.

9.11.4 Что касается лингвистической якобы экспертизы по уголовному делу № 77408/14, то назначена она была с нарушением всех моих прав. В её проведении я участие вообще не принимал, а о её существовании узнал из постановления о назначении мне ПММХ 03.02.15 г., когда был решен вопрос о направлении дела в суд. В суде о лингвистической экспертизе вообще никто не говорил и она была оценена в том формате, в каком о ней **упоминалось** в постановлении о назначении ПММХ. То есть заключение лингвистической якобы экспертизы в рамках сфальсифицированного уголовного дела № 77408/14 оценено как доказательство не было вообще, что мной более подробно объяснено в п.п. 7.6 – 7.6.8 жалобы № 2690 (<https://cloud.mail.ru/public/7Lc7/sbVuaKwA9>).

9.12 В рассматриваемом контексте необходимо иметь в виду, что ч. 1 ст. 21 Конституции РФ «требует рассматривать гражданина не как объект государственной деятельности, а как равноправного субъекта, могущего защищать свои права всеми не запрещенными законом способами и спорить с государством в лице любых его органов...» (абзац 5 п. 2 мот. части Определения КС № 42-О от 25.01.05 г.). При этом необходимо иметь в виду, что **«требования справедливого правосудия и эффективного восстановления в правах применительно к решениям ... предполагают обязательность фактического и правового обоснования принимаемых ими решений.., что невозможно без последовательного рассмотрения и оценки доводов соответствующей жалобы»** (абзац 2 п. 2 мот. части Определения КС № 42-О от 25.01.05 г.), а конституционные права, предусмотренные ч. 1 ст. 21, ст. 33, ч. 2 ст. 45 Конституции РФ **«предполагают не только право подать в соответствующий государственный орган или должностному лицу заявление, ходатайство или жалобу, но и право получить на это обращение АДЕКВАТНЫЙ ответ»** (абзац 5). Также необходимо учитывать, что взаимосвязанные конституционные принципы состязательности и равноправия сторон и презумпции невиновности предполагают, что «решения могут быть вынесены **только** после **рассмотрения и опровержения** доводов, выдвигаемых стороной защиты»; не опровергнутые же доводы могут толковаться только в пользу Жертвы. **Отказ от рассмотрения и оценки обоснованности доводов заявителя в этом случае создает преимущества для стороны органов власти, искажает содержание ее обязанности по доказыванию и опровержению сомнений доводов заявителя, позволяя игнорировать подтверждающие эти сомнения данные** (абзац 5). Приведенная правовая позиция в полной мере относится **ко всем** компетентным органам и должностным лицам **по любым обращениям граждан** (абзац 6). При этом ч. 4 ст. 7 УПК РФ не предоставляет правоприменителям возможность игнорировать или произвольно отклонять доводы жалобы, не приводя **фактические и правовые мотивы** отказа в удовлетворении заявленных требований, поскольку мотивировка решения во всяком случае **должна основываться на рассмотрении конкретных** обстоятельств, нашедших отражение в материалах дела и дополнительно **представленных сторонами материалах**, а также **на нормах материального и процессуального права**, - **иначе не может быть обеспечено объективное и справедливое разрешение дела** (абзац 5).

9.12.1 Если мы будем исходить из того, что ч. 1 ст. 21 Конституции РФ провозглашает охрану достоинства личности государством и ничто не может быть основанием для его умаления, а в силу ст. 1 Хартии Европейского союза «Об основных правах» от 12.12.07 г.: «Человеческое достоинство неприкосновенно. Оно подлежит уважению и защите», при том, что в силу ст. 41 к основным правам относится право на хорошее управление, то приведенные требования Конституционного Суда РФ можно

отнести к общечеловеческим **требованиям, очень точно и правильно сформулированным**, поскольку они устанавливают эффективные средства правовой защиты в виде обязанности органов власти, без чего невозможна реализация права человека на достоинство, охраняемое и защищаемое ст. 5 Всеобщей декларации, ст. 7 Пакта, ст. 3 Конвенции.

При этом повторяю еще раз, что ст. 16 Пакта, понимается, как **«умышленное непредставление какому-либо лицу защиты закона в течение длительного времени может означать отказ в признании правосубъектности данного лица, если жертва находилась в руках представителей государства, когда ее видели в последний раз, и если для родственников жертвы создаются систематические препятствия в получении доступа к потенциально эффективным средствам правовой защиты, в том числе к судебным»** (п. 11.9 Комитет по правам человека ООН в Соображениях от 01.04.15 г. по делу «Юбой Кумари Катвал против Непала») и **«государство также несет ответственность в случае, когда существующий закон не может обеспечить необходимую защиту»** (§ 115 Постановления от 28.03.2000 г. по делу «Махмут Кая против Турции») при том, что **«отсутствие же корреспондирующей праву гражданина обязанности государственных органов не может не приводить к умалению права как такового, что согласно статьи 55 (часть 2) Конституции РФ является недопустимым»** (п. 5 мот. части Постановления КС № 3-П от 18.02.2000 г.).

9.13 **Вывод.** «Психиатры» при пособничестве «юристов» наделены правом изготавливать **заведомо ложные заключения, которые вообще ничем не подтверждаются** и добиться проверки которых практически невозможно, поскольку абсолютно **все и на всех уровнях** становятся **реальными** Невменяемыми и утрачивают способность объяснить значение совершаемых действий и фантазий. Жертвам **запрещено** приносить возражения и комментарии на Бред Сумасшедших в белых халатах, а если они это и сделают, то эти возражения и комментарии в России **никто** рассматривать не будет, поскольку в России создана такая Система, при которой отсутствуют специалисты, способные **опровергнуть** доводы Усманова Р.Р. То есть **в России нашелся человек, доводы которого не может опровергнуть никто.** И поскольку ни у кого нет мозгов для опровержения доводов Усманова Р.Р., поэтому «болен» он, а остальные, то есть Безмозглые – «здоровы».

9.13.1 **Обязательным условием**, которое позволяет незаконно лишать Жертв свободы и личной неприкосновенности, является **невозможность** в суде исследовать акты и заключения «психиатров», поскольку все уже **начинают** понимать, что Бред этих Сумасшедших не имеет документального подтверждения, о чем говорилось еще в Постановлении ЕСПЧ от 27.03.08 г. по делу «Штукатуров против Российской Федерации». А поскольку в апелляции вообще ничего не исследуется и не оценивается, поэтому

современная апелляция в России – это худший вариант прежней кассации.

10. **Общий вывод.** К общему выводу необходимо отнести те имеющие для дела обстоятельства, которые позволяют нам прийти к выводу о том, что разбирательство было чрезвычайно произвольным, имела место явная ошибка оценки, то есть **ошибка, которую никогда бы не совершил ни один разумный суд** и это фактически приводит к отказу в Правосудии.

10.1 Чрезвычайно произвольным и то, что **никогда бы не совершил ни один разумный суд** и что фактически приводит к отказу в Правосудии является нерассмотрение ходатайств, например, о признании права на обращение в суд посредством электронного взаимодействия при одновременном сокрытии причин, по которым отвергаются нормы действующего законодательства, наделяющие Жертву таким правом (абзац 3 п. 9 ППВС РФ № 25 от 23.06.15 г. «О применении судами некоторых положений раздела I части 1 ГК РФ»: «... **суд** определяет, какие нормы права следует применить к **установленным** обстоятельствам. **Суд также указывает мотивы, по которым не применил нормы права, на которые ссылались лица, участвующие в деле»**), при том, что оставление заявленного ходатайства без разрешения существенным образом ущемляет права и законные интересы заявителя, **лишает его права на**

судебную защиту, гарантированную ст. 46 Конституции РФ (Определении Верховного Суда РФ от 16.06.15 г. по делу № 44-КГ15-2), то есть гарантированную п. 1 ст. 14 Пакта, п. 1 ст. 6 Конвенции.

10.2 Чрезвычайно произвольным и то, что **никогда бы не совершил ни один разумный суд** и что фактически приводит к отказу в Правосудии является неразъяснение **всех прав и порядок их осуществления**, как это прямо предусмотрено п. «а» ст. 6 Декларации о праве и следует из смысла п. 18 Замечаний общего порядка № 32 КПЧ ООН, поскольку результатом этого является их нарушение и невозможность для жертвы реализовать их на практике. Естественно, что объем и содержание прав определяются **природой** тех правоотношений, которые подлежат установлению, что в свою очередь обуславливает применение **соответствующих** норм материального и процессуального права. То есть эти вопросы настолько взаимосвязаны, что без их решения само Правосудие становится невозможным (абзац 2 п. 9 ППВС РФ № 25 от 23.06.15 г. «О применении судами некоторых положений раздела I части 1 ГК РФ»: «... В соответствии со статьей 148 ГПК РФ или статьей 133 АПК РФ на стадии подготовки дела к судебному разбирательству суд выносит на обсуждение вопрос **о юридической квалификации правоотношения для определения того, какие нормы права подлежат применению при разрешении спора**»).

10.3 Чрезвычайно произвольным и то, что **никогда бы не совершил ни один разумный суд** и что фактически приводит к отказу в Правосудии является навязывание Жертве адвоката с нарушением обязанности разъяснения прав при сокрытии объема и содержания всех средств и способов, которыми Жертва может защищаться (ч. 2 ст. 16 УПК РФ) с отказом в допуске к участию в деле избранного Жертвой защитника.

10.4 Чрезвычайно произвольным и то, что **никогда бы не совершил ни один разумный суд** и что фактически приводит к отказу в Правосудии является нарушение правила о раскрытии оправдывающих доказательств стороной обвинения и то, когда **судам разрешено оставлять эти доказательства без рассмотрения и даже не упоминать их в своих приговорах**» (§ 201 Постановления от 27.03.14 г. «Матыцина против Российской Федерации»).

10.5 Чрезвычайно произвольным и то, что **никогда бы не совершил ни один разумный суд** и что фактически приводит к отказу в Правосудии является отказ национальных судов (правоприменителей) рассмотреть возражения Жертвы и обоснованные ею аргументы относительно достоверности полученных доказательств и их использование против неё, поскольку это делает всё производство по делу в целом несправедливым (§§ 55-58 Постановления ЕСПЧ от 12.11.15 г. по делу «Сакит Заидов против Азербайджана»), то есть нарушение принципа состязательности и равноправия сторон путем нарушения процедуры судопроизводства, устанавливающей дачу оценки доказательства стороны обвинения на предмет допустимости, достоверности и достаточности, чему корреспондируют абзац 3 п. 2 ППВС РФ № 41 от 19.12.13 г. в редакции ППВС РФ № 23 от 24.05.16 г., абзац 3 п. 3.3 мот. части Постановления КС № 5-П от 01.03.12 г. в их нормативном единстве (п. 4.7.2 жалобы № 2890-3).

10.6 Чрезвычайно произвольным и то, что **никогда бы не совершил ни один разумный суд** и что фактически приводит к отказу в Правосудии является лишение судом возможности Жертв приносить возражения и реплики на доводы противной стороны, поскольку **«суд не может гарантировать равенство сторон, не предоставляя заявителю возможности ответить на доводы, изложенные в заседании прокурором»** (§§ 38, 39, 42 Постановления ЕСПЧ от 13.03.12 г. по делу «Нефедов против России»). А так как Жертва имеет право ставить вопросы перед прокурором, на которые он **обязан** высказать свое мнение, то **никогда ни один разумный суд** не стал бы лишать Жертву этой возможности, поскольку в данном случае мы имеем **противоправное поведение** и коррупциогенные признаки в действиях самого судьи, создание конфликта интересов и циничную Коррупцию, что является безусловным основанием для самоотвода и отвода по объективному признаку, так как в этом случае в этом случае суд перестает представлять как беспристрастный в глазах разумного наблюдателя и неоправданно способствует интересам одной из сторон в ущерб для другой стороны (п. 21 Замечаний общего порядка № 32).

10.7 Чрезвычайно произвольным и то, что **никогда бы не совершил ни один**

разумный суд и что фактически приводит к отказу в Правосудии является лишение возможности обжаловать решение в установленном законом порядке, когда, например, как 12.08.14 г. был установлен срок для обжалования в три дня, не предусмотренный вообще никаким законом; когда срок устанавливается, не исходя из норм международного права, предусматривающие возможность обжалования с момента получения решения суда, а не с момента его вынесения; когда судья незаконно отказывается разъяснять неясности в принятом решении, в результате чего становится затруднительным обжалование решения; когда «судьи» банально не высылают принятые решения; когда ни навязанные адвокаты не обжалуют решения и их невозможно заставить помочь Жертве написать жалобу на принятое решение, ни обязать «суд», «прокурора» или «следователя» заставить навязанного ими «адвоката» выполнять возложенные на него функции по обжалованию.

Объяснения о факте и мере нарушения конституционных прав.

11. Таким образом, проведение «психиатрами» экспертиз и освидетельствований **в конспиративных условиях** без документального оформления приводит к нарушению конституционных прав, предусмотренных ст. 17, ч.ч. 1, 2 ст. 19, ст.ст. 20, 21, 22, 23, ч. 2 ст. 24, ст. 27, ч.ч. 1, 3, 4 ст. 29, ч. 1 ст. 32, ст. 33, ч.ч. 2, 3 ст. 35, ч. 1 ст. 37, ст.ст. 41, 42, ч.ч. 1, 5 ст. 43, ч. 2 ст. 45, ч.ч. 1, 2 ст. 46, ч. 1 ст. 47, ст. 48, ст.ст. 49, 50, 52, 53, ч. 3 ст. 123 Конституции РФ.

11.1 Членами Шайки Путина В.В. нарушаются основные права, гарантированные не только Конституцией РФ, но и нормами международного права, к которым и обращена ст. 17 Конституции РФ. Так как нарушаются права, которые мной будут перечислены и поскольку их **невозможно** защитить в условиях эффективных средств правовой защиты, когда возможно **предотвратить предполагаемое нарушение или прекратить его, равно как и добиться предоставления адекватной компенсации за уже произошедшее нарушение** (абзац 3 п. 3.1 мот. части Постановления КС № 10-П от 21.04.10 г.), а также «... **требовать восстановления нарушенных прав в компетентном органе**» (п. 8.6 Соображений КПЧ от 24.07.2014 г. по делу «Марина Коктыш против Республики Беларусь»), поэтому мы имеем нарушение ст. 17 Конституции РФ в контексте п. 1 ст. 9 Декларации о праве, п. 3 ст. 2 Пакта, ст. 13 Конвенции. А поскольку преступления в отношении Жертв совершаются совершенно открыто, поэтому нарушена ч. 3 ст. 17 Конституции РФ, предусматривающая недопустимость осуществления прав посредством нарушения прав других лиц, что было известно еще с древности: *factum unius alteri nocere non debet* – действие одного (лица) не должно вредить другому с учетом: *vim vi repellere licet* – насилие разрешено отражать силой – налицо. Поскольку конституционные права **почти** в полной мере отражают объем и содержание основных прав и свобод, гарантированных нормами международного права, поэтому обоснование нарушения конституционных прав и свобод фактически является и обоснованием нарушения основных прав и свобод, гарантированных нормами международного права. То есть нарушения ст. 17 Конституции РФ.

11.2 Нарушение ч.ч. 1, 2 ст. 19 Конституции РФ, гарантирующих равенство всех перед законом и судом и защиту от дискриминации, выражается в том, что, как органы «следствия» и «надзора», так и «эксперты» при производстве судебно-психиатрических якобы экспертиз и якобы освидетельствований наделены правом фальсифицировать доказательства и поэтому о равенстве всех перед законом не может быть и речи. В судах же Беззаконие и Произвол стали тотальными и всё только потому, что суды обслуживают исключительно криминальную исполнительную и законодательную власти, которые в свою очередь формируют для своих криминальных целей **обслуживающую их** власть судебную. Общая деградация судебной власти обусловлена тем, что она **умышленно приспособлена** для откровенно преступной деятельности властей исполнительной и законодательной и находится от них в полной зависимости посредством использования Страха, что завтра **каждый**, оказавшийся за её пределами, станет таким же объектом травли как те, кого умышленно и сознательно криминальный режим Путина В.В. избрал объектом для уничтожения. Если в России кого-то назначают судьей, то это значит, что ему **поручается совершение преступлений** для преступных целей региональных элит,

которым в свою очередь поставлена преступная цель держать в подчинении **любыми преступными средствами** подконтрольное население. А это в свою очередь **неизбежно** меняет мышление и приводит к деградации самих Палачей, которые **сознают**, что если применение преступных средств позволит достичь преступной цели, то это никем и никогда осуждено не будет, о чем свидетельствуют повсеместные пытки, описанные в решениях ЕСПЧ. Так создавались и существовали **все** фашистские режимы. У Жертв при производстве якобы экспертиз и якобы освидетельствований, а также при рассмотрении дел в судах нет вообще никаких прав и с ними что захотят, то и сделают.

В России достаточно стать несогласным с политикой партии **реальных** Жуликов и Воров и всё: эти люди полностью выпадают из правового поля и надеяться в России им уже не на кого и не на что. Получаем ситуацию, описанную Ортега-и-Гассет в «Восстание масс» (Москва, АСТ, 2003 г.): «**Кто жаждет идей, должен прежде них домогаться истины и принимать те правила игры, которых она требует.** Бессмысленно говорить об идеях и взглядах, не признавая системы, в которой они выверяются, свода правил, к которым можно апеллировать в споре. Эти правила – основа культуры. Не важно, какие именно. Важно, что культуры нет, если нет устоев, на которые можно опереться. Культуры нет, если к любым, даже крайним взглядам нет уважения, на которые можно рассчитывать в полемике. **Кто в споре не доискивается правды и не стремится быть правдивым, тот интеллектуальный варвар...** Путник, попадая в варварский край, знает, что не найдет там законов, к которым мог бы воззвать. Не существует собственно варварских порядков. У варваров их попросту нет и взывать не к чему (стр. 68-69)». Конструктивное общение невозможно при двойных стандартах, то есть двойной бухгалтерии, то есть амбивалентности, так как **в таких случаях невозможно развитие мысли у оппонента.** Мысль у Больного останавливается в одной точке и **невозможно** получение её развития, поскольку если Больного заставить **самого** развить свою собственную мысль, то он сам **докажет** её абсурдность. И именно поэтому в точке застревания мысль у Больного меняет свое направление и приобретает противоположное содержание на правильное. Но она вновь возвращается к точке болезни и **все** участники общения попадают в замкнутый круг тавтологии. И из этого круга уже нет выхода. Остается только рубить гордиев узел, связывающий концы: другой оппонент сам **должен** завершить мысль Больного или требовать предоставления доказательств, которые бы подтвердили тот Абсурд, на котором зиждется вся позиция Больного. Однако, так как у Больного доказательств нет и быть не может, поэтому вновь и вновь мы будем получать соскальзывание, то есть нарушение первого закона логики и Паранойю о том, что такое хорошо и что такое плохо.

То есть мы имеем дискриминацию по признаку должностного положения, которое позволяет «правоприменителям» цинично глумиться над подлежащими применению нормами действующего законодательства, фактически объявляя себя вне закона. А поскольку законодательная власть состоит **исключительно** из лиц, **принадлежащих к основной группе Жуликов и Воров**, которая наделила себя правом безнаказанно грабить бюджет России, поэтому под эти криминальные **интересы** подгоняется и само законодательство, и все ветви власти. Поэтому какими бы они независимыми и беспристрастными ни казались, однако **общий интерес** ставит крест и на независимости, и на беспристрастности, и на законности вообще. Это касается общей ситуации.

11.2.1 Что касается конкретно меня, то Путин В.В. **лично** занимается травлей меня, поскольку его суть мне была понятна уже 2000 г. и против **этой криминальной** сути я и выступал. Конечно, Война развернулась против действующего под видом губернатора Магаданской области Цветкова В.И., **жалким подобием которого является Путин В.В.** Однако, так как фальсификация уголовных дел в отношении меня осуществлялась **по одному и тому же сценарию, который сегодня стал уже реальной государственной политикой**, поэтому к концу 2001 г. мне было окончательно понятно кем фактически является сам Путин В.В. – **один из** Бездарных, Бесталанных Воров и Крохоборов. Именно Крохоборов!!!.. Цветков В.И. **разворовывал** бюджет Магаданской области **точно также**, как сегодня разворовывает бюджет России Путин В.В. и для этого используются **те же самые схемы.** По тем же самым схемам, по которым был разворован к 2000 г. ОАО «Магаданрыбпром» и **обогащался лично Цветков В.И.,** по тем же самым схемам **обогащается за счет бюджета Путин В.В. и всё его окружение сегодня.** То есть **вся** Россия сегодня – это Магадан 2000 г.

Но в 2000 г. столкнулись интересы Правозащитника Усманова Р.Р., который

разочаровался в правозащитном движении, видя в нем таких же Бесталанных и Беспольных Крохоборов, какими была российская элита и интересы Ворюги Цветкова В.И., жалким подобием которого является Путин В.В. Но если Цветков В.И. был **один из** губернаторов, то Усманов Р.Р. к тому времени был для **ВСЕХ** уже Кошмаром, **которого знала вся юридическая «элита»**. То, **что и как** я писал **тогда**, не могут себе позволить писать **даже** сегодня. Те иски, от которых **лихорадило** Москву в 1999 г., а Магадан с 1998 г., не предъявляются даже сегодня. Поэтому не удивительно, что именно в Магадане 22.06.99 г. были прекращены судебные полномочия действующих под видом председателя Магаданского облсуда Шматова П.П., двух его заместителей Пронина И.М., Ефремова Б.Г. и председателя Магаданского горсуда Сошников В.А., то есть была полностью обезглавлена судебная власть в субъекте Российской Федерации (<https://cloud.mail.ru/public/F3xw/5tyvhMRhJ>). Только я за всю историю института им. Сербского В.П. отправил на скамью подсудимых двух его «врачей» за взятки (<https://cloud.mail.ru/public/BLD3/GVav6hDxu>). Достаточно почитать определения Верховного Суда РФ (<https://cloud.mail.ru/public/HtBT/suVvGXXDj>), чтоб составить картину того Ужаса, который я внушал в **не имеющих юридического образования** российских Мракобесов в мантиях и мундирах. И это не все решения по мне. Не мало решений **отсутствует** в информационной базе. Однако, например, в определении от 03.08.99 г. по делу № 5-г99-54 читаем: «У. обратился в Московский городской суд с заявлением о признании действий, как указано в заявлении, "так называемых судей из Перовского межмуниципального суда г. Москвы В., К.А., Ш., К.В. и О. преступными, а сам Перовский суд г. Москвы как преступный государственный орган и взыскать из казны финансового управления ВАО моральный вред в размере из расчета 1000000 (одного миллиона) долларов США в рублевом эквиваленте. Принять рассмотрение данного иска к своему производству, поскольку преступный орган - Перовский суд находится в г. Москве"». В определении от 24.09.99 г. по делу № 5-г99-76 написано: «Как следует из содержания жалобы У., он просил Московский городской суд "признать действия Ю.И. Скуратова преступными и принять меры к возбуждению уголовного дела в отношении сотрудников милиции Г. и других, сотрудников прокуратуры г. Москвы, в том числе прокурора этого города и Генерального прокурора России Ю.И. Скуратова; признать действия Ю.И. Скуратова по организации преступного сообщества из сотрудников прокуратуры преступными и принять меры к возбуждению уголовного дела в отношении него по ч. 3 ст. 210 УК РФ; принять меры к возврату принадлежащих Э. имущества и документации"». А если еще учесть, что я в 2001 г. **официально** заявлял отводы «судьям» Верховного Суда РФ, как Мразям, Тварям и Ублюдкам, то никого уже не должно удивлять, что у многих было желание, чтоб я замолчал навеки.

У «прокуроров» со мной были **реальные** проблемы, так как, помимо того, что я создал практику обжалования в суд их действий и решений, так еще после вынесения 14.02.2000 г. Конституционным Судом РФ Постановления № 2-П по моей жалобе в защиту Дубровской А.Б. (<https://cloud.mail.ru/public/BLD3/GVav6hDxu>), для них наступили **черные времена** состязательности и равноправия сторон, где выиграть у меня судебный процесс было невозможно и поэтому дела либо вообще не рассматривали, либо препятствовали в их инициировании, либо от меня избавлялись всеми даже немыслимыми способами. Но в суд я, как правило, попасть не мог и был лишен возможности задавать вопросы своим Палачам.

Когда я шел на выборы в губернаторы Магаданской области, то у меня была самая короткая предвыборная программа: я создал бы отдел по работе с обращениями граждан, целью которого было решение их вопросов и вовлечение граждан в решение региональных проблем. И я объяснил, что если по трем обращениям гражданина не принято окончательное решение, то такие обращения рассматривал бы я сам. В случае, если чиновник **по своей вине** не рассмотрел бы **надлежащим** образом поднимаемые гражданином вопросы, то он был бы просто уволен. Я не отрицаю, что являясь губернатором, занимался бы Бизнесом, но у меня иные представления о Бизнесе, поскольку Бизнес я понимаю как способность **вкладывать** средства в создание **эффективного** производства, целью которого является извлечение прибыли, а не хищений, чем в основном в России и занимаются. В отличие от многих «бизнесменов» я **по своей воле читал соответствующую** литературу, среди которой была «Деньги, банковское дело и денежно-кредитная политика» Долана Э.Дж. и других (<https://cloud.mail.ru/public/AWni/sMwmjCcqL>). Но создав эффективную экономику, я не позволил бы регион сделать дойной коровой для Воров и Крохоборов и Путин В.В. это

прекрасно понимал, так как это хорошо понимал Ворюга Цветков В.И. И правоохранительные органы вместе с судами занимались бы своим делом, а не участием в Грабежах и Разбоях. И поэтому я не устраивал практически весь Сброд, который Магаданскую область сделал источником личного обогащения при отсутствии мозгов, но наличии должностей. **Очень многие понимали**, что они **в лучшем случае** отправились бы на пенсию, а самые одиозные фигуры, такие как Взяточник и Убийца Носиков Н.Н. и специалист по занятию сексом под забором Чижова В.К. отправились бы на скамью подсудимых, где их реальное место. Это не значит, что я устроил бы какой-то террор и удовлетворял бы свои амбиции, но все бы поняли, что эре Беззакония и Произвола пришел конец. Многие из того, что я мог бы рассказать объяснено в незаконченной книге «Шоковая терапия для судебной власти или апология «сумасшедшего» № 2», которую необходимо переработать с учетом моих новых знаний. Но я хотел бы повторить то, что написал в листовке «Дурдом-Россия», которую написал в МОПНД в апреле 2002 г.: «Последнее время меня часто спрашивают: «Чего Вы хотите?» Я хочу **процветания** своей Родине, **которое невозможно без ОТВЕТСТВЕННОСТИ каждого за результаты своей деятельности**. Я уверен, что права человека – это единственный стимул развития общества, поэтому я ищу механизм, с помощью которого **любой** гражданин сможет реально защищать свои права. Мне не по душе психически больные «пастухи» Леоновы, Носиковы, Ефремовы, которые устроили реальный кошмар, но не на улице Вязов, а в России и во благо своей ненасытной утробы. Я не хочу, чтоб власть представлял местный криминальный авторитет, **который в сферу своих преступных интересов вовлекает десятки людей, калеча их сознание**».

11.2.2 При решении данного вопроса необходимо учитывать и то, что в настоящее время в отношении меня в СУ СК РФ по Нижегородской области откровенно преступными способами возбуждено и нагло фальсифицируется уголовное дело № 11331, состоящее из двух дел (<https://cloud.mail.ru/public/64VT/2a4YKgt1M>) и уже в рамках этого дела меня вновь признали невменяемым с нарушениями, описание которых выше покажется просто детской забавой. Вот то, что **реально** происходило в ГБУЗ НО «НОПНБ № 1»: <https://cloud.mail.ru/public/7vr6/XLTemUhYb> и в мае 2016 вообще: <https://cloud.mail.ru/public/DiAA/eLFybFDYu>. Но если в Кирове «правоохранительные» и «судебные» органы приняли участие в хищении 1 240 000 рублей, то в Нижегородской области Банда Кущевского Режиссера Головореза Бондар А.В., являющегося зятем Устинова В.В. и **сформировавшего весь состав верховного якобы суда**, забрала у меня вообще **все** принадлежащее мне на праве личной собственности имущество и документы (<https://cloud.mail.ru/public/KNdQ/VbyzJuCDo>). Естественно, что попасть в суд не могу ни я, ни мои защитники и представители. По данному вопросу Сообщение будет направлено в ближайшее время. Интересным же фактом является то, что меня **незаконно** лишили права на компенсацию за незаконное уголовное преследование в связи с заведомо ложным доносом не имеющего юридического образования действующего под видом заместителя Бондар А.В. Толмачева А.А., который у Головореза подрабатывал секретарем, когда они формировали судейский корпус в верховный якобы суд: <https://cloud.mail.ru/public/3Cn8/Qu2C9KvN8>, <https://cloud.mail.ru/public/FYyy/J6r2fwrDJ> и другие.

Путину В.В. и членам его Шайки Головорезу Бондар А.В. с его Бандитами бесполезно, например, в заявлении № 2858 от 10.04.16 г. объяснять:

1.1 Мы объясняем: «Представьте себе, что **вас зимой** выгнали с места вашего проживания без сменной одежды в чужом городе и без средств к существованию. Что бы вы стали делать? И это при том условии, что жаловаться в полицию, прокуратуру, ФСБ, суд и еще куда-либо совершенно бесполезно, так как в полиции, прокуратуре, ФСБ, суде и вообще **во всех** органах государственной власти это признают явлением нормальным. И эти Издевательства длятся ни день, ни неделя, ни месяц. Этим Издевательствам, именуемым в уголовном праве, как Истязания посредством психологической Пытки, что является преступлением, предусмотренным п. «д» ч. 2 ст. 117 УК РФ, пошел уже **пятый месяц!**»

1.1.1 То есть в органах государственной власти Нижегородской области вообще нет людей, элементарно имеющих положительные человеческие качества, хотя бы такое, как эмпатию. Можно **констатировать** у представителей власти Нижегородской области такие отрицательные человеческие качества, как Садизм, то есть получение удовольствия от **умышленного** причиняемого вреда другому человеку. И для решения

этого вопроса необходимо назначение психологической экспертизы для установления глубины психологических страданий, обусловленных не столько лишением возможности пользования своим имуществом, сколько предоставлением отписок, в которых **невозможно** найти ответы по существу поставленных вопросов и которые являются **способом** причинения вреда как материального, так и морального. Сами отписки говорят о том, что имущество и документы Усманову Р.Р. не будут возвращены никогда и органы власти сделают все возможное и невозможное, чтоб вред был причинен как можно больший. Фактически это является способом доведения до самоубийства, и преступлением, предусмотренным ст. 110 УК РФ, поскольку **каждая** отписка лишает заявителя возможности защитить свои права и законные интересы в установленном законом порядке. **Каждая** отписка фактически, во-первых, указывает на систематическое унижение человеческого достоинства, а, во-вторых, направлена на то, чтоб сломить волю к защите нарушенных прав и законных интересов. То есть, обращения в органы власти Нижегородской области при сложившемся правоприменении являются эффективным пыточным механизмом, приводящим к естественному результату: создается ситуация повышенной напряженности и эмоциональности, в результате чего Жертва подвергается бесчеловечному обращению, поскольку ей причиняются **реальные** нравственные страдания, обуславливающие гамму чувств страха, тоски и неполноценности, способные унижить и оскорбить её, а также направленные на то, чтоб сломить физическое и моральное сопротивление и чтоб вынудить Жертву действовать против её воли и совести. (§§ 30-33 Постановления от 21.12.10 г. по делу «Кузьменко против РФ») Делается всё возможное и невозможное, чтоб Жертва отказалась от защиты нарушенных прав, свобод и законных интересов.

1.1.2 Таким образом, для разрешения рассматриваемых правоотношений необходимо назначение психологической экспертизы. На разрешение экспертов необходимо поставить следующие вопросы:

1) Вызывают ли нравственные страдания ответы органов власти, не содержащие ответы на доводы заявителя?

2) Является ли психологической пыткой **систематическое** предоставление ответов, не содержащих ответы на доводы заявителя?

3) Вызывает ли понимание у Жертвы нравственные страдания от того, что представители власти получают заработную плату из бюджета РФ, то есть за счет самих Жертв за то, что они систематически причиняют вред Жертвам? То есть, вызывает ли понимание у Жертвы нравственные страдания от того, что она фактически обеспечивает безбедную жизнь причинителя вреда?

На разрешение экспертов предоставить **все** надзорные производства в органах власти, куда обращался Усманов Р.Р.: губернатор Нижегородской области, прокуратура Нижегородской области, прокуратура Сормовского района, Нижегородский областной суд, квалификационная коллегия судей Нижегородской области, Сормовский районный суд, Нижегородский районный суд, Московский районный суд, УФСБ РФ по Нижегородской области, СУ СК РФ по Нижегородской области, УМВД РФ по Нижегородской области, отдел полиции № 8 УМВД РФ по Нижегородской области.

1.2 То есть с 28.11.15 г. при пособничестве прокуратуры в отношении Усманова Р.Р. **пятый месяц** однозначно совершается преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 160 УК РФ.

11.2.3 С 28.11.15 г. по сегодняшний день, то есть 20.07.16 г. не сложно посчитать на какое время Путин В.В. и члены его Шайки Головорез Бондар А.В. с его Бандитами лишили меня права пользоваться принадлежащим мне на **праве личной собственности** имуществом. То есть фактом является то, что Путин В.В. со своей Шайкой расправлялся и расправляется со мной именно за то, что я был **способен созидать**, а не только уничтожать и именно поэтому многие стараются даже не упоминать обо мне. А поэтому я утверждаю, что подвергался и продолжаю подвергаться преследованию Мафиозным режимом Путина В.В. по политическим мотивам и нагло подвергался и подвергаюсь дискриминации, так как не имел и не имею права на защиту закона.

11.3 Нарушение права на жизнь, гарантированное ст. 6 Пакта, ст. 2 Конвенции, ст. 20 Конституции РФ выражается в том, что если Жертву убьют в психиатрическом

стационаре или же она покончит жизнь самоубийством под воздействием нейролептиков, то есть когда она подвергается реальным пыткам и истязаниям, то никто проводить проверку в установленном законом порядке не будет. В КОГКУЗКПБ я своими глазами видел, как был **убит** Борисихин О.Л. Видел я своими глазами в СПбПБСТИН труп повесившегося на дверной ручке, а потом пол дня пролежавшего в проходе палаты. Слышал я не мало рассказов и о том, как Жертвы кончали жизнь самоубийством посредством разбитых стекол. А по факту покушения на моё убийство в условиях психиатрического стационара я не могу добиться проведения проверки с 15.07.02 г. Если кого-то в психиатрическом стационаре **захотят** убить, то там мастеров найдется не мало, поскольку пытки и истязания там - явление совершенно заурядное. А о Страхе перед нейролептиками можно поинтересоваться у **любого**, кто прошел через этот Ад.

11.3.1 Со слов пациентов психиатрической больницы № 3 в пос. Комсомольский Богородского района Нижегородской области был такой «психиатр», как Зайцев Александр Владимирович, на совести которого **три смерти**. А «психиатр» Смирнов Михаил Дмитриевич **закалывал ВСЮ ПАЛАТУ** только за то, что Цветков Валентин написал записку о том, что группа лиц собирается в побег, хотя этого не было. Он же регулярно угрожает не только пациентам, **но и родителям**, что если они будут «бухтеть», то он их отправит на Казань. Поразительным является и то, что в этой больнице умудряются диагностировать параноидную шизофрению и «лечить» ее при **полном отсутствии** ее признаков, как это имело место в деле Беляева Вячеслава Юрьевича. Это доказывает как некомпетентность нижегородских «психиатров», так и их исключительную опасность для окружающих.

11.3.2 В книге жалоб и предложений КОГКУЗКПБ за № 3 представлена следующая жалоба: «**Жалоба** на Разумову Наталью Николаевну, медсестру I отделения психиатрической больницы. 3 июня 2012 г. она и больной I отделения Алексей Предеин избили Сергея Булгакова. Молодого парня, который лежал на втором посту I отделения. На утреннем или обеденном приеме лекарств [я точно не помню – это вписано сверху, авт.] он схитрил и не выпил таблетки, а положил их в карман. Это заметила Разумова Н.Н., что и привело её в ярость. Она сказала А. Предеину, чтоб он перевел Булатова на 1 пост. С Булатов на соседний пост идти отказался. Тогда Предеин вывернул назад обе руки Булатову и повёл его к дверям отделения, где им по пути встретила Разумова, которая и принялась его избивать. Сначала в полную силу била его руками по голове, затем стала пинать его ногами, при этом громко орала на него матом. По моему за такие вещи дают уголовный срок, а не назначают на место старшей медсестры в период ее отпуска (как я слышал). Всё описанное может подтвердить сам Сергей Булатов.

По моему мнению такой медсестре не место в лечебном учреждении и руководство больницы сделает из этого инцидента правильные выводы и возьмёт на её место более достойного и адекватного человека, а [заштрихованное место] также привлечет к делу полицию, чтоб Разумова Н.Н. ответила за свои поступки по всей строгости закона.

Что касается рабочих обязанностей, то Разумова их выполняет далеко не всегда. Например на моём случае. У меня от приёма препарата трифтазина (длительного приёма) возникают (возникает, сейчас его отменили) приступ света и звукобоязни. Чувствуешь в эти приступы себя ужасно, мысли только об одном, о самоубийстве, только бы поскорее этот кошмар закончился. Я терпел сколько мог, потом не выдержал, заревел, и пошёл просить успокоительных у Разумовой Н.Н, она в этот день дежурила на отделении, на котором я лежал. Она сказала, что таблетку фенозепама или укол реланиума может сделать только с согласия дежурного врача, чего делать она не собирается (звонить деж. врачу). Сказала, что будет сидеть и слушать, как я ворочаюсь в постели. Что в общем она и сделала. На мою просьбу помочь также не отреагировала и вторая медсестра (не помню кто точно). Сказав, что она работает на другом, на соседнем посту, и делать тоже ничего не будет. Подобная ситуация повторялась два раза, причём именно с Разумовой Н.Н. (в разное время), пока не назначили другой препарат, к которому нет индивидуальной непереносимости. Такие вот дела. А что касается её поведения, то слышишь только её бухтение, недовольство, выраженное в грубой и громкой форме, да постоянные придирки. Причём часто ругается вслух матом. Работая на втором посту I отделения она

не считается с правилами больницы и балует больных чаем, когда им это захочется, даже в вечернее время, когда им это противопоказано (могут не уснуть). Позволяет себе грубости в отношении больных Вежливо разговаривает [только – вписано сверху, авт.] с вышестоящими по должности – старшей медсестрой, врачами и Андреем Васильевичем, главврачом, и (ещё) с процедурной медсестрой, Раисой Егоровной).

Мои слова могут подтвердить другие больные, которые лежали и находились со мной рядом. Всё. Надеюсь, что всё мной написанное будет прочтено главврачом больницы Огорельцевым Андреем Васильевичем. Спасибо. инвалид II группы Блинов Н.Г.».

С этой жалобой Убийца Огорельцев А.В. ознакомился 25.06.2012 г.

11.3.3 В Грайворонской психиатрической больнице Белгородской области 15.12.14 г. в результате казни нейрорептиками покончил жизнь самоубийством Шестаков примерно 26-27 лет, перерезав себе горло оконным стеклом и никто, как минимум, за доведение до самоубийства (ст. 110 УК РФ) не понес никакого наказания.

11.3.4 В Постановлении ЕСПЧ от 03.04.01 г. по делу «Кинан против Соединенного королевства» достаточно подробно рассмотрен вопрос о самоубийствах лиц, получающих психотропные препараты. Там, в частности, разъяснено: «48. Что касается риска, связанного со случаями завершённого самоубийства, то, как показывают исследования, у заключенных степень этого риска выше, чем у остальной части населения, и один из десяти человек, страдающих шизофренией, кончает жизнь, и что **четыре пятых из всех, кто кончает жизнь самоубийством, проходят лечение с использованием психотропных препаратов.** (Выше названные цифры взяты из учебника по психологии Оксфорда – *the Oxford Textbook of Psychiatry, OUP, 1983* – и имеют широкое хождение.)

44. В письме, дата которого не установлена, полученном доктором Робертсом после 15 мая 1993 г., Марк Кинан сообщал: «Как вы хорошо знаете, я нахожусь в тюрьме за нападение на Дж.С. (G.S.), за что получил 4 месяца. Я больше так не могу. Я виделся тут с доктором Роу, который выписал мне новые таблетки, фензодин, такие белые таблетки, как сладкие подушечки. Я от них с ума сходил, и все кончилось тем, что я напал на двух сотрудников тюрьмы. Я вас прошу, назначьте мне лечение, когда я выйду отсюда, вылечите меня. Раньше, в Bmth (Королевская больница "Вифлеем" (*Bethlem Royal Hospital*)), я тоже принимал лекарства, состояние у меня неустойчивое, доктора тут мне совсем не помогают. Мне нужна помощь, пожалуйста, напишите обо мне начальнику тюрьмы, я больше этого не вынесу».

Когда я читал это Постановление, я его читал как сказку, где описаны не просто сказочные по сравнению с Россией условия содержания, но и лечения. То есть оказывается, что есть в мире практика, которая уже в **2001 г.** была приближена к стандартам, позволяющим в человеке видеть Человека. Конечно, в этом Постановлении есть свои вопросы. Однако это Постановление порождает вопросы к мафиозной России гораздо больше, а к не имеющим медицинского образования российским «психиатрам», заявления о привлечении их к уголовной ответственности в поголовном порядке.

11.3.5 Массу примеров трагедий, связанных с карательной психиатрией можно найти на ленте Фейсбука: <https://www.facebook.com/profile.php?id=100007844976936>.

11.4 Нарушение права не подвергаться пыткам или жестокому бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию, гарантированное ст. 7 Пакта, ст. 3 Конвенции, ст. 21 Конституции РФ заключается в том, что якобы экспертизы и якобы освидетельствования в отношении меня **всегда и везде** проводились не в экспертных учреждениях, приспособленных для этих целей, а в Свинарниках с условиями содержания для Животных **с нарушением всех прав.** Помещения не отвечали санитарным нормам, установленным для больниц. В КОГКУЗКОКПБ им. Бехтерева В.М. питание **реально** предназначалось для Животных и только для того, чтоб они не протянули ноги. Питание в ГБУЗ НО «НОПНБ № 1» предназначено для узников Освенцима: <https://youtu.be/YJvW1obfkP8>. Содержащиеся там Животные не имели права на общение с внешним миром в условиях, отвечающих п. 1 «с» Принципа 13. Права на информацию о своих правах и порядке их осуществления Животные не имели и поэтому они не имели и самих прав. Лично мне отказались разъяснить **все** мои права **и порядок их осуществления в письменном виде ВЕЗ-ДЕ**, несмотря на то, что **разъяснение** прав прямо предусмотрено не только п. 1 Принципа 12, п. 1 ст. 22 Рекомендаций, но и ч. 1 ст. 37 Закона «О психиатрической помощи...». То есть Жертв при производстве судебно-

психиатрических якобы экспертиз и якобы освидетельствований подвергают бесчеловечному обращению с унижением достоинства. Переступая порог якобы экспертных учреждений в частности и психиатрических стационаров вообще, Жертвы о достоинстве могут забыть (<https://cloud.mail.ru/public/7vr6/XLTemUhYb>).

11.4.1 Следует иметь ввиду, что так как «психиатры» неспособны производить расчет реальной дозы применяемых препаратов, то даже при наличии показаний для их применения, Жертвы подвергаются ими Пыткам и Истязаниям. Безнаказанность и Бесконтрольность привели российскую «психиатрию» к тому, что Пытки и Истязания посредством нейролептиков стали заурядным явлением. То, что определенные препараты являются средством нападения разъяснено в Постановлении Европейского Суда от 12.02.04 г. по делу «Перес против Франции». О том, ЧТО это такое, я написал в письме от 10.12.10 г.: «Я звоню Шадрину и каждый раз спрашиваю, получил ли он что-нибудь от меня и прочитал ли он это «что-нибудь»? И каждый раз слышу один и тот же ответ: «Ничего не получал». А это значит, что ничего не получали ни Дима Лызлов, ни Александр, ни Сергей Саяпин. Я не знаю, что еще надо сказать по этому поводу и какие слова можно подобрать, чтоб они достигли своей цели... Галоперидол – это страшно и невероятно, невероятно, невероятно тяжело. Тяжело все: думать, просыпаться, вставать с постели и идти принимать пищу. Все, что связано с мыслью, с осознанием окружающего – это все **НЕВЫНОСИМО**. Его придумали и применяют настоящие садисты, те, кто не испытывали его на себе. Я никогда не поверю, что эти изверги пробовали действие галоперидола на себе, иначе бы они никогда не писали бы те абсурдные инструкции, которые не отражают всех мук, через которые проходят его жертвы. Слово «муки» - это очень мягкое определение, не отражающее истинного положения вещей. Вопрос заключается не в том, что невозможно проснуться, вопрос заключается в том, что просыпаться нет никакого желания. Даже писать эти строки – мука, так как каждая строка дается с невероятным трудом. Я просто не могу написать всего, так как для меня это невозможно, но я бы хотел, чтоб Алексей, Дима Лызлов, Тамара Алексеевна и особенно АЛИЯ подали свой голос. Я же еще 01.12.10 г. просил об этом. Скажите: как я должен просить, чтоб меня услышали?»

11.4.2 О том, что нейролептики являются средством, позволяющим ЭФФЕКТИВНО ПЫТАТЬ сказано и в статье «Истязание и пытка: уголовно-правовой анализ» В. Векленко и М. Галюкова, где для умственно полноценных разъяснили: «По мнению аналитиков уголовного права, к физическим **страданиям** относятся также **истощающие нервную систему** человека психофизиологические нарушения, **вызываемые многократным введением в его организм разного рода психостимуляторов**, галлюциногенов, других средств и препаратов наркотического, токсического **или психотропного свойства**». Так же только для умственно полноценных одна из ведущих патопсихологов Европы М. Вольф разъяснила, что нейролептики «параллельно с уменьшением (снижением) шизофренической симптоматики за счет торможения дофаминэргической системы, можно констатировать вторичные эффекты, вызывающие новую симптоматику: **больному трудно мыслить, трудно сконцентрировать свое внимание; происходит расстройство когнитивной сферы...**» («Патопсихология и ее методы», Питер, 2004 г., стр. 166).

11.4.3 Что НЕ ХОТЯТ понимать российские Изверги и Палачи в мантиях, мундирах и белых халатах? Они не хотят понимать, что нейролептики, например, вызывают **астению**, то есть самостоятельное психическое расстройство. По мнению Жарикова и Тюльпина: «Проявления астении крайне разнообразны, но **всегда** можно обнаружить такие **основные** компоненты синдрома, как *выраженная истощаемость* (утомляемость), *повышенная раздражительность* (гиперестезия) и *соматовегетативные расстройства*. Важно учитывать не только субъективные жалобы больного, но и объективные проявления перечисленных расстройств. Так, истощаемость хорошо заметна при длительной беседе: при нарастающем утомлении больному **становится все труднее понимать каждый следующий вопрос**, ответы его становятся все более неточными, наконец он отказывается от дальнейшего разговора, поскольку **не имеет больше сил поддерживать беседу**» («Психиатрия», стр. 195).

11.4.4 Нейролептики, как правило, вызывают сонливость, что по международной классификации болезней (МКБ – 10) так же является психическим расстройством. Меня на протяжении длительного времени погружали в сон от 15 до 20 часов в сутки. У

Чаадаева мы читаем: ««50. Вы часто слышали, что сон есть подобие смерти; это совершенно неверно. Я нахожу, что именно сон скорее есть настоящая смерть, а то, что называется смертью, быть может, и есть жизнь? Во сне жизнь моего Я прерывается, в смерти этого нет; ибо, если бы при этом перестало существовать мое Я, наступило бы уничтожение. Из могилы нет возвращения, но после сна мы возвращаемся к своему Я. Но скажите, жизнь ли это, когда нет мысли о том, что живешь, хотя бы в течении данного мгновения? 51. Дело в том, что в сущности настоящая смерть содержится и в самой жизни. Мы бываем мертвы, совершенно мертвы половину своей жизни без преувеличения, без иносказания, но в буквальном, истинном смысле слова мертвы. Тысячу раз в день, если вы внимательно посмотрите на самих себя, вы увидите, что за мгновение перед тем в вас было не больше жизни, чем до вашего рождения; что **в вас не было ни малейшего сознания своих поступков**, ни даже ощущения своего существования. Где тут была жизнь? Жизнь дерева, в лучшем случае жизнь зоофита, даже не жизнь одушевленного существа и уж, конечно, не жизнь существа разумного. 52. Жизнь то и дело ускользает от нас, затем она возвращается, но было бы неверным утверждать, что мы живем непрерывно. **Жизнь разумная прерывается всякий раз, когда теряется сознание**. Чем больше таких минут забвения, тем меньше жизни сознательной, а если нет ничего, кроме таких минут, это и есть смерть. Чтоб умереть таким образом, не нужно уходить из этой жизни, а другой смерти, конечно, нет. **Смерть в жизни – только и есть смерть**. 53. Однако условимся. Когда я говорю: сознание, я подразумеваю не то идеологическое сознание, на котором построена современная философия, - простое чувство нашего существования. Я подразумеваю иное сознание, благодаря которому мы не только чувствуем, что живем, **но знаем, как мы живем**. Я подразумеваю дарованную нам власть во всякую данную минуту **влиять** на минуту грядущую, творить самим свою жизнь, вместо того чтобы предоставить ее собственному течению, **как это делает скотина**. Окончательная утрата сознания – вот что убивает безвозвратно, и знаете ли почему? Потому что это и есть вечное ПРОКЛЯТИЕ. Может ли разумное существо навлечь на себя большую муку, чем небытие?» (т. 1 стр. 458-459).

11.4.5 Нейролептики вызывают спутанность сознания. **Спутанность сознания** («Толковый словарь психиатрических терминов», Блейхер М.В., Крук И.В.) - форма помрачения сознания, при которой сочетаются отдельные элементы различных его синдромов — делирия, аменции — при значительной выраженности амнестических расстройств. Типичны продуктивные психопатологические симптомы (бред, иллюзии, галлюцинации). Чаще наблюдается в пожилом и старческом возрасте. Различают С. галлюцинаторную (возникает на высоте развития вербального галлюциноза), кататоническую (развивается при выраженном кататоническом возбуждении), конфабуляторную (наступает при конфабулезе, чаще всего при интоксикациях, инфекционных или сосудистых психозах), маниакальную (на высоте маниакального возбуждения), сосудистую (при острых сосудистых психозах или при обострениях, особенно в ночное время, хронически протекающей сосудистой патологии), старческую (особенно при сенильных делириях). С. эпилептическая протекает чаще с возбуждением и бредом и может наблюдаться в период припадка или во время статуса, генерализованного или фокального несудорожного. Возможна также послеприпадочная эпилептическая С.

11.4.6 Нейролептики вызывают паркинсонизм. **Паркинсонизм** («Толковый словарь психиатрических терминов», Блейхер М.В., Крук И.В.) - симптомокомплекс, мало отличающийся от клинической картины при болезни Паркинсона. Некоторые особенности могут быть обусловлены этиологическими моментами, так как П. наблюдается при различных заболеваниях (эпидемический энцефалит, черепно-мозговая травма, опухоли головного мозга, церебральный атеросклероз, нейролептическая энцефалопатия и т.д.), поражающих подкорковые, в первую очередь — базальные, ядра и приводящих к нарушению обмена катехоламинов.

11.4.7 Нейролептики вызывают депрессию. **Депрессия** («Толковый словарь психиатрических терминов», Блейхер М.В., Крук И.В.) - синдром, характеризующийся пониженным настроением (гипотимией), торможением интеллектуальной и моторной деятельности, снижением витальных побуждений, пессимистическими оценками себя и своего положения в окружающей действительности, соматоневрологическими расстройствами (см. *Протопопова триада*). По А.В. Снежневскому [1983], Д. присущи такие когнитивные свойства, как отрицательная, уничтожающая оценка собственной личности, внешнего мира и будущего. Депрессивные состояния отличаются большим многообразием и распространенностью. Схематически выделяют девять основных клинических вариантов Д., объединяемых в три группы [Kielholz P., 1970]:..

11.4.8 **Синдром психотической брани** [Pary R.J., 1979] («Толковый словарь психиатрических терминов», Блейхер М.В., Крук И.В.). Описан как редкое **осложнение после длительного применения нейролептиков**. Характеризуется копролалией, гримасами и нарушением артикуляции в сочетании с пароксизмальным миганием глаз. Отсутствуют признаки орально-буккальной или жевательной дискинезии, а также произвольные движения конечностей. Рассматривается как проявление редуцированного Жюль де ла Гуретта синдрома.

11.4.9 Нейролептики вызывают тремор, головокружение и другие «прелести», что испытал ваш покорный слуга. Любопытно, как нейролептики воздействуют на почерк, то есть на способность вывести правильно букву. **Старания бесполезны. Вроде все понимаешь, а сделать ничего не можешь.** То, это каракули, то это такой мелкий почерк, что его сам не можешь разобрать. И это называется «лечением».

11.4.10 Нейролептики вызывают когнитивное расстройство и не легкое, а тяжелое. Согласно международной классификации болезней, легкое когнитивное расстройство (F06.7) подлежит лечению.

11.4.11 Нейролептики вызывают целый комплекс нарушений настроения (аффективные расстройства).

11.5 Нарушение права не подвергаться пыткам, жестокому бесчеловечному и унижающему достоинство обращению в сочетании с правом на мнение, гарантированные ст.ст. 7, 19 Пакта, ст.ст. 3, 10 Конвенции, ст.ст. 21, 29 Конституции РФ по отношению к судам и «правоохранительным» органам, заключается в том, что мои доводы по предметам, подлежащим доказыванию, не отражались в принимаемых решениях. Но если даже и случалось такое чудо, что что-то из того, что я говорил, было отражено в решении, то в нем не было ответов на те вопросы, которые мной поднимались и **из моих доводов полностью изымалось правовое обоснование**, в результате чего доводы утрачивали свой **смысл** и не могли оказать **соответствующее** действие на принимаемое решение. То есть мое общение с «судьями» и иными «правоприменителями» напоминало общение с тяжело психически больными людьми с паралогическим мышлением, основой которого было нарушение первого закона логики, что в психиатрии соответствует соскальзыванию, **в результате чего меняется вся система доказательств**. В поговорке это соответствует: «Я им про Фому, а они мне про Ерему!».

Такой способ ставит Жертву в положение неполноценного человека, которое способно унижить и оскорбить её, поскольку это положение лишает Жертву возможности эффективно защищаться и **обязывает** её отказаться от физического и морального сопротивления, когда «правоприменитель» с **преступной** целью **фальсификации** доказательств **незаконно** лишает Жертву вообще всех прав, создает конфликт интересов, а уверенность в безнаказанности ведет к дискриминации по признаку должностного положения. Но в любом случае при **такой форме общения** преступная цель принятия незаконного, необоснованного и немотивированного решения достигается нарушением **основного** права на **мнение, которое не кладется в основу этого решения**.

11.5.1 В иске № 1 я 15.11.1999 г. писал: «Своими отписками должностные лица показывали Нечаеву С.В., что законами они не руководствуются и не намерены это делать впредь. Своими отписками должностные лица показали Нечаеву С.В., что они стоят выше закона, а созданная ими система подавления, позволяет не только

привлекать к уголовной ответственности заведомо невиновных граждан своей страны, но и унижать их, вселяя чувство безысходности, бесполезности и ущербности перед организованными преступными группами из сотрудников прокуратуры, судей и администрации СИЗО-1. Таким образом, отписки должностных лиц необходимо рассматривать как унижающее человеческое достоинство обращение (психологическая пытка)».

11.5.2 Со временем и ЕСПЧ пришел к аналогичному выводу, например, в § 141 Постановления от 27.07.06 г. по делу «Базоркина против Российской Федерации»: **«Манера рассмотрения ее жалоб властями Российской Федерации представляет собой бесчеловечное обращение, противоречащее статье 3 Конвенции»** (аналогичные доводы в Постановлениях от 05.04.07 г. по делу «Байсаева против Российской Федерации», § 142, от 28.10.10 г. по делу «Сасита Исраилова и другие против Российской Федерации», § 123, от 21.06.11 г. по делу «Махарбиева и другие против Российской Федерации», § 103, от 21.06.11 г. по делу «Гириева и другие против Российской Федерации», § 104 и др.).

11.5.3 Таким образом, тот **способ** общения с российскими «правоприменителями», который навязывался мне, является бесчеловечным, унижающим достоинство обращением и фактически является психологической **Пыткой**, поскольку результат всех этих Издевательств понятен: ответы по существу поставленных вопросов получены не будут, как не будут разрешены проблемы нарушенных прав. То есть нарушение одних прав будет достигаться нарушением других прав. **И чем больше это будет продолжаться, тем более бесчеловечным будет обращение.**

11.6 Помещение в психиатрические стационары – не имеет значения для каких целей – сопряжено с нарушением права на свободу и личную неприкосновенность, которое защищено ст. 9 Пакта, ст. 5 Конвенции, ст. 22 Конституции РФ. Для того, чтоб меня помещать в психиатрические стационары **всегда** фальсифицировались доказательства и на основании сфальсифицированных доказательств меня **всегда** откровенно **преступными способами** лишали и свободы, и личной неприкосновенности, поскольку психиатрические стационары в России идеально приспособлены не только для уничтожения людей как личностей, но и для убийств. А уж самоубийств там более чем достаточно! Поскольку **никто не проверяет и не может проверить правильность** диагностики расстройств мышления, поэтому незаконное лишение свободы и личной неприкосновенности в условиях психиатрического стационара в России стало совершенно обычным и рядовым явлением: <https://youtu.be/jHb1qmNnYdc>, <https://youtu.be/XWQ9zXaXpno>.

11.6.1 Выше я объяснил, что при помещении в психиатрические стационары Жертвам в нарушение п. 2 ст. 9 Пакта, п. 2 ст. 5 Конвенции не сообщаются ни причины ареста (задержания), то есть признаки психических расстройств и не разъясняются **все** права и порядок их осуществления, что и **обеспечивает возможность** для беззакония и произвола. В моем случае мне не разъяснялось и обоснованное подозрение, так как «правоприменители» не указывали **все признаки** инкриминированной ч. 2 ст. 297 УК РФ и, соответственно, не представляли доказательства для обоснования второго признака: отправления Сырчиной Т.Ю. правосудия в отношении меня.

11.6.2 То, как должны решаться вопросы при помещении в стационар рассмотрены выше и достаточно подробно. Однако, если мы будем исходить из того, что «разумный подход **должен** определяться обстоятельствами каждого дела (...) с учетом, главным образом, сложности дела, поведения обвиняемого и того, **каким образом дело разбиралось в административных и судебных органах**» (п. 35 Замечаний общего порядка № 32 КПЧ ООН), то в России о какой-либо законности в суде можно забыть, поскольку добиться исполнения подлежащих применению норм действующего законодательства вещь не реальная, несмотря на то, что «государство также несет ответственность в случае, когда существующий закон не может обеспечить необходимую защиту» (§ 24 Постановления от 23.09.1998 г. по делу «А. против Соединенного Королевства»).

11.6.3 Чтоб добиться получения компенсации в России за незаконное помещение в стационар, как это прямо предусмотрено п. 5 ст. 9 Пакта, п. 5 ст. 5 Конвенции необходимо встать на очередь в ЕСПЧ, лет, эдак, на 10-20, если, конечно, повезет туда вообще попасть. И может быть за такое время **переписки**, Россия и выплатит по 1000 евро за день **незаконного** ареста или задержания в психиатрическом стационаре, как это следует из практики последних 3 лет. Но чтоб получить эту тысячу, необходимо положить **годы** жизни на **титаническую** борьбу и еще неизвестно, не станет ли этот Труд, «трудом» Сизифа (<http://moment-istini.com/video/29807/korrupsiya-moment-istiny-ot-11-07-2016/>) при том, что: "Я не знаю, почему суды Эстонии боятся выносить решения по этой категории дел, защищать личные права со всей строгостью и **присуждать достойную компенсацию тем, кто пострадал от такого рода оскорбительных словесных нападков, но подозреваю, что к этому имеет какое-то отношение наша собственная прецедентная практика**" (замечание судьи Боштьяна Цупанчича в особом мнении Постановления ЕСПЧ от 16.06.15 г. по делу "Компания "Делфи АС" против Эстонии",).

11.7 Что касается нарушения права не подвергаться произвольному и незаконному вмешательству в личную и семейную жизнь, произвольным и незаконным посягательствам на неприкосновенность моего жилища, тайну корреспонденции и незаконным посягательствам на мои честь и репутацию, которые должны защищаться законом от таких вмешательств и посягательств, гарантированных ст. 17 Пакта, ст. 8 Конвенции, ст. 23 Конституции РФ, то это выразилось в том, что когда меня незаконно поместили в КОГКУЗКОКПБ им. Бехтерева В.М., то **всё** моё имущество и документы в нарушение ч.ч. 2, 3 ст. 160 УПК РФ были переданы в распоряжение Мошенницы Шевченко Г.П. с дальнейшей целью превратить мою жизнь в непрекращающуюся психологическую пытку, поскольку ей было разрешено совершать в отношении меня практически любые преступления за исключением только убийства, в чем мы можем убедиться по видеороликам в Интернете. То есть нарушение права на неприкосновенность жилища, и тайну корреспонденции без судебного решения в данном случае является объективным фактом. Здесь нет необходимости описывать все преступления, которые Шевченко Г.П. разрешили совершать в отношении меня, поскольку их было достаточно много и для их установления необходимо истребовать соответствующие надзорные производства.

11.7.1 Однако целесообразным является установление того, что при помещении Жертв в психиатрический стационар к их личной переписке и документам, находящимся дома, допускаются **все** желающие, а из самих стационаров обратиться куда-либо без цезуры - невозможно. О том, чтоб обратиться в органы власти или куда-либо посредством электронного взаимодействия из стационаров не может быть и речи, в результате чего нарушается не только само право на переписку как таковую, но и опять-таки право пользоваться благами научного прогресса и Интернетом, развивать и обсуждать новые идеи и принципы, касающиеся прав человека, и добиваться их признания, которое гарантировано п. 1 ст. 27 Всеобщей декларации, п. 1 «b» ст. 15 Пакта об экономических правах, ст. 7 Декларации о праве, Декларацией о развитии, Рекомендацией № CM/REC(2014)6 Комитета Министров СЕ «О руководстве по правам человека для пользователей интернета», принятые 16.04. 2014 г. Наложение незаконного запрета на пользование благами научного прогресса и Интернетом **автоматически** приводит к нарушению права на общение с защитниками, которые находятся за пределами того населенного пункта, где находится Жертва. В этом случае Жертва лишается доступа к необходимой литературе, которая бы позволила ей писать **адекватные** обращения. Соответственно, Жертва лишается права на самообразование, которое является составной частью права на образование, гарантированное ст. 26 Всеобщей декларации, ст. 2 Протокола № 1 к Конвенции, ч. 5 ст. 43 Конституции РФ. Лишается она и права на мирные собрания, гарантированное ст. 21 Пакта, ст. 11 Конвенции, права принимать участие в ведении государственных дел, гарантированное ст. 25 Пакта, ст. 8 Декларации о праве и т.д. То есть, исключение из правоспособности Жертвы права на пользование Интернетом в психиатрических стационарах автоматически нарушает целый комплекс связанных с ним прав.

11.7.2 Что касается посягательства на честь и репутацию, то **необоснованное** помещение Жертвы в психиатрический стационар само по себе бросает тень на них и ставит под сомнение психическую целостность личности и неспособность адекватно реагировать на обстоятельства. Поэтому не даром Шекспир словами Гамлета объяснил:

Что человек, когда он занят только
Сном и едой? Животное, не больше.
Тот, кто нас создал с мыслью столь обширной,
Глядящей и вперед и вспять, вложил в нас
Не для того богоподобный разум,
Чтоб праздно плесневел он...

11.8 Нарушение права на мнение, а также свободу искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи, независимо от государственных границ, устно, письменно или посредством печати или художественных форм выражения или иными **способами по своему выбору**, гарантированное ст. 19 Пакта, ст. 6 Декларации о праве, ст. 10 Конвенции, ст.ст. 24, 29 Конституции РФ заключается в том, что при решении вопроса о помещении Жертв в психиатрические стационары, Жертвы **всегда** лишаются тех документов, на основании которых их помещают в эти стационары, несмотря на то, что «каждый гражданин Союза, а также каждое физическое или юридическое лицо, проживающее или имеющее свой юридический адрес в государстве-члене, обладают правом доступа к документам институтов, органов и учреждений Союза независимо от их носителя» (ст. 42 Хартии ЕС «Об основных правах»). А поскольку в заключениях, составленных «психиатрами» и «психологами», не могут разобраться сами «психиатры» и «психологи», то было бы странно, если бы в них мог разобраться еще кто-либо. Что же касается меня, то мне копии заключений предоставлялись или мне давали с заключениями **только ознакомиться** перед самым вынесением итогового решения. Но даже предоставление заключения как документа утрачивало смысл на получение документа, поскольку без осуществления права на достаточное время и возможности для подготовки к своей защите (п. 3 «b» ст. 14 Пакта, п. 3 «b» ст. 6 Конвенции) реализация права на получение информации, которой невозможно воспользоваться в условиях эффективных средств правовой защиты, теряет свое значение. **Как правило**, Жертвы не имеют ни малейшего представления о тех документах, то есть основаниях, которые кладутся в решение о лишении их свободы и личной неприкосновенности. После того, как суд первой инстанции выносит свое преступное решение о лишении Жертвы свободы и личной неприкосновенности, добиться отмены такого решения в апелляции и, тем более в кассации при сложившемся правоприменении – вещь нереальная.

11.8.1 Если же мы говорим об уголовном судопроизводстве, то при помещении Жертв на экспертизы они не имеют **никакого** представления о тех документах, на основании которых их помещают в психиатрические стационары. Да и на освидетельствованиях ознакомиться с документами, на основании которых Жертв лишают свободы и личной неприкосновенности – невозможно.

11.8.2 Нарушение прав на свободу мнения выражается еще и в том, что мнение Жертвы в России вообще никого не интересует и оно не кладется в основу принимаемого решения о лишении её свободы и личной неприкосновенности.

Но прежде чем мы будем говорить о праве на мнение, необходимо это право сформулировать, например, с точки зрения КПЧ ООН, обоснованной в Замечаниях общего порядка № 34 разъяснено: «Свобода мнений и свобода их выражения являются неотъемлемыми условиями всестороннего развития личности. Они имеют **ключевое** значение для **любого** общества. Они являются **основополагающими** элементами любого свободного и демократического общества. Эти две свободы тесно взаимосвязаны, поскольку **свобода выражения мнений стимулирует обмен и формирование мнений** (п. 2). Право на **свободное выражения** мнений является **обязательным** условием соблюдения **принципов гласности и отчетности**, которые, в свою очередь, крайне необходимы для поощрения и защиты прав человека (п. 3). Помимо рассматриваемой статьи, гарантии свободы мнений и/или выражения мнений содержатся также в статьях 18, 17, 25 и 27. Свобода **мнений** и их **выражения** лежит в основе полного осуществления широкого круга других прав человека. Так, например, свобода выражения мнений является составной частью осуществления прав на свободу собраний и ассоциаций, а также реализации права голоса (п. 4). С учетом специфической терминологии пункта 1 статьи 19, а также **взаимосвязи** между мнением и мыслью (статья 18) оговорка к пункту 1 была бы несовместима с предметом и целью Пакта. Кроме того, хотя свобода мнений не числится в перечне прав, отступление от которых недопустимо согласно положениям статьи 4 Пакта, следует напомнить, что "в не перечисленных в пункте 2 статьи 4 положениях Пакта есть элементы, которые, по мнению Комитета, не могут быть предметом правомерных отступлений в соответствии со

статьей 4". **Свобода мнений является одним из таких элементов, поскольку ни при каких обстоятельствах не может возникнуть потребность в отступлении от ее соблюдения во время чрезвычайного положения** (п. 5). С учетом взаимосвязи свободы выражения мнений и других закрепленных в Пакте прав необходимо отметить, что, хотя оговорки к конкретным элементам пункта 2 статьи 19 приемлемы, общая оговорка в отношении прав, содержащихся в пункте 2, была бы несовместима с предметом и целью Пакта (п. 6). **Обязательство** соблюдать свободу мнений и их выражения является **юридически обязательным** для каждого государства–участника в целом. **Действия** всех ветвей государственного управления (исполнительной, законодательной и судебной) и других органов государственной или правительственной власти любого уровня (национального, областного или местного) **могут повлечь за собой ответственность** государства–участника. В некоторых обстоятельствах подобная ответственность может наступать для государства–участника также и в отношении действий полугосударственных образований. Государства–участники **обязаны** также защищать людей от **действий частных лиц** или негосударственных образований, **которые препятствуют пользованию свободой мнений и правом на их свободное выражение** в той мере, в какой эти предусмотренные Пактом права могут применяться в отношениях между частными лицами или негосударственными образованиями (п. 7). Государства–участники **обязаны обеспечивать включение** в свое **внутреннее законодательство** прав, содержащихся в статье 19 Пакта, в соответствии с руководящими указаниями, предоставленными Комитетом в своем замечании общего порядка № 31 о характере общего юридического обязательства, налагаемого на государства – участники Пакта. Следует напомнить, что государства–участники **обязаны** предоставлять Комитету в соответствии с докладами, представленными согласно статье 40, информацию о соответствующих внутренних правовых нормах, видах административной практики и судебных решениях, а также **о соответствующей политической практике** и другой секторальной практики, касающейся прав, защищенных статьей 19, с учетом вопросов, обсуждаемых в настоящем замечании общего порядка. Они также **обязаны** включать информацию об **имеющихся средствах правовой защиты для случаев, когда эти права нарушаются** (п. 8)... В соответствии с пунктом 2 государства–участники **обязаны** гарантировать право на свободу **выражения** мнений, в том числе право искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи независимо от государственных границ. Это право включает в себя **передачу и получение** сообщений, содержащих всякого рода идеи и мнения, которые могут быть переданы другим лицам в соответствии с положениями пункта 3 статьи 19 и статьи 20. К ним относятся политические выступления, комментарии на личные или политические темы, сбор сведений, обсуждение вопросов прав человека, журналистская деятельность, культурное и художественное выражение, преподавание, а также религиозные выступления. К ним также может относиться коммерческая реклама. В сферу применения пункта 2 включена даже такая форма выражения мнений, которая может рассматриваться как глубоко оскорбительная, но при этом ее использование может подпадать под ограничения в соответствии с положениями пункта 3 статьи 19 и статьи 20 (п. 11). Пункт 2 **защищает все** формы выражения и **способы распространения мнений**. К таким формам относятся устная и письменная речь, язык жестов, а также такие средства невербальной коммуникации, как изображения и предметы искусства. К способам выражения относятся книги, газеты, брошюры, афиши, баннеры, форма одежды и материалы, не запрещенные законом. **К ним относятся все виды аудиовизуальных, электронных** и основанных на Интернет-технологиях средств выражения (п. 12)».

Однако в России мнение Жертвы никто не собирается опровергать, то есть рассматривать и устанавливать **в этом** мнении признаки какой-либо психической патологии, несмотря на то, что при тяжелом психическом расстройстве это видно невооруженным глазом. При наличии же в судебном заседании психиатра, установить **реальное** нарушение мышления **вообще никакой проблемы не составляет**, поскольку человек **не в состоянии** контролировать свои высказывания и эмоции. Этим высказываниям и эмоциям всего лишь необходимо дать оценку. А если есть еще и **надлежащие** документы, то проблем с вынесением законного и мотивированного решения – нет! Повторяю еще раз: при помещении Жертвы в психиатрический стационар мнение Жертвы вообще не учитывается и вообще никого не интересует, несмотря на то, что **именно это мнение, как способ выражения мышления, должно** учитываться,

что следует из смысла п. 3 Принципа 18, п. 2 ст. 19 Пакта, п. 6 «b» Декларации, п. 1 ст. 10 Конвенции, ч. 3 ст. 29 Конституции РФ.

Что такое тяжелое психическое расстройство можно посмотреть здесь: https://youtu.be/y-XHZV18_tU.

11.8.3 При лишении человека свободы и личной неприкосновенности **в любом виде**, Жертве **должны** быть разъяснены **все** права и порядок их осуществления, как то прямо предусмотрено п. 2 ст. 19 Пакта в интерпретации КПЧ ООН в п. 18 Замечаний общего порядка № 34, п. 1 ст. 10 Конвенции в контексте п. «а» ст. 6 Декларации о праве как общих норм и п. 1 Принципа 12, п. 1 ст. 22 Рекомендаций как специальных норм. Здесь, естественно, необходимо учитывать и Принципы 10, 13 Свода Принципов. При лишении Жертв свободы и личной неприкосновенности вопрос о правах в России вообще не стоит и **доказательства по этому вопросу никто не истребует и не исследует**. То есть, лишение Жертв свободы и личной неприкосновенности при помещении в психиатрические стационары **всегда** сопряжено с нарушением права Жертвы на **информацию о своих правах** и порядке их осуществления как в судах, так и в самих стационарах. И доказать это очень просто: поскольку информация о правах **должна быть** предоставлена в письменном виде и эта информация в силу ч. 3 ст. 204 УПК РФ, ч. 3 ст. 25 Закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» **должна быть составной частью** заключения и в истории болезни, но ничего этого нет, поэтому отсутствие рассматриваемой информации в письменном виде и является доказательством её непредставления. Решить вопрос о правах во время помещения в психиатрический стационар практически невозможно, в чем можно убедиться по п. 5 апелляционной жалобы № 2431 (2433):

Усманов: Вот мы услышали доводы «прокурора»: поддерживаю. Причины, по которым он поддерживает, он назвать не может. Следователь: поддерживаю. Причины, по которым поддерживает, указать не может. То есть их доводы не мотивированы в нарушение части 4 статьи 7 Уголовно-процессуального кодекса. Это НЕ юристы. Это один вопрос. Второй вопрос. Согласно этих материалов, меня никто вообще не знакомил с назначением экспертизы, которая должна была быть проведена 5 августа. Меня вообще никто не знакомил, естественно, с самим заключением и я ничего не получал. То есть согласно вот этих материалов, они неопровержимо доказывают то, что я был лишен вообще всех прав. Теперь, теперь я все-таки убедительно прошу суд ОБЕСПЕЧИТЬ мои права, когда я буду проходить эту экспертизу.

Трухин: Тут не решаем вопрос, как вы будете проходить, мы решаем вопрос о заключении вас в стационар.

Усманов: Значит, решая вопрос о направлении меня на экспертизу, вы ДОЛЖНЫ решить вопрос и о том, как я буду осуществлять свои права во время этой экспертизы. И поэтому я ходатайствую о допуске к участию в деле в качестве моих представителей моей дочери и Ивановой. Они должны быть представителями. Мне в этом отказать никто не имеет права, потому что мне это гарантировано нормами международного права. Мало того, я убедительно прошу обеспечить мое право на участие, на участие в проведении экспертизы защитника.

Трухин: Мы уже сейчас рассмотрели практически вопрос, сейчас в стадии высказывания мнений. Позиция-то у вас какая?

Усманов: Значит, я вам объясняю: вы меня направите на экспертизу – этот вопрос вообще не осуждается.

Трухин: Кого вы просите допустить?

Усманов: Он решен.

Трухин: Вы кого-то просите допустить, защитника?

Усманов: Я ходатайствую о том, чтобы ...

Трухин: Сейчас допустить, на сегодняшнее заседание, или потом в будущем?

Усманов: Нет, при проведении экспертизы.

Трухин: Нет, а сейчас-то вы не просите?

Усманов: Нет.

Трухин: А, ну хорошо тогда снят.

Усманов: Я ходатайствую...

Трухин: Вы понимаете - это сейчас не вопрос. Сейчас вопрос о помещении вас в стационар. Как только процедуры и так далее - это судом не определяется. У вас еще есть дополнение по вопросу о помещении вашему.

Усманов: А кто будет определять процедуру проведения экспертизы? Я хочу знать: кто будет определять - вы же - давайте мы определимся. Вы мне разъясняли права. Правильно?

Трухин: У вас еще есть по существу данного ходатайства о помещении вас в стационар? Есть еще?

Усманов: Раз вы разъясняли мне права, поэтому прошу и обеспечить эти права. Как вы можете...

Трухин: Но вы это не на сегодняшнем заседании, в будущем, не на сегодняшнем.

Усманов: В каком будущем?

Трухин: Это не на сегодняшнем заседании. У вас есть еще по существу вопроса?

Усманов: Я по существу говорю: обеспечьте мои права.

Трухин: Хорошо. Еще что-то есть у вас?

Усманов: Вы что Издеваетесь? Я приношу возражения на противоправные действия председательствующего.

Трухин: Еще доводы есть?

Усманов: Я прошу не подвергать меня бесчеловечному обращению и организовать тщательную и эффективную проверку по фактам бесчеловечного обращения, потому что вы не желаете отправлять Правосудие, то есть вы не желаете защищать мои права. Я прошу вас ОБЕСПЕЧИТЬ мои права. Кто вам вообще дал право нарушать их? Я всего лишь прошу, чтобы во время проведения экспертизы, куда вы меня собираетесь отправить, были мои представители и чтоб я имел право там говорить и это фиксировалось документально.

Трухин: Хорошо, все это занесено и судом будет учтено. Еще что-то есть у вас?

Усманов: Значит...

Трухин: Все тогда?

Усманов: Регламент, пожалуйста, который вы собираетесь дальше, вы собираетесь уйти сейчас для вынесения постановления?

Трухин: Да.

Усманов: В таком случае, рассмотрите, пожалуйста, мое ходатайство о допуске к участию при проведении экспертизы моих представителей и защитника. Вы, пожалуйста...

Трухин: То есть вы сейчас просите, чтобы мы разрешили вопрос об участии в экспертизе в будущем вашего представителя?

Усманов: Вы меня направляете на экспертизу...

Трухин: Мнение сторон.

Бельтюков: Ваша честь! Я считаю, что ему надо отказать, поскольку иные кроме как адвокаты представители подозреваемых, обвиняемых, подсудимых не могут участвовать в судебном заседании. Экспертиза - это не является судебным заседанием.

Усманов: Значит...

Трухин: Мнение следователя.

Новикова: Я согласна.

Трухин: Мнение защиты.

Неупокоев: На усмотрение суда.

Усманов: Я приношу, значит, я высказыванию реплику. Мы получили доказательство отсутствия юридического образования у «прокурора» потому, что при проведении экспертизы должен присутствовать не только защитник, но и представитель в соответствии с ч. 1 ст. 24, ч. 1 ст. 36 Закона «О государственной судебно-экспертной деятельности», пунктами 2, 3 Принципа 12 защиты психически больных лиц и улучшении психиатрической помощи. Это также прямо предусмотрено самим Законом «О

психиатрической помощи...» и Уголовно-процессуальный кодекс, которым не собирается руководствоваться «прокурор», мне дает право, исходя из ПРИРОДЫ рассматриваемых правоотношений - потому что меня помещают в психиатрический стационар - и поэтому должны применяться не только нормы УПК, но и нормы, определяющие права и порядок их осуществления лиц, помещенных в психиатрический стационар. Он этими нормами руководствоваться НЕ намерен. Значит, мне понятно...

Трухин: Ваше ходатайство допустить к участию при производстве уже экспертизы ваших представителей. Да?

Усманов: ...и неукоснительно исполнить – я прошу НЕУКОСНИТЕЛЬНО ИСПОЛНИТЬ – пункты 2, 3 Принципа 12, я прошу неукоснительно исполнить п. 9 ч. 2 ст. 5, ч. 1 ст. 7, ст. 12, части с 3 по 5 ст. 23 Закона «О психиатрической помощи...» - я прошу всего лишь исполнить эти нормы закона, и допустить к участию при проведении экспертизы моих представителей: моей дочери и Ивановой Ирины Александровны.

Трухин: Хорошо. Учитывая, что определение группы участников при производстве экспертизы не относится к компетенции суда при рассмотрении ходатайства о помещении подозреваемого в стационар не содержащегося под стражей, поэтому в рассмотрении ходатайства суд постановил отказать.

Усманов: Значит, я приношу возражения на откровенно преступные действия председательствующего и у меня следующее ходатайство. Я прошу председательствующего разъяснить мне те права и обеспечить, которые я имею в психиатрическом стационаре и вообще права, которые я ДОЛЖЕН реализовать во время экспертизы. Кто мне эти права разъяснит и обеспечит? Я хочу знать: КТО мне разъяснит и обеспечит мои права при помещении меня в психиатрический стационар?..

С 12.08.14 г. получить ясные и четкие ответы на поставленные вопросы, чтоб на основании полученных ответов я мог реализовать свои права – я не могу. А это значит, что я не могу и получить запрашиваемую информацию. То есть нарушение права на получение запрашиваемой информации в рассматриваемой части и циничное нарушение п. 2 ст. 19 Пакта, п. 1 ст. 10 Конвенции – доказано.

11.8.4 Выше в п.п. 3.12.5, 8.3.4, 9.7 я сообщил, что меня, моих защитников и представителей незаконно лишили права на принесение обращений в суд посредством Интернета, что нам было гарантировано не только нормами международного права, но и российским законодательством. В п. 43 Замечаний общего порядка № 34 КПЧ ООН установил, что недопустимо ограничение права на пользование системами распространения электронной и иной информации, основанных на Интернет-технологиях безотносительно содержания. Российские «судьи» систематически создавали незаконно сложности, чтоб воспрепятствовать мне, моим защитникам и представителям инициировать судебное разбирательство посредством Интернет-технологий. То есть систематически нарушали право, гарантированное п. 2 ст. 19 Пакта, п. 1 ст. 10 Конвенции, ч. 4 ст. 29 Конституции РФ во взаимосвязи с правом на обращение в суд, гарантированное п. 1 ст. 14 Пакта, п. 1 ст. 6 Конвенции, ч.ч. 1, 2 ст. 46 Конституции РФ. Помимо того, что я в жалобе № 2474 объяснил незаконность фантазий российских «правоприменителей», но позже я к приведенным в жалобе № 2474 объяснениям добавил еще, например, объяснения в частной жалобе № 2766 от 21.10.15 г. (<https://cloud.mail.ru/public/87ki/xUHPnyKM2>):

1.11.1 Но поскольку Сормовский райсуд возглавляет Коррупционер и Взяточник, то есть ярко выраженный Уголовник Миряшев Руслан Сергеевич, который в нарушение п. 4 ч. 1 ст. 6.2 Закона «О статусе судей в РФ» не осуществляет организацию дополнительного профессионального образования судей, поэтому находящиеся под его руководством Особо Опасные Преступники не выполняют даже требования, предъявляемые к ним в Рекомендациях № R (84) 5 CE от 28.02.84 г. «О принципах гражданского судопроизводства, направленных на усовершенствование судебной системы», где в Преамбуле ПРЕДПИСАНО:

учитывая, однако, что некоторые нормы гражданского судопроизводства, принятые в государствах-членах, могут стать препятствием в эффективном отправлении правосудия потому, что, во-первых, они могут уже не отвечать потребностям современного общества и, во-вторых, что ими могут иногда злоупотреблять или

манипулировать для затягивания судебного разбирательства;

учитывая, что гражданское судопроизводство необходимо упростить и сделать более гибким и оперативным, одновременно сохранив гарантии, предоставляемые участникам процесса традиционными процессуальными нормами, и сохранив высокий качественный уровень правосудия, требующийся в демократическом обществе;

учитывая, что для достижения этих целей необходимо обеспечить доступ сторон к упрощенным и более быстрым формам судопроизводства и защитить их от злоупотреблений или задержек, в частности, наделив суд полномочиями вести судопроизводство более эффективно;

А Принцип 9 ясно нижегородских Уголовников обязывает: **«Судебные органы должны иметь в распоряжении САМЫЕ СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА для того, чтобы они могли отправлять правосудие самым ЭФФЕКТИВНЫМ образом, в частности путем облегчения доступа к различным источникам права, а также ПУТЕМ УСКОРЕНИЯ ОТПРАВЛЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ»**. Несмотря на то, что Уголовники имеют соответствующее техническое оснащение, но они в нарушение п. «с» ст. 1, п. 1 ст. 5, п. 2 ст. 7 Конвенции ООН против коррупции, п. 14 ст. 7 Закона «О противодействии коррупции» его используют неэффективно с противоправной целью в нарушение ч. 1 ст. 10 ГК РФ, ст. 2 ГПК РФ лишения Жертв доступа к Правосудию, о котором идет речь в приведенных Рекомендациях.

1.11.2 Преамбула Рекомендаций № R (2001) 3 ЕС от 28.02.01 г. «По распространению судебной и иной юридической информации путем использования новых технологий» российских Мракобесов ОБЯЗЫВАЕТ:

учитывая, что современные информационные технологии стали незаменимым инструментом для достижения **эффективного управления** европейскими странами, в частности **отправления правосудия**, способствуя, таким образом, эффективному администрированию, **необходимому для эффективности демократии**;

учитывая, что доступ граждан Европы к законам, предписаниям и прецедентному праву их стран и других европейских государств, а также к административной и судебной информации должен быть облегчен путем использования современных информационных технологий **в интересах демократического участия**;

учитывая, что участие граждан в жизни их государств на национальном, региональном и местном уровнях может быть развито при помощи связи с государственными органами, в частности **с органами правосудия, путем использования новых информационных технологий**, таких, как Интернет, **обеспечивая всех**, таким образом, **равными возможностями по преследованию их интересов...**

Говоря о взаимодействии судебных органов с общественностью, параграф 3 нижегородских Уголовников ОБЯЗЫВАЕТ максимально упростить связь граждан с судом и иными правовыми организациями при помощи новых технологий посредством:

- возможность **инициировать судебное разбирательство при помощи электронных средств**;
- возможность **предпринимать дальнейшие действия в ходе рассмотрения дела в суде в электронной среде**;
- возможность **получать сведения о состоянии дела при наличии доступа к судебной информационной системе**;
- возможность **получения информации о результатах судебного процесса в электронной форме**;
- возможность **получения доступа к любой информации, необходимой для достижения эффективности выполнения судебных решений (писанные законы, прецедентное право и судебные процедуры)**.

1.11.3 Как мы можем убедиться, нижегородские Мракобесы, то есть Уголовники, в своем правосознании не находятся даже на уровне 1984 г. Их целью является причинение как можно большего вреда гражданам России, их истребления ради возможности правящей Клики безнаказанно грабить, воровать и убивать. Вот ВСЕ цели, которые они преследуют и, главное, достигают. И для достижения преступной цели Уголовники-Мракобесы отказываются правильно применять нормы действующего законодательства. То есть применять нормы, имеющие большую юридическую силу. Так как вопрос об электронной подписи регулируется специальным законом, поэтому именно он и должен применяться, что разъяснено, в том числе, § 61 Постановления ЕСПЧ от 31.07.14 г. по делу «Немцов против Российской Федерации» и примечании к нему: **«Европейский Суд отмечает, что в обстоятельствах настоящего дела статью 10 Конвенции следует считать lex generalis <1> в отношении статьи 11 Конвенции, которая выступает lex specialis <2> (...)**».

<1> **Lex generalis (лат.) - общий закон, закон, содержащий общее урегулирование каких-либо отношений** (примеч. редактора).

<2> **Lex specialis (лат.) - специальный закон, специальная норма, при расхождении общего и специального закона действует специальный закон. Lex specialis derogat generali - специальный закон отменяет действие (для данного дела) общего закона, специальная норма имеет преимущество над общей** (примеч. редактора).

Как мы можем убедиться, не имеющая юридического образования тяжело психически Больная в форме параноидной Шизофрении, умственно Неполноценная Умилиа Е.Н. и её выжившие из Ума поделщики приведенного не знают и не понимают.

1.11.4 Мало того, что выжившие из Ума Уголовники-Мракобесы приведенного не знают и не

понимают, так они еще в упор не видят и мои ходатайства о признании за мной и моими представителями права пользоваться благами научного прогресса, гарантированного нам п. 1 ст. 27 Всеобщей декларации и права на эффективные средства правовой защиты, гарантированные п. 1 ст. 9 Декларации о праве и подавать наши обращения в электронной форме. Однако, так как Умилина Е.Н. - Тупая, то есть Несообразительная, да еще она и юридически Безграмотная, поэтому она не знает, что **ходатайства могут быть заявлены на любой стадии судебного процесса и в их удовлетворении не может быть отказано**, если эти ходатайства имеют значение для дела или реализации процессуальных прав. Но Тупой, то есть Несообразительной, является не только Умилина Е.Н. Такими же в Нижегородском облсуде являются и окончательно Рехнувшиеся ярко выраженный Уголовник Толмачев Андрей Анатольевич, который косит под зам. председателя Нижегородского облсуда и Маразматики Самарцева Валентина Витальевна, Бушмина Анна Евгеньевна и Ефимова Елена Олеговна, которые и затеяли эту катавасию. За одно то, что они не рассмотрели мои ходатайства о признании за нами **права** подавать наши обращения в электронной форме, которые равнозначны обращениям, поданным на бумажном носителе, этих Недоумков следует привлечь к уголовной ответственности как минимум по ч. 3 ст. 210, ч. 3 ст. 285 УК РФ, что разъяснено в п. 18 ППВС РФ № 19 от 17.10.09 г. «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и превышении должностных полномочий» и определить их на нары, как минимум, на 15 лет.

1.11.5 Но я же выше указал, что Умилина Е.Н. умственно Неполноценная, поскольку неспособна определить разумный срок для выполнения её бредовых фантазий. Это доказывается тем, что Больная неспособна производить элементарные математические действия, на которые способен даже двоечник первого класса общеобразовательной школы. Как мы можем убедиться по шизофреническому определению тяжело психически Больной Умилиной Е.Н., она 30.09.15 г. установила мне срок для исправления «недостатков» до 12.10.15 г., а обжалование определила в течение пятнадцати суток, наверно, со дня солнечного затмения. Но затмение в её голове не прекращается никогда, поэтому её Бред Сумасшедшей можно обжаловать по принципу: либо падишах помрет, либо ишак сдохнет.

Результатом сложившегося Беззакония является то, что теперь ни я, ни мои защитники и представители не можем добиться рассмотрения данного ходатайства:

Исполнить требования **ч. 2 ст. 5 Кодекса судейской этики, Определение Верховного Суда РФ от 16.06.15 г. по делу № 44-КГ15-2, п. 5 ППВС РФ № 5 от 17.09.75 г. в редакции ППВС РФ № 7 от 06.02.07 г. «О соблюдении судами РФ процессуального законодательства при судебном разбирательстве уголовных дел»**, ч. 3 ст. 1 УПК РФ, ч. 2 ст. 1, ч. 4 ст. 11 ГПК РФ, ч. 2 ст. 2, ч. 4 ст. 15 КАС РФ, ст. 19, п. 1 ст. 27 Всеобщей декларации, п. 1 «b» ст. 15 Пакта об экономических правах, Рекомендаций CE R (84) 5 «О принципах гражданского судопроизводства, направленных на усовершенствование судебной системы», принятой 28.02.84 г., № R (2001) 3 от 28.02.01 г. «По распространению судебной и иной юридической информации путем использования новых технологий», № CM/REC(2014)6 «О руководстве по правам человека для пользователей интернета», принятые 16.04. 2014 г., п. 2 ст. 19 Пакта, Декларацией о развитии, п. «а» ст. 2, п.п. 1-3 ст. 6, п.п. 1, 2 ст. 7 Типового закона ЮНСИТРАЛ об электронных подписях, п.п. 19, 21 Преамбулы, п.п. 1-5 ст. 2, ст. 5 Директивы № 1999/93/ЕС, п.п. 46-48, 50, 53 ст. 2, ст. 3, ч.ч. 2-6 ст. 5, ч. 2 ст. 14 Модельного закона об электронных государственных услугах; ч. 4 ст. 1, ч. 3 ст. 11 ГПК РФ, п. 1 ст. 5, ч. 3 ст. 7 Закона «О порядке рассмотрения обращений граждан РФ», п.п. 1, 9, 11, 13 ст. 2, ст. 4, ч.ч. 2, 3 ст. 5, ч. 2 ст. 6, ст. 9 Закона «Об электронной подписи», п.п. 3, 6 ст. 2, п.п. 2, 3 ст. 5, ч.ч. 1, 2, 8, 9 ст. 11.2, ч. 3 ст. 21.2 Закона «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», абзац 3 п. 3.3 мот. части Постановления КС № 5-П от 01.03.12 г., абзаца 5 п. 2 мот. части Определения КС № 439-О от 08.11.05 г.; ч. 4 ст. 1, ч. 3 ст. 11 ГПК РФ, ст. 6, ч.ч. 1, 2 ст. 160, ч. 2 ст. 434 ГК РФ, ст. 71 ГПК РФ, ч.ч. 2-4 ст. 45 КАС РФ, **Постановления Правительства РФ № 516 от 09.06.16 г.** в их нормативном единстве, признать за мной и моими представителями права пользоваться благами научного прогресса, Интернетом и эффективные средства правовой защиты (Постановление ЕСПЧ от 02.04.15 г. по делу «Компании «Винчи Конструксьон» и «Жэ-Тэ-Эм Жени Сивиль э Сервис»), представлять в суд иски, жалобы и доказательства в электронной форме.

11.8.5 Необходимо в рассматриваемой части решить вопрос и с качеством применяемых законов. Европейский Суд неоднократно разъяснял, что любое

вмешательство в осуществление конвенционных прав может быть оправдано только в соответствии с законом, который преследует одну или несколько законных целей, на которые ссылается п. 2 ст. 8, п. 2 ст. 10 Конвенции и т.п. и является необходимым в демократическом обществе для достижения любой из **указанных целей**.

Говоря об ограничениях права на выражение мнения, КПЧ ООН в Замечаниях общего порядка № 34 разъяснил: «Пункт 3 прямо гласит о том, что пользование правом на свободное выражения своего мнения налагает особые обязанности и особую ответственность. По этой причине допускаются две **узкие** области ограничения этого права, которые могут относиться либо к уважению прав или репутации других лиц, либо к охране государственной безопасности, общественного порядка (*ordre public*) или здоровья и нравственности населения. Тем не менее, когда государство–участник устанавливает ограничения на осуществление права на свободное выражения мнения, эти ограничения **не должны ставить под угрозу сам принцип этого права**. Комитет напоминает, что связь между правом и ограничением, между нормой и исключением не должна быть обратной... (п. 21)... Ограничения могут устанавливаться исключительно при соблюдении **особых условий**, предусмотренных в пункте 3: ограничения "должны быть **установлены законом**"; они могут устанавливаться **лишь на основаниях**, предусмотренных в подпунктах а) и б) пункта 3, и **должны** строго отвечать требованию **необходимости** и **соразмерности**. **Не допускаются никакие ограничения**, установленные на основаниях, не содержащихся в пункте 3, даже если такие основания будут оправдывать ограничения в отношении других прав, защищаемых Пактом. **Ограничения могут устанавливаться лишь для тех целей, для которых они предназначены**, и они **должны быть прямо связаны с конкретной целью**, достижение которой они преследуют, и **быть ей соразмерны** (п. 22). Государствам–участникам следует принять эффективные меры по защите обладателей права на свободное выражение своего мнения от попыток заставить их замолчать. Пункт 3 **ни при каких условиях** не может служить оправданием для того, чтобы заставить замолчать **каких-либо защитников** многопартийной демократии, демократических принципов и **прав человека**. Подобным образом, агрессия в отношении лица, использующего свое право на свободное выражение мнений, в том числе такие формы агрессии как **произвольный арест, пытки, угроза** жизни и убийство, несовместима со статьей 19. Часто в связи со своей деятельностью таким **угрозам, запугиванию** и агрессивным действиям подвергаются журналисты. Также жертвами подобных действий становятся лица, которые занимаются сбором и анализом информации о ситуации в области прав человека и публикуют доклады по правам человека, в том числе судьи и адвокаты. В отношении **всех** подобных случаев агрессии следует проводить **своевременное и тщательное расследование**, виновных **необходимо преследовать по закону**, а жертвам, или в случае убийства их представителям, – предоставлять надлежащие формы возмещения ущерба (23). **Ограничения должны быть установлены законом**. Закон может включать закон о парламентских привилегиях и закон, предусматривающий меры наказания за неуважение к суду. Поскольку **любое ограничение права на свободное выражение мнений является серьезным ущемлением прав человека**, закрепление какого-либо ограничения в традиционном, религиозном или другом подобном обычном праве несовместимо с Пактом (24). Для целей пункта 3 норма, которая квалифицируется как "закон", должна быть сформулирована достаточно четко, с тем чтобы дать лицу **возможность соответствующим образом следить за своим поведением**, а **информация** о ней должна быть доступна широким слоям населения. **Закон не должен наделять лиц, которым поручено его осуществление, неограниченными дискреционными полномочиями устанавливать ограничения на право свободного выражения мнений**. Законы должны предоставлять лицам, которым поручено их осуществление, **достаточные руководящие указания** для того, чтобы они могли определить, на какие формы выражения мнений установлены **должные** ограничения, а на какие нет (25). Законы, ограничивающие права, содержащиеся в пункте 2 статьи 19, в том числе законы, указанные в пункте 24, должны не только соответствовать **жестким** требованиям пункта 3 статьи 19 Пакта, но и являться **совместимыми** с положениями, целями и задачами Пакта. **Законы не должны нарушать**

положения Пакта, касающиеся недопущения дискриминации. Законы не должны устанавливать несовместимые с Пактом меры наказания, такие как телесные наказания (26). Государство–участник **должно предоставлять правовое обоснование любого ограничения, установленного на осуществление права свободного выражения мнений.** Если в отношении какого-либо конкретного государства–участника Комитету необходимо рассмотреть вопрос о том, законом ли установлено конкретное ограничение, то государству–участнику следует представить текст закона и подробную информацию о мерах, которые подпадают под действие данного закона (27). Первым из законных **оснований** для установления содержащихся в пункте 3 ограничений является уважение прав и репутации других лиц. Термин "права" включает в себя права человека, признанные в Пакте и, **более широко, в международном законодательстве в области прав человека.** Так, например, было бы законным ограничить свободу выражения мнений с целью защиты права голоса, закрепленного в статье 25, а также прав, содержащихся в статье 17 (см. пункт 37). Такие ограничения должны вводиться с осторожностью: в то время как допускается защита голосующих от форм выражения мнений, предполагающих запугивание или принуждение, подобные ограничения не должны препятствовать проведению политических дебатов, в том числе, например, призывам к бойкотированию необязательного голосования. Термин **"другие лица"** включает в себя **любых других лиц как индивидуально, так и как членов какого-либо сообщества.** Таким образом, например, этот термин может относиться к отдельным членам сообщества, объединенного одним вероисповеданием, или к отдельным членам одной этнической принадлежности (28). Вторым законным основанием является защита национальной безопасности или общественного порядка (*ordre public*), либо здоровья или нравственности населения (29). Государствам–участникам необходимо весьма тщательно подходить к обеспечению строгого соблюдения требований пункта 3 в процессе разработки и применения законов о государственной измене и аналогичных актов, касающихся национальной безопасности, служебной тайны, борьбы с подрывной деятельностью или иных сфер. Например **нарушение пункта 3 представляет собой ссылки на такие законы, с тем чтобы удержать или утаить от широкой общественности информацию, представляющую законный общественный интерес** и не угрожающую национальной безопасности, а также **чтобы преследовать журналистов, исследователей, защитников окружающей среды, правозащитников или других лиц за распространение такой информации.** Кроме того, как правило, неприемлемо включать в сферу охвата подобных законов информацию, относящуюся к торговле, банковскому делу и научным исследованиям. В одном деле Комитет постановил, что ограничение на выпуск заявления в поддержку конфликта по трудовым вопросам, содержащего в том числе призывы к проведению национальной забастовки, было недопустимо, поскольку обосновывалось соображениями национальной безопасности (30). В целях поддержания общественного порядка (*ordre public*) в некоторых случаях допустимо, например, регулировать выступления в некоторых общественных местах. **Судебные разбирательства, касающиеся неуважения к суду и связанные с формами выражения мнений, могут подвергаться проверке на предмет их влияния на общественный порядок (*ordre public*).** Для целей соответствия пункту 3 необходимо продемонстрировать, что подобные разбирательства и устанавливаемое наказание обоснованы и **соответствуют полномочиям суда по обеспечению надлежащего осуществления процедуры. Такие процедуры не должны ни при каких обстоятельствах использоваться для ограничения законного пользования права на защиту** (31). В своем замечании общего порядка № 22 Комитет отметил, что "понятие нравственности складывается на основе многих общественных, философских и религиозных традиций, и, следовательно, установление ограничений [...] в целях защиты нравственности не должно основываться на принципах, вытекающих исключительно из одной единственной традиции". Любые подобные ограничения должны рассматриваться **в контексте универсального характера прав человека и принципа недопущения дискриминации** (32). Установление ограничений должно быть "необходимой" и обоснованной с точки зрения закона мерой. Например,

запрет на коммерческую рекламу на одном языке для защиты языка конкретного сообщества нарушает критерий необходимости, если такой защиты можно добиться другими способами, не ограничивая при этом права на свободное выражение мнений. С другой стороны, Комитет посчитал, что государство–участник выполнило требование о необходимости, когда оно лишило профессионального статуса преподавателя, опубликовавшего материалы, содержащие враждебные высказывания в отношении религиозного сообщества, преследуя цель защиты прав и свобод детей этого вероисповедания в школьном округе (33). Ограничения не должны быть **чрезмерно широкими**. В своем замечании общего порядка № 27 Комитет отметил, что "**ограничительные меры должны соответствовать** принципу **соразмерности**; они **должны** являться уместными для выполнения своей **защитной функции**; они **должны** представлять собой **наименее ограничительное средство из числа тех**, с помощью которых может быть достигнут **желаемый результат**; и они **должны** являться **соразмерными защищаемому интересу**. Принцип соразмерности **должен** соблюдаться не только в законодательстве, в котором предусматриваются ограничения, но и административными и судебными властями в процессе применения законодательства". При соблюдении принципа соразмерности необходимо также учитывать конкретную форму выражения мнения и средства его распространения. Например, в Пакте придается весьма большое значение беспрепятственному выражению мнений во время политических дискуссий, проводимых в демократическом обществе с участием государственных и политических деятелей (34). Когда государство–участник ссылается на законные основания при установлении ограничения на свободу выражения мнений, оно **должно четко и подробно** продемонстрировать **конкретный характер угрозы**, а также то, что **принятие конкретных мер отвечает критериям необходимости и соразмерности**, в частности путем **установления** прямой и непосредственной **связи** между **формой выражения** и **угрозой** (35)... государство–участник **должно** в отношении любого конкретного случая **четко** продемонстрировать **реальный** характер угрозы любому из указанных в пункте 3 оснований, возникновение которой привело к ограничению свободы выражения мнений (36)... Таким образом, **одного лишь факта, что формы выражения мнений оскорбляют какого-либо общественного деятеля, недостаточно для того, чтобы обосновать установление наказаний**, хотя общественные деятели также могут в своих интересах использовать положения Пакта. Более того, все общественные деятели, в том числе представители высшей политической власти, такие как главы государств и правительств, могут на законных основаниях становиться объектом критики и нападков политической оппозиции. По этой причине Комитет выражает обеспокоенность в связи с законами о таких действиях, как оскорбление высшего государственного лица, **неуважение к суду, неуважение к представителям власти**, неуважение к флагу и символике, клевета на главу государства, защита чести государственных должностных лиц; он также заявляет, что **законом не должны** устанавливаться более жесткие меры наказания исключительно в связи с **положением личности** индивида, чья репутация была якобы подвергнута сомнению. Государствам–участникам не следует запрещать критику таких структур, как армия или административный аппарат (38)... Установление мер наказания для СМИ, издателей или журналистов исключительно за критику правительства или общественно-политической системы, которой придерживается правительство, ни при каких обстоятельствах не может рассматриваться в качестве необходимого ограничения права на свободное выражение мнений (42). Любые ограничения на работу вебсайтов, блогов и любых других подобных систем распространения **электронной и иной** информации, **основанных** на Интернет-технологиях, в том числе систем, обеспечивающих работу подобных средств коммуникации, таких как системы доступа к сети Интернет или поисковые системы, допустимы в той мере, в какой они совместимы с пунктом 3. Допустимые ограничения **должны** основываться главным образом **на содержании** конкретных материалов; общие запреты на функционирование определенных сайтов и систем несовместимы с пунктом 3. Кроме того, несовместимым с пунктом 3 является запрет на публикацию сайтами или системами распространения информации каких-либо материалов исключительно по той причине, что они могут

содержать критику правительства или социально-политической системы, которой придерживается правительство. (43).

11.8.6 В Постановлении от 04.12.15 г. по делу «Роман Захаров против РФ» ЕСПЧ относительно качества закона установил: «Европейский Суд напоминает о своей последовательной прецедентной практике, согласно которой формулировка "предусмотрено законом" требует, чтобы спорная мера имела некоторую основу во внутригосударственном законодательстве и **была совместима с принципом верховенства права**, который прямо упомянут в преамбуле к Конвенции и воплощен в **объекте и цели** статьи 8 Конвенции. **Закон, таким образом, должен отвечать требованиям качества: он должен быть доступен для заинтересованного лица и быть предсказуем в своих последствиях** (...) (§ 228)... Внутригосударственное законодательство должно быть достаточно ясным, чтобы предоставлять гражданам адекватное представление об обстоятельствах и условиях, при которых органы государственной власти имеют право прибегать к любой такой мере (...) (§ 229)... закон должен с достаточной ясностью указывать **объем такой дискреции**, передаваемой компетентным органам, и **способ ее использования**, чтобы обеспечить лицу адекватную защиту от произвольного вмешательства (...) (§ 230)... **в вопросах, затрагивающих основные права, противоречило бы принципу верховенства права, одному из основных принципов демократического общества, воплощенных в Конвенции, если бы исполнительная власть пользовалась дискрецией в степени неограниченных юридических полномочий. Соответственно, закон должен с достаточной ясностью указывать пределы любого такого усмотрения, предоставленного компетентным органам, и способ его реализации с учетом законной цели данной меры с тем, чтобы предоставить человеку соответствующую защиту от произвольного вмешательства** (...) (§ 247)».

В Постановлении от 01.12.15 г. по делу «Дженгиз и другие против Турции» ЕСПЧ разъяснил, что «... выражение "предусмотрено законом",.. требует в первую очередь, чтобы оспариваемая мера была основана на внутригосударственном законодательстве, однако в данном положении речь также идет о качестве применяемого закона, который **должен** соответствовать принципу верховенства права и быть доступен заинтересованному лицу, и, более того, **это лицо должно иметь возможность предвидеть последствия применения этого закона** (...). В соответствии с прецедентной практикой Европейского Суда то или иное положение "предсказуемо", если оно сформулировано достаточно ясно для того, чтобы каждый **мог** в случае необходимости после надлежащей консультации **регулировать свое поведение** (...) (§ 59)».

Я думаю, что большинство согласятся с тем, что вводимые «... ограничения необязательно а priori противоречат Конвенции. Однако они **должны вписываться в особо строгие установленные законом рамки**, обеспечивающие **надежный контроль** в отношении объема запретов и **эффективные процедуры пересмотра решений судами**, которые пресекали бы случаи злоупотребления полномочиями. Пересмотр судом решения о принятии такой меры, **основанный на сравнении** конфликтующих интересов **с целью установления баланса между ними**, невозможен без норм законодательства, устанавливающих точные и конкретные правила относительно применения предварительного ограничения свободы получения и распространения информации и идей» (§ 62 от 01.12.15 г. по делу «Дженгиз и другие против Турции»). В России реализовать эти положения практически невозможно, так как члены Шайки Путина В.В. не могут допустить проведение каких-либо проверок в отношении себя и поэтому даже попасть в суды Путина В.В., то есть элементарно возбудить судебное разбирательство, вещь нереальная. И поскольку члены Шайки Путина В.В. поставили себя вне морали и права, поэтому **создана практика, когда за совершаемые преступления**, то есть за действия, явно совершаемые в интересах другой стороны и которые не могут быть истолкованы беспристрастными **в глазах разумного наблюдателя**, а также за которые в правовом государстве «судья» **должен** быть дисквалифицирован (Сообщение № 387/1989, *Карттунен против Финляндии*, пункт 7.2), им отвод заявить нельзя. Поэтому внутригосударственное законодательство России по вопросу отвода не является доступным, не отвечает требованию «качество закона», так как не содержит адекватные и эффективные гарантии, отвечающие требованиям "предсказуемости" и "необходимости в демократическом обществе", что подтверждает

существующая правоприменительная практика, наделяющая представителей власти почти неограниченным усмотрением при определении того, что может служить основанием для отвода, так как **ничто, с точки зрения практики**, основанием для отвода не является. Соответственно, внутригосударственное законодательство в рассматриваемой части вообще не является достаточно точным.

11.8.7 Для отвода по основаниям личной, прямой, косвенной и иной заинтересованности в исходе дела не являются утверждения о том, что «судьи» являются Мразями, Тварями и Ублюдками. Не является основанием для отвода и утверждения о том, что они заурядные Уёбища и Пидарасы, а также Хуесосы: <https://cloud.mail.ru/public/CUBU/27hPMdTH1>. Не подлежат они отводу и по основаниям отсутствия у них юридического образования, наличия параноидной Шизофрении, умственной неполноценности и т.д.: <https://cloud.mail.ru/public/J2mX/ZQPpcp6Wr>. Так как никаких проверок добиться невозможно, поэтому они имеют право быть Взятчиками и Коррупционерами. То, до какого Безумия доведена «правоприменительная» практика можно судить по количеству жалоб **по одним и тем же вопросам**, поданных в конституционный якобы суд РФ, что неопровержимо доказывает уничтожение законности в России именно этим якобы судом. О верховном якобы суде можно вообще не говорить, так как именно благодаря действующему под видом председателя верховного якобы суда РСФСР Лебедеву В.М. был уничтожен Верховный Суд РСФСР, а затем Лебедев В.М. занимался тотальным уничтожением законности в судах РФ.

11.8.8 Что касается законодательства, определяющего **порядок** проведения экспертиз, действовавшее в рассматриваемое время и действующее поныне, то оно не обеспечивает Жертвам ту степень защиты, на которую они вправе рассчитывать в силу действия принципа верховенства права в демократическом обществе, поскольку Жертвы при производстве экспертиз не имеют вообще никаких прав, в связи с чем оно не отвечает требованию «качества закона», то есть закона, который бы мог обеспечить с разумной возможностью выстроить свое поведение. Не имеет вообще никакого значения, как Жертвы будут вести себя в психиатрических стационарах. Фактом является то, что доказательства, на основании которых можно было бы установить достоверность сведений о поведении Жертв, «психиатры» представить не могут. О том, что «психиатрам» невозможно заявить отвод во время экспертиз, впрочем, как и вообще экспертам и в этой части законодательство вообще не отвечает качеству закона объяснено выше.

11.9 Нарушение права на свободное передвижение, гарантированное ст. 12 Пакта, ст. 2 Протокола № 4 к Конвенции, ст. 27 Конституции РФ является производным от нарушения права на свободу вообще. Поэтому когда человека лишают свободы, то автоматически он утрачивает и возможность осуществления права на свободное передвижение.

11.10 Нарушение права на участие в управлении делами государства, гарантированное ст. 25 Пакта, ст. 32 Конституции РФ я рассматриваю по взаимосвязи с положениями ст. 8 Декларации о праве, пункт 2 которой предусматривает **реальную возможность** на недискриминационной основе обращаться в органы государственной власти с критическими замечаниями и предложениями относительно улучшения их деятельности и привлекать внимание к любому аспекту их работы, который может затруднить или сдержать поощрение, защиту и осуществление прав человека и основных свобод. Указанное право необходимо рассматривать в нормативном единстве с основным правом на хорошее управление, гарантированное ст. 41 Хартии Европейского союза об основных правах от 12.12.07 г., которое предусматривает рассмотрение своего дела институтами, органами и учреждениями Союза беспристрастно, справедливо и в разумный срок (п. 1); быть заслушанным до принятия по отношению к нему меры индивидуального характера, способной иметь для него неблагоприятные последствия (п. 2 «а»); иметь доступ к материалам своего дела при соблюдении законных интересов, относящихся к конфиденциальности, профессиональной и коммерческой тайне (2 «b») и **обязанность** администрации **мотивировать** свои решения (2 «с»). При этом право на обращение в органы государственной власти и должностным лицам **должно** пониматься как **«не только право подать в соответствующий государственный орган или должностному лицу заявление, ходатайство или жалобу, но и право получить на это обращение АДЕКВАТНЫЙ ответ»**. (абзац 5 п. 2 мот. части Определения КС № 42-О от 25.01.05 г.). Согласно п. 3 ст. 41 Хартии: «В соответствии с общими принципами, являющимися общими для правовых систем государств-членов, каждое лицо имеет

право на возмещение Союзом убытков, причиненных институтами или его сотрудниками при осуществлении своих функций».

Жертвы, помещенные в психиатрические стационары в любом виде, лишены возможности даже пискнуть в свою защиту, а не только эффективно защищать какие-либо права. Если такое чудо и случается, что их голос вырывается за пределы казематов, то **он умолкает** в предоставляемых отписках, **что опять-таки является бесчеловечным, унижающим достоинство обращением**.

11.11 Что касается нарушения права собственности, гарантированного ч.ч. 2, 3 ст. 35 Конституции РФ, то имущество Жертв бросается на произвол судьбы и потом в случае его пропажи или порчи предъявлять претензии больше не к кому, поскольку «суды» в России не приспособлены для защиты прав и законных интересов собственников имущества, которое утрачивается по вине органов власти. В моем случае у меня в Магадане разграблено вообще **всё** имущество. В Кирове поживиться смогла Воровка Шевченко Г.П. и её подельники, поскольку Банда Бережицкого С.В., Бармина Ю.В., Житенева Г.Я., Солодовникова С.А., Копыриной М.Н., Утемовой Е.Д. и Петухова Ю.Л. разрешили ей это. В Нижегородской области Банда специализирующегося на Коррупции, Хищениях, Грабежах, Разбоях и Убийствах Кузнецовского Режиссера Бондар А.В., состоящая из действующих под видом прокурора Нижегородской области Понасенко О.Ю., начальника СУ СК РФ по Нижегородской области Виноградова А.П., следователя СУ СК РФ по Нижегородской области Шлыкова А.И., начальника УФСБ РФ по Нижегородской области Старицина С.Г., начальника УМВД РФ по Нижегородской области Шаева И.М., губернатора Нижегородской области Шанцева В.П., министра якобы здравоохранения Нижегородской области Кузнецова Г.Н., главврача ГБУЗ НО «НОПНБ № 1» Афанасьевой Л.И., президента палаты адвокатов Нижегородской области Рогачева Н.Д. и их подельников у меня забрали вообще все и имущество и документы.

11.12 Нарушение права на гуманное обращение и уважение достоинства, присущего человеческой личности, гарантированное п.п. 1, 2 ст. 10 Пакта необходимо рассматривать в нормативном единстве со ст. 7 Пакта с учетом ст. 21, ч. 1 ст. 37, ст.ст. 41, 42, ч.ч. 1, 5 ст. 43 Конституции РФ, поскольку **сам режим** содержания в психиатрических стационарах России не отвечает ни принципам гуманизма, ни принципам содержания в условиях благоприятной окружающей среды, поскольку санитарные нормы не отвечают ни стандартам лечебных учреждений, ни стандартам следственных изоляторов. Питание в стационарах предназначено для возможности элементарного выживания, а само качество питания не сравнимо даже с кормом для животных, поэтому всё это в совокупности нельзя отнести к гуманному обращению и уважению достоинства, присущего именно человеческой личности. В российских стационарах человеческой личности не может быть по определению.

11.12.1 Преступное содержание в психиатрических стационарах России имеет отношение и к нарушению права на труд, которое я понимаю с одновременным нарушением права на образование и самообразование, гарантированные п.п. 2 «d», 3, 4 Принципа 13, ч. 1 ст. 37, ч.ч. 1, 5 ст. 43 Конституции РФ во взаимосвязи с правом пользоваться благами научного прогресса, гарантированное п. 1 ст. 27 Всеобщей декларации. Жертвы, которые помещаются в психиатрические стационары, автоматически лишаются права на доступ к той литературе, **которая им необходима** для разрешения тех вопросов, которые стоят перед ними. Я не говорю о том, что Жертвам необходимо разрешить **бесконтрольный** доступ к интернету. Однако лишение их права пользоваться компьютером и интернетом означает лишение права и на образование, так как без **соответствующей** литературы **невозможно** получить **необходимые знания**, и права на труд, так как без **соответствующих** знаний **невозможно эффективно трудиться**. А если еще учесть, что в некоторых стационарах, как, например, в КОГКУЗКПБ, забирают даже ручки, то смешно вообще говорить о каком-либо интеллектуальном труде. В ГБУЗ НО «НОПНБ № 1» у меня забрали нетбук со всех необходимой литературой и заставили писать от руки, после чего стали препятствовать в подаче обращений. То есть весь мой труд свели к нулю.

11.12.2 Нарушение права на гуманное обращение и уважение достоинства, присущего человеческой личности, гарантированное п.п. 1, 2 ст. 10 Пакта необходимо рассматривать во взаимосвязи с нарушением прав на оказание медицинской помощи и лечения в условиях, отвечающих лечебным учреждениям, что гарантировано Принципами 8, 9, 14, ст.ст. 41, 42 Конституции РФ. Жертвы в России содержатся в стационарах с нарушением санитарных норм, предусмотренных для больниц. При таком положении об

охране здоровья с благоприятной окружающей средой говорить бессмысленно и никакая медицинская помощь здесь не поможет. А так как в психиатрических стационарах нейрорепетики применяют как один из самых страшных видов оружия с целью не только причинения тяжкого вреда здоровью, но и убийств, то смешно в России вообще говорить о соблюдении указанных Принципов и норм Конституции РФ, поскольку психиатрические стационары используются не в тех целях, какие им предписаны законодательством о психиатрической помощи.

Что из себя представляет Гадюшник СПбПБСТИН, можно посмотреть в п. 3.10.6 искового заявления № 1765: <https://cloud.mail.ru/public/JGZP/NC9ag8wSM>. Однако даже этот Гадюшник является пятизвездочным отелем по сравнению не только с ГБУЗ НО ПБ № 2, но и по сравнению с ГБУЗ НО «НОПНБ № 1».

11.13 Нарушение права защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом при помещении в психиатрические стационары, гарантированное ч. 2 ст. 45 Конституции РФ, является тотальным и повсеместным, поскольку никто не может указать ни объем, ни содержание способов, о которых говорится в ч. 2 ст. 45 Конституции РФ. Это абстрактное право, не наполненное вообще никаким содержанием и поэтому на практике его реализовать невозможно, как невозможно реализовать права, предусмотренные ч. 2 ст. 16, п. 11 ч. 4 ст. 46, п. 21 ч. 4 ст. 47 УПК РФ, поскольку эти права **НИКТО** не разъясняет. Всё, на что способны российские «правоприменители», так это прочесть указанные нормы. Это предел их интеллекта. Если ребенка, освоившего азы чтения, попросить прочесть указанный текст, то эффект от «разъяснения» будет один и тот же. Российские «правоприменители» понятие «разъяснить» используют как неологизм, вкладывая в это понятие параноийальный смысл. В результате Жертвы не могут реализовать ни одного своего права, а **реальные** Параноики бегают на свободе и учат жить всех остальных. Специализирующийся на Взятках, Хищениях, Грабежах, Разбоях и Убийствах Кущевский Режиссер Бондар А.В. в Нижегородской области «законность» довел до такого состояния, что в нарушение ч. 2 ст. 45 Конституции РФ запрещено даже то, что ничем не запрещено. То есть по мнению специализирующегося на Взятках, Хищениях, Грабежах, Разбоях и Убийствах Кущевского Режиссера Бондар А.В. и его подельников, запрещено абсолютно всё, что не запрещено. Его подельники так и пишут, что то или это не предусмотрено законом, а поэтому это нельзя.

11.14 Нарушение прав на доступ к правосудию и обжалованию действий (бездействие) представителей органов государственной власти, гарантированные ч.ч. 1, 2 ст. 46 Конституции РФ выражается в том, что после того, как Жертву помещают в психиатрический стационар, она о суде может забыть. Из психиатрических стационаров **невозможно** подать жалобу в суд, поскольку этому препятствуют представители психиатрических стационаров, а также «судьи» и «прокуроры». Но если даже жалобы в суд будут поданы, то в суде сделают всё возможное и невозможное, чтоб их не рассматривать. Не имеет вообще никакого значения качество и количество обращений. Они **в установленном законом порядке** не будут рассмотрены **никогда**. Это показала практика как в Кирове, так и в Нижнем Новгороде.

При этом Правосудие в принципе является невозможным, когда «заявителю не была предоставлена возможность поднять данный вопрос, так как его претензии на этот счет не были рассмотрены национальными судами без приведения соответствующего обоснования» (§ 57 Постановления от 12.11.15 г. по делу «Сакит Заидов против Азербайджана»).

11.14.1 Что касается самого Правосудия, то оно в России невозможно, что доказывают решения конституционного якобы суда РФ, в которых Жертвы говорят об одном и том же: **невозможности** реализовать и защитить свои права в российских якобы судах. Конституционный якобы суд может сколько угодно писать, что «**не допускается** отказ суда от **рассмотрения и оценки всех доводов заявлений, ходатайств** или **жалоб** участников уголовного судопроизводства, а также от **мотивировки** решений путем указания на **конкретные, достаточные** с точки зрения принципа разумности основания, по которым эти доводы отвергаются» (Определение № 1261-О от 23.06.16 г.). Все «судьи» России плевать хотели на эти требования, поскольку конституционный якобы суд ненавидит законность и правопорядок, а поэтому не намерен сам устранять причины и условия, способствующие тотальному Беззаконию. Критикуя французов, гениальный Фонвизин Д.И. в письме от 18/29 сентября 1778 г. объяснил, что «при бессовестных судьях Цицерон и Вахтин равные ораторы» и «развращение их нравов отнимает почти всю силу у законов и самую их строгость делает недействительною».

Теперь в России стало как и во Франции, то только во Франции XVIII века! Однако Европа давно уже стала иной и там при имеющихся недостатках тоже не все идеально, между тем такое Мракобесия, до которого скатилась Россия при тотальной Коррупции, **навязанной** Путиным В.В. и его Шайкой, там надо поискать днем с огнем!

11.15 При решении вопроса о помещении в психиатрический стационар Жертвы могут забыть о конституционном праве на рассмотрение дела тем судом и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом, несмотря на то, что это право гарантировано ч. 1 ст. 47 Конституции РФ. В моем случае при решении вопроса о незаконном помещении меня в КОГКУЗКОКПБ им. Бехтерева В.М. дело «рассматривалось» в г. Яранске, где не осуществлялось расследование и не было совершено «преступление». То есть дело было «рассмотрено» не тем судом. **Все** мои дела рассматривали «потерпевшие», то есть лица, подлежащие безусловному отводу в силу п. 1 ч. 1 ст. 61 УПК РФ. Заявить отвод российским «правоприменителям» по основаниям, предусмотренным ч. 2 ст. 3 Закона «О статусе судей в РФ», ч. 2 ст. 61 УПК РФ, п. 3 ч. 1 ст. 16 ГПК РФ и в порядке, предусмотренном ст.ст. 62, 64 УПК РФ, ч.ч. 1, 2 ст. 19 ГПК РФ практически невозможно. Эти нормы на практике вообще не действуют и поэтому Жертвы лишаются права на рассмотрение дела судьей, который имел бы право дело рассмотреть, то есть судьей, не подлежащим отводу. О применении ст. 63 УПК РФ и ст. 17 ГПК РФ, предусматривающих недопустимость оценки своих действий и решений в российских судах никто даже и не заикается, несмотря на то, что в абзаце 3 п. 2 мот. части Определения КС № 2843-О от 23.12.14 г. разъяснено: «... новому рассмотрению дела тем же самым судьей предыдущее его участие в данном деле не препятствует лишь в случае вынесения им решений по тем или иным процессуальным вопросам, не касающимся предмета предстоящего судебного разбирательства. Судья, который ранее высказал в ходе производства по уголовному делу свое мнение по вопросам, вновь ставшим предметом судебного заседания, не должен участвовать в рассмотрении уголовного дела. Повторное участие судьи в рассмотрении уголовного дела - поскольку оно было бы связано с оценкой ранее уже исследовавшихся с его участием обстоятельств дела - является недопустимым во всех случаях, как при новом рассмотрении дела после отмены первоначального решения, так и после выраженного вышестоящей судебной инстанцией согласия с таким решением. В противном случае может быть поставлена под сомнение беспристрастность и объективность судьи».

11.15.1 Мало того, при сложившемся «правоприменении» «судьи», «прокуроры» и «адвокаты» лишают Жертв права на рассмотрение их дел именно тем судом, который создан на основании именно закона, то есть ввиду вновь открывшихся обстоятельств и когда в ходе предыдущего разбирательства были допущены существенные нарушения, повлиявшие на исход дела, что предусмотрено не только п. 6 ст. Пакта, п. 2 ст. 4 Протокола № 7 к Конвенции, но и ч. 1 ст. 20 ФКЗ «О судебной системе РФ». **Исходя из природы** совершаемых преступлений российскими «судьями», дела не могут рассматриваться ни в апелляции, ни в кассации, ни в надзоре, однако не имеющие юридического образования «юристы» упорно **навязывают** те инстанции, где дело не может рассматриваться именно в силу закона.

11.16 Нарушение права на квалифицированную юридическую помощь и помощь избранного Жертвой защитника, гарантированное ст. 48 Конституции РФ, является тотальным, поскольку в России нет не только адвокатов, имеющих юридическое образование, то есть совокупности знаний, позволяющих решать правовые вопросы, но нет адвокатов, которые бы хоть что-то понимали в психиатрии, поскольку в России нет психиатров, имеющих медицинское образование, позволяющее им диагностировать расстройства мышления. И доказывается это очень просто: как я указывал выше, акты и заключения «психиатров» не отвечают ни одной известной в России норме закона, то есть они основаны на Галлюцинаторном законодательстве. И это не понимают ни «психиатры», ни «юристы». Мало того, ни «психиатры», ни «юристы» неспособны дать актам и заключениям оценку на предмет допустимости, достоверности и **достаточности**. А это значит, что ни о какой квалифицированной помощи со стороны адвокатов не может быть и речи.

Так как защитник при производстве экспертиз и освидетельствований, то есть в момент ареста и задержания не присутствует, поэтому нарушение права на защиту и ст. 48 Конституции РФ – это объективный факт. Об иной «помощи» адвокатов сказано выше, а также п. 5.4 искового заявления № 1765: <https://cloud.mail.ru/public/JGZP/NC9ag8wSM>.

Мало того, из стационаров невозможна связь с защитниками и представителями

посредством электронного взаимодействия. Роль российских «адвокатов» при решении вопроса о помещении Жертв в психиатрические стационары идеально обоснована в Постановлении от 19.02.15 г. по делу «M.S. против Хорварии (№ 2)» (абзац 2 п. 5.4.2 данной жалобы), в связи с чем нарушается целый комплекс прав одновременно. От «адвокатов» невозможно добиться не только **квалифицированных** консультаций в письменном виде, но и устном. Помощь в написании жалоб – это из какой-то заоблачной мечты. Российские «адвокаты» для этого не приспособлены. Они способны написать **только один** вид ходатайства: об оплате их услуг. Это **все** ходатайства, которые **я видел** в процессе от «адвокатов».

11.17 При помещении Жертвы в психиатрический стационар она может забыть о своем праве на презумпцию невиновности, которое ей гарантировано ст. 49 Конституции РФ. Я не был признан даже подозреваемым, когда 05.08.14 г. «**психиатры**» стали утверждать, что я совершил преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 297 УК РФ. Когда я поступил в КОГКУЗКОКПБ им. Бехтерева В.М., мне не было предъявлено обвинение. Однако без какого-либо приговора «**психиатры**» решили, что я совершил преступление. Если посмотреть акты и заключения «психиатров» по **любой** Жертве, которая к ним поступила во время предварительного следствия, то будет одна и та же картина: **совершил преступление**. А поскольку речь Жертвы нигде не оформляется документально, поэтому бессмысленно говорить о ч.ч. 2, 3 ст. 49 Конституции РФ, которые по своему смыслу предусматривают **наличие** доводов Жертвы об инкриминированном ей уголовно наказуемом деянии, но которых **в медицинских документах** днем с огнем не найти.

11.17.1 Что касается нарушения ч. 1 ст. 49 Конституции РФ, то лишение Жертв возможности представлять доказательства является нарушением доказывания в установленном законом порядке, предусмотренном п. 4 ч. 4 ст. 46 УПК РФ, п. 4 ч. 4 ст. 47 УПК РФ, п. 3 Принципа 18.

11.17.2 Если же мы будем говорить о презумпции невиновности в контексте деятельности «судей», «прокуроров» и «следователей», то для них такого понятия вообще не существует и для них виновным считается всякий, кого они изберут на эту роль. Тот факт, что я с 18.08.14 г. для всех абсолютно «правоприменителей» на всех уровнях «совершил преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 297 УК РФ» является неопровержимым доказательством того, что для этих «правоприменителей» понятие презумпции невиновности является пустым звуком.

11.18 Нарушение конституционных прав Жертв не обвиняться дважды за одно и то же деяние, не использовать при производстве экспертиз и освидетельствований доказательства, полученные с нарушением закона и обжалование решения о помещении в психиатрический стационар, гарантированные ст. 50 Конституции РФ в моем случае выразилось в полной мере. И «юристы» и «психиатры» пришли к Бредовому выводу о том, что **ссылка** на ранее озвученный текст составляет самостоятельный эпизод. Что же касается недопустимых доказательств, то какие бы доказательства не предоставили следственные органы – они для «психиатров» будут непререкаемыми. А поскольку Жертвы с материалами дела не знакомятся во время предварительного следствия, поэтому они и оспорить их не имеют никакой возможности. То есть Жертвы при решении вопроса о психическом здоровье при производстве предварительного следствия **в любом случае** на реализацию прав, предусмотренных ч. 3 ст. 49, ч. 2 ст. 50 Конституции РФ, не могут и помыслить. Так как навязанные Жертвам «адвокаты», как правило, никаких жалоб на решения о помещении Жертв в психиатрические стационары не подают, поэтому они лишены права и на пересмотр этих решений. А поскольку в апелляции вообще ничего не исследуется и оценка доводам Жертв не дается, поэтому само обжалование становится невозможным. Но если и случается такое чудо и Жертва попадает в апелляцию, то о кассации и далее она может забыть.

11.19 Нарушение конституционного права потерпевшего от преступлений и злоупотреблений властью, гарантированное ст. 52 Конституции РФ при помещении в психиатрические стационары является вещью очевидной, поскольку Жертвы в этом случае не имеют вообще **никаких** прав. А поскольку в отношении Жертв при помещении их в психиатрические стационары разрешено совершать **любые преступления** и при этом **они никогда не будут признаны потерпевшими**, поэтому нарушение права на компенсацию за причинение вреда, причиняемого откровенно преступными действиями органов государственной власти и их должностными лицами, которое гарантировано ст. 53 Конституции РФ – это в России является естественным. Тем более, что если даже

Жертвы и подадут иски в суды, то «судьи» их отошлют в «иное судопроизводство» (п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ) где **нет ни одной нормы** закона, которую бы «судьи» могли **назвать** и Жертвы до конца своих дней будут искать это «судопроизводство».

11.20 Нарушение прав на разбирательство дела при решении вопроса о помещении в психиатрический стационар на основе состязательности и равноправии сторон, гарантированное ч. 3 ст. 123 Конституции РФ в контексте ч. 3 ст. 49, ч. 2 ст. 50 Конституции РФ выражается в том, что прокурору ни при каких обстоятельствах нельзя задавать вопросы, хотя это прямо предусмотрено ч. 1 ст. 35, ч. 1 ст. 174 ГПК РФ, или ставить вопросы, как это следует из смысла ч. 5 ст. 246 УПК РФ. То есть при помещении жертв в психиатрические стационары ни о каком равноправии и состязательности сторон не может быть и речи. А так как «прокуроры» в исследовании доказательств участия вообще не принимают, да еще и выступают последними, **на что я обращал внимание еще в 1999 г.** в жалобе в защиту Дубровской А.Б., по которой Конституционным Судом РФ почему-то 14.02.2000 г. было вынесено Постановление № 2-П, то на справедливости в российских судах поставлен большой крест. О том, что Жертвы не имеют права на представление доказательств, то есть на **подачу** и **рассмотрение** Возражений и Комментариев на Бред Сумасшедших «психиатров» мне надоело уже говорить. И было бы странным, если бы российские «праворименители» услышали какого-то Усманова Р.Р., если они не только злостно не исполняют решения ЕСПЧ, но вместе с ними нагло глумятся и над ч.ч. 1, 2, 4 ст. 15, ст.ст. 17, 18 Конституции РФ: «По мнению Комиссии, **абсолютно обязательным для судебного разбирательства этой категории дел является право заинтересованного лица излагать свою позицию и аргументы, оспаривать медицинские и социальные заключения** (см. п. 102 доклада). По мнению представителей Комиссии, **законодательство Нидерландов противоречит статье 5 п. 4, предоставляя судье в этой связи дискреционную власть.** Заявитель, по сути, поддерживает аргументацию Комиссии. **Он утверждает, что ввиду особого положения лиц, страдающих душевным расстройством, из статьи 5 п. 4 вытекает их право на юридическую помощь**». (п. 4.6 выше: п. 58 Решения ЕСПЧ от 24.10.**1974** г. по делу «Винтерверп против Нидерландов»).

11.21 **Вывод.** Если в России Жертвы попадают в психиатрические стационары, то они **о всех** своих правах могут забыть. При этом необходимо учитывать то, что Кошмары якобы экспертиз и освидетельствований по сравнению с их последствиями – это детская забава. Ад начинается после вынесения «судебного» решения по существу. **И всё это устроили Изверги и Палачи из конституционного и верховного якобы судов, поддерживаемые генпрокуратурой и Гарантом Беззакония и Произвола Путиным Владимиром Владимировичем!**

12. Теперь необходимо поговорить о долгах и финансовых обязательствах, то есть о госпошлине. Я НИЧЕГО не должен этому Фашистскому режиму! Это этот Фашистский Режим ДОЛЖЕН мне!!! Но так как **ВСЕ** представители этого режима выжили из Ума, поэтому напоминаю о том, что мной было написано в п.п. 10 – 10.11 апелляционной жалобы № 2536 от 26.12.14 г. (<https://cloud.mail.ru/public/H8Cn/sk1jAHxqo>):

10. Я выше говорил о том, что речь может идти только о моем убийстве в составе организованного преступного сообщества. В администрации Магаданской области в апреле 2002 г. обсуждался вопрос о моем убийстве в условиях психиатрического стационара, о чем я написал заявление 15.07.02 г. и копия которого находится в деле № 1-84/03. Ну, допустим, вы помещаете меня в КОГБУЗКПБ. И до каких пор? Вы меня должны там держать до моей смерти, поскольку я не сдамся.

10.1 02.11.91 г. я в отделение Сбербанка положил 30 000 рублей. В 2013 г. я поинтересовался: где мои деньги. Эти деньги никто найти не может, несмотря на то, что я предъявил сберкнижку. То есть счет просто аннулировали по подложным документам, что является стопроцентным мошенничеством. И добиться проверки по данному факту – НЕВОЗМОЖНО, поскольку в этом случае надо будет привлекать к уголовной ответственности руководство Сбербанка.

10.2 У моей мамочки в Сбербанке хранилось 53 тысячи рублей. Украдено ВСЁ. Добиться проверки по данному факту – НЕВОЗМОЖНО.

10.3 В 1995 г. на момент незаконного возбуждения уголовного дела № 40460 у меня было чуть меньше 100 000 долларов. Я их израсходовал на правозащитную деятельность, так как не мог брать деньги у других.

10.4 В 2002 г. мне была завещана двухкомнатная квартира в г. Мытищи. Её у меня украли и добиться проверки – НЕВОЗМОЖНО.

10.5 В 2002 г. меня откровенно преступными способами отправили на казнь на 10 лет 7 месяцев и 26 дней. Квартиру со всем имуществом передали дочери.

10.6 06.11.06 г. был убит мой сын, с которым у дочери были хорошие отношения, поскольку они были очень дружны и любили друг друга. За месяц до этого посадили мужчину дочери и она начала пить. Потом пошли наркотики. Её лишили родительских прав и моих внуков рассовали по опекунам и попечителям. Теперь мой любимый внук находится в детдоме и я второй год никак его не могу забрать. Я забрал дочь и она начала восстанавливаться, но теперь «сердобольные» «психиатры» и «юристы» её прикончат, так как она не выдержит этого.

10.7 Так как дочь бросила квартиру и в ней не жила, поэтому из неё растащили все имущество и превратили её в притон. Имущество я вернуть не могу, так как не могу добиться проведения проверки по его хищению, хотя имеются фотографии и документы, свидетельствующие о его наличии.

10.8 В Израиле умирает от рака моя любимая теща Хася Юдовна, которая была для меня примером сильной Женщины и с которой мы постоянно общались. Меня лишили возможности проститься с ней.

10.9 Я поручил Воровке Шевченко Г.П. продать мою квартиру и продажа этой квартиры позволила бы мне решать вопросы и с внуками и с дочерью. Воровка Шевченко Г.П. должна была продать квартиру по минимальной цене в 2 100 000 рублей. После продажи квартиры она мне отдала 500 000 рублей и защититься от неё я не могу ни в суде, ни на следствии, так как в суде делают все возможное, чтоб не рассматривать дело и результатом было возбуждение уголовного дела № 77408/14, фальсификацией которого занимается Новикова Ю.В. Теперь Новиковой Ю.В. поручили еще проводить проверку по заявлению о хищении у меня денег Шевченко Г.П. С 24.06.14 г. проверку «проводили» в ПП «Арбажский», но так и не смогли установить, за сколько же Шевченко Г.П. ДОЛЖНА была продать квартиру, несмотря на то, что имеются и аудиозаписи, и объявления о продаже квартиры. Теперь уже Шевченко Г.П. сама рассказала, как и почему она совершала свои преступления, но ни у кого нет желания давать оценку даже её рассказам. У меня вообще ничего не рассматривают и мне пишут совершенно бездоказательный Бред Сумасшедших, поскольку Шевченко Г.П. дала взятку бывшему прокурору Арбажского района Шевнину С.В. и председателю Яранского района Назаровой И.Е., чтоб её не трогали.

10.10 Таким образом, вы у меня украли все. Вы уничтожили мою семью. И вам осталось только убить меня. И я вам объясняю: то, что вы творите, делается в составе организованного преступного сообщества и минимальный срок лишения свободы вам будет 15 лет, как это предусмотрено ч. 3 ст. 210 УК РФ. И ничего другого не будет. У вас нет и не будет доказательств для того, чтоб лишать меня свободы и личной неприкосновенности и если только вы меня не убьете, то я потребую ответа ЗА ВСЕ совершенные в отношении меня преступления. Я не делаю ничего противозаконного, а если только мне и приходится допускать некорректные слова и выражения – и это предел -, то я их допускаю в состоянии крайней необходимости (ст. 39 УК РФ), к которой ВЫ ЖЕ меня и ВЫНУЖДАЕТЕ, отказываясь рассматривать мои обращения в установленном законом порядке. Я не требую ни от кого каких-либо преференций для меня, но я хотел бы, чтоб в отношении меня использовались элементарные представления о Разуме и Справедливости, поскольку с этих точек зрения я подхожу к другим. Я не причиняю ПЕРВЫМ вред никому, но я и НЕ БУДУ терпеть вред, причиняемый мне, о чем еще

напомнила Иванова И.А. со ссылкой на особое мнение Бушева в Постановлении ЕСПЧ от 20.09.11 г. по делу «ОАО Нефтяная компания ЮКОС против России». Так что Воры и Убийцы Бережицкий С.П., Шевнин С.В., Корюков Д.А, Бармин Ю.В., Леденских И.В., Лукьянов Э.В., Ембасинов И.В., Назарова И.Е., Житенев Г.Я., Бакулев А.А., Солодовников С.А., Липатников В.Л., Петухов Ю.Л., Кузнецов С.Ф., Исунев А.В., Огорельцев А.В. и вашим подельникам КОНЕЦ В ЛЮБОМ СЛУЧАЕ. ВЫ В ЛЮБОМ СЛУЧАЕ ОКАЖЕТЕСЬ НА СКАМЬЕ ПОДСУДИМЫХ, независимо от того убьете вы меня или нет. У вас нет и не будет моей речи, содержащей ложные суждения и умозаключения, позволяющей применять ваш ПОСЛЕДНИЙ оплот: нейрорепетики. Я прошел через ВСЕ Пытки и поэтому вы ими меня уже не запугаете.

10.11 Именно вы объявляли сумасшедшим Солона. Именно вы отравили моего Кумира Сократа. Именно вы распяли Иисуса. Именно вы заставляли каяться Галилея. Именно вы сожгли Джордано Бруно. Именно вы преследовали Чаадаева, Пушкина и Лермонтова. Именно вы травили Сахарова. Вы ВСЕГДА истребляли лучших и только потому, что сами были Глупцами и Невеждами и поэтому ВСЕГДА создавали такую ситуацию:

Блажен незлобивый поэт,
В ком мало желчи, много чувства:
Ему так искренен привет
Друзей спокойного искусства;

Ему сочувствие в толпе,
Как ропот волн, ласкает ухо;
Он чужд сомнения в себе —
Сей пытки творческого духа;

Любя беспечность и покой,
Гнушаясь дерзкою сатирой,
Он прочно властвует толпой
С своей миролюбивой лирой.

Дивясь великому уму,
Его не гонят, не злословят,
И современники ему
При жизни памятник готовят...

Но нет пощады у судьбы
Тому, чей благородный гений
Стал обличителем толпы,
Ее страстей и заблуждений.

Питая ненавистью грудь,
Уста вооружив сатирой,
Проходит он тернистый путь
С своей карающей лирой.

Его преследуют хулы:
Он ловит звуки одобренья
Не в сладком ропоте хвалы,
А в диких криках озлобленья.

И веря и не веря вновь
Мечте высокого призванья,
Он проповедует любовь
Враждебным словом отрицанья, —

И каждый звук его речей
Плодит ему врагов суровых,

И умных и пустых людей,
Равно клеймить его готовых.

Со всех сторон его клянут
И, только труп его увидя,
Как много сделал он, поймут,
И как любил он — ненавидя!

10.12 Я ЗНАЮ, что вы сначала прикончите дочь и уж потом сможете избавиться от меня. Но когда настанет тот для вас долгожданный час, когда вам ПОКАЖЕТСЯ, что все Кошмары для вас позади, реальные Кошмары для вас только начнутся, поскольку дело Магницкого вам покажется детской забавой. И я повторяю то, что говорил своему сыну 16.12.13 г.: «Маратичек, мальчик мой! Так как мы правы и действуем исключительно законными способами, поэтому мы будем биться до победы, И ТОЛЬКО НАШЕЙ. Никто не застрахован от неудач и поражений, но эти неудачи и поражения должны делать человека только сильнее и мудрее. Сильные падают и могут подняться, А СЛАБЫЕ НЕ ПОДНИМАЮТСЯ НИКОГДА. И ты должен знать, что каждый хочет жить, но жить надо достойно. Мы все равно умрем, но если мы умрем раньше, чем нам это было положено, то наша смерть сама по себе должна быть Победой над Безумием этого мира и Мракобесием. За чистые, светлые Идеи и помыслы люди входили на эшафоты и костры с гордо поднятой головой и В КОНЕЧНОМ СЧЕТЕ побеждали ТОЛЬКО они. Также ты должен помнить, что несправедливость нельзя терпеть НИ В КАКОМ проявлении, ибо она разлагает разум не только тех, кто творит несправедливость, но и твой собственный. Потворствуя несправедливости, ты можешь потерять свои Честь и Достоинство и уже ничего не будешь стоить ты, так как мало того, что с тобой никто не будет считаться, но и ты сам не будешь иметь права считать себя достойным Человеком. Я ничего не прощаю другим потому, что я, прежде всего, НИЧЕГО НЕ ПРОЩАЮ СЕБЕ. Прежде чем спрашивать что-то с других, надо научиться спрашивать с себя, ибо только это может давать силы и уверенность. А теперь послушай, что ГОВОРЯТ другие и ДЕЛАЮТ».

А дальше шли пустопорожние речи вашего Идола: Мед! Мед! Мед!.. И дела: уничтожение России.

12.1 Однако это было написано 26.12.2014 г. Теперь ситуация усугубилась еще больше, поскольку Банда специализирующегося на Взятках, Хищениях, Грабежах, Разбоях и Убийствах Кущевского Режиссера Бондар А.В. забрала у меня вообще всё моё имущество и документы. Слово «всё» - означает вообще всё. Мне оставили **только то**, в чем я мог выйти на улицу 28.11.15 г., чтоб не замерзнуть и с теми небольшими денежными средствами, которые у меня были. Теперь, мой личный адвокат Иванова И.А. с целью моего спасения истратила более 208 000 рублей, поскольку меня уже Грабили иные члены Банды Бондар А.В. Доказательства этого находятся здесь: <https://cloud.mail.ru/public/M6YV/D9TfVqQjc>, <https://cloud.mail.ru/public/2F8n/XwmdM16rS>.

12.2 Таким образом, так как абсолютно Мафиозная Россия в лице её так называемых органов государственной власти, а по сути бандитские формирования, меня **полностью ограбила**, поэтому я ТРЕБУЮ освободить меня от уплаты госпошлины.

13. В связи с тем, что Палачи и Изверги из конституционного якобы суда **препятствуют** мне в доступе к Конституционному Суду РФ с 2000 г., который призван решать вопросы о защите нарушенных конституционных прав, но эти вопросы он не решает, **выступает гарантом нарушения конституционных прав** и при этом так называемые судьи конституционного якобы суда окончательно рехнулись и стали реальными Невменяемыми, что доказывают определения № 678-О от 24.03.15 г., № 2697-О от 19.11.15 г., № 2698-О от 01.12.15 г., а также Изверги **фактически** отменили состязательность в апелляции в постановлении № 27-П от 20.10.15 г., поэтому я заявляю отвод этим якобы судьям, а по существу – Мракобесам, по основаниям их личной заинтересованности в исходе дела, создание этими Уголовниками конфликта интересов, что прямо предусмотрено ч.ч. 1, 2, 4 ст. 15, ч. 1 ст. 47, ч. 1 ст. 120 Конституции РФ, п. 3 «с» Принципа V Рекомендации № R(94)12 Комитета министров СЕ о

независимости, эффективности и роли судов, принятой 13.10.94 г.; ч. 2 ст. 3 Закона «О статусе судей в РФ», ч. 5 ст. 11 Закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части установления обязанности лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц сообщать о возникновении личной заинтересованности, которая приводит или может привести к конфликту интересов, и принимать меры по предотвращению или урегулированию конфликта интересов» в их нормативном единстве.

13.1 Повторим еще раз то, что Мракобесы **прекрасно** разъяснили в абзаце 7 п. 6.1 мот. части Постановления КС № 5-П от 24.03.15 г.: «... осуществляемое ... правовое регулирование - в силу **конституционных принципов правового государства**, верховенства закона и юридического равенства - **должно** отвечать требованиям определенности, ясности и непротиворечивости, а **механизм его действия должен быть понятен субъектам соответствующих правоотношений** из содержания конкретного нормативного положения или системы находящихся в очевидной взаимосвязи нормативных положений, поскольку **конституционное равноправие может быть обеспечено лишь при условии единообразного понимания и толкования правовой нормы всеми правоприменителями (...)**».

В Определении № 2697-О от 19.11.15 г. Мракобесы **пишут**: «Вместе с тем определение Конституционного Суда Российской Федерации об отказе в принятии жалобы к рассмотрению констатирует в резолютивной части, что эта жалоба не отвечает требованиям, предъявляемым к обращениям в Конституционный Суд Российской Федерации, а потому не может являться новым обстоятельством, не известным суду на момент вынесения судебного решения». Допустим, что это так. Тогда **каким основанием** является вынесенное конституционным якобы судом Определение, где **объяснено**, что правоприменитель неправильно истолковывал и применял нормы права? Проблема заключается в том, что **этот** вопрос решается конституционным якобы судом с 14.01.99 г. и ссылка на Определение № 4-О, а также взаимосвязанное с ним Определение № 78-О от 05.02.04 г. в определении № 2697-О – имеется. Между тем конституционный якобы суд **систематически** пишет: «Это не исключает пересмотра вступившего в законную силу приговора с возобновлением производства по уголовному делу и в том случае, когда по исчерпанию возможностей судебного надзора выявлена неправомерность приговора вследствие того, что доказательства по делу не были учтены или получили ошибочную оценку, **либо вследствие неправильного применения закона**» (абзац 5 п. 3 мот. части Определения № 1276 от 09.06.15 г.). В зависимости от того, на какой стадии неправильное применение закона повлекло неправомерность судебного акта и является основанием для возобновления производства по делу **с этой стадии** с учетом Принципа 19 Принципов о компенсации, принципа *restitutio in integrum* и абзаца 3 ст. 12 ГК РФ **в системной связи**. Вопрос о новых и вновь открывшихся обстоятельствах мной будет рассмотрен отдельно, но фактом является то, что Изверги из конституционного якобы суда навывносили массу решений с амбивалентным (противоречивым) содержанием, чем **полностью уничтожили судебную власть**. Именно конституционный и верховный якобы суды с их **реальным** паралогическим мышлением **являются индукторами** того Бреда, то есть Заразы, которая разлагает и растлевает всё вокруг. Амбивалентность в тысячу раз хуже, чем аутизм, поскольку при амбивалентности, то есть двойных стандартах, именуемых в логике «двойная бухгалтерия» - решение вопросов практически становится невозможным, что и доказывает **вся преступная** деятельность конституционного якобы суда, то есть Паразитов, которые навывносили **тысячи** решений, а воз и ныне там.

13.2 Так как Бандиты из конституционного якобы суда **не имеют права** рассматривать мои жалобы, поэтому прошу самостоятельно направлять их в ЕСПЧ и Комитет по правам человека и Комитет против пыток ООН. Но так как речь идет о нарушении конституционных прав, поэтому я сформулирую просительную часть.

14. Поскольку нормы международного права являются **составной частью правовой системы** Российской Федерации и при этом **имеют большую юридическую силу** в силу ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, эти нормы имеют императивный характер, исключая дискреционные полномочия правоприменителя и отступление от которых недопустимо в силу ст. 53 Венской конвенции о международных договорах, «при осуществлении правосудия суды **должны** иметь в виду, что неправильное применение судом общепризнанных принципов и норм международного права и международных

договоров Российской Федерации может являться основанием к отмене или изменению судебного акта» (абзац 3 п. 5 мот. части Определения КС № 1248-О от 28.06.12 г.), поэтому, руководствуясь ст.ст. 8, 9 Декларации о праве, п. 4 ч. 1 ст. 39, ч. 3 ст. 40, ст. ст. 41-43, 96, 97 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ»

Прошу:

1. Освободить меня от уплаты госпошлины, так как в Грабеже моего имущества и **истреблении моей семьи** принимали участие практически все органы государственной власти, в том числе и так называемый конституционный суд РФ.
2. Признать взаимосвязанные положения ч. 4 ст. 7, ч. 1 ст. 11, ч. 2 ст. 16, ч. 3 ст. 195 УПК РФ по смыслу, придаваемому им сложившейся преступной правоприменительной практикой, как позволяющие не составлять протокол об ознакомлении с постановлением о назначении судебно-психиатрических экспертиз, **не разъяснять** и не обеспечивать **все** права и обязанности лиц, направляемых на экспертизы вообще и в психиатрические стационары в частности, а также порядок их осуществления, как то предусмотрено ч. 3 ст. 1, ч. 1 ст. 11, ч. 2 ст. 16, ч. 1 ст. 198 УПК РФ, п. «а» ст. 6 Декларации о праве, п. 1 Принципа 12, п. 1 ст. 22 Рекомендаций, Принципа 13 Свода Принципов, ст. 6, п. 2 ст. 32 Закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ», ч. 1 ст. 37 Закона «О психиатрической помощи...» в их нормативном единстве и не привлекать к участию в деле не только избранных Жертвами защитников, личных и законных представителей, но защитников вообще. **В результате** сложившееся правоприменение ч. 4 ст. 7, ч. 1 ст. 11, ч. 2 ст. 16, ч. 3 ст. 195 УПК РФ позволяет «правоприменителям» не исполнять ст. 2, ч.ч. 1, 2, 4 ст. 15, ст. 18, ч.ч. 1, 2 ст. 19, ч. 1 ст. 21, ч. 1 ст. 45 Конституции РФ, ч. 3 ст. 1, ч. 4 ст. 7, ч. 1 ст. 11, ст. 16, ст.ст. 46, 47, п.п. 4 – 6 ч. 3 ст. 49, ч.ч. 1, 2 ст. 50, ч. 3 ст. 51, ч. 3 ст. 195, ч. 1 ст. 198, ст.ст. 437, 438 УПК РФ, п.п. 2, 3 Принципа 11, Принцип 12, п. 1 Принципа 18, п. 3 ст. 2, ст.ст. 7, 9, п.п. 1, 2 ст. 14, п.п. 3 «а», «b», «d» ст. 14, п. 2 ст. 19, ст. 26 Пакта, Декларацию о праве в полном объеме, Свод Принципов в полном объеме, ст.ст. 3, 5, п.п. 1, 2 ст. 6, п.п. 3 «а», «b», «с» ст. 6, ст.ст. 10, 13, 14 Конвенции, п.п. 1, 3 ст. 22 Рекомендаций и нагло глумиться над конституционными правами лиц, направляемых на экспертизы и освидетельствования, предусмотренными статьями 17, 19 (части 1 и 2), 20 (часть 1), 21, 22 (часть 1), 23, 24 (часть 2), 27, 29 (части 1, 3, 4), 32 (часть 1), 33, 35 (части 2 и 3), 37 (часть 1), 41, 42, 43 (части 1, 5), 45 (часть 2), 46 (части 1 и 2), 47 (часть 1), 48, 49 (части 1 и 3), 50, 52, 53, 123 (часть 3) Конституции РФ, что объяснено в п.п. 8 – 8.23.
3. Признать взаимосвязанные положения ч. 4 ст. 7, ст. 195, п. 3 ст. 196, 199 УПК РФ по смыслу, придаваемому им сложившейся преступной правоприменительной практикой, как позволяющие направлять на судебно-психиатрическую экспертизу лиц без каких-либо на то законных оснований и наделяющие так называемых правоприменителей правом писать всякий Бред Сумасшедших, не ссылаясь при этом на **достаточные** доказательства и гарантирующие им вообще ничем не ограниченное усмотрение. **В результате** сложившееся правоприменение ч. 4 ст. 7, ст. 195, п. 3 ст. 196, 199 УПК РФ позволяет «правоприменителям» не исполнять ст. 2, ч.ч. 1, 2, 4 ст. 15, ст. 18, ч.ч. 1, 2 ст. 19, ч. 1 ст. 21, ч. 1 ст. 45 Конституции РФ, п. 3 ст. 2, ст.ст. 7, 9, п.п. 1, 2 ст. 14, п.п. 3 «а» - «е» ст. 14, п.п. 1, 2 ст. 19, ст. 26 Пакта, Декларацию о праве в полном объеме, Свод Принципов в полном объеме, ст.ст. 3, 5, п.п. 1, 2 ст. 6, п.п. 3 «а» - «d» ст. 6, ст.ст. 10, 13, 14 Конвенции и нагло глумиться над конституционными правами лиц, направляемых на экспертизы и освидетельствования, предусмотренными статьями 17, 19 (части 1 и 2), 20 (часть 1), 21, 22 (часть 1), 23, 24 (часть 2), 27, 29 (части 1, 3, 4), 32 (часть 1), 33, 35 (части 2 и 3), 37 (часть 1), 41, 42, 43 (части 1, 5), 45 (часть 2), 46 (части 1 и 2), 47 (часть 1), 48, 49 (части 1 и 3), 50, 52, 53, 123 (часть 3) Конституции РФ, что объяснено в п.п. 8 – 8.23.
4. Признать взаимосвязанные положения п. 4 ч. 3 ст. 57, п. 4 ч. 4 ст. 57, ч. 5 ст. 57, п. 6 ч. 1 ст. 198, ст. 200, ст.ст. 204, 206 УПК РФ, подпункт 2 п. 1 ст. 16, п. 1 ст. 19, ст.ст. 21 – 23, п. 1 ст. 25 Закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» по смыслу, придаваемому им сложившейся преступной правоприменительной практикой, как позволяющие «психиатрам» отказываться от проведения амбулаторных судебно-психиатрических экспертиз с изготовлением заведомо ложных заключений об их проведении и изложением в них совершенно **бездоказательных** фантазий, не нести за это никакой ответственности, а следователям не предъявлять

- заклучения Жертвам для ознакомления с ними. **В результате** перечисленные нормы позволяют «правоприменителям» не исполнять нормы российского и международного законодательства, указанные в подпункте 3 п. 11 данной жалобы и нагло глумиться над конституционными правами лиц, направляемых на экспертизы и освидетельствования, предусмотренными статьями 17, 19 (части 1 и 2), 20 (часть 1), 21, 22 (часть 1), 23, 24 (часть 2), 27, 29 (части 1, 3, 4), 32 (часть 1), 33, 35 (части 2 и 3), 37 (часть 1), 41, 42, 43 (части 1, 5), 45 (часть 2), 46 (части 1 и 2), 47 (часть 1), 48, 49 (части 1 и 3), 50, 52, 53, 123 (часть 3) Конституции РФ, что объяснено в п.п. 8 – 8.23.
5. Признать взаимосвязанные положения ч. 4 ст. 7, ч.ч. 1, 3, 4 ст. 15, ст. 16, ч. 3 ст. 37, п. 3 ч. 2 ст. 38, ст.ст. 165, 203, ч. 2 ст. 435, ст. 437, 438 УПК РФ по смыслу, придаваемому им преступной правоприменительной практикой, как позволяющие следователям **без достаточных на то оснований и на основании недопустимых доказательств** выходить с ходатайствами о помещении Жертв в психиатрические стационары для производства якобы психиатрических экспертиз, а судам проводить судебные процессы **с полным исключением** состязательности и равноправия сторон без установления обоснованности выдвинутого подозрения, без исследования и оценки доказательств в установленном ч.ч. 3, 4 ст. 7, ст.ст. 17, 85, 87, 88, 240 УПК РФ порядке, циничным нарушением права на защиту и вынесением абсолютно бездоказательных постановлений о лишении Жертв свободы и личной неприкосновенности. **В результате** перечисленные нормы позволяют «правоприменителям» не исполнять нормы российского и международного законодательства, указанные в подпункте 3 п. 11 данной жалобы и нагло глумиться над конституционными правами лиц, направляемых на экспертизы и освидетельствования, предусмотренными статьями 17, 19 (части 1 и 2), 20 (часть 1), 21, 22 (часть 1), 23, 24 (часть 2), 27, 29 (части 1, 3, 4), 32 (часть 1), 33, 35 (части 2 и 3), 37 (часть 1), 41, 42, 43 (части 1, 5), 45 (часть 2), 46 (части 1 и 2), 47 (часть 1), 48, 49 (части 1 и 3), 50, 52, 53, 123 (часть 3) Конституции РФ, что объяснено в п.п. 8 – 8.23.
6. Признать взаимосвязанные положения ч. 1 ст. 6, ст. 27, п.п. 1, 3, 4 ст. 29, ст. 32 Закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ», Принципа 12, п. 1 Принципа 18, Принципов 2, 7-11, 13, п.п. 1, 3, 4 Принципа 16, Принципов 17, 18 Свода Принципов по смыслу, придаваемому им преступной правоприменительной практикой, как позволяющие задерживать и арестовывать лиц, направляемых на экспертизы в стационары без разъяснения им прав и порядка их осуществления, без их обеспечения, без участия защитника при аресте и задержании, а также без извещения родных и близких. То есть позволяющие фактически похищать людей. **В результате** перечисленные нормы позволяют «правоприменителям» не исполнять нормы российского и международного законодательства, указанные в подпункте 3 п. 11 данной жалобы и нагло глумиться над конституционными правами лиц, направляемых на экспертизы и освидетельствования, предусмотренными статьями 17, 19 (части 1 и 2), 20 (часть 1), 21, 22 (часть 1), 23, 24 (часть 2), 27, 29 (части 1, 3, 4), 32 (часть 1), 33, 35 (части 2 и 3), 37 (часть 1), 41, 42, 43 (части 1, 5), 45 (часть 2), 46 (части 1 и 2), 47 (часть 1), 48, 49 (части 1 и 3), 50, 52, 53, 123 (часть 3) Конституции РФ, что объяснено в п.п. 8 – 8.23.
7. Признать взаимосвязанные положения ч. 3 ст. 1, ч. 4 ст. 7, п. 3 ч. 2 ст. 38, п.п. 4, 11 ч. 4 ст. 46, ч. 3 ст. 47, п.п. 4, 21 ч. 4 ст. 47, п.п. 2, 4 ч. 3 ст. 57, ч. 2 ст. 86, ч. 2 ст. 159, п. 4 ч. 1 ст. 195, п. 7 ч. 1 ст. 204, ч.ч. 2, 3 ст. 204 УПК РФ, п. 3 Принципа 18, п. 2 Принципа 19, п. 3 ст. 2, п. 1 ст. 14, п.п. 3 «а», «б» ст. 14, п. 2 ст. 19, ст. 26 Пакта, ст. 6, п. 1 ст. 9 Декларации о праве, п. 1 ст. 6, п.п. 3 «а», «б», ст. 6, ст.ст. 10, 13, 14 Конвенции, ст.ст. 4, 5, п. 1 ст. 6, ст. 8, подпункт 2 п. 1 ст. 16, п. 2 ст. 19, п. 2 ст. 24, подпункт 7 п. 2 ст. 25, п. 3 ст. 25, подпункт 3 п. 1 ст. 31 Закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» по смыслу, придаваемому им преступной правоприменительной практикой, как позволяющие при производстве экспертиз лишать Жертв права представлять доказательства в обоснование своих доводов, то есть давать объяснения экспертам и ставят сторону защиты в вопросе о представлении доказательств **в полную зависимость** от стороны обвинения и суда; предоставляют стороне обвинения преимущества и ничем неограниченные возможности фальсифицировать доказательства, что позволяет изготавливать заведомо ложные и абсолютно бездоказательные заключения, выводы которых не подтверждаются

- достоверными доказательствами и которые затем проверить невозможно. **В результате** перечисленные нормы позволяют «правоприменителям» не исполнять нормы российского и международного законодательства, указанные в подпункте 3 п. 11 данной жалобы и нагло глумиться над конституционными правами лиц, направляемых на экспертизы и освидетельствования, предусмотренными статьями 17, 19 (части 1 и 2), 20 (часть 1), 21, 22 (часть 1), 23, 24 (часть 2), 27, 29 (части 1, 3, 4), 32 (часть 1), 33, 35 (части 2 и 3), 37 (часть 1), 41, 42, 43 (части 1, 5), 45 (часть 2), 46 (части 1 и 2), 47 (часть 1), 48, 49 (части 1 и 3), 50, 52, 53, 123 (часть 3) Конституции РФ, что объяснено в п.п. 8 – 8.23.
8. Признать взаимосвязанные положения ч. 3 ст. 1, п. 32 ст. 5, ч. 4 ст. 7, п. 3 ч. 2 ст. 38, ч. 3 ст. 47, п.п. 3, 11, 21 ч. 4 ст. 47, ст.ст. 164, 166, п. 3 ч. 1 ст. 195, п.п. 4, 5 ч. 1 ст. 198, п.п. 6-8 ч. 1 ст. 204 УПК РФ, п. 1 ст. 27 Всеобщей декларации, п. 3 ст. 2, п. 1 ст. 14, п.п. 3 «а», «б» ст. 14, п.п. 1, 2 ст. 19, ст. 26 Пакта, ст. 6, п. 1 ст. 9 Декларации о праве, Принципа 26 Свода Принципов, п. 1 ст. 6, п.п. 3 «а», «б» ст. 6, ст.ст. 10, 13, 14 Конвенции, п. 1 ст. 6, п. 6 ст. 9, п. 2 ст. 24, подпункты 6-8 п. 2 ст. 25, подпункт 3 п. 1 ст. 31 Закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» по смыслу, придаваемому им преступной правоприменительной практикой, как позволяющие вообще лишать Жертв права не только задавать вопросы экспертам во время проведения экспертиз, но и ставить вопросы перед экспертами до их назначения, давать объяснения экспертам с представлением доказательств в обоснование своих доводов, проводить якобы экспертизы в конспиративных условиях без составления протоколов, ведения аудио- и видеозаписей, а также наделяют так называемых правоприменителей правом на ничем не ограниченное усмотрение, полномасштабные Беззаконие и Произвол. **В результате** перечисленные нормы позволяют «правоприменителям» не исполнять нормы российского и международного законодательства, указанные в подпункте 3 п. 11 данной жалобы, а также Принцип 26 Свода Принципов и нагло глумиться над конституционными правами лиц, направляемых на экспертизы и освидетельствования, предусмотренными статьями 17, 19 (части 1 и 2), 20 (часть 1), 21, 22 (часть 1), 23, 24 (часть 2), 27, 29 (части 1, 3, 4), 32 (часть 1), 33, 35 (части 2 и 3), 37 (часть 1), 41, 42, 43 (части 1, 5), 45 (часть 2), 46 (части 1 и 2), 47 (часть 1), 48, 49 (части 1 и 3), 50, 52, 53, 123 (часть 3) Конституции РФ, что объяснено в п.п. 8 – 8.23.
9. Признать взаимосвязанные положения ч. 3 ст. 1, п.п. 3, 32 ст. 5, ч. 4 ст. 7, ст. 16, п.п. 3, 11 ч. 4 ст. 46, п.п. 8, 9, 21 ч. 4 ст. 47, ст.ст. 164, 166, п. 8 ч. 1 ст. 204 УПК РФ, п. 3 Принципа 11, п.п. 2, 3 Принципа 12, п. 1 Принципа 18, Принципов 17, 18 Свода Принципов, п. 3 ст. 2, п. 1 ст. 14, п.п. 3 «b», «d» ст. 14, ст. 26 Пакта, п.п. 1, 2 ст. 9, Декларации о праве, п. 1 ст. 6, п. 3 «с» ст. 6, ст.ст. 13, 14 Конвенции, п. 1 ст. 6, п. 6 ст. 9, п. 1 ст. 24, подпункт 8 п. 2 ст. 25, п. 1 ст. 36 Закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» по смыслу, придаваемому им преступной правоприменительной практикой, как позволяющие лишать лиц, в отношении которых проводятся экспертизы, права на помощь защитника при производстве экспертиз. **В результате** перечисленные нормы позволяют «правоприменителям» не исполнять нормы российского и международного законодательства, указанные в подпункте 3 п. 11 данной жалобы, а также п. 3 Принципа 11, п.п. 2, 3 Принципа 12, п. 1 Принципа 18, Принципы 17, 18 Свода Принципов и нагло глумиться над конституционными правами лиц, направляемых на экспертизы и освидетельствования, предусмотренными статьями 17, 19 (части 1 и 2), 20 (часть 1), 21, 22 (часть 1), 23, 24 (часть 2), 27, 29 (части 1, 3, 4), 32 (часть 1), 33, 35 (части 2 и 3), 37 (часть 1), 41, 42, 43 (части 1, 5), 45 (часть 2), 46 (часть 1 и 2), 47 (часть 1), 48, 49 (части 1 и 3), 50, 52, 53, 123 (часть 3) Конституции РФ, что объяснено в п.п. 8 – 8.23.
10. Признать взаимосвязанные положения ч. 3 ст. 1, ч. 4 ст. 7, ч. 1 ст. 11, п.п. 5, 11 ч. 4 ст. 46, ч. 3 ст. 47, п.п. 5, 21 ч. 4 ст. 47, ст. 70, п. 2 ч. 1 ст. 198 УПК РФ, п. 3 ст. 2, п. 1 ст. 14, п. 3 «b» ст. 14, п. 2 ст. 19, ст. 26 Пакта, п. «а» ст. 6, п. 1 ст. 9, Декларации о праве, п. 1 ст. 6, п. 3 «b» ст. 6, ст.ст. 10, 13, 14 Конвенции, ст. 18 Закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» по смыслу, придаваемому им преступной правоприменительной практикой, как не позволяющие лицам, в отношении которых проводятся экспертизы, заявлять экспертам отводы и ходатайства в **эффективных** процедурах, так как не только не разъясняется порядок осуществления прав на заявление отводов и ходатайств, тем более в

эффективных процедурах, но объем и содержание самих прав. **В результате** права на заявление отводов и ходатайств невозможно реализовать на практике, перечисленные нормы позволяют «правоприменителям» не исполнять нормы российского и международного законодательства, указанные в подпункте 3 п. 11 данной жалобы и нагло глумиться над конституционными правами лиц, направляемых на экспертизы и освидетельствования, предусмотренными статьями 17, 19 (части 1 и 2), 20 (часть 1), 21, 22 (часть 1), 23, 24 (часть 2), 27, 29 (части 1, 3, 4), 32 (часть 1), 33, 35 (части 2 и 3), 37 (часть 1), 41, 42, 43 (части 1, 5), 45 (часть 2), 46 (части 1 и 2), 47 (часть 1), 48, 49 (части 1 и 3), 50, 52, 53, 123 (часть 3) Конституции РФ, что объяснено в п.п. 8 – 8.23.

11. Признать взаимосвязанные положения ч. 3 ст. 1, ч. 4 ст. 7, ч. 1 ст. 11, ст. 16, п. 3 ч. 2 ст. 38, п.п. 3, 8, 11 ч. 4 ст. 46, ч. 3 ст. 47, п.п. 8, 9, 11, 21 ч. 4 ст. 47, п.п. 4-6 ч. 3 ст. 49, ч.ч. 1, 2 ст. 50, ч. 3 ст. 51, п. 6 ч. 1 ст. 198, ст.ст. 206, 207, УПК РФ, п. 3 ст. 2, п. 1 ст. 14, п.п. 3 «а» - «д» ст. 14, п. 2 ст. 19, ст. 26 Пакта, ст. 6, п. 1 ст. 9, Декларации о праве, п. 1 ст. 6, п.п. 3 «а» - «с» ст. 6, ст.ст. 10, 13, 14 Конвенции, ст. 20 Закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» по смыслу, придаваемому им преступной правоприменительной практикой, как позволяющие «правоприменителям» не предъявлять Жертвам заключения экспертиз в зависимости от обстоятельств до вынесения решения по делу судом или поступления дела в суд; **полностью** лишаящие Жертв возможности пользоваться помощью защитников; заявлять ходатайства о производстве повторной или дополнительной экспертизы; допускающие возможность **полной непредсказуемости** для Жертв, а для «правоприменителей» неограниченного ничем усмотрения, Беззакония и Произвола, нарушение принципа равенства перед законом. **В результате** перечисленные нормы позволяют «правоприменителям» не исполнять нормы российского и международного законодательства, указанные в подпункте 3 п. 11 данной жалобы, нагло глумиться над конституционными правами Жертв, проходящих через российский Ад, перед которым меркнет Ад Данте и Освенцима, предусмотренными статьями 17, 19 (части 1 и 2), 20 (часть 1), 21, 22 (часть 1), 23, 24 (часть 2), 27, 29 (части 1, 3, 4), 32 (часть 1), 33, 35 (части 2 и 3), 37 (часть 1), 41, 42, 43 (части 1, 5), 45 (часть 2), 46 (части 1 и 2), 47 (часть 1), 48, 49 (части 1 и 3), 50, 52, 53, 123 (часть 3) Конституции РФ, что объяснено в п.п. 8 – 8.23.
12. Признать взаимосвязанные положения ст. 204 УПК РФ, ст.ст. 8, 25 Закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» по смыслу, придаваемому им преступной правоприменительной практикой, как позволяющие составлять абсолютно бездоказательные **заключения, не имеющие никакого отношения к обжалуемым нормам**, достоверность и обоснованность которых проверить на практике вообще нереально при массовом Безумии и некомпетентности российских «правоприменителей», которых обучили способности переписывать в судебное решение **только** заключительные положения Сумасшедших в белых халатах. **В результате** перечисленные нормы позволяют «правоприменителям» не исполнять нормы российского и международного законодательства, указанные в подпункте 3 п. 11 данной жалобы, нагло глумиться над конституционными правами Жертв, предусмотренными статьями 17, 19 (части 1 и 2), 20 (часть 1), 21, 22 (часть 1), 23, 24 (часть 2), 27, 29 (части 1, 3, 4), 32 (часть 1), 33, 35 (части 2 и 3), 37 (часть 1), 41, 42, 43 (части 1, 5), 45 (часть 2), 46 (части 1 и 2), 47 (часть 1), 48, 49 (части 1 и 3), 50, 52, 53, 123 (часть 3) Конституции РФ, что объяснено в п.п. 8 – 8.23.
13. Признать взаимосвязанные положения ч. 3 ст. 1, ч. 4 ст. 7, ст. 14, ч.ч. 1, 3, 4 ст. 15, ст. 17, 85, ч. 2 ст. 86, ст.ст. 87, 88, ст. 204, ч.ч. 1, 3 ст. 240, ч. 4 ст. 302 УПК РФ п. 3 ст. 2, ст. 7, п.п. 1, 2 ст. 14, п.п. 3 «а» - «е» ст. 14, п.п. 1, 2 ст. 19, ст. 26 Пакта, п. 1 ст. 9, Декларации о праве, ст. 3, п.п. 1, 2 ст. 6, п.п. 3 «а» - «д» ст. 6, ст.ст. 10, 13, 14 Конвенции, ст.ст. 8, 25 Закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» по смыслу, придаваемому им преступной правоприменительной практикой, как **полностью исключаящие** равноправие и состязательность сторон, исследование и оценку заключений «психиатров» на предмет допустимости, достоверности и достаточности, то есть с учетом наличия мнения Жертвы о Бреде Сумасшедших в белых халатах. Именно совокупность обжалуемых норм позволила полностью уничтожить правоохранительные органы и судебную власть, так как неспособность оценивать доказательства на предмет допустимости привела к тотальному получению и использованию недопустимых доказательств; неспособность

оценивать доказательства на предмет достоверности привела к тому, что все «правоприменители» стали **реальными** Невменяемыми, неспособными в условиях состязательности и равноправия сторон вообще доказывать что-либо, а неспособность оценивать доказательства на предмет достаточности, то есть наличия доводов противной стороны привела к тому, что были исключены состязательность и равноправие сторон в частности и справедливость вообще. Как следствие этого массового Безумия Россия превращена в реальную тюрьму народов, самый большой Дурдом в мире и угрозу всему человечеству. **В результате** перечисленные нормы позволяют «правоприменителям» не исполнять вообще все нормы действующего законодательства и нагло глумиться над Разумом, здравым смыслом и **всеми правами**, какие гарантированы Конституцией РФ.

14. Признать ч. 4 ст. 389.6 УПК РФ по смыслу, придаваемому этой норме сложившейся преступной правоприменительной практикой, как позволяющей «судьям» становиться реальными Невменяемыми и возвращать апелляционные жалобы заявителям с утверждениями о том, что в них содержатся какие-то оскорбительные высказывания, смысл которых Больные объяснить не могут, как не могут объяснить причины, по которым они не выносят соответствующее процессуальное решение, как то следует из смысла ч. 4 ст. 389.6 УПК РФ и аналогии ст. 323 ГПК РФ, ст. 300 КАС РФ, чем делают невозможным само инициирование апелляционного обжалования. В результате такой самодеятельности, некомпетентности и волюнтаризма нарушаются конституционные права Жертв, предусмотренные статьям 17, 19 (частям 1 и 2), ст. 21, 23 (части 1), 45 (части 2), 46 (частям 1 и 2), 47 (части 1), 48 (части 1), 49, 50, 123 (части 3) Конституции РФ, а государство не исполняет свои обязанности, предусмотренные статьями 2, 15 (части 1, 2, 4), 18, 19 (части 1 и 2), 21 (часть 1), 45 (часть 1) Конституции РФ.
15. Признать взаимосвязанные положения ст.ст. 16, 389.11, 389.13, 389.14 УПК РФ по смыслу, придаваемому им сложившейся преступной правоприменительной практикой, как позволяющие вышестоящему суду произвольно навязывать «адвокатов» и «законных представителей» с нарушением ч. 2 ст. 16 УПК РФ; при рассмотрении дела лишать Жертв права на заявление отводов в порядке ч. 2 ст. 64 УПК РФ по основаниям, предусмотренным ч. 2 ст. 61, ст. 63 УПК РФ; заявлять ходатайств в порядке ст.ст. 119 – 122, 271, УПК РФ; произвольно отказывать в ознакомлении с материалами дела; произвольно отказывать в приобщении к делу и оценке доказательств Жертв в свою защиту; игнорировать и не учитывать доводы Жертв по предметам, подлежащим доказыванию; произвольно отказывать в переоценке доказательств и доводов, положенных судом первой инстанции в основу вывода о виновности Жертв и наличия у них психической патологии; произвольно отказывать в вызове и допросе «экспертов»; ставить вопросы перед прокурором; выступать Жертве с последним словом и в нарушение принципа публичного рассмотрения дела оглашать только резолютивную часть выносимых решений, что 15.01.15 г. ЕСПЧ по делу «Малнберг и другие против Российской Федерации» признано нарушением п. 1 ст. 6 Конвенции. То есть обжалуемые нормы позволили из апелляции сделать прежнюю кассацию и абсурдность самой идеи апелляционного рассмотрения, в результате чего обжалуемые нормы нарушают конституционные права Жертв, предусмотренные статьям 17, 19 (частям 1 и 2), ст. 21, 45 (части 2), 46 (частям 1 и 2), 47 (часть 1), 48 (части 1), 49, 50, 123 (части 3) Конституции РФ, а государство не исполняет свои обязанности, предусмотренные статьями 2, 15 (части 1, 2, 4), 18, 19 (части 1 и 2), 21 (часть 1), 45 (часть 1) Конституции РФ.
16. Так как в конституционном якобы суде набрали выживших из ума Маразматиков, которые **неспособны установить нарушение конституционных прав** Жертв принимаемым «правоприменителем» решением **и они везде сами об этом пишут**, а нарушение прав можно установить **только** при **оценке** принятого решения, поэтому прошу назначить правовую экспертизу тех решений, которыми были нарушены мои конституционные права. Поручить проведение экспертизы, например, Демагогам Морщаковой Т.Г. и Пашину С.А. и на их разрешение поставить следующие вопросы: «Соблюден ли в представленных судебных решениях принцип состязательности и равноправия сторон, то есть имеются ли в этих решениях доводы Усманова Р.Р. по предметам, подлежащим доказыванию? Если его доводов по предметам, подлежащим доказыванию в представленных решениях нет, то является ли это доказательством нарушения ч. 3 ст. 123 Конституции РФ?»

17. Вызвать в суд в качестве свидетелей нелегитимных президента РФ, профессионального Бандита Путина В.В., генпрокурора РФ, то есть Главного Рэкетира России Чайку Ю.Я. и действующего под видом председателя СК РФ Головореза Бастрыкина А.И. и допросить их на предмет установления причин отсутствия **адекватной** реакции на мои **многочисленные** обращения и обращения Ивановой И.А., в которых **многokrатно** была описана преступная деятельность Банды Бережицкого С.В., Бармина Ю.В., Житенева Г.Я., Солодовникова С.А., Копыриной М.Н., Утемовой Е.Д., Петухова Ю.Л. и их поделщиков (<https://cloud.mail.ru/public/Lvow/c7hUMXboV>), в результате чего нагло нарушались мои конституционные права. То есть установить причины, по которым они выступили пособниками фальсификации уголовного дела № 77408/14, нарушения моих конституционных прав и наделения себя правами не исполнять свои обязанности и совершать множественные преступления.
18. Истребовать у Бандита Путина В.В., Рэкетира Чайки Ю.Я. и Головореза Бастрыкина А.И. все необходимые документы, поскольку **они** у меня посредством Банды действующего под видом председателя Нижегородского облсуда профессионального Взяточника, Вора, Грабителя, Бандита и Убийцы Кущевского Режиссера Бондар А.В. **забрали всё** мое имущество и документы.
19. Принять решение о приемлемости жалобы в пленарном заседании.
20. Прошу в определении об отказе в принятии жалобы не писать о том, что предусмотрено той или иной нормой закона, поскольку я и другие об этих нормах итак очень хорошо осведомлены. Но поскольку эти нормы на практике не действуют и обязать «правоприменителей» их исполнять – невозможно, именно поэтому их необходимо – по смыслу, **придаваемому им правоприменительной практикой** – признать неконституционными.
21. Прошу считать данную жалобу заявлением о тяжких и особо тяжких преступлениях.

Ответственность за заведомо ложный донос готов нести.

Приложение:

1. Жалоба в Конституционный Суд РФ в электронной форме: <https://cloud.mail.ru/public/xXRQ/1TuxQEJdc>.
2. Тексты обжалуемых норм УПК РФ: <https://cloud.mail.ru/public/7Fnx/mwLaQvnXt>.
3. Тексты обжалуемых норм Закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ»: <https://cloud.mail.ru/public/RmF3/BevpBWAts>.
4. Копия доверенности на Лучшую в мире Женщину и **РЕАЛЬНОГО** Правозащитника, личного Адвоката Иванову И.А.: <https://cloud.mail.ru/public/23iA/gtEnKoysH>.

Иные документы предоставлены по тексту посредством Интернет-технологий, гарантированных ст. 19 Пакта.

20.07.16 г.

Усманов Р.Р.

Вновь открывшиеся обстоятельства.

Энциклопедизм - уютен. Даже читая о Дидро, чувствуешь уют парижских салонов, увлекательных бесед, очаровательного общения с умными женщинами.

Универсализм - неуютен, это сам неуют, это распахнутость во Вселенную, это Рильке, закрывающий собой амбразуру, через которую должны ворваться в нашу обыденность кометы и ... созвездия.

Универсализм - трагичен. Любой универсальный человек бросает вызов миру.

Е. Богат

1. В абзаце 1 п. 2 мот. части Определения № 1248-О от 28.06.12 г. Конституционный Суд определил, что **«конституционное право на судебную защиту как основное, неотчуждаемое право человека, ВЫСТУПАЮЩЕЕ ГАРАНТИЕЙ РЕАЛИЗАЦИИ ВСЕХ ДРУГИХ ПРАВ И СВОБОД, - это не только право на обращение в суд, но и право на ЭФФЕКТИВНОЕ ВОССТАНОВЛЕНИЕ нарушенных прав и свобод посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости».**

1.1 В абзаце 3 п. 2 мот. части разъяснено, что «судебная защита прав и свобод предполагает в том числе обжалование в суд решений и действий (бездействия) **ЛЮБЫХ** государственных органов, **ВКЛЮЧАЯ СУДЕБНЫЕ**, а потому отсутствие возможности пересмотреть ошибочный судебный акт не согласуется с универсальным **ПРАВИЛОМ ЭФФЕКТИВНОГО ВОССТАНОВЛЕНИЯ В ПРАВАХ** посредством правосудия, **ОТВЕЧАЮЩЕГО ТРЕБОВАНИЯМ СПРАВЕДЛИВОСТИ**, умаляет и ограничивает данное право». При этом судебное решение **ДОЛЖНО** содержать **«правовую определенность, включая признание законной силы судебных решений, их неопровержимости (res judicata) ...».**

1.1.1 Абзац 4 п. 2 мот. части устанавливает, что **«Конвенция** о защите прав человека и основных свобод в принципе допускает пересмотр судебного решения, вступившего в законную силу, по вновь открывшимся обстоятельствам для исправления ошибок уголовного судопроизводства, в том числе для исправления **СУЩЕСТВЕННОГО (ФУНДАМЕНТАЛЬНОГО) НАРУШЕНИЯ** или **НЕНАДЛЕЖАЩЕГО ОТПРАВЛЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ**; процедура отмены окончательного судебного решения предполагает, что **имеются доказательства, которые ранее не были объективно доступными и которые могут привести к иному результату судебного разбирательства**; лицо, требующее отмены судебного решения, должно доказать, что у него не было возможности представить доказательство до окончания судебного разбирательства и что **такое доказательство имеет решающее значение в деле...».**

1.2 Так как при вынесении оспариваемых постановлений было нарушено **фундаментальное право** на справедливое разбирательство дела на основе состязательности и равноправия сторон, гарантированное ст. 10 Всеобщей декларации, п. 1 ст. 14 Пакта, п. 1 ст. 6 Конвенции, ч. 1 ст. 46, ч. 3 ст. 123 Конституции РФ, ч.ч. 1, 4 ст. 15, ч. 1 ст. 243 УПК РФ, что выразилось в фальсификации доказательств и отсутствии их оценки, а также неправильного применения закона, поэтому дело подлежит возобновлению ввиду вновь открывшихся обстоятельств, что обосновано в абзаце 5 п. 3 мот. части Определения КС № 1248-О от 28.06.12 г.: **«Использование механизма пересмотра вступившего в законную силу приговора в процедуре возобновления производства по уголовному делу и в случае, когда после исчерпания возможностей судебного надзора будет выявлена неправосудность приговора, ЯВИВШАЯСЯ РЕЗУЛЬТАТОМ** либо **ИГНОРИРОВАНИЯ СОБРАННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ**, нашедших отражение в материалах дела, либо их ошибочной оценки, либо **НЕПРАВИЛЬНОГО ПРИМЕНЕНИЯ ЗАКОНА».**

Мы имеем и игнорирование имевшихся доказательств, и ошибочную их оценку (вернее отсутствие оценки на предмет допустимости, достоверности и достаточности), и **неправильное** применение норм материального и процессуального права, о чем сказано выше.

1.2.1 Абзац 7, а также следующие за ними абзацы 8, 9 п. 3 предписывают, что **«международные акты, в частности Международный пакт о гражданских и политических правах (пункт 6 статьи 14), предусматривающий возможность пересмотра окончательных решений судов, если какое-либо новое или вновь обнаруженное обстоятельство НЕОСПОРИМО ДОКАЗЫВАЕТ** наличие судебной ошибки, **закрепляют более широкие возможности для исправления судебных ошибок**, чем уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации. Приведенная международно-правовая **норма**, в силу **статьи 15 (часть 4) Конституции Российской Федерации являющаяся составной частью правовой системы России, ИМЕЕТ ПРИОРИТЕТ** перед внутренним законодательством по вопросам защиты прав и свобод, нарушенных в результате судебных ошибок.

Ограничение круга оснований к возобновлению уголовного дела в целях пересмотра незаконного или необоснованного судебного решения, не подлежащего исправлению ни в каком другом порядке, делает невозможными обеспечение правосудности судебных актов

и восстановление судом прав и законных интересов граждан и иных лиц, что приводит к нарушению положений Конституции Российской Федерации (статьи 2, 17, 18, 45 и 46), а также Международного пакта о гражданских и политических правах (пункт 6 статьи 14) и Конвенции о защите прав человека и основных свобод (статья 6; статья 3 и пункт 2 статьи 4 Протокола N 7), из которых вытекает **необходимость пересмотра судебного решения, если обнаруживается какое-либо новое или вновь открывшееся обстоятельство, которое не может не повлиять на существо этого решения (...)**.

Приведенные правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации сохраняют свою силу и согласно статье 6 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" **ЯВЛЯЮТСЯ ОБЯЗАТЕЛЬНЫМИ ДЛЯ ВСЕХ** представительных, **ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ** и **СУДЕБНЫХ** органов государственной власти на всей территории Российской Федерации».

1.3 Порядок возобновления производства ввиду вновь открывшихся обстоятельств разъяснен в абзаце 2 п. 6 Постановления КС № 6-П от 16.05.07 г.: «Исходя из данной правовой позиции, сформулированной в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 5 февраля 2007 года N 2-П, именно на этих стадиях уголовного судопроизводства, где в наибольшей мере получают свое воплощение принципы процессуальной деятельности, в первую очередь **должны** в максимальной степени обеспечиваться условия для вынесения законных, обоснованных и справедливых решений, что, в частности, **предполагает принятие судом первой инстанции по заявлению сторон о наличии новых или вновь открывшихся обстоятельств, могущих иметь существенное значение для разрешения дела, надлежащих мер к тому, чтобы они получили свое отражение в итоговом решении**».

1.4 В силу абзацев 4 - 6 п. 3 мот. части Определения КС № 1276 от 09.06.15 г.: **Акты международного права также не препятствуют исправлению судебных ошибок, допуская пересмотр окончательных решений судов, если эту ошибку неоспоримо доказывает какое-либо новое или вновь обнаруженное обстоятельство. Нормы же международных договоров в силу статьи 15 (часть 4) Конституции Российской Федерации имеют преимущество перед национальным законодательством, в том числе применительно к защите прав и свобод, нарушенных вследствие судебных ошибок. Возобновляя производство по ... делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, суд обеспечивает не восполнение недостатков обвинительной и судебной деятельности, а возможность исследования новых для него обстоятельств, в том числе фактов, которые ... закон признает имеющими значение ... и которые, однако, ранее не вошли в предмет исследования по ... делу в силу объективных причин.** Это не исключает пересмотра вступившего в законную силу приговора с возобновлением производства по ... делу и в том случае, когда по исчерпанию возможностей судебного надзора выявлена неправосудность приговора вследствие того, что **доказательства по делу не были учтены** или **получили ошибочную оценку**, либо **вследствие неправильного применения закона**. Безусловное же ограничение круга оснований к возобновлению производства по ... делу для пересмотра незаконного или необоснованного судебного решения, не подлежащего исправлению ни в каком другом порядке, делало бы невозможным обеспечение правосудности судебных актов и восстановление судом прав и законных интересов заинтересованных лиц, что приводило бы к нарушению положений Конституции РФ (статьи 2, 17, 18, 45 и 46), а также Международного пакта о гражданских и политических правах (пункт 6 статьи 14) и Конвенции о защите прав человека и основных свобод (статья 6; статья 3 и пункт 2 статьи 4 Протокола N 7 к ней), которые **обязывают** к пересмотру судебного решения, если обнаруженные новые или вновь открывшиеся обстоятельства не могут не влиять на само его существо. Приведенные правовые позиции Конституционного Суда РФ ... согласно статье 6 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" **обязательны** для всех органов представительной, исполнительной и судебной власти на всей территории Российской Федерации».

1.4.1 Так как Конституционный Суд РФ подтвердил, что «нормы международных договоров ... имеют преимущество перед национальным законодательством, в том числе применительно к защите прав и свобод, нарушенных вследствие судебных ошибок», поэтому при решении вопроса об **основаниях** пересмотра дела и его **подсудности** должны применяться требования п. 1 ст. 6 Конвенции, п. 2 ст. 4 Протокола № 7 к Конвенции в их нормативном единстве.

1.5 В § 39 Постановления Европейского суда от 18.01.07 г. по делу «Булгакова против Российской Федерации» разъяснено: «...важно отличать "вновь открывшиеся обстоятельства" от "новых обстоятельств". Обстоятельства, которые касаются дела, существуют на момент судебного разбирательства, остаются скрытыми от судьи и становятся известными только после завершения судебного разбирательства, являются "вновь открывшимися". Обстоятельства, которые касаются дела, но возникают только после завершения судебного разбирательства, являются "новыми"..."»

1.6 В п. 2 мот. части Определения № 59-О от 06.06.97 г. разъяснено: «...Международный пакт о гражданских и политических правах, из положений статьи 14, которого исходил и Конституционный Суд РФ, в отличие от признанного неконституционным положения ст. 384 УПК РСФСР предусматривает **более широкий круг оснований** для пересмотра окончательных решений судов, относя к ним ЛЮБЫЕ обстоятельства, которые неоспоримо доказывают наличие судебной ошибки». Таким образом, вновь открывшимися обстоятельствами являются ЛЮБЫЕ обстоятельства, которые не позволяют признать ранее вынесенное решение законным, обоснованным и мотивированным и которые существовали на момент вынесения решения, но не были учтены при его вынесении.

1.7 В силу п. 1 ч. 3 ст. 392 ГПК РФ к вновь открывшимся обстоятельствам относятся:

1) существенные для дела обстоятельства, которые не были и не могли быть известны заявителю.

В данном случае сторона защиты не могла знать о том, что Бандиты сфальсифицируют доказательства по делу, то есть не учтут при вынесении своих решений мои доводы и доказательства и в нарушение установленного ч. 4 ст. 7 ст.ст. 17, 85, 87, 88, 240 УПК РФ порядка не дадут оценку имеющимся в деле доказательствам на предмет их относимости, допустимости, достоверности и достаточности, с указанием мотивов, по которым одни доказательства приняты в качестве средств, обосновывающие выводы суда, а другие им отвергнуты, а также основания, по которым одним доказательствам отдано предпочтение перед другими (ч.ч. 3, 4 ст. 67 ГПК РФ).

1.8 В п. 3 мот. части Постановления КС № 6-П от 16.05.07 г. разъяснено: «Ограничение возможности пересмотра судебных решений, не отвечающих требованиям законности, обоснованности и справедливости, имеет следствием нарушение баланса в защите таких конституционных ценностей, как справедливость и правовая определенность, влекущее причинение вреда гарантируемым Конституцией Российской Федерации правам и свободам человека и гражданина, защита и восстановление которых **является конституционной целью** правосудия. Судебное решение, если существенно значимые обстоятельства события, являющегося предметом исследования по уголовному делу, отражены в нем неверно, не может рассматриваться как справедливый акт правосудия и должно быть исправлено независимо от того, что послужило причиной его неправосудности - неправомерные действия судьи, судебная ошибка или иные обстоятельства, объективно влияющие на законность, обоснованность и справедливость судебного акта...при установлении процессуальным законом порядка возобновления дела по вновь открывшимся обстоятельствам как особой стадии судопроизводства, призванной устранить выявившуюся неправосудность приговора, недопустимо такое ограничение круга оснований для возобновления дела и такое ограничение полномочия судов по проверке этих оснований, которые делали бы невозможными исправление незаконного, необоснованного или несправедливого судебного решения и восстановление нарушенных им прав и законных интересов».

1.9 В силу ст. 20 Закона «Об органах судейского сообщества в РФ»:

1. Квалификационная коллегия судей вправе пересмотреть ранее принятое решение по вновь открывшимся обстоятельствам.

Ходатайство о пересмотре указанного решения по вновь открывшимся обстоятельствам может быть подано в квалификационную коллегия судей кандидатом на должность судьи или судьей, в отношении которых принято решение, а также должностным лицом, по представлению которого принято решение, председателем соответствующего или вышестоящего суда. **Квалификационная коллегия судей вправе пересмотреть свое решение при отсутствии указанного ходатайства в случае, если вновь открывшиеся обстоятельства не позволяют признать ранее принятое решение законным и обоснованным.**

2. Основаниями для пересмотра решения по вновь открывшимся обстоятельствам являются такие обстоятельства, которые не были известны квалификационной коллегии судей и сами по себе или вместе с ранее установленными обстоятельствами **дают основание для принятия другого решения.**

1.9.1 То есть мы видим, что судьи имеют право пересмотреть свои собственные решения по собственной инициативе, **«если вновь открывшиеся обстоятельства не позволяют признать ранее принятое решение законным и обоснованным»** и никаких ходатайств для них не требуется. Важно, чтоб появились **сами** вновь открывшиеся обстоятельства и это стало известно суду. При этом с учетом конституционного принципа равенства всех перед законом, предусмотренного ст. 19 Конституции РФ и устанавливающего запрет различного обращения с лицами, находящимися в одинаковых или сходных ситуациях (абзац 5 п. 3.2 мот. части Постановления КС № 8-П от 25.03.14 г.), источник получения информации особой роли не играет.

1.10 На невозможность рассмотрения дела в кассации при наличии новых и вновь открывшихся обстоятельств указано в п. 27 ППВС РФ № 2 от 28.01.14 г. «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции: «Судам следует иметь в виду, что вновь открывшиеся обстоятельства либо новые обстоятельства, на которые лица, обратившиеся в суд кассационной инстанции, ссылаются в кассационных жалобе, представлении, не могут служить основанием для отмены или изменения судебных постановлений в кассационном порядке. По указанным обстоятельствам судебные решения могут быть пересмотрены в порядке, установленном главой 49 УПК РФ».

1.11 Не подлежат рассмотрению вопросы о новых и вновь открывшихся обстоятельствах в порядке надзора, что разъяснено в п. 22 ППВС РФ № 1 от 11.01.07 г. «О применении судами норм главы 48 уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих производство в надзорной инстанции»: «Пересмотр судебного решения в порядке надзора допускается лишь при наличии правовых оснований, предусмотренных статьями 379, 409 УПК РФ. Если же сомнения в законности, обоснованности и справедливости судебного решения связаны с обстоятельствами, которые не были известны суду и обнаружены после вступления соответствующего приговора, определения и постановления суда в законную силу, вопрос о пересмотре такого решения может быть разрешен только в порядке, установленном главой 49 УПК РФ. Если при указанных обстоятельствах принесены жалоба или представление в порядке надзора и по ним ошибочно принято решение о возбуждении надзорного производства и передаче ходатайства на рассмотрение суда надзорной инстанции, суд оставляет их без рассмотрения и прекращает надзорное производство».

1.12 В § 20 Решения ЕСПЧ от 17.02.15 г. «По вопросу о приемлемости жалобы № 28727/11 «Ольга Борисовна Кудешкина против Российской Федерации» разъяснено: «Рекомендация N R(2000)2 Комитета министров по пересмотру дел и возобновлению производства по делу на внутригосударственном уровне в связи с решениями Европейского Суда по правам человека», принятая 19 января 2000 г., поддержала Договаривающиеся Стороны "в их стремлении изучать свои национальные правовые системы для обеспечения существования **адекватных** возможностей для пересмотра дел, включая возобновление производства в тех инстанциях, в которых Европейский Суд установил нарушения Конвенции и, в особенности, в случаях, когда: i) **потерпевшая сторона продолжает испытывать влияние негативных последствий от решения национальной инстанции, которое не обеспечивает справедливой компенсации и не может быть изменено путем пересмотра или возобновления производства**

по делу, и ii) решение Суда позволяет заключить, что (а) оспоренное решение национальной инстанции по существу противоречит Конвенции, или (b) признанное нарушение основывается на процедурных ошибках или нарушениях, имеющих такой серьезный характер, что они оказывают влияние на результаты внутригосударственного разбирательства".

1.12.1 Таким образом, из приведенного положения мы можем сделать естественный вывод о том, что достаточно доказать наличие нарушения Конвенции или Пакта при отправлении правосудия и желательно это увязать с процессуальными нарушениями, как, например, нарушением **фундаментального** права на состязательность и равноправие сторон (ч. 3 ст. 123 Конституции РФ, ч. 1 ст.12 ГПК РФ, ч.ч. 1, 4 ст. 15 УПК РФ, ч. 1 ст. 14 КАС РФ) с отсутствием **адекватной** оценки доказательств и этого должно быть достаточно для того, чтоб дело было пересмотрено на основании п. 2 ст. 4 Протокола № 7 к Конвенции с учетом п. 3 ст. 2, ст. 26 Пакта, статей 13, 14 Конвенции, предусматривающие соблюдение фундаментальных прав на эффективные средства правовой защиты, равенства всех перед законом и не подвергаться дискриминации, в том числе по признаку должностного положения (ч. 2 ст. 19 Конституции РФ, ст. 136 УК РФ).

1.13 При этом необходимо ясно понимать, что «право передать на рассмотрение суда преюдициальный вопрос также не может быть абсолютным, даже когда законодательство оставляет правовую сферу только в компетенции суда и предусматривает обязанность для других юрисдикции безоговорочно передавать ему на рассмотрение все вопросы, относящиеся к этой сфере. (...) Соответствует функционированию такого механизма то, что судья проверяет, может ли он или должен задать преюдициальный вопрос, убедившись, что последний должен быть решен так, чтобы позволить разрешить спор, о котором он должен быть осведомлен. В этом случае не исключено то, что при определенных обстоятельствах, отказ национального суда, призванного принимать решение в последней инстанции, может посягнуть на принцип справедливости разбирательства, как он закреплен в п. 1 статьи 6 Конвенции, в особенности, когда **такой отказ оказывается запятнанным произволом**» (§ 114 Постановления от 22.06.2000 г. по делу «Коеме и другие против Бельгии»).

То есть в случае, если из подлежащего применению решения следуют признаки произвола, то есть его необоснованности, то такие решение исполнению и применению не подлежит.

1.13.1 При этом необходимо учитывать доводы ЕСПЧ, выраженные в Постановлении от 05.02.15 г. по делу «Бочан против Украины (№ 2)», где разъяснено, что **«в то время как исключительная жалоба может повлечь за собой или на самом деле ведет к пересмотру дела, статья 6 применима к «пересмотру» дела в обычном порядке»** (§ 46). Для жалоб, поданных ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств **применимы гарантии** п. 1 ст. 6 Конвенции, какие **«обычно применяются к кассационному производству по гражданским делам»** (§ 53 Постановления от 05.02.15 г. по делу «Бочан против Украины (№ 2)»). Причем, **«такие меры могут представлять собой «наиболее эффективное, если не единственное средство достижения restitutio in integrum»** (§ 58).

Также необходимо иметь ввиду **существенные** доводы, выраженные в § 62: «Так, в деле *Dulaurans* Суд установил нарушение права на справедливое судебное разбирательство, потому что единственной причиной, по которой Кассационный суд Франции принял обжалуемое решение отклонить кассационную жалобу заявителя как неприемлемую, была «*une erreur manifeste d'appréciation*» («явная ошибка оценки») (Постановление от 21.03.2000 г. по делу «*Dulaurans v. France*»). В основе понятия «*une erreur manifeste d'appréciation*» (понятие французского административного права), используемого в контексте статьи 6 § 1 Конвенции, лежит следующая концепция: если ошибка права или факта, совершенная национальным судом, настолько очевидна, что может быть охарактеризована как «явная ошибка» – то есть **ошибка, которую никогда бы не совершил ни один разумный суд** – она может негативно повлиять на справедливость судебного разбирательства. В деле *Khamidov*, необоснованность заключения национальных судов в отношении фактов была «настолько вопиющей и очевидной», что Суд постановил, что обжалуемое разбирательство следует рассматривать

как «чрезвычайно произвольное» (§ 174 Постановления от 15 ноября 2007 г. по делу "Хамидов против Российской Федерации"). В деле *Andelkovic*, Суд постановил, что произвольность решения национального суда, которое практически не имело никакой правовой основы в национальном законодательстве и не содержала никакой связи между установленными фактами, применимым правом и исходом судебного разбирательства, составила, по сути, «отказ в правосудии» (§ 27 Постановления от 09. 04.13 г. по делу «*Andelkovic v. Serbia*»).

В данном случае мы имеем полный набор: и «*une erreur manifeste d'appréciation*» («явная ошибка оценки»), и чрезвычайно произвольное разбирательство, и отказ в Правосудии.

1.14 В силу ст. 8 Всеобщей декларации правосудия должно быть эффективным, которое Европейским и Конституционным Судами понимается как: «...**внутренние средства правовой защиты должны быть эффективными в том смысле, что они должны предотвращать предполагаемое нарушение или его прекращать, равно как и предоставлять адекватную компенсацию за уже произошедшее нарушение** (абзац 3 п. 3.1 мот. части Постановления КС № 10-П от 21.04.10 г.)». Вот **весь смысл** средств правовой защиты. Они **должны** применяться не в какой-то призрачной перспективе, а в момент нарушения права или предположения о его нарушении. Естественно, что дальше идет речь об **адекватной** компенсации, но нарушение права **должно** быть прекращено. Однако **в любом случае** это возможно **только** тогда, когда **соответствующие** требования заявителя рассмотрены своевременно, тщательно с оценкой **достаточных** доказательств, то есть когда соблюден принцип состязательности и равноправия сторон. При этом «доступность средства правовой защиты предполагает, в частности, что обстоятельства, созданные властями по собственной инициативе, должны предоставлять заявителям реальную возможность использования средства правовой защиты» (§ 46 и 55 Постановления ЕСПЧ от 05.02.2002 г. по делу «Чонка против Бельгии»).

1.14.1 Что касается права на эффективное средство правовой защиты, гарантированное п. 3 «а» ст. 2 Пакта, то это средство правовой защиты Комитетом по правам человека ООН понимается как **обязанность** государства **обеспечить эффективное восстановление Жертвы в правах**, в том числе предоставить ей **надлежащую компенсацию за установленные нарушения и возместить ей любые понесенные ею расходы на юридические услуги**. Кроме того, государство-участник **обязано** не допускать подобных нарушений в будущем (п. 11 Решения Комитета ООН по правам человека от 01.04.15 г. по делу «Ольга Козулина против Республики Беларусь»). Право на эффективные средства правовой защиты предусматривает проведение **тщательного и эффективного расследования** обстоятельств бесчеловечного обращения, запрещенного ст. 7 Пакта, ст. 3 Конвенции, ч. 2 ст. 21 Конституции РФ, к которым относится не рассмотрение доводов заявителя, что разъяснено в § 141 Постановления от 27.07.06 г. по делу «Базоркина против Российской Федерации»: **«Манера рассмотрения ее жалоб властями Российской Федерации представляет собой бесчеловечное обращение, противоречащее статье 3 Конвенции»** (Постановления Европейского Суда от 05.04.07 г. по делу «Байсаева против Российской Федерации», § 142, от 28.10.10 г. по делу «Сасита Исраилова и другие против Российской Федерации», § 123, от 21.06.11 г. по делу «Махарбиева и другие против Российской Федерации», § 103, 21.06.11 г. по делу «Гириева и другие против Российской Федерации», § 104 и др.). Также необходимо иметь в виду, что **«бремя доказывания не может лежать исключительно на авторе сообщения особенно с учетом того, что автор и государство-участник не всегда имеют равный доступ к доказательствам и что зачастую только государство-участник располагает соответствующей информацией <1>». Из п. 2 ст. 4 Факультативного протокола вытекает, что государство-участник обязано добросовестно расследовать все утверждения о нарушениях Пакта, совершенных им самим или его представителями, и предоставить Комитету имеющуюся у него информацию... В тех случаях, когда утверждения автора подкреплены заслуживающими доверия доказательствами и когда для выяснения всех обстоятельств дела необходима дополнительная информация, которой располагает только государство-участник, Комитет может счесть утверждения автора обоснованными, если государство-участник не представит удовлетворительных разъяснений или доказательств обратного»** (п.

8.4 Соображений Комитета ООН по правам человека от 01.04.15 г. по делу «Сапардурда Хаджиев против Туркменистана»).

1.14.2 В рассматриваемом контексте необходимо иметь ввиду аналогию в качестве закона ч. 1 ст. 68 ГПК РФ и ч. 3 ст. 79 ГПК РФ, ч. 5 ст. 77 КАС РФ.

Часть 1 ст. 68 ГПК РФ предусматривает: «В случае, если сторона, обязанная доказывать свои требования или возражения, удерживает находящиеся у нее доказательства и не представляет их суду, суд вправе обосновать свои выводы объяснениями другой стороны».

Часть 3 ст. 79 ГПК РФ и аналогичная ей ч. 5 ст. 77 КАС РФ обязывают: «При уклонении стороны от участия в экспертизе, непредставлении экспертам необходимых материалов и документов для исследования и в иных случаях, если по обстоятельствам дела и без участия этой стороны экспертизу провести невозможно, суд в зависимости от того, какая сторона уклоняется от экспертизы, а также какое для нее она имеет значение, вправе признать факт, для выяснения которого экспертиза была назначена, установленным или опровергнутым.»

1.15 Так как мы заговорили об эффективных средствах правовой защиты и основаниях для возобновления производства по делу в связи с нарушением конвенционных прав, поэтому необходимо иметь ввиду доводы ЕСПЧ, выраженные в § 96 Постановления от 28.06.07 г. по делу «Вагнер против Люксембурга»: «Европейский суд должен напомнить, что даже если суды не обязаны изложить мотивы отказа по каждому доводу сторон (...), тем не менее, они **не освобождены от обязанности рассматривать их надлежащим образом и давать оценку ОСНОВНЫМ ВЫДВИНУТЫМ ДОВОДАМ** (...). Кроме того, если эти доводы относятся к "правам и свободам", гарантированным Конвенцией и Протоколами к ней, национальные суды **ДОЛЖНЫ** рассматривать их **в обязательном порядке и с особой тщательностью**».

1.16 Таким образом, когда в деле имеются доказательства, но этим доказательствам не дается **адекватная** оценка и если, тем более, Жертву лишают возможности представить свои доказательства, то это относится к вновь открывшимся обстоятельствам для дела, если эти **доказательства** позволяли прийти к иному выводу. При этом мы всегда должны помнить о том, что в силу международного принципа *restitutio in integrum*, Принципа 19 Принципов о компенсации и абзаца 3 ст. 12 ГК РФ **должно** быть восстановлено положение, существовавшее до нарушения права: защита гражданских прав осуществляется путем: восстановления положения, существовавшего до нарушения права, и пресечения действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения. О том, что право должно быть **эффективно восстановлено** сказано в каждом значимом решении Конституционного Суда, поскольку этого требует ст. 8 Всеобщей декларации: «Каждый человек имеет право на **эффективное восстановление** в правах компетентными национальными судами в случае нарушения его основных прав, предоставленных ему конституцией или законом».

1.17 В Постановлении № 21-П от 14.07.15 г. Конституционный Суд РФ сформулировал следующие правовые позиции:

«... решение компетентного российского суда по вопросу о возможности пересмотра соответствующего судебного акта - учитывая необходимость принятия конкретных мер индивидуального характера в целях восстановления нарушенных прав заявителя - должно основываться на ВСЕСТОРОННЕМ и ПОЛНОМ РАССМОТРЕНИИ ЕГО ДОВОДОВ, а также обстоятельств конкретного дела» (абзац 2 п. 2.1 мот. части).

«... разрешать же вопросы толкования и применения национального законодательства должны национальные органы власти, а именно судебные органы...» (абзац 3 п. 2.1 мот. части).

«...защита прав и свобод... вытекает обязанность государств ...гарантировать каждому защиту признанных ею прав, прежде всего в собственном внутреннем правопорядке и по отношению к органам национальной судебной системы» (абзац 4 п. 2.1 мот. части).

Конституционный Суд РФ не может поддержать данное ЕСПЧ, «... **если** именно Конституция Российской Федерации ... как **правовой акт**, обладающий высшей юридической силой в правовой системе России, **более полно** по сравнению с соответствующими положениями Конвенции в их истолковании Европейским Судом по правам человека **обеспечивает защиту прав и свобод человека и**

гражданина, в том числе в балансе с правами и свободами иных лиц (статья 17, часть 3, Конституции Российской Федерации)» (абзац 3 п. 4 мот. части).

«Оценивая нормы внутреннего законодательства на соответствие конституциям своих государств, эти **национальные судебные органы при принятии решения исходят из того, какое толкование, с учетом баланса конституционно защищаемых ценностей и международно-правового регулирования статуса личности, лучше защищает права человека и гражданина в правовой системе данного государства, имея в виду не только непосредственно обратившихся за защитой, но и всех тех, чьи права и свободы могут быть затронуты**». (абзац 9 п. 4 мот. части)

Хотя интерпретационная правоприменительная практика самого ЕСПЧ, «может со временем изменяться, тем не менее **его постановления, как представляется, должны обеспечивать более высокий - по сравнению с национальным регулированием - уровень защиты прав и свобод человека и гражданина**» (абзац 10 п. 4 мот. части).

«**Приведенные правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированные применительно к порядку пересмотра по вновь открывшимся или новым обстоятельствам судебных постановлений, вступивших в законную силу, в рамках гражданского судопроизводства, имеют универсальный характер и потому в полной мере распространяются на другие виды судопроизводства**». (абзац 6 п. 5.1 мот. части).

1.17.1 Из приведенного мы можем сделать вывод о том, что основополагающие выводы ЕСПЧ и Конституционного Суда РФ по вопросам правоприменения о возобновлении производства ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств имеют универсальный характер и поэтому в полной мере распространяются на **все** виды судопроизводства, преследуя цель более полного обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина. При этом **решение суда должно основываться на всестороннем и полном рассмотрении доводов заявителя, а также обстоятельствах конкретного дела**. Что же касается толкования судами подлежащих применению норм действующего законодательства, то это толкование должно обеспечивать возможность Жертве предвидеть правовые последствия своих действий (бездействия), что разъяснено в абзаце 4 п. 2 мот. части Постановления КС № 20-П от 14.07.15 г. При этом принцип равенства всех перед законом означает, что сформулированное в подлежащей применению норме требование должно быть определено четко, ясно и недвусмысленно, в **противном случае может иметь место противоречивая правоприменительная практика, что ослабляет гарантии государственной защиты прав, свобод и законных интересов граждан и их объединений от произвольного юрисдикционного преследования и наказания**. Это же следует и из **разъяснения**, данного в абзаце 7 п. 6.1 мот. части Постановления КС № 5-П от 24.03.15 г.: «Кроме того, осуществляемое законодателем правовое регулирование - в силу конституционных принципов правового государства, верховенства закона и юридического равенства - должно отвечать требованиям определенности, ясности и непротиворечивости, а **механизм его действия должен быть понятен субъектам соответствующих правоотношений** из содержания конкретного нормативного положения или системы находящихся в очевидной взаимосвязи нормативных положений, поскольку **конституционное равноправие может быть обеспечено лишь при условии единообразного понимания и толкования правовой нормы всеми правоприменителями** (...)».

1.18 В рассматриваемом контексте необходимо иметь ввиду доводы Верховного Суда РФ, выраженные в абзацах 2, 3 п. 9 ППВС РФ № 25 от 23.06.15 г. «О применении судами некоторых положений раздела I части 1 ГК РФ», где разъяснено: «... В соответствии со статьей 148 ГПК РФ или статьей 133 АПК РФ на стадии подготовки дела к судебному разбирательству суд выносит на обсуждение вопрос **о юридической**

квалификации правоотношения для определения того, какие нормы права подлежат применению при разрешении спора... суд определяет, какие нормы права следует применить к установленным обстоятельствам. **Суд также указывает мотивы, по которым не применил нормы права, на которые ссылались лица, участвующие в деле».**

1.18.1 Согласно Определения Верховного Суда РФ от 16.06.15 г. по делу № 44-КГ15-2: «С учетом **правовой природы апелляционного производства** (статьи 320, 327.1, 328, 330 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации) оставление заявленного ходатайства без разрешения существенным образом ущемляет права и законные интересы [заявителя], лишает его права на судебную защиту, гарантированную статьей 46 Конституции Российской Федерации».

1.18.2 В силу § 57 Постановления ЕСПЧ от 19.11.15 г. по делу «Михайлова против РФ»: «... Европейский Суд рассматривал сферу, определенную в некоторых правовых системах как "административная", и установил, что она включает в себя некоторые правонарушения, имеющие уголовно-правовой характер, но слишком мелкие, чтобы регулироваться нормами уголовного права и процесса (...). В этом случае квалификация согласно внутригосударственному законодательству не имеет решающего значения для целей статьи 6 Конвенции, и **природа рассматриваемого нарушения является более важным фактором (...)**».

1.18.3 «... Вопрос, требующий ответа, заключается в справедливости разбирательства в целом, **включая способ получения доказательств**. Это включает **исследование** указанной "незаконности" и, если нарушено другое конвенционное право, **природы установленного нарушения**. При определении того, являлось ли разбирательство справедливым в целом, следует учитывать, соблюдались ли права защиты, в частности, **имел ли заявитель возможность оспаривать подлинность доказательств и их использование (...)**. Кроме того, **должно учитываться качество доказательства, а именно не ставят ли под сомнение достоверность и правильность доказательства те обстоятельства, при которых оно было получено (...)**. Действительно, **если оспаривается достоверность доказательства, наличие справедливых процедур проверки допустимости доказательства приобретает еще более важное значение** (§§ 82, 83 Постановления ЕСПЧ от 06.10.15 г. по делу «Турбылев против РФ»).

1.18.4 В силу абзаца 2 п. 2.1 мот. части Постановления КС № 21-П от 14.07.15 г., «... **решение компетентного российского суда по вопросу о возможности пересмотра соответствующего судебного акта** - учитывая необходимость **принятия конкретных мер индивидуального характера в целях** восстановления нарушенных прав заявителя - **должно основываться на ВСЕСТОРОННЕМ и ПОЛНОМ рассмотрении его доводов, а также обстоятельств конкретного дела**».

1.18.5 «... **не допускается** отказ суда от **рассмотрения и оценки всех доводов** заявлений, ходатайств или жалоб участников уголовного судопроизводства, а также от **мотивировки** решений путем указания на **конкретные, достаточные** с точки зрения принципа разумности основания, по которым эти доводы отвергаются» (Определение КС № 1261 от 23.06.16 г.). С учетом же доводов КС, выраженных в абзаце 3 п. 3.3 мот. части Постановления № 5-П от 01.03.12 г. о запрете различного обращения с лицами, находящимися в одинаковых или сходных ситуациях, приведенные требования распространяются на все виды судопроизводств.

1.18.6 В решении суда **должны** быть указаны **конкретные фактические** обстоятельства, исключающие вынесение положительного решения. При этом «**выводы о наличии таких обстоятельств не могут быть основаны на сведениях, не проверенных в судебном заседании**» (п. 20 «б» ППВС РФ № 8 от 21.04.09 г. в редакции ППВС РФ № 51 от 17.11.15 г.).

1.18.7 Оставление судьей без проверки и **оценки обоснованности** доводов сторон о подлежащих установлению обстоятельствах **должно** расцениваться в качестве существенного нарушения процессуального законодательства в любом виде судопроизводства и влекущее отмену принятого решения (абзац 3 п. 2 ППВС РФ № 41 от

19.12.13 г. в редакции ППВС РФ № 23 от 24.05.16 г., абзаца 3 п. 3.3 мот. части Постановления КС № 5-П от 01.03.12 г. в их нормативном единстве).

1.18.8 **Отказ национальных судов (правоприменителей) рассмотреть возражения Жертвы и обоснованные ею аргументы относительно достоверности полученных доказательств и их использование против неё делают всё производство по делу в целом несправедливым** (§ 55-58 Постановления ЕСПЧ от 12.11.15 г. по делу «Сакит Заидов против Азербайджана»).

1.18.9 Правило раскрытия оправдывающих доказательств **обязывает** сторону обвинения представлять такие доказательства на рассмотрение суда. В то же время **данное правило не имеет смысла, если судам разрешено оставлять эти доказательства без рассмотрения и даже не упоминать их в своих приговорах** (§ 201 Постановления от 27.03.14 г. «Матьцина против Российской Федерации»).

1.18.10 Таким образом, из приведенного понятно, что при решении вопроса о подсудности дела **важным является природа** тех вопросов, которые надлежит рассмотреть в суде. Природой возобновления производства ввиду вновь открывшихся обстоятельств и существенных нарушений процессуальных гарантий являются **фундаментальные** нарушения справедливого разбирательства дела, когда: **доказательства по делу не были учтены** или **получили ошибочную оценку**, либо **вследствие неправильного применения закона**, то есть когда эти нарушения по существу противоречат Конвенции вообще, не соответствуют принципам, провозглашенным в п. 1 ст. 6 Конвенции в интерпретации ЕСПЧ в частности и когда Жертва **испытывает влияние негативных последствий от решения национальной инстанции, которое не обеспечивает справедливой компенсации**. То есть по сути вновь открывшимися обстоятельствами являются вопросы, связанные с **умышленным созданием судом конфликта интересов, усугублением его и невозможности Жертвы предотвратить предполагаемое нарушение или его прекратить, а также восстановить нарушенные права**. Именно эти вопросы определяют **природу** возобновления производства ввиду вновь открывшихся обстоятельств, так как они **неминуемо** влияют на **существо** выносимого решения.

1.19 Решая вопрос о подсудности возобновления производства по делу ввиду вновь открывшихся обстоятельств необходимо иметь ввиду доводы Конституционного Суда, выраженные в абзаце 5 п. 2.1 мот. части Постановления № 9-П от 14.05.15 г.: «Следовательно, **конституционное требование** о законном суде предполагает не только наличие в процессуальном законе положений, определяющих тот суд и того судью, к подсудности которых относится рассмотрение **конкретного дела**, но и **согласование** с этими положениями **соответствующих норм о судопроизводстве и судоустройстве**, с тем чтобы были **соблюдены конституционные гарантии судебной защиты** в разумный срок и **требования, обеспечивающие ее эффективность**. Законодательное регулирование, не отвечающее данным критериям, создает возможность неоднозначного истолкования и произвольного применения **соответствующих** норм, порождает противоречивую правоприменительную практику и тем самым **нарушает конституционные гарантии государственной, в том числе судебной, защиты прав, свобод и законных интересов граждан**, включая реализуемые в процедурах уголовного преследования за совершение преступления (статья 45; статья 46, части 1 и 2; статья 49, часть 1, Конституции Российской Федерации)».

В абзаце 2 п. 2.2 мот. части Постановления № 9-П от 14.05.15 г. разъяснено еще более определенно: «При этом **значимым ориентиром** для разрешения коллизии законов в контексте конституционных предписаний **в любом случае** является **требование о приоритетности прав и свобод человека и гражданина**, которые, в частности, определяют смысл, содержание и применение законов (**статьи 2 и 18 Конституции Российской Федерации**). Именно **это требование** прежде всего **предполагает содержательную согласованность норм**, определяющих организацию государственной, в том числе судебной, власти, с нормами о деятельности органов публичной власти в соответствующих сферах: ни в законотворчестве, ни в

правоприменении **недопустима ситуация**, когда необходимость полноценной реализации процессуальных гарантий приносится в жертву простоте и очевидности организационных решений в сфере судоустройства. Иное противоречило бы правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, согласно которой **цели одной только рациональной организации деятельности органов государственной власти, включая судебную, не должны создавать затруднения при реализации прав граждан и не могут оправдывать отступление от закрепленных в Конституции Российской Федерации и конкретизированных в процессуальном законодательстве гарантий права на судебную защиту»**.

1.19.1 Мы должны ясно понимать, что **«принципы беспрепятственного и равного доступа к правосудию, равной защиты закона признаны международным сообществом в качестве фундаментальных... Право на судебную защиту предполагает конкретные гарантии эффективного восстановления в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости**. Из статьи 46 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 19 (часть 1), 47 (часть 1) и 123 (часть 3), закрепляющими равенство всех перед законом и судом, право каждого на рассмотрение его дела **в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом**, и принцип осуществления судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон, следует, что конституционное **право на судебную защиту - это не только право на обращение в суд, но и возможность получения реальной судебной защиты в форме восстановления нарушенных прав и свобод в соответствии с законодательно закрепленными критериями**, которые в нормативной форме (в виде общего правила) определяют, **в каком суде и в какой процедуре подлежит рассмотрению конкретное дело**, что позволяет суду (судье), сторонам, другим участникам процесса, а также иным заинтересованным лицам избежать правовой неопределенности в этом вопросе. Одним из важных факторов, определяющих эффективность восстановления нарушенных прав, является своевременность защиты прав участвующих в деле лиц» (абзацы 2, 4 п. 2 мот. части Постановления Кс № 5-П от 01.03.12 г.)

1.19.2 В абзацах 2, 3 п. 2 мот. части Постановления № 20-П от 20.07.12 г. Конституционный Суд РФ пришел к выводу о том, что **«праву на судебную защиту и его необходимой составляющей - праву на законный суд**, как они определены указанными статьями Конституции Российской Федерации, корреспондирует провозглашенное Конвенцией о защите прав человека и основных свобод (пункт 1 статьи 6) и Международным пактом о гражданских и политических правах (пункт 1 статьи 14) право каждого при определении его гражданских прав и обязанностей или при рассмотрении любого **предъявленного ему уголовного обвинения на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона**. По смыслу названных положений Конституции Российской Федерации и международно-правовых актов, являющихся в силу статьи 15 (часть 4) Конституции Российской Федерации составной частью правовой системы Российской Федерации, право каждого на судебную защиту предполагает, в частности, что **рассмотрение дела должно осуществляться не произвольно выбранным, а законно установленным судом, т.е. судом, компетенция которого по рассмотрению данного дела определяется на основании закрепленных в законе критериев, которые в нормативной форме (в виде общего правила) заранее - ДО возникновения спора или иного правового конфликта - определяют, в каком суде подлежит рассмотрению то или иное дело, а также в каких случаях и в каком порядке ДОПУСТИМО ИЗМЕНЕНИЕ ПОДСУДНОСТИ, что позволяет суду (судье), сторонам и другим участникам процесса избежать правовой неопределенности в этом вопросе...»**.

1.19.3 Говоря об этом я имею ввиду ст. 20 ФКЗ «О судебной системе РФ» в контексте ч. 3 ст. 5, определяющей иерархию применения законов и конечно же ч.ч. 1, 2 ст. 11 ГПК РФ:

1. Верховный суд республики, краевой (областной) суд, суд города федерального значения, суд автономной области, суд автономного округа в пределах своей компетенции рассматривают дела в качестве суда первой и второй инстанции, в порядке надзора **и по вновь открывшимся обстоятельствам**.

2. Перечисленные в части 1 настоящей статьи суды являются непосредственно вышестоящими судебными инстанциями по отношению к районным судам, действующим

на территории соответствующего субъекта Российской Федерации.

3. Полномочия, порядок образования и деятельности судов, перечисленных в [части 1](#) настоящей статьи, устанавливаются федеральным конституционным законом.

1.19.4 В силу статьи 21 ФКЗ «О судебной системе РФ»:

1. Районный суд в пределах своей компетенции рассматривает дела в качестве суда первой и второй инстанции и осуществляет другие полномочия, предусмотренные федеральным конституционным законом.

2. Районный суд является непосредственно вышестоящей судебной инстанцией по отношению к мировым судьям, действующим на территории соответствующего судебного района.

3. Полномочия, порядок образования и деятельности районного суда устанавливаются федеральным конституционным законом.

1.19.5 Таким образом, вопрос о возобновлении производства ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств в субъекте Российской Федерации может быть решен **только** областным, краевым и т.п. судом.

1.20 Также необходимо иметь в виду, что отказ прокурора возобновлять производство по делу ввиду вновь открывшихся обстоятельств, как и невынесение прокурором самого постановления по жалобе могут быть обжалованы в суд в порядке ст. 125 УПК РФ, что разъяснено, например, в Определениях КС № 1306-О от 29.05.14 г., № 2844-О от 23.12.14 г. В п. абзаце 2 п. 2 мот. части Определения КС № 495-О от 24.03.15 г. по этому поводу **предписано**: «Заявитель не лишен права обжаловать отказ прокурора в возбуждении производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств даже в том случае, если такой отказ не оформлен в виде постановления (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 18 ноября 2004 года N 369-О, от 17 ноября 2009 года N 1409-О-О и от 21 июня 2011 года N 801-О-О)».

2. **Вывод.** Таким образом, нерассмотрение доводов заявителя **в любой** инстанции, которые влияют на подлежащие установлению правоотношения, является нарушением п. 1 ст. 6 Конвенции в части права на справедливое разбирательство дела **и это является основанием для возобновления производства ввиду вновь открывшихся обстоятельств С МОМЕНТА допущенного нарушения, так как этот момент нарушения повлиял на качество самого решения.** Этот вывод следует из доводов Конституционного Суда РФ, выраженных в п. 2.7 мот. части Определения КС № 683-О-О от 21.10.08 г.: «Суд кассационной инстанции решает этот вопрос не произвольно, а в зависимости от того, **на какой стадии** производства по делу судом первой инстанции были допущены нарушения закона, повлекшие отмену приговора, и, **соответственно, на какой стадии они должны быть исправлены**». То же разъяснение содержится и в п. 2 мот. части Определения КС № 666-О от 11.05.12 г.

Говоря о подсудности дел рассматриваемой категории, то они должны рассматриваться исключительно президиумами областных, краевых и приравненных к ним судов, поскольку это прямо отнесено именно законом, то есть ч. 1 ст. 20 ФКЗ «О судебной системе РФ». Апелляционными и кассационными инстанциями дела такой категории не подлежат рассмотрению, а поэтому единственным органом, который правомочен рассматривать такие вопросы является президиум высшего суда субъекта РФ. Естественно, что апелляционной инстанцией для такой категории дел должен быть Верховный Суд РФ.

20.06.16 г.

Усманов Р.Р.

Однако мы вновь **должны** вернуться к законодательным актам вообще и к ч. 2 ст. 61 УПК РФ в частности. Пределом «разъяснения» права на отвод является: «Вы имеете право на отвод участникам процесса». Это предел интеллекта российского «правоприменителя» и поэтому в России вообще невозможно кому-либо заявить отвод. Если Жертва, как я, будет настаивать на разъяснении права на отвод **и объяснять**, что основания для отвода и порядок его заявления прописаны в главе 9 УПК РФ (глава 2 ГПК РФ), то пределом, на что способны российские «судьи», является их способность **прочитать**, то есть огласить, озвучить только ст. 61 УПК РФ (ст. 16 ГПК РФ). Это предел,

за который никто перешагнуть не способен. Объяснять этим Полуобразованным, что утверждение: «Вы имеете право на отвод, как то предусмотрено п. 5 ч. 4 ст. 47 УПК РФ (ч. 1 ст. 35 ГПК РФ) носит бланкетный характер» – бесполезно, так как российские «правоприменители» этого не знают и не понимают. В России «юристов» этому не обучают, а для уяснения смысла доводов Конституционного Суда, выраженных в абзаце 5 п. 2 мот. части Постановления № 22-П от 16.07.15 г. элементарно нужны мозги, которые только **начали** появляться у «судей» самого Конституционного Суда, ибо это раньше «судьи» Конституционного Суда и сами не понимали: «... сам по себе бланкетный характер норм не может свидетельствовать об их неконституционности, поскольку регулятивные нормы, непосредственно закрепляющие те или иные правила поведения, не обязательно должны содержаться в том же нормативном правовом акте, что и нормы, предусматривающие юридическую ответственность за их нарушение, а потому оценка степени определенности содержащихся в законе понятий должна осуществляться исходя не только из самого текста закона и используемых в нем формулировок, но и **из их места в системе нормативных предписаний**, а также с учетом смежных составов правонарушений (...). При этом конституционность бланкетной конструкции как таковой не ставится под сомнение и в случаях, если нормы, несоблюдение которых влечет ... ответственность, установлены подзаконными нормативными правовыми актами».

Это «судьи» Конституционного Суда не понимали потому, что ранее они утверждали, что подзаконные акты не могут быть предметом рассмотрения, поскольку предметом рассмотрения могут быть **только** нормы оспариваемых законов. То, что подзаконные акты могут менять смысл этих норм и фактически извращать их – никого не интересовало. В Конституционном Суде никак понять не могли, что **всевозможные Приказы, Инструкции, Письма и т.п. устанавливали такие правила, что нормы законов переставали вообще действовать**, как, например, ст.ст. 144, 145 УПК РФ.

В силу ч. 2 ст. 1 Закона «Об антикоррупционной экспертизе нормативных актов и проектов нормативных правовых актов»: «Коррупциогенными факторами являются положения нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов), устанавливающие для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил, а также положения, содержащие неопределенные, трудновыполнимые и (или) обременительные требования к гражданам и организациям и тем самым создающие условия для проявления коррупции».